

**СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЁННОСТЬ
КАК КАТЕГОРИЯ ТЕМПОРАЛИЗМА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

Москва 2017

УДК 316
ББК 60.5
С 40

Авторы:

Н. Божок, Д. Зайцев, Р. Кононенко, П. Красильников, В. Печёнкин, И. Суркова, В. Ярская-Смирнова, Е. Ярская-Смирнова

С 40 Социальная сплочённость как категория темпорализма в контексте современности: коллективная монография / Науч. ред. В. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2017. – 464 с.

ISBN 978-5-00080-087-4

Представлены результаты комплексных, системных подходов к исследованию в рамках концептуального аппарата современной темпоральности категории социальной сплочённости и инклюзивной культуры. Актуальной проблематикой книги авторы занимаются на протяжении многих лет, в том числе в рамках госзаказа и проектов, поддержанных РФФИ. Сплочённость демонстрируется как агрегированный показатель устойчивости, национальной безопасности в контексте неравенства и стремления к интеграции, а социальная инклюзия показана как демократическая акция выхода из сегрегированного пространства в широкое общественное поле. В зарубежном и отечественном социально-проблемном поле обосновано их значение как ресурса социальной политики. Уделено внимание анализу активности времени в поле структурных характеристик виртуальных социальных сетей. Рассмотрены потенциал молодёжной политики и культуры патриотизма сквозь призму движения исторической реконструкции. Привлекаются опыт регионального исследования, интерпретация результатов анализа сплочённости населения в сравнительной перспективе. В книге демонстрируются полевые исследования, а также получают развитие теоретические идеи авторов, ранее представленные в предыдущих публикациях.

Рекомендуется учёным, преподавателям, магистрантам и аспирантам, широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-00080-087-4

© Ярская В.Н., 2017
© Коллектив авторов, 2017
© ООО «Вариант», 2017

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-16-00119, не подлежит продаже*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
 Глава 1.	
Темпоральность как атрибут сплочённости.....	11
Темпоральная основа инклюзивной политики.....	11
Социальное время в контексте неравенства.....	22
Социальная политика как инструмент смягчения неравенства.....	41
Социальная работа на постсоветском пространстве.....	52
Инклюзивная культура социальных служб.....	75
Миграционная мобильность и культурное гражданство...	88
 Глава 2.	
Полевые исследования сплочённости.....	109
Результаты количественного исследования.....	109
Межрегиональные исследования сплочённости.....	131
Методология обработки данных.....	140
Уровень доверия государству.....	167
Динамика социальной сплочённости: вторичный анализ.....	186
Социальная сплочённость в представлениях россиян.....	197
Межстрановые исследования.....	204

Глава 3.	
Сетевые подходы в анализе сплочённости.....	223
Методология темпорализма виртуальных сетей.....	223
Предварительная модель сплочённости.....	237
Структурные характеристики виртуальных сетей.....	252
Пилотная модель и метод RDS.....	272
 Глава 4. Темпоральная сплочённость поколения.....	 279
Принцип инклюзии в работе с молодёжью	279
Ценности молодёжной когорты.....	319
Возрастные границы и образы современности.....	329
Сплочённость в дискурсе культурно-исторической реконструкции.....	341
Патриотизм молодёжной культуры.....	365
Участие молодёжи в митингах, выступлениях.....	386
 Заключение.....	 390
 Список литературы.....	 397
 Приложение.....	 438

ВВЕДЕНИЕ

«Переделывая = переосмысливая Европу: капитализм, солидарности, субъектности», перед нами название 13-й конференции Европейской социологической ассоциации (ESA), которая состоялась в Афинах в конце августа – начале сентября 2017 г. Конференция происходила в эпицентре европейского кризиса, стоял и главный вопрос: как должна развиваться социология? Были представлены 77 стран, десятки исследовательских групп, визуальная секция, социальные ландшафты, пространственное планирование, социальное участие, понимание концепта и контекста городского развития. И все эти направления, обсуждения, так или иначе, могут расширить наше представление и о сплочённости, и об инклюзивной культуре.

Обращение к проблематике инклюзии и сплочённости перманентно в истории человечества и обусловлено их высокой социетальной значимостью. Во времена Рузвельта стала понятной необходимость социальной политики, а в XXI веке заговорили о потребности в социальной инклюзии, сплочённости общества. Стратегии, системы оценки социальной сплочённости и применения инклюзии в социальной политике и образовании активно применяются Европейским союзом с 2000-х годов, а в России научные и аналитические разработки этого вопроса продолжают уже не первое десятилетие.

До сей поры, однако, лица с ограниченными возможностями, люди, страдающие алкоголизмом, без определённого места жительства, дети-сироты, неблагополучные семьи, мигранты в силу социокультурных, экономических причин ока-

зываются депривированными, исключёнными из общественных отношений. Это не способствует ни инклюзии, ни сплочению отдельных групп и индивидов – наоборот, усиливает социальное расслоение, воспроизводство форм социального неравенства, интенсифицирует маргинализацию социальных групп и негативное отношение среды. Подобные негативы детерминированы и несовершенством отечественного законодательства.

Отсутствие эффективного решения проблем людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, способствует росту социальной напряжённости. Социальная инклюзия предполагает включение конкретного человека или группы в широкие социокультурные отношения с целью удовлетворения комплекса потребностей, расширения прав и возможностей для участия во всех формах жизни общества. В глобальной перспективе инклюзия – это инструмент формирования сплочённости в дискурсе прав человека, основ гражданского общества, преодоления дискриминации по полу, возрасту, здоровью, этничности, любым другим признакам. Поэтому выступает актуальным проект исследования механизмов инклюзивной политики в социальной сплочённости регионов, результаты реализации этого проекта и представлены в данной книге¹. На основе анализа теоретических подходов и эмпирических данных концептуализированы выводы и практические

¹ Данная книга продолжает и развивает идеи предыдущего пилотного издания, осуществлённого коллективом в этом же направлении: Социальное время как организатор сплочённости в контексте инклюзивной культуры: состояние, измерение, модель: коллективная монография / науч. ред. В. Ярская. Саратов: СГТУ имени Гагарина Ю.А., 2017. 316 с. ISBN 978-5-7433-3081-2

рекомендации, положение о социальной инклюзии как принципе сплочённости, социальной политики, занятости, миграции, образования.

Результатом выполнения проекта стали публикации, основанные на анализе теоретических источников и данных полевых исследований, они приведены в библиографическом списке. Ряд идей и даже отдельные фрагменты исследования, опубликованные в пилотном издании, мы сохранили и в новой книге. К примеру, описание отдельных этапов исследования по разработке качественной методологии, постановка задачи пилотного анализа, выбор подходов к эмпирическому измерению, выявление содержательных характеристик сплочённости, формирования сетевых сообществ и возможностей их модерирования.

Темпоральный и сетевой подходы обосновываются в русле качественно-количественной микс-стратегии, позволяющей обратить внимание не только на объективные эмпирические данные, но и на ключевые категории темпорализма – память, история, поколение, биография, например, внимание авторов фокусируется на социальной памяти как социокультурном феномене. Категория времени в широком смысле обозначает термин онтологии *темпоральность* – временной атрибут любой формы реальности, то есть временность. Без этой категории не существуют никакие формы и смыслы реальности, интерпретирующие прошлое и ориентированные в будущее. Темпорализм – термин эпистемологии – бытовое, эмпирическое или научное описание представления или теории, концепции, проблемы времени эпохи в индивидуально-персональной или культурно-исторической окрашенности.

Появилась возможность решения задач по выявлению динамики социальной сплочённости, инклюзии, индикаторов

социального доверия населения. Для социальных сетей актуальна идея времени, анализируемая не только в качестве параметра социальной реальности, но и в дискурсе политики памяти, виртуальной реальности. В проблематике измерения многоплановой социальной сплочённости актуализируется индивидуализированный ракурс, оптика малых групп. Уровень социальной сплочённости в российском контексте детерминирован темпоральными особенностями социальной политики, её меры не ориентированы на обеспечение реальной сплочённости общества, а сводится к повышению социального благополучия населения за счет увеличения выплат.

Важно сравнить современные меры социальной политики в постсоветском пространстве, то есть в России и разных странах, в большинстве своём эти меры не направлены на повышение степени сплочённости, а ориентированы на решение конкретных социальных проблем. Задача в том, чтобы осветить инклюзивную культуру как социальную стратегию сплочённости и мобильности, альтернативную препятствиям и социокультурным барьерам социальной политики, противоречивым дискурсам и неравенству. Важна аргументация инклюзивной культуры, идеологии гражданства в подходах к социально неоднородным когортам.

Периодически осуществляемые конференции Европейской социологической ассоциации не могли и, видимо, уже не смогут обойтись без присутствия инклюзии, сплочённости и, конечно же, без самой темпоральности. Так звучат темы конференций прошлых лет: «Будет ли работать Европа» 1999, «Турбулентные времена» 2011, «Кризис, критика и изменения» 2013, «Различия, неравенства и социологическое воображение» 2015, «Переделывая = переосмысливая Европу: капитализм, солидарности, субъектности» 2017. В итоге основная

идея – Европа должна быть переделана, Европейское сообщество под угрозой. Авторитаризм, расизм, ксенофобия, экстремизм, насилие, фундаментализм распространились во всем мире.

Глава 1.

ИНКЛЮЗИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК АТРИБУТ СПЛОЧЁННОСТИ

Темпоральная основа инклюзивной политики

Как же социологический анализ объяснит капитализм, солидарность и субъективность в процессах пересмотра Европы? – спрашивает 13-я конференция ESA. А ведь при всей бесспорности долголетнего лидерства физической теории с точки зрения разработанности и операциональности аппарата темпорального описания реальности, теперь проблема времени находит междисциплинарное раскрытие и решение на пути создания комплексного образа времени. Термин «фактор времени» акцентирует внимание на том обстоятельстве, что темпоральность, время выступает активно действующим свойством процессов, создавая определённый темпоральный фон. Так происходит с инклюзией и социальной сплочённостью, барьеры и трудности их формирования мы видим в зеркале социального времени – особенно в период предвыборной ситуации, когда политические партии демонстрируют себя вне поля сплочённости между собой.

Конкретизацией темпоральных основ сплочённости могут служить инклюзивные и этнокультурные процессы общества и параметры самого времени – ускорение, инверсия, прерывность. Концепция ускорения времени оказывается инструментом анализа: неспособность жить в интенсивном темпе имеет последствия в индивидуальной и коллективной жизни поколения. Рассмотрение соотношения понятий, возможных

систем измерения предусматривает описание социальных акторов, субъектов социальной политики, их роли в формировании инклюзивной модели². Проведение анализа различных подходов к эмпирическому измерению социальной сплоченности, доверия и инклюзии делает возможной интерпретацию локальных данных социологического опроса в ряде российских городов.

Качественное изменение социального времени характеризуется сплочённостью – условием активности совокупности индивидов, ориентированных доверием, направленностью интересов и возможностей. Темпорализм выступает в итоге как новая методология, форма культуры, где время – метод и тема в любую эпоху, любой биографии и любой методологии. Время может быть использовано как социальный фактор в объяснении структуры и процесса; каузальная связь между элементами в социальной теории; количественное измерение между элементами в социальной теории; качественная характеристика их взаимодействия.

Полагали, что первичным звеном в системе формирования социальной сплочённости, так называемым базисным элементом, в настоящее время выступает экономическая, материальная составляющая. Во многом это детерминировано тем, что последние десятилетия человечество стремилось в основном к увеличению объема материальных благ, итогом чего стало общество потребления, а не общество созидания³.

Но на самом деле социальная сплоченность выступает агрегированным показателем устойчивости социальной системы,

² См.: Социальное время как организатор сплочённости в контексте инклюзивной культуры: состояние, измерение, модель / Науч. ред. А.Н.Ярская. – Саратов: СГТУ имени Гагарина Ю.А., 2017. – С. 11.

³ Зайцев Д.В., Зайцева О.В. Социальная сплоченность: опыт социологической рефлексии // Вестник СГСЭУ, 2016. – №4. – С. 35 – 37.

её структуры, доминирующих в обществе социальных процессов. Она предполагает особое состояние представителей общества из разных социальных групп, страт, репрезентирующее уровень доверия, степень удовлетворенности жизнью, чувство социальной причастности, социального согласия.

Социальная инклюзия – сложный путь к сплочённости самых разных когорт, требующий длительного периода согласованных действий социальных агентов. Мы полагаем инклюзивную социальную политику инструментом культурного гражданства, смягчения неравенства признания права на различие и дискурс доверия. Российское общество порой лишено эффективного механизма общественного согласия, отсутствует модель конструктивного сотрудничества. Государственная молодёжная политика, к примеру, нередко сводится к декларациям, демонстративным акциям и спискам мероприятий. Повседневность в работе с молодёжью, интеграция макро- и микросоциологического подходов, изучение зарубежного опыта пока не вошли в содержание молодёжной политики.

Ценность инженерного образования часто рассматривается узкопрофильно, хотя существует и в техническом прогрессе, и в контексте социального дискурса, сплочённости, доверия. Семантика категорий профильного и непрофильного образования, разделение гуманитарной и технической интеллигенции по сути – искусственная консервация неравенства. Социальная политика, нацеленная лишь на решение материальных вопросов отдельных социальных групп, не консолидирует общество, неэффективна с точки зрения сплочённости и социальной безопасности, а социальная работа практически не поддерживается.

Стратегия развития социальной сплочённости, принятая Евросоюзом, имеет многоуровневую структуру. На первом

этапе требуются формулировка стандартов, индикаторов и показателей, проведение мониторинга и оценки состояния социальной сплочённости в обществе. Следующим этапом является разработка целого ряда конкретных мер, способствующих повышению уровня социальной сплочённости. В задачи третьего этапа входит оказание власти и структурам гражданского общества помощи в реализации программы действий, направленной на повышение уровня сплочённости. Социальная сплочённость понимается в документах Совета Европы как способность гарантировать благополучие всем членам общества, минимизируя неравенство и избегая поляризации.

Инклюзивная культура и социальная сплочённость — ключевые понятия для осознания любых форм дискриминации, неравенства, маргинальности, исключения, или эксклюзии. Пока ещё недооценивают значение роли социальной сплочённости и в понимании социальной справедливости, и уровня социального доверия, и конструирования социальной безопасности. Сплочённые общества сохраняют стабильность, пока конфликты и деструктивное поведение не угрожают интеграции. Указанная традиция отталкивается в основном от убеждения, что члены сплочённых обществ разделяют общие ценности, анализируя взаимосвязи между рынком, демократией и сплочённостью., социальной рефлексии этих проблем — в повседневном и научном сознании.

Использование сплочённости как аналитического концепта позволяет включить в анализ не только ценности и установки индивида, группы, сообщества, но и направить исследовательскую оптику на механизмы нарушения и достижения солидарности с помощью соответствующих институтов — нормативных требований к государственным служащим, выра-

ботку соответствующих навыков, развитие способов, препятствующих изоляции и маргинализации уязвимых социальных групп.

Анализ характеристик социальной политики включает целую цепочку понятий: социальное доверие, солидарность, инклюзию, сплоченность. Рассмотрение соотношения понятий, возможных систем измерения предусматривает описание социальных акторов, субъектов социальной политики, их роли в формировании инклюзивной модели. Проведение анализа различных подходов к эмпирическому измерению социальной сплоченности⁴, доверия и инклюзии делает возможной интерпретацию локальных данных социологического опроса, проведенного в нескольких городах России в контексте обоснования и развития инклюзивной социальной политики.

Определение инклюзивной культуры

Время конструирует облик эпохи, обнажая необходимость решения острых социальных проблем. Новый лик времени, его новый образ связан с наступлением инклюзии в современной культуре общества, инклюзивная культура времени прямо выступает против времени расизма. Сегодня это инклюзия в молодежной, социальной, миграционной, образовательной, этнокультурной, семейной политике. Знание причин социального неравенства и способов его преодоления является условием социальной политики, фактором развития инклюзивной культуры, социального равенства. Наша задача – осветить

⁴ Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 4. – С. 41-61.

инклюзивную культуру как социальную стратегию мобильности, альтернативную препятствиям и социокультурным барьерам национальной социальной политики, дискриминации и неравенству. Мы должны аргументировать необходимость инклюзивной культуры, идеологии гражданства как подхода к социально неоднородным когортам, последовательных действий социальных агентов в эпоху текучего времени глобализации⁵. Исследования социальной политики не всегда включают инклюзию как центральную ценность, стремление не только к равенству и свободе, но и к признанию различий.

Вместе с тем в контексте социальной политики инклюзия формируется в профессиональной деятельности в рамках конкретных организаций и широком контексте, со сменой ценностных установок и запросов населения. И здесь приходит уточнение семантики: социальная инклюзия понимается как процесс, независимо от пола, возраста, социального статуса, этничности, требующий усилий в достижении равенства во всех сферах жизни, преодоления бедности и социального исключения. Возможности социального участия при этом можно расширить посредством специальных механизмов, среди которых важную роль играют ключевые социальные институты образования и права, ценности и нормы, в соответствии с которыми строится взаимодействие людей. За рубежом социальная инклюзия стала предметом правительственных докладов, крупных международных исследований, академических изданий. Обсуждение проблемы набирает обороты и у нас, хотя и не в таком быстром темпе. Не привлекаются пока инновационные идеи социологии темпоральности, мобильности и темпорального сознания.

⁵ Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М. Коробочкиной. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.

Признак инклюзивной культуры – умение распознать ситуацию неравенства в социальной сфере: разные шансы, неравный доступ к ресурсам. Инклюзия повседневности в социальной работе представляется в целом ряде аспектов. Например, представим инклюзию как цель социальной политики, элемент профессиональной и организационной культуры социальной службы, а также предмет исследования. Как видим, множество ипостасей и семантических уровней понятия инклюзии говорят нам о содержательном богатстве, которое мы почему-то не замечаем и игнорируем.

Инклюзия может рассматриваться как характеристика повседневных практик, выражаясь в профессиональных компетенциях сотрудников, процессе социального обслуживания, повседневном взаимодействии с сообществом и клиентами. На уровне организации инклюзия представлена в трех аспектах: официальные меры, профессиональная практика и культура взаимодействия участников инклюзивного процесса. Инклюзивная культура укореняется в организации, когда специалисты разделяют ценности прав человека, открытости разнообразию, взаимного обучения и диалога с клиентами.

По материалам интервью со специалистами социальных служб инклюзия в нашем проекте рассматривается в контексте профессиональной культуры и качества социального обслуживания. Ниже мы приведем примеры полуструктурированных интервью со специалистами по социальной работе (N=47, в т.ч. 43 женщины, 4 мужчины) в семи регионах страны в 2013-2014 гг. Анализ данных проводился с помощью программы NVivo. В ссылках на информантов указывается регион (Сибирь, Урал, Поволжье, Центральный округ, Столица, Север и Юг) и номер интервью в базе транскриптов. Наши собеседники – специалисты по социальной работе Центров социального обслуживания, помощи семье, других учреждений

соцзащиты. Они оценили внешние и внутренние барьеры, препятствующие доступу клиентов к социальным сервисам. Типы суждений об инклюзии см. в *Приложении 1*.

Социальная инклюзия – стимул и механизм социальной мобильности. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России реализация стратегических целей предполагается с учетом достижения социального согласия развитие механизмов *социального лифта*, социальной адаптации и поддержки населения, смягчения социального неравенства для социально уязвимых категорий населения.

Инклюзивная культура в социальных службах формируется в уникальном и пока стихийном опыте профессионалов, в каждодневных столкновениях нормативно-правовых рамок и человеческого фактора в реальных случаях работы с клиентами. Контекст развития инклюзии не ограничен рамками организации – это распространённые ценностные установки, ожидания социальных услуг и поддержки, ориентиры социальной политики с приоритетом индивидуальной ответственности.

Итак, обладать инклюзивной культурой значит создавать как антипод неравенства, насилия, демократическая акция реализации права индивида или социальной группы на участие в жизни сообщества предполагает интеграцию сирот, лиц с ограниченными возможностями, этнических, религиозных и прочих меньшинств. Инклюзивная культура – одновременно и рефлексия необходимости, и реальное действие по преодолению неравенства, географических и экономических различий, дискриминации по полу, возрасту, здоровью. Это условие, неотъемлемая характеристика, принцип социальной политики и практики социального государства.

Поскольку категория культуры включает в себя по крайней мере два необходимых семантических комплекса – ценностный и технологический, постольку и понятие инклюзивной культуры двойственно по своему содержанию. Во-первых, это понятие происходит от инклюзии, которая сама по себе – социальная ценность. Во-вторых, это понятие отражает уровень впитывания, включения инклюзии социальными практиками и технологиями, то есть социально-технологическими процессами. Стремление включить, а не исключить (инклюзия vs эксклюзия) должно выступать характеристикой социальной политики, специалистов социальных служб, руководителей ведомств и законодателей. Это интеллигентность – умение уважать и чувствовать в ближнем равного – отличает интеллигенцию от представителей бизнеса, управления, армии.

Недопустимость дискриминации – стержень инклюзивной культуры, включающей антидискриминационный подход, возможность специалистов распознавать неравенство на индивидуальном и институциональном уровне⁶. Государственная социальная политика, за исключением отдельных шагов социальных ведомств и служб, де-факто ориентирована на сегрегацию и изоляцию, коррекционные учреждения, трудоустройство на спецпроизводствах. В результате – оторванность от социальных контактов, низкий уровень образования, конкурентоспособности, заработной платы, невозможность выбора профессий.

Инклюзивная культура осуществляет контроль над соблюдением прав человека в обществе, хотя существует размы-

⁶ Ярская-Смирнова Е. Гендер в дискурсе социальной работы: анализ учебной литературы // Женщина в российском обществе. – 2006. – №3. – С. 17-32.

тость понятий профессиональной этики, применение дискриминирующего языка⁷. При этом перспективы реализации инклюзивного и антидискриминационного подхода в социальной политике зависят от качества подготовки специалистов социальных служб, качества социального образования – преодоление технократизма, переосмысление социальных процессов, возможность адекватной интерпретации социального. В центре этого набора – признание равенства прав и следование этому принципу в повседневной деятельности.

Любое образование нуждается в инклюзии социально-гуманитарного компонента, отхода от архаичности, дефицита знаний и компетенций, агрессии, ярлыков. Воспроизводятся структуры власти в системах образования по принципу *надзирать и наказывать*⁸, тотальная организация, требующая пассивности и подчинения⁹.

Помимо инклюзивного расширения внутренней свободы группы или индивида полезно привлечь понятие мобильности с точки зрения характеристики внешней свободы человека в возможности его передвижения. Свобода передвижения в пространстве и во времени – высшая ценность в новом глобализированном мире, критерий и инструмент социального успеха¹⁰, воспроизводство социальной жизни и культурных форм.

⁷ Ярская-Смирнова Е. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. – 2001. – №5. – С. 87-88.

⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

⁹ Адорно Т. Негативная диалектика / пер. Е. Петренко. – М.: Научный мир, 2003. – С. 137.

¹⁰ Киреева З.А. Развитие сознания, детерминированное временем: монография. – Одесса: Астропринт, 2010. – 380 с.; Макнотен Ф., Урри Д. Социология природы // Теория общества; под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. – С. 262-263.

Сегодня используется понятие «профильная специальность» как соответствие профилю, а точнее – названию вуза, в контекстах поддержки нерыночных целей. За скобками остаются проблемы адекватности номенклатуре специальностей, содержания профессии, необходимости гуманитарной составляющей подготовки. Воспроизводство интеллигенции оказывается под вопросом, конструируется барьер между своим и чужим, интеллигенцией, соответствующей и не соответствующей профилю. Водораздел гуманитарной и технической интеллигенции, профильного и непрофильного образования создаются искусственно как консервация неравенства, технократизма, дискриминации одних и превосходства других¹¹.

Отсутствие инклюзивной культуры в образовании сочетается с неразработанностью межкультурных и междисциплинарных компетенций как профессиональных инструментов. На самом деле именно инклюзивная организационная культура как рефлексивная культура, поощряющая взаимопонимание и принятие разнообразия, привлекает мультидисциплинарные подходы в образовании для полного понимания жизненных ситуаций и социальных проблем в плюралистическом обществе¹².

В случае социальной политики речь идет об инновационных социальных сервисах, с особыми ноу-хау, которые возникают благодаря консультациям и скоординированным действиям, открытости многообразию. И разнообразие

¹¹ Ярская В. Интеллигенция об интеллигенции: отмена гуманитаризации? // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное. Сер. Интеллигенция и современность. Выпуск XIII. Под общей ред. Ж.Тошченко. – М: РГГУ, 2012. – С. 430-442.

¹² Формирование инклюзивной организационной культуры: методологическое руководство / Пер. с англ., 2017. URL: <https://publications.hse.ru/books/204746715> (дата обращения: 17.09.2017).

понимается здесь в культурном, религиозном и языковом измерениях, однако многие идеи и приёмы, решения проблем значимы и в других аспектах: здоровье, гендер, возраст.

Отсутствие инклюзии и сплочённости множества различных направлений наблюдается и в социологической науке. Так, в рамках ESA – около 700 исследовательских сетей (RN), и среди них – различия по дисциплинам, но не по проблемам. Секция по профессиям обсуждала микроуровень профессионального статуса, уровень пространственной мобильности и глобализации ИТ-индустрии, цифровизации и стандартизация как средства профессионализации социальной работы (SW). Сам проект социальной работы как профессии был, однако, представлен через анализ СМИ периода 1992-2015 в контексте изменения политики, практики и обучения SW в современной России. И этот анализ показал, что понятие профессионализма на самом деле подразумевает инклюзивный подход и сплочённость профессионалов, делает упор на социальных работников как заметных деятелей в области социальных проблем.

Социальное время в контексте неравенства

В теории информационного общества фокусируется внимание на двух взаимодополняющих друг друга подходах¹³. Первый связан с категорией социального неравенства по доходу и общественному статусу, при этом глобализация усили-

¹³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения 15.09.2017).

вает тенденции поляризации, роста верхушки и дна социальной шкалы, что может быть предотвращено целенаправленной государственной политикой.

Второй подход относится к социальному исключению, под которым понимается результат ослабления социальных связей, узаконивающих неравную способность индивидов приспосабливаться к быстрым изменениям и вступать в борьбу, когда заметным становится рост благосостояния одних и рост «никому не нужных других»¹⁴. Социальная эксклюзия проявляется в разрыве связей между «людьми как людьми и людьми как рабочими/потребителями в динамике информационного капитализма»¹⁵. Процессы глобализации обострили проблему устойчивого экономического и социального неравенства стран и различных социальных страт, групп («классов») внутри них¹⁶.

За основу модели социального мира берётся многоканальная, многоуровневая система стратификации, которую можно представить в виде многочисленных перевернутых воронок, засасывающих в недра отстающие в экономическом плане государства. Социальные страты попадают в этот процесс, на вершине остаются успешные и богатые люди, а те, кто не попадает под установленные стандарты, уходят на дно.

¹⁴ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. выпуск: Современная французская социология. – 1999. – Т.2. – С. 151 / С. 140-156.

¹⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения 09.09.2017).

¹⁶ Гишинский Я. Два лица экономической свободы. // Экономическая свобода и государство: друзья или враги?: Материалы XI ежегодной межд. конф. «Леонтьевские чтения». – СПб: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2012. – С. 58-75. – С. 63.

В модели не учитывается культурный и религиозный контекст развития, а берутся за основание базовые европейские или американизированные представления.

Проблема социального исключения вышла из рамок индивидуального опыта, когда неудача адаптации и интеграции конкретного человека в социальное пространство представлялась его личной бедой, она стала социальным феноменом, истоки которого находятся в принципах функционирования современного общества, распространяя свою экспансию на все большее число граждан¹⁷. Наихудший сценарий общества, когда некоторые включены в функциональные системы, а другие пытаются дожить до завтра¹⁸.

Возникает парадокс: участие в социальной системе требует от человека личного вклада и приводит к тому, что люди действуют эксклюзивно, а с другой, взаимопроникновение обеспечивает инклюзию¹⁹. Проблема заключена не в отличии людей или страт друг от друга, а неравном доступе к благам, обладания социальными услугами, чувством социальной безопасности, правами политического выбора и участия в гражданских движениях²⁰.

¹⁷ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. – Paris: Seuil, 1974. – P. 171.

¹⁸ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. – М.: Интеллект, 1998. – С. 96.

¹⁹ Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. – СПб.: Наука, 1997. – С. 294.

²⁰ Бородкин Ф. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. – 2000. – №3/4. – С. 5-17.

Социальная эксклюзия конструируется путем маркирования «чужих», за счёт введения или неприятия нормативных предписаний, регулирующих социальные отношения²¹. Когда речь идет о необратимой социальной эксклюзии, люди используют разрушительные, агрессивные стратегии трансформационного поведения, которые могут привести к массовым действиям, влекущим тяжелые социально-экономические последствия, например, война, терроризм, кардинальные протестные акты через голодовку или публичное самоубийство²². Это проявление аномии²³, когда «существует острое расхождение между культурными нормами и целями и социально структурированными возможностями членов групп действовать в соответствии с данными нормами культуры»²⁴. Давление социальной структуры люди переживают по-разному, используя при этом альтернативные способы поведения, обозначенные как конформность, инновация, ритуализм, бегство и мятеж²⁵. Эксклюзия проявляется в различных ипостасях, начиная от военных действий, спровоцированных мятежом, и заканчивая адаптивной конформностью мигрантов, приехавших в поисках лучшей жизни.

Большинство людей стремятся подсознательно или осознанно остаться с большинством, быть признанными «своими», т.е. включенными в социальные структуры общества,

²¹ Шипунова Т. Социальное исключение и воспроизводство преступности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Том VIII. – №4. – С. 120-136. С. 122.

²² Заславская Т. Современное российское общество: социальный механизм трансформации – М.: Дело, 2004. – С. 252-253.

²³ Термин впервые введен Э. Дюркгеймом, см.: Дюркгейм Э. Самоубийство. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

²⁴ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с. – С. 284.

²⁵ Мертон Р. Там же. – С. 255.

получить доступ к тем или иным ресурсам. Через какое-то время границы между социальным исключением и ежедневными практиками выживания стираются, процесс социального исключения влияет и на действительно обездоленных, и те социальные категории, что строили жизнь в борьбе за возможность избежать падения вниз, в мир люмпенизированной рабочей силы и социально недееспособных людей²⁶. В результате социальная эксклюзия попадает в ранг социальной проблемы, т.е. предстает в виде социальных условий, ситуаций или явлений, несовместимых с ценностями значимого количества людей, соглашающихся с тем, что необходимы действия, ведущие к изменению²⁷, что открывает перспективы социальной политике, способной если не искоренить практики социального исключения, то хотя бы амортизировать последствия.

В отличие от функционалистов, конструктивистский взгляд на социальное исключение как проблему предполагает не просто пассивное отражение неизменяющейся реальности, а активную интервенцию в мир, который имеет фокус самого исследователя, его оптику²⁸. Люди наделяют смыслом свой мир, поэтому при определении проблемы в дихотомии инклюзии/эксклюзии на первое место выходит субъективное суждение. Предлагается использовать подход контекстуального

²⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // М.: ГУ ВШЭ, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 23.08.2017)

²⁷ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. – Саратов: СГТУ, 2004. – С. 10.

²⁸ См.: Fuchs St. Ontological and Constructivist Observing. // *Ontologien der Moderne, Innovation und Gesellschaft*. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2013. – P. 15-33.

конструкционизма, в котором делается упор на анализ утверждений-требований через условия, в которых они выдвигались²⁹.

Например, интерес общественности к дедовщине в армии нестабилен – он то подогревается в СМИ, чему свидетельствуют статьи, программы, круглые столы, то предается забвению как несущественное явление в нашей жизни. Мощная кампания с набором утверждений-требований высветила новые аспекты старой проблемы, это попало в мейнстрим военных реформ, что фактически послужило не только изменениям принципов отбора новобранцев в вооруженные силы, но и оказало влияние на формирование новой социальной политики в армии как в отношении солдат срочной службы, контрактников, так и офицерского корпуса.

Социальное равенство важно трактовать в широком смысле как равенство в социальном, правовом, экономическом и ином аспектах. Процессом потребления необходимо грамотно управлять, так как с учетом низкой финансовой просвещенности населения и обывательской психологии он способен стимулировать социальное неравенство. Увеличение степени неравенства происходит, прежде всего, в тех обществах, где проявляется непрофессионализм власти разных уровней в регулировании интересов социальных групп, оказании поддержки и помощи конкретным социальным категориям. В России мы наблюдаем такую ситуацию на фоне систематических многолетних высказываний политиков о необходимости борьбы с неравенством.

²⁹ Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности-II: Хрестоматия; сост. и ред. С.А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. у-та, 2001. – С. 164-175.

Сравнительный анализ мер социальной политики в России и за рубежом традиционно оказывается не в пользу первой. Социальное исключение является важнейшей проблемой и точкой приложения сил социальной работы и социальной политики. Социальная инклюзия означает демократические в своей основе принципы и действия по включению индивида или группы в более широкое сообщество. Это относится к включению лиц с ограниченными возможностями в общий поток социально-образовательного процесса, помощь в преодолении географических неудобств и экономических различий. Сюда можно отнести и преодоление дискриминации по полу, возрасту, здоровью, этничности и каким-либо другим признакам. Чтобы повысить качество жизни инвалидов, сделать их социально активными гражданами страны, нужна полномасштабная реформа российской системы образования, в фокусе этих перемен должно оказаться общее и профессиональное образование инвалидов.

В ряде стран мира внедряются стратегии социальной инклюзии и сплочённости и проводится мониторинг их реализации. Эксперты полагают, что современный экономический и финансовый кризис усилил социальные проблемы в условиях старения населения и интенсификации миграционных процессов³⁰. Политика социальной сплочённости связана с макроэкономикой, транспортом, другими сервисами социальной

³⁰ Robertson D., Hillman J. Widening Participation in higher education for students from lower socio-economic groups and students with disabilities, Report 6 for the National Committee of Inquiry into Higher Education. URL: www.leeds.ac.uk/educol/niche/report. (дата обращения: 25.08.2017); Ruchin V.A. Youth socialization in contemporary Russia: Theory and Practice // Forum of educational administration. National Ping Tong University (Taiwan). – 2012. – №12. – P. 37-74.

инфраструктуры, создающими благоприятную для устойчивого развития социально-экономическую и социокультурную среду. Ключевыми задачами политики сплочённости становятся социальная защита и социальная справедливость, доступ к равным правам для всех, уважение человеческого достоинства и разнообразия, индивидуальная свобода и право каждого на личностный рост, солидарность и участие в демократических процессах.

Взаимное обследование – это ключевой инструмент так называемого социального открытого метода координации ('Open Method of Coordination')³¹, который позволяет организовать открытую дискуссию по политике и практике социальной защиты и социальной инклюзии в различных странах и способствует процессу обмена информацией и взаимообучению. Для стран, принимающих участие в оценивании, появляется уникальная возможность ознакомиться с опытом инновационных программ инклюзии, отразить перспективы адаптации подобных программ в национальных контекстах³². Среди программ, подвергаемых оценкам, есть те, что направлены на инвалидов, мигрантов, меньшинства, социально уязвимые группы женщин и детей, а сфокусированы они на проблемах занятости, социального обслуживания, здравоохранения, образования. Главным акцентом является активная социальная инклюзия, предполагающая участие разных акторов и субъектов социального действия, направленная на достижение ощутимых эффектов.

³¹ Employment, Social Affairs, and Equal Opportunities: Social Protection and Social Inclusion. URL: http://ec.europa.eu/employment_social/spsi/the_process_en.htm (дата обращения: 23.08.2017).

³² Алешина М., Григорьева И. и др. Социальная политика современной России: социологический анализ тенденций инклюзии / под ред. Д. Зайцева, В. Ярской. – Саратов: СГТУ, 2010. – 134 с.

В Российской Федерации такой стратегический документ, как Концепция или Программа социальной инклюзии, пока не разработан, но среди стратегических целей Концепции долгосрочного социально-экономического развития (КДСЭР) страны до 2020 года обозначено стремление к высоким стандартам благосостояния человека и снижению социальной поляризации, среди ключевых понятий – человеческий капитал, социальное равенство и доверие. Методологически важным в Концепции выступает принцип социального благополучия на основе согласия, которое концептуализируется через понятия доверия и ответственности. Авторы Концепции полагают, что значительное снижение социальной поляризации будет достигнуто за счет обеспечения равных возможностей социальной мобильности талантливых представителей всех слоёв, реализации социальной политики и проведения политики, направленной на интеграцию мигрантов. Фактически мы имеем дело с базой политики социальной инклюзии.

Подписанная в сентябре 2008 года Конвенция ООН по правам инвалидов задает соответствующие ориентиры в отношении людей с инвалидностью. Согласно статье 24 Конвенции Россия признает право инвалидов на образование и обеспечивает это право на принципах инклюзии, в том числе чтобы иметь доступ к общему высшему образованию, профессиональному обучению, образованию для взрослых и обучению в течение жизни без дискриминации и наравне с другими. Кроме того, из приоритета «создание условий для интеграции в трудовую деятельность лиц с ограниченными физическими возможностями» следует необходимость развития образовательных услуг на уровне высшего профессионального образования и социальной инклюзии.

Важно подчеркнуть, что это выходит на толерантность и признание человеческого разнообразия: предлагается учитывать многообразие региональных и национальных укладов жизни, речь идет о создании цивилизованных условий труда и жизни для мигрантов, защите гражданских прав. Обсуждается концепт «капитал человеческого многообразия», различия понимаются не только сами по себе как ценный ресурс развития, но и в аспекте необходимых условий реализации разнообразия. Ставят вопрос о том, как адаптировать современные крупные города к изменениям, происходящим вследствие больших транснациональных миграционных потоков, полагая, что необходимо развивать способность общества это разнообразие вместить³³.

Капитал разнообразия, таким образом, – это способность поддерживать устойчивое социальное развитие городов в условиях постоянного притока мигрантов, что требует разработки и поддержания «политики и институтов, которые интегрируют различные группы и культурные практики справедливым образом»³⁴. В создании капитала разнообразия важнейшая роль принадлежит социальной политике и политическому действию, институтам и процессам, посредством которых возникают правила, способы, роли и статусы, нормы и ценности, способствующие аккомодации транснациональных мигрантов в городские сообщества и интеграции разных групп. К таким мерам относились инициативы мультикультурализма в обеспечении городских сервисов на нескольких

³³ Мейлахс П. Капитал разнообразия: не роскошь, а необходимость // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т.1. – № 4. – С. 206-210.

³⁴ Мейлахс П. Там же. – С. 208.

языках, предоставлении права участвовать в городских выборах негражданам³⁵.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России реализация стратегических целей предполагается в условиях интенсивного и инновационного развития социальной политики с учетом требований, как достижение социального согласия, содействие развитию механизмов социальной адаптации и социальной поддержки населения, снижение социального неравенства. Намечено формирование эффективной системы институтов, обеспечивающих содействие социальной адаптации граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию или находящихся в социально опасном положении, в частности, стимулирование занятости женщин, имеющих несовершеннолетних детей и детей-инвалидов; создание условий для интеграции в трудовую деятельность лиц с ограниченными возможностями³⁶.

По сути, основная идея Концепции согласуется с тем, что формирование капитала разнообразия – «не роскошь, а необходимость; в развитых странах, где рост или даже простое поддержание уже существующего уровня жизни экономически немыслимо без притока транснациональных мигрантов, способность городов гармонично абсорбировать новые этни-

³⁵ Rouble B. Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv. – Washington: D.C., Baltimore, 2005. – 392 p.

³⁶ Алешина М., Григорьева И. и др. Социальная политика современной России: социологический анализ тенденций инклюзии / под ред. Д. Зайцева, В. Ярской. – Саратов: СГТУ, 2010. – 134 с.

ческие группы становится важнейшим фактором их конкурентоспособности, а может быть, даже и выживания»³⁷. Социокультурная рефлексия проблемы инклюзии позволяет более рельефно очертить и объяснить истоки и сущность проблемы социальных конфликтов, неравенства в современном российском обществе, а в прикладном, социально-политическом ракурсе выводит на определение возможных путей развития поликультурного общества.

Отметим, что идеи инклюзии выделяют следующие процессы в качестве компонентов эволюционных изменений: дифференциация, адаптивное совершенствование, инклюзия, обобщение ценностей. Задачи интеграции, координации функций меняющейся системы вызывают необходимость инклюзии, включения в систему сообщества со статусом полного членства ранее исключённых групп, которые выработали легитимизированную способность «вносить вклад» в функционирование системы³⁸. Система сталкивается с функциональной потребностью более широкого многообразия входящих в нее элементов. Речь идет о ценностных инновациях, эту мысль можно применить к идее инклюзии в современном контексте.

Социальная инклюзия и сплоченность являются центральными элементами социальной политики прогрессивных стран, необходимыми в создании лучших возможностей для их граждан в сферах образования, переподготовки и трудовой занятости, а также полномочном участии всех людей в жизнедеятельности общества. Ратификация Рос-

³⁷ Rouble B. Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv. – Washington: D.C., Baltimore, 2005. – 392 p.

³⁸ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 2. – С. 114-120.

сией 16.10.2009 года Европейской социальной хартии позволяет заложить правовые основы *социальной сплочённости*. Социальная сплоченность не означает усиления контроля взрослых над молодыми, но предполагает сочетание автономии и солидарности между обществом и молодежью. В этом контексте важную роль приобретает социальная работа с молодежью, востребованная в ситуациях безработицы, школьной неуспеваемости, социального исключения молодых с особыми нуждами, например, инвалидов или мигрантов.

В настоящее время, по данным Всемирной организации здравоохранения, в мире насчитывается более 500 миллионов инвалидов, в России более 11 миллионов, из них – более 5 миллионов инвалидов в возрасте от 20 до 50 лет, подавляющее большинство из которых не трудоустроены, в том числе в связи с невостребованной на рынке труда квалификацией. Однако пройти переподготовку они тоже не могут из-за недоступности рынка дополнительных образовательных услуг, в результате закрепляется оторванность инвалидов от широких социальных контактов, усиливается ограничение круга межличностного взаимодействия, снижается уровень получаемого образования и конкурентоспособность полученной специальности, что влечет низкую заработную плату, не позволяющую вести достойную жизнь³⁹.

³⁹ Романов П., Ярская-Смирнова Е., Вайтфилд С., Келли С. Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации. Анализ основных результатов исследования. М., 2009; Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2007. – 256 с.

24 сентября 2008 года Российская Федерация подписала Конвенцию ООН о правах инвалидов, которая относится к числу многосторонних международных договоров в области прав человека. Вопрос адаптации системы образования к обучению инвалидов требует комплексного подхода, рассматриваться в цепочке дошкольного, школьного и высшего образования. В настоящее время в России признана необходимость расширения доступа социально уязвимых групп к качественному среднему и высшему образованию, а также важность реализации мер по подготовке к поступлению в вуз выходцев из социально уязвимых слоев и созданию максимально благоприятной среды в процессе обучения. Речь идет не только об инвалидах, но и представителях мигрантов, этнических меньшинств, бедных, сельского населения.

В развитых странах мира уделяется большое внимание проблеме обеспечения доступности профессионального образования для инвалидов, в том числе посредством дистанционных технологий. В Финляндии, Норвегии и Голландии более 70% инвалидов приобрели полезные жизненные и профессиональные навыки с использованием компьютерных технологий. Большую эффективность демонстрируют обучающие проекты, использующие компьютерные технологии в рамках дополнительного образования инвалидов. Дистанционное образование – универсальная форма обучения, базирующаяся на использовании широкого спектра традиционных и новых информационных и телекоммуникационных технологий и технических средств.

Инвариантными льготами выступают те, что касаются социально уязвимых групп населения, в отношении которых следует проводить политику расширения доступности, в том числе «дети-инвалиды, инвалиды I и II групп, которым не противопоказано обучение в соответствующих образовательных

учреждениях...»⁴⁰. В некоторых вузах количество заявок на внеконкурсный набор превышает число бюджетных мест, причём сразу на нескольких специальностях. Абитуриенты, претендующие на внеконкурсный набор, сироты или дети-инвалиды, подают заявки на специальности, конкурс на которые высок, по закону вуз обязан зачислить абитуриентов, даже если плохие результаты ЕГЭ.

Важно развести две проблемы: первая состоит в возможной манипуляции системой со стороны абитуриентов, покупающих фиктивные справки, а вторая – в реально низком стартовом потенциале многих абитуриентов из числа социально уязвимых групп населения. Очевидно, если вузы испытывают наплыв «льготников», диагностируется первая проблема, поскольку никаких кардинальных изменений в плане подготовки выпускников интернатных учреждений, детей-инвалидов, обучавшихся на дому, а в редких случаях и в массовой школе, не произошло. По-прежнему уровень подготовки абитуриента с инвалидностью, выпускника сельской школы или сироты зависит от комплекса исключительных условий, в том числе индивидуальной одаренности, усилий родственников или отдельно взятых педагогов.

Отметим, что динамика набора абитуриентов из социально уязвимых групп, в том числе поступающих на льготных основаниях, в вузах учитывается слабо. Подобная статистика в России не фигурирует в рейтингах вузов, в отличие от показателей конкурса и объема внебюджетных средств, тогда как в Великобритании, например, от количества студентов, представляющих социальные группы бедных, мигрантов, инвали-

⁴⁰ Федеральный закон от 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194695/ (дата обращения: 20.08.2017).

дов, а также от наличия программ подготовки этих абитуриентов к поступлению в вуз зависит объем целевого бюджетного финансирования⁴¹. Кроме того, большинство школ и вузов не готовы к встрече с абитуриентами-инвалидами: нет обустроенной среды, специальных программ, рассчитанных на такое обучение. Ведь равные возможности образования совсем не исключают, а наоборот, предполагают создание специальной образовательной среды для инвалидов (персональный наставник-помощник, специальные лифты и транспортеры во всех учебных учреждениях, специализированные клавиатуры для людей с нарушениями зрения или ограниченными возможностями физического здоровья)⁴².

Но пока еще не разработаны единые нормативы организации учебного и реабилитационного процессов, не разработаны механизмы материально-технического, социального, психолого-педагогического, кадрового и реабилитационного сопровождения. Предстоит утвердить государственный стандарт профессиональной реабилитации инвалидов и организовать систему специальной подготовки и переподготовки, повышения квалификации преподавателей в условиях интегри-

⁴¹ Robertson D., Hillman J. Widening Participation in higher education for students from lower socio-economic groups and students with disabilities, Report 6 for the National Committee of Inquiry into Higher Education. URL: www.leeds.ac.uk/educol/niche/report. (обращение к ресурсу 23.08.2017); Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2008. – 162 с.

⁴² Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2007. – 256 с.; Ярская-Смирнова Е., Романов П. Проблема доступности высшего образования для инвалидов // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 48-56.

рованного обучения. Очевидно, вузам следует развернуть более активную деятельность по обеспечению доступности высшего образования для инвалидов, созданию безбарьерной среды и новых технологий обучения. Для этого должна быть разработана концепция федеральной системы интегрированного среднего и высшего профессионального образования инвалидов, а также соответствующее нормативно-правовое обеспечение сопровождения профессионального образования инвалидов и рекомендации по составлению штатного расписания школ и вузов, где учатся инвалиды.

Несмотря на то, что в России замечен прогресс в сфере общего и высшего профессионального образования инвалидов, образовательный выбор абитуриента с инвалидностью весьма узок, а пропорция инвалидов, обучающихся в вузах, сильно отстает от аналогичных данных в развитых странах Европы, в США и Австралии, где число студентов-инвалидов достигает 5% от общего числа обучающихся в вузах). По данным исследований⁴³, существует определенная зависимость между характером обучения инвалидов в средней школе, возможностью получения образования и дальнейшей возможностью работать на должности, требующей высшего образования. Установлено, что диплом о высшем образовании имеет каждый третий инвалид, окончивший обычную среднюю

⁴³ Алешина М., Бычков Д., Галахова А. и др. Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2008. – 162 с.; Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2007. – 256 с.; Зайцев Д., Печенкин В. Проблемы образования в представлениях инвалидов // Социологические исследования. – 2008. – №3. – С. 92-97.

школу (33%), в то время как среди тех, кто оканчивал специализированную школу-интернат, и тех, кто проходил обучение на дому, лишь каждый пятый имеет диплом о высшем образовании.

Среди причин, снижающих социальную активность и конкурентоспособность инвалидов на рынке труда, – барьеры среды, трудности с передвижением, транспортировкой к месту работы, недоступность или неудобство различных объектов социальной инфраструктуры, отсутствие или плохое качество необходимых им технических приспособлений. Жизненные траты инвалидов выше, чем расходы не-инвалидов, им трудно нести дополнительные расходы, связанные с профессиональной подготовкой, а работодатели не принимают инвалидов на работу. Социальная изоляция оборачивается сужением выбора каналов поиска работы и трудоустройства и сокращением шансов для активной жизни. В результате люди с инвалидностью оказываются в ситуации социальной депривации⁴⁴.

Эффективная государственная молодежная политика – один из важнейших инструментов развития страны, роста благосостояния ее граждан и совершенствования общественных отношений. Социальная интеграция молодых инвалидов оказывается среди ее приоритетов, речь идет о вовлечении «в

⁴⁴ Постановление Правительства РФ от 27.12.2000 № 1015 «О федеральной целевой программе «Молодежь России (2001-2005 годы)» // Правовая система «Референт». URL: <http://www.referent.ru/1/66099>. (дата обращения: 17.09.2017).

полноценную жизнь молодых людей, в том числе с инвалидностью, которые испытывают проблемы в процессе интеграции в социум»⁴⁵.

Для молодых инвалидов важнейшую роль играет возможность обучения предпринимательству, раскрытие творческой инициативы, знание своих прав, развитие широкого набора качеств, составляющих основу характера и личности самостоятельного экономического субъекта, что имеет ключевое значение в подготовке молодых людей к работе и повседневной жизни⁴⁶. Ключевым способом социальной интеграции является обеспечение занятости инвалидов на открытом рынке труда⁴⁷. Обсуждаются идеи формирования профессиональных консультантов, ассистентов, способных оказывать молодым инвалидам поддержку в школе, профессиональном учебном заведении, при трудоустройстве, устанавливать контакты с семьей, работодателем⁴⁸. Это могут быть социальные

⁴⁵ Семья Г. Деинституционализация детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России: результаты и перспективы развития // *Защити меня!* – 2009. – № 2. – С. 35-37.

⁴⁶ Гриббен Э. Обучение предпринимательству: задачи и возможности. ЕФО, апрель 2006 г. URL.: [www.etf.europa.eu/pubmgmt.nsf/ \(getAttachment\)](http://www.etf.europa.eu/pubmgmt.nsf/(getAttachment)). (дата обращения: 15.09.2017).

⁴⁷ Синявская О., Васин С. Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью // Семинар ООН «Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью». СПб, 22-24.12.2003. URL: [www.socpol.ru/ publications/pdf/Disability.pdf](http://www.socpol.ru/publications/pdf/Disability.pdf) (дата обращения: 07.08.2017).

⁴⁸ Зайцев Д. Развитие профессиональной коммуникации социальных работников // *Социальная работа в России: тенденции и перспективы*: материалы II межд. конф., 15 октября 2013. – Таганрог: филиал РГСУ, 2013. – С. 74-78.

работники, реабилитологи, специальные педагоги⁴⁹. Проблематика молодых людей с инвалидностью, в том числе по вопросам их дополнительного профессионального образования и трудоустройства, должна быть включена в государственную молодёжную политику.

Опыт реализации отдельных проектов по созданию инклюзивных программ в ряде вузов России позволяет полагать, что образовательная система по основным своим параметрам в принципе готова к развитию таких программ, однако поиск моделей и фундаментальных принципов формирования профессиональных образовательных программ нацелен на погружение в триаду социальных проблем отечественной школы: развитие науки, подготовка кадров, научно-методическое обеспечение профессиональных практик. Инклюзия сегодня с полным правом может считаться одним из приоритетов государственной образовательной политики России, способствуя наиболее полному развитию человеческого потенциала, формированию чувства достоинства и самоуважения и реализации прав человека, основных свобод и человеческого многообразия.

Социальная политика как инструмент смягчения неравенства

Во всех моделях стратификационного анализа одной из

⁴⁹ Енсен Н. Образование молодежи, нуждающейся в особой поддержке // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – Т. 4. – № 1. – С. 77-82.

основных проблем социального неравенства является социальная эксклюзия. В результате именно социальное исключение становится объектом социальной политики, которая направлена на амортизацию последствий социального расслоения общества и последующих сложностей достижения равных возможностей для обладания ценными в обществе ресурсами. Однако современное научное пространство наполнено десятками определений социальной политики, их содержательный диапазон широк, «можно написать целую книгу о социальной политике, не отдавая отчета, какое точное понятие соответствует этим словам»⁵⁰.

Особый интерес представляют разработки, предложившие систематизацию определений социальной политики, взяв за основу цели и средства. Во всех проанализированных дефинициях были использованы различные ключевые концепты: общественное действие; трудовое законодательство и социальное страхование; система общественной и государственной помощи и благотворительности; инструмент, смягчающий негативные последствия рыночного либерализма и реформирования; социальная солидарность и социальная ответственность⁵¹. Представлено видение социальной политики как деятельности государства, экономических структур или гражданского общества по согласованию интересов различных социальных групп и социально-территориальных общностей в сфере производства, распределения и потребления, позволяю-

⁵⁰ Зомбарт В. Идеалы социальной политики // Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – 344 с.

⁵¹ Григорьева И. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. – №1. – С. 29-44.

щей согласовывать интересы этих групп с интересами человека и долговременными целями общества⁵². Деятельность государства конкретизируется в системе мер, направленных на обеспечение общественного благополучия граждан, через перераспределение ресурсов⁵³.

Посредством государственной социальной политики реализуется принцип социальной справедливости, предполагающий определенную меру выравнивания положения граждан, создание системы социальных гарантий и равных стартовых условий для всех слоев населения⁵⁴, обеспечивается прогрессивное развитие социальной сферы, совершенствуются условия, образ и качество жизни людей⁵⁵, повышается солидаризация общества. В некоторых публикациях авторы отходят от классического представления социальной политики в виде деятельности государства, а представляют ее в качестве взаимоотношения социальных групп по поводу сохранения и изменения социального положения населения и составляющих его классов, слоев, групп, социальных общностей (семьи, народы, население города, поселка, региона)⁵⁶.

Эти взаимоотношения могут иметь характер социальной

⁵² Григорьева И., Келасьев В. Теория и практика социальной работы. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 356 с. / С. 121.

⁵³ Hill M. Understanding Social Police. N.Y.: John Wiley & Sons, 2003. 320 p.; Social Policy / ed. by J. Baldock, N. Manning, S. Miller, S. Vickerstaff. N.Y.: Oxford University Press, 1999; Романов П.В., Гатвинский А.Н. Социальные изменения и социальная политика // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. – №1. – С. 45-69.

⁵⁴ Социальная политика современной России: социологический анализ тенденций инклюзии: монография / под ред. Д. Зайцева, В. Ярской. – Саратов: СГТУ, 2010. – С. 5.

⁵⁵ Ахинов Г., Калашников С. Социальная политика: теория и практика. – М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2008. – С. 8.

⁵⁶ Социальная политика / под общ. ред. Н. Волгина. – М.: Экзамен, 2003. – С. 21-22.

сплочённости, когда механизмы социальной политики эффективны, и социальной рассогласованности – при низкой отдаче. Таким образом, благодаря согласованию интересов граждан с целями государства происходит формирование системы гарантий, позволяющей выравнивать стартовые возможности социальных групп или отдельного человека на обладание ресурсами, повышающими качество жизни и уровень благосостояния населения. Практическое воплощение социальной политики осуществляется через разноуровневое взаимодействие государства и социальных групп, государства и отдельной личности, социальной группы и личности по поводу перераспределения общественных благ. Социальная политика обретает идеологическое обрамление, становясь мощным каркасом солидарности и сплочённости, легитимируя ценностные ориентиры, центральное место среди которых занимает социальная справедливость, выполняя функции интеграции общества. Так даётся представление о направлении движения общества, предполагая «формирование общих принципов существования государства»⁵⁷.

Система идей и ценностей, отраженных в программах, задающих цели и вектор общественных преобразований, образуют макроконцепцию актуальной социальной политики, в контексте которой осуществляется социальная работа⁵⁸. Социальная политика ориентирована на проблемы больших групп людей и способствует их социальной включенности, а социальная работа конструирует собственное

⁵⁷ Жирнов Н. К вопросу о возможности органического сочетания идеологии и модернизации // Власть. – 2011. – №5. – С. 45-47.

⁵⁸ Старшинова А.В. Идеология социальной работы: модель развития и функционирования. // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012. 1 CD ROM. – С. 2229-2230.

социальное пространство с помощью различных категорий клиентов, в том числе военнослужащих⁵⁹. Однако идеологии социальной политики и социальной работы имеют множественный характер, они могут конфликтовать между собой, с идеологиями политических курсов, профессиональных сообществ⁶⁰, активизируя извечную проблему человечества – построение идеального государства, в котором будет обеспечено благополучие и достаток всем гражданам. В XX в. на эту роль стали претендовать модели государства всеобщего благосостояния (англо-саксонская традиция) или социального государства (немецкая традиция)⁶¹, в которой гармонично сочетаются принципы рыночной экономики и участие государства в вопросах социального и экономического развития⁶².

Социологический взгляд на развитие социальной поли-

⁵⁹ Суркова И., Ярская В. Новый феномен российской культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – №3. – С. 203.

⁶⁰ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С.80; Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики нашего дня // Вопросы философии. – 1997. – №11. – С. 55-72.

⁶¹ Бурджалов Ф. Экономическая роль социальной деятельности государства. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 6.

⁶² Сидорина Т. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – №3. – С. 84-99.

тики в социальном государстве предложил Т. Маршалл в теории гражданства⁶³. Он выстраивал свою концепцию, опираясь как на модели стратификации общества, так и на перспективы социальной политики. Основная идея заключалась в том, что гражданам необходимо обеспечить минимальную социальную поддержку, позволяющую уравнивать статусы, при этом категория дохода отходит на второй план, уступая первенство снижению рисков и неопределенностей людей, занимающих низшие ступени социальной стратификации. Осуществить это возможно через универсализирующие принципы социальной политики как деятельности государства по социальному обеспечению граждан, выраженной через систему социального страхования, социальной помощи, здравоохранения, жилищной политики⁶⁴. Социальное равенство в данном контексте достигается с помощью реализации гражданских, политических и социальных прав. Движение за социальные права, противостоящее рыночному и классовому принципам функционирования общества, становится движением за новое понимание самого гражданского общества, что актуализирует становление современного социального гражданства⁶⁵ и обеспечивает высокий уровень социальной сплоченности общества.

Однако идеи о том, что щедрые социальные выплаты позволяют преодолеть бедность, и его вера в нуклеарную семью как надежную опору благополучия государства подверглись

⁶³ Marshall T.H. *Citizenship and Social Class. // Inequality and society*; ed. by J. Manza, M. Sauder. N.Y.: W.W. Norton and Co, 2009. P.148-154 (впервые опубликовано: 1950).

⁶⁴ Marshall T.H. *The Right to Welfare and Other Essay*. – London: Heinemann Educational Books, 1981. – P. 12.

⁶⁵ Мюрберг И.И. Т. Маршалл и концептуальная история режимов гражданства // Политико-философский ежегодник. – 2010. – №3. – С. 82-95.

критике⁶⁶, поскольку кризис кейнсианской модели развития повлек за собой «неуклонный демонтаж государства всеобщего благосостояния, глубоко эшелонированный идеологически»⁶⁷. Речь идет скорее не о коллапсе, а о кризисе социального государства, которое осталось фантомным проектом идеального мира, не проявившись в реальном воплощении государства-идеала.

Для теоретического осмысления тандема социальной стратификации и социальной политики важной представляется концепция Г. Эспинг-Андерсена, в которой центральное место отводится режимам социального обеспечения. Государство всеобщего благосостояния, по его мнению, реализовалось как система стратификации, активная сила, упорядочивающая социальные отношения в трех основных режимах: либеральном, консервативном и социал-демократическом⁶⁸. Либеральный тип системы социальной защиты осуществляется по принципу «адресной помощи» бедным и малообеспеченным слоям населения, которые не могут использовать рыночные возможности для своего проживания.

Консервативный тип предполагает высокий уровень социальной защиты, основанный на реализации отдельных программ для профессиональных и статусных групп с ориентацией на трудовой вклад, при этом главная цель – не перераспределение доходов или ликвидация бедности, а сохранение социального статуса, достигнутого в течение трудовой

⁶⁶ Roche M. Rethinking Citizenship, Welfare Ideology and Change in a Modern Society. Cambridge: Polity Press, 1992. – 410 p.

⁶⁷ Малахов В. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Гражданство и гражданское общество. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2011. – С. 7-50. С. 14-15.

⁶⁸ Esping-Andersen G. The Tree Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990. – 248 p. / P. 53.

жизни⁶⁹. Социально-демократический тип предполагает универсальный подход, основанный на правах гражданства, в соответствии с которыми каждый имеет право на гарантированные государством льготы. «Чистые типы» государств всеобщего благосостояния сложно идентифицировать, поскольку в реальности существуют лишь гибридные формы⁷⁰.

Исследования показали, что в конце 1980-х годов наша страна тяготела к социально-демократической модели, но под давлением монопартийности социалистического режима социальная политика характеризовалась иерархичностью и консервативностью. Под воздействием различного уровня трансформаций, бюрократической рационализации, смены идеологий, формирования рыночных отношений, децентрализации и развития институтов гражданского общества российская социальная система серьезно трансформировалась⁷¹. Несмотря на это, как пишет Л. Якобсон, уместнее говорить о незавершенном и непоследовательном процессе становления социального российского государства, что затрудняет определение исходного пункта эволюции социального режима⁷².

⁶⁹ Джеймс Э., Сайлер М., Мугон П., Якушев Л. Международный опыт в области социальной защиты // Проект Тасис Реформа системы социальной защиты в Российской Федерации. М., 1994. URL: http://pension-reform.ru/files/6106/models_ss_94.pdf. (дата обращения: 16.09.2017).

⁷⁰ Arts W., Gelissen J. Three worlds of welfare capitalism or more? A state-of-the-art report // Journal of European Social Policy. – 2002. – №12. – P. 138-159.

⁷¹ Ярская-Смирнова В. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблема анализа // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т.1. – №1. – С. 11-28.

⁷² Якобсон Л. Социальная политика: коридоры возможностей // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 52-66.

Несмотря на различные, порой весьма критические оценки политики государства всеобщего благосостояния, человечество обрело опыт разрешения противоречий экономического развития, решения социальных проблем, обеспечения социальной стабильности на основании принципов справедливости и солидарности, навык разработки социальных программ. К сожалению, обретя долгожданное благосостояние, люди попали в сети потребления, при этом произошло падение конкурентоспособности и рост социального иждивенчества, в результате чего не удалось исключить из политических постулатов социальный контроль⁷³. Серьезные испытания выпали на долю социальных государств в результате процессов глобализации, которые принесли с собой угрозы социальной стабильности, проявляющиеся в экологических изменениях, террористической активности, росте национализма, экспансии потребительства и стандартизации, усугублении социальной дифференциации.

Пугающими последствиями глобализации станут *«невостребованные значительные массы людей, лишённые привычных мест обитания, привычного образа жизни, лишённые уверенности в надёжности и стабильности жизни, с ограниченными возможностями потребления, ограничением доступа к возможным благам и услугам, с неизбежностью в перспективе, обслуживаемые по остаточному принципу, как бал-*

⁷³ Сидорина Т. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – №3. – С. 97.

ласт в условиях усугубляющейся поляризации мира и его населения»⁷⁴. С утратой социальной поддержки в случае конца государства всеобщего благосостояния люди, которые не смогут следовать постоянным изменениям, модернизировать свою квалификацию, выпадают из конкурентной борьбы, цепляясь за свои позиции и ожидая новых неприятных для себя изменений, связанных с уменьшением размера среднего класса, к которому, возможно, они себя относили⁷⁵.

Национальные социальные политики перестали отвечать современным запросам, поскольку пространство мобильности выходит за границы государств, и гражданство теряет смысл. Люди начинают делиться по доступу к глобальной мобильности, становясь «туристами», осуществляющими передвижения по желанию, и «бродягами», которым свойственно вынужденное перемещение⁷⁶. В результате идет запрос на формирование системы мировой социальной политики, которая сможет адекватно отвечать на вызовы глобализации. Ее реструктуризация должна происходить в соответствии с ценностями постиндустриального общества и ориентироваться на концепцию социальной справедливости, при этом центральное место будет занимать стремление к регулярной занятости, что связано не только с получением дохода, но и с такими категориями, как социальный статус, престиж, безопасность, общение, участие в

⁷⁴ Сидорина Т. Социальная политика в условиях социального неравенства: перспективы глобализации // Модернизация экономики и глобализация: материалы IX Межд. науч.-практ. Конференции. – М., 2008. URL: http://conf.hse.ru/2008/kniga3_2008 (дата обращения: 16.09.2017).

⁷⁵ Шкаратан О., Инясевский С. Новый средний класс на Западе // Общественные науки и современность. – 2007. – №4. – С. 49-66. / С. 62.

⁷⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.Коробочкиной. – М.: Весь Мир, 2004. – С. 133.

коллективной деятельности⁷⁷. Мировоззренческий релятивизм, виртуальная экономика, атомизированная структура общества оправдывают получение социального статуса через доступ к ресурсам и степень встроенности клиента, при этом образовательные и профессиональные навыки нивелируются⁷⁸.

В контексте активизации потенциала социальной мобильности социальная политика представляет собой особую, функционально значимую сферу социальной деятельности, имеющую своим содержанием целенаправленное, организованное регулирование социальных отношений, осуществляемое заинтересованными общественными субъектами в направлении формирования устойчивой, сбалансированной структуры общества посредством создания условий для индивидуальной и коллективной центростремительной социальной мобильности. В результате достигается оптимальный уровень социального неравенства и формируются необходимые условия для воспроизводства и развития человеческого капитала⁷⁹. Целью социальной политики представляется общее

⁷⁷ Люблинский В. Социальная политика в условиях глобализации: опыт развитых стран // Политические исследования. – 2008. – №6. – С. 130-146; Ferrera M., Hemerijck A. Recalibrating Europe's Welfare Regimes // Governing Work and Welfare in a New Economy. European and American Experiments / ed.by J. Zeitlin, D.M. Trubek. N.Y.: Oxford University Press, 2003. – P. 88-128 / P. 92.

⁷⁸ Белов В. Идеология и социальные вызовы современной национальной политики // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2010. – №3. – С. 82-93.

⁷⁹ Константинова Л. Интерпретация социальной политики в контексте социального неравенства. // Вестник Поволжской Академии государственной службы. – 2011. – №4. – С. 87-94. / С. 93.

благо, связанное с возможностью реализации прав в концепции «справедливого общества»⁸⁰.

Так, обосновывая легитимность общественного сосуществования, О. Хеффе утверждал, что право, в том числе и в системе социального обеспечения, «должно быть защищено общественным порядком – а значит, принять облик справедливого государства»⁸¹. А. Сен, в свою очередь, трактует социальную справедливость и развитие общества через свободу, которая не только встраивается в шкалу успешности – не успешности, но и определяет уровень индивидуальной инициативы и эффективности общества, причем расширение свободы усиливает способность людей помочь самим себе⁸². От эффективности социальной политики во многом зависит конфликтное или партнерское наполнение социального времени и социальная безопасность, которая уже не связывается только с военной мощью государства. Неудовлетворённые слои населения становятся носителями угрозы стабильности общества, являясь питательной средой для экстремизма, этнических и религиозных конфликтов, терроризма и преступности⁸³. Социальная политика должна стать «приватизированной», когда человек сам будет «совокупностью защищающих

⁸⁰ Канарш Г. Концепция «справедливого общества» в гуманитарных науках. // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2007. – №1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Kanarsh/> (дата обращения: 20.09.2017).

⁸¹ Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М.: Гнозис; Логос, 1994. – С. 11-12.

⁸² Сен А. Развитие как свобода / под ред. Р. Нуреева. – М.: Новое изд-во, 2004. – 431 с.

⁸³ Каргалова М. Социальная политика как один из инструментов построения системы европейской безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2006. – №19. – С. 13-15.

его от опасностей резервов, которыми он располагает, либо просто в индивидуальном порядке, либо через взаимопомощь»⁸⁴. Этот необходимый ресурс инклюзии и поддержания социальной сплочённости в обществе реально сможет противостоять обострению социальной эксклюзии и неравенства.

Социальная работа на постсоветском пространстве: профессиональные проекты

В тексте обсуждается ряд общих и уникальных особенностей развития социальной работы в постсоциалистических странах. На основании изучения доступной литературы и личных сообщений с экспертами по социальной работе представлены данные о роли государственных и неправительственных организаций в предоставлении услуг, образовании и возможностях обучения, о статусе социальных работников. Во время перехода к рыночной экономике и демократии быстрое и глубокое изменение экономической и политической систем связано с драматическими потерями для многих групп населения, что вызвало сопротивление этим изменениям (Freed 1995, p. 40). Бесплатное образование, общественное здравоохранение и социальные льготы, которые десятилетиями считались жизненным фактом в Советском Союзе, стали объектом глубокой ностальгии и разочарований для многих людей, особенно для пожилых людей.

Беларусь, Молдова, Украина и Россия. Социальная работа была очень новой профессией в России и в других бывших советских республиках. В качестве образовательной программы социальная работа была импортирована сюда с Запада

⁸⁴ Фуко М. Рождение биополитики. – М.: Наука, 2010. – 448 с.

силами университетов, отдельных ученых и практиков социальной работы, которые стали участвовать в различных формах сотрудничества, обмена знаниями, академической мобильности, создания совместных программ. Местные ученые активно участвовали в таком сотрудничестве, в то время как правительственные учреждения и администраторы социальных служб сыграли важную роль в расширении опыта в области практики.

В *Беларуси* образование в социальной сфере осуществляется филиалом Российского государственного социального университета в Минске с 1998 года, а несколько национальных университетов предлагают пятилетние дипломные программы, а некоторые университеты предлагают годичную программу на степень магистра в области социальной работы (социальная педагогическая деятельность) и социальной педагогики. Социальный работник здесь определяется Законом о социальной службе (2000) как специалист с соответствующей квалификацией, который соответствует требованиям и характеру работы, а также обязывает предоставлять социальные услуги по личным качествам. Социальная работа включена в национальный реестр рабочих мест и профессий. В 1997 году *Молдова* начала образование в области социальной работы на уровне бакалавриата, а в 2007 году МА начала работать в Государственном университете в Кишиневе.

В *России* первые четыре университета начали преподавать курсы социальной работы в 1991 году, и к 2011 году число университетских программ социальной работы составило 175, и они охватывали всю страну. Кроме того, в социальной педагогике было 115 университетских программ. В настоящее время все университеты участвуют в процессе трансформации в систему Болоньи, переходящей на 4-летний уровень бакалавра (1992 год) и двухгодичный уровень (1996

год), но многие из них по-прежнему продолжают предлагать традиционные пятилетние дипломные программы «специалистов» в социальной работе» (1991).

У выпускников таких программ есть определенные проблемы на рынке труда. Из-за низких зарплат, предлагаемых квалифицированным социальным работникам, молодые выпускники университетов выбирают для себя другую работу. В России нет специального правового регулирования практики профессиональной социальной работы. В Законе о базовых социальных услугах (1995 год) использовался термин «работники социальных служб», а в новом Законе о социальном обслуживании № 442 ФЗ, вступившем в силу в 2015 году, термин «поставщики социальных услуг». Термин «социальный работник» новым законом не определяется.

В начале 1990-х годов в России были созданы четыре профессиональные ассоциации: Ассоциация социальных работников, Ассоциация социальных педагогов и социальных работников, Ассоциация социальных работников, Ассоциация работников социальных служб, Ассоциация школ социальной работы; создано несколько журналов по социальной работе. С 2001 года Союз социальных педагогов и социальных работников действует как национальная ассоциация с более чем 4500 членами в 70 регионах Российской Федерации. Он активно содействует повышению престижа социальной работы и созданию национального сообщества практиков, администраторов и педагогов социальной работы, но не обладает полномочиями по саморегулированию и лицензированию.

В 2000-х годах государственные и муниципальные социальные сервисы в России преобладали. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» реформировал логику организации сферы соци-

ального обслуживания в стране. Законом предоставляется возможность передать часть гарантированных государством социальных услуг негосударственным агентам – некоммерческим, благотворительным организациям и бизнесу, которым будет выделяться государственное финансирование. Новая концепция предполагает, что появление рынка социальных услуг может привести к приходу новых игроков и возникновению конкуренции между поставщиками социальных услуг. Тем самым может быть снижена стоимость услуг, что будет способствовать сокращению бюджетных расходов в отрасли, а вот качество и доступность социальных услуг вырастут. Кроме того, Федеральным законом № 287 от 3.07.2016 установлен статус НКО как исполнителя общественно полезных услуг. НКО, включающиеся в специальный реестр, имеют право получать государственную финансовую, имущественную, информационно-правовую и методическую поддержку в течение двух лет.

Это означает, что неолиберальная идея о новом социальном менеджменте вошла в сферу социальных услуг, а правительство намерено сделать отношения между гражданами и государством более эффективными. Новые законы открывают возможности для неправительственных организаций конкурировать за бюджетное финансирование с муниципальными службами. Однако данный процесс ограничен слабой базой знаний о методах работы с клиентами и стандартным регулированием в этой области, отсутствием навыков управления проектами и оценки многими муниципальными и неправительственными организациями.

Практики и администраторы социальных сервисов в России не всегда знакомы с концепцией и принципами расширения прав и возможностей, важным компонентом образования в области социальной работы. Чтобы мобилизовать ресурсы

местных сообществ, помочь уязвимым группам в полной мере реализовать свое социальное гражданство, социальным работникам необходимо сотрудничать с неправительственными службами. Некоторые неправительственные организации, которые выросли из ассоциаций пользователей услуг и движения на низовом уровне, приняли эмансипаторную точку зрения в своей работе. Число таких организаций довольно ограничено и нестабильно из-за экономической и политической ситуации в России, где привлечение иностранных доноров не поощряется, в то время как национальные фонды для поддержки негосударственной деятельности недостаточны⁸⁵.

В *Украине* образование в социальной сфере началось с 1991 года, когда Государственный комитет по труду основал исследование на уровне бакалавриата со степенью «социальной работы» и «социального педагога». Первая магистерская программа была открыта в 1995 году. Приблизительно 50 университетов и колледжей предоставляют программы в области социальной работы и социальной педагогики (USAID 2008). Социальная работа с детьми, молодежью и семьями практикуется в Центрах социальных услуг для молодежи с 1992 года. В 2001 году социальная работа была определена в законах о социальной защите. В Законе о социальной работе с детьми и молодежью (2001 год) и в Законе о социальных услугах (2003 год) социальный работник определяется как специалист, который предоставляет ряд социальных услуг, отвечающих потребностям своих клиентов, направленных на улучшение ка-

⁸⁵ Yarskaya V. Social Cohesion: the Experience of Regional Studies / V. Yarskaya // Contemporary preoccupations of Social And Human Sciences in the context of mentality transformation. – December 11-12th, 2015, Moldova, Chisinau, ULIM.

чества жизни и защиты прав лиц, находящихся в уязвимом положении⁸⁶. После «оранжевой революции» в 2004 году министр по делам семьи, молодежи и спорта ввел в жизнь новые альтернативы семейным альтернативам институционализации детей в рамках нового законодательства.

Национальные стандарты социальной работы в настоящее время разрабатываются Министерством социальных услуг для семьи, детей и молодежи. Это рассматривается как открытие перспектив повышения престижа профессии социального работника (USAID 2008). Общественные организации, НПО и церковь участвуют в предоставлении социальных услуг. В Украине нет системы сертификации социальных работников. Никакой диплом не требуется в НПО или церквях, не всегда в общественных организациях. Большинство руководителей социальных служб были связаны с другими профессиональными полями (Batori-Tartsi 2012). Тем не менее, признается важность профессионального образования, и в системе социальных услуг стали использоваться больше специалистов социальной работы. Практики проводят исследования в университетах или ведут учебные курсы при поддержке международных и национальных фондов (ibid.).

Возрождение общественной мысли в странах бывшего СССР осуществлялось при поддержке национальных и международных фондов, шло оживленное общественное обсуждение вопросов социального неравенства, социальной изоляции и социальных проблем, а также через деятельность университетских отделов и независимых исследовательских и учебных центров. С помощью международных фондов через местные неправительственные инициативы и университеты

⁸⁶ USAID (2008): Social Work Education and the Practice Environment in Europe and Eurasia. communities.usaidallnet.gov/st/node/6. – P. 27 (accessed 20.02.2017).

были предприняты важные шаги по подготовке первых социальных работников.

Центральная Азия. Краткая история профессии в Центральной Азии показывает своеобразное развитие, основанное на сочетании местных традиций и современных академических и практических моделей социальной работы и социальной политики⁸⁷.

Казахстан стал самой экономически развитой и политически стабильной страной в регионе⁸⁸. С 1992 года термины «социальный работник», «специалист в социальной работе», «социальный педагог» были включены в национальный реестр профессиональных квалификаций. Одновременно было открыто пятилетнее образование в области социальной работы, и с тех пор, как республика принимает участие в Болонском процессе, в настоящее время проводятся курсы социальной работы на уровне магистров (2006), BA (2008) и PhD. По всей стране в настоящее время 22 университета имеют один или несколько уровней социальных исследований. Большинство должностей для выпускников открыты в центрах социальных услуг и психолого-педагогической помощи, в центрах занятости и реабилитации, государственных ведомствах, школах, медицинских центрах. Тем не менее, низкие зарплаты часто препятствуют выпускникам университетов заниматься социальной работой.

⁸⁷ Ganieva, M./Kim, L. (2011): The Development of Social Work in Uzbekistan: Characteristics, Challenges and Successes, In: Stanley, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 580-598.

⁸⁸ Thorning (2012): Thorning, H., Shibusawa, T., Lukens, E., Fang, L. Developing a Train-the-Trainer (TTT) model for social work education in Kazakhstan. In; International Social Work May 22, 2012 (online version)

Ассоциация социальных работников Казахстана (2004 г.) и Ассоциация социальных работников и волонтеров (2006 г.) проводят тренинги, семинары и конференции по социальной работе. В настоящее время система социальных услуг проходит модернизацию. В основном социальная работа ведется в государственном секторе, но частная практика растет. Религиозные организации предоставляют благотворительность. В дополнение к таким традиционным группам клиентов, как инвалиды и пожилые люди, дети, оставшиеся без попечения родителей, были также предоставлены новые услуги для лиц, переживших насилие в семье, бывших заключенных, детей и подростков в беде, молодежи есть некоторые ограничения из-за финансовых рамок и некоторых законодательных противоречий. Эксперты отмечают некоторые проблемные точки в межсервисном и межсекторном сотрудничестве в отношении практики и обучения, высокий уровень бюрократизации, особенно в государственном секторе⁸⁹.

В *Кыргызстане* университетское образование по социальной работе было создано как пятилетнее исследование в 1994 году, и к настоящему времени существуют программы ВА (2006) и МА (2008) в семи неформальных исследованиях. Официально социальная работа в качестве профессии была зарегистрирована правительством в 1998 году по инициативе Ассоциации социальных работников и Министерства труда и социальной защиты. Функции социальной работы описаны в Законе о социальных услугах (2001 год) и Кодексе о детях (2006 год). Хотя термин «социальная работа» там не исполь-

⁸⁹ Mukhtarova, S./Kozhamkulova, L./Sudakova, G. (2012): personal email communication, July 2012.

зуется, в Законе излагаются критерии для лиц, которые предоставляют ряд социальных услуг, подчеркивая важность степени высшего образования в соответствующей области. Стандарты для социальных работников были разработаны, но они применяются только к работникам льгот. Общественные социальные услуги предоставляются пожилым людям, а услуги для детей и семей предоставляются неправительственными организациями при поддержке международных фондов и муниципалитетов.

Ассоциация социальных работников Кыргызстана была создана в 1998 году и сегодня имеет полное членство в IFSW. Ассоциация имеет финансируемые на международном уровне проекты по защите детей и социальной работе с Министерством труда и социальной защиты. Они также публикуют ежемесячный бюллетень «Социальный работник» (USAID 2008⁹⁰). Ежемесячная зарплата социального работника низкая; другие проблемы связаны с отсутствием сотрудничества между агентствами, общественными и неправительственными организациями, утечками в правовая база социальных услуг, ограниченные финансовые ресурсы правительства, нехватка квалифицированного персонала и системы оценки качества, а также низкий социальный статус сотрудников социальных служб⁹¹.

В *Таджикистане* в 2009 году началось профессиональное образование студентов социальной работы. В том же году по инициативе выпускников программ социальной работы в США, которые обучались в США при поддержке OSI. Отсутствуют учебные и учебные материалы, практические пособия

⁹⁰ USAID (2008): Social Work Education and the Practice Environment in Europe and Eurasia. communities.usaidallnet.gov/st/node/6. – P. 20 (accessed 20.02.2017).

⁹¹ Orozova, R. (2012): personal email communication, July 2012.

на родном языке. Средняя зарплата социального работника довольно низкая⁹². Министерство в сотрудничестве с ЮНИСЕФ и ЕС работает над созданием национального ресурсного центра по социальной работе и моделированию практики социальной работы в области благосостояния детей⁹³.

Правительство *Туркменистана* одобрило Социальный кодекс в 2007 году, который предусматривает главным образом три вида социальных услуг, предоставляемых уязвимым гражданам: услуги по уходу за детьми для инвалидов и одиноких пожилых людей, детские сады и уход за детьми. Согласно Кодексу, социальные услуги могут предоставляться как государственными, так и неправительственными организациями. Общее число лиц, проживающих в учреждениях, сравнительно невелико. Это тесно связано с туркменской традицией, где расширенная семья по-прежнему распространена, особенно в сельской местности. Обычно принято заботиться о пожилых и членах семьи инвалидов в семье (ПРООН в Туркменистане). Существует недостаток услуг для людей с ограниченными возможностями, детей, и нет специального образования для социальных работников. Образование в области социальной работы и профессия социальной работы только начинают появляться, прежде всего, через международные НПО, ПРООН и ЮНИСЕФ⁹⁴.

⁹² Kurbanbekova, Z. (2012): personal email communication, July 2012.

⁹³ Worrall, J. (2011) The International Transmission of Social Work Knowledge: The Deinstitutionalization of Children in Tajikistan. In: Stanley, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 525-541.

⁹⁴ USAID (2008): Social Work Education and the Practice Environment in Europe and Eurasia. communities.usaidallnet.gov/st/node/6. – P. 26 (accessed 20.02.2017).

В *Узбекистане* социальные работы начали развиваться с 1998 года, когда он был внесен в Национальный реестр образовательных программ. 4-летняя образовательная программа была создана в 2004 году в Ташкентском государственном институте культуры, которая теперь предлагает программы ВА и МА, а также учебные курсы в сотрудничестве с UNICEF среди других четырех программ ВА в стране. Учебные курсы были предоставлены для специалистов системы защиты детей с 2007 по 2010 год Национальной академической группой, Институтом культуры и Республиканским центром при поддержке ЮНИСЕФ (Ганиева / Ким 2011). Официально позиция «социального работника» существует только в детских домах и домах семейного типа, она также внедряется в Центр социальной адаптации детей (2010 г.), а также в детские дома для детей (2012 г.). Социальные работники по уходу за пожилыми людьми официально не обучены. Социальные услуги в целом и социальная работа, в частности, предоставляются в основном государственным сектором. Роль государства является доминирующей в области поддержки семьи и защиты детей. Но некоторые социальные работники также нанимаются НПО для прямых услуг (например, SOS Children Villages в Узбекистане, кризисные центры и т.д.). Социальный статус профессии все еще низкий. Средняя зарплата ниже прожиточного минимума. За некоторыми исключениями, профессия не входит в рабочие места во многих социальных службах. Существует недостаточная осведомленность о профессиональных компетенциях в социальной работе, а также отношении профессии, поскольку домашние работники без академического образования широко распространены. Отсутствует общественное признание профессии, понимания, приверженности и ресурсов для развития социальных услуг. Таким образом, социальная работа как профессия зависит от международных доноров, с

одной стороны, и от государственных заинтересованных сторон от другой, в то время как последняя часто в основном основана на личном участии и поддержке отдельного высокопоставленного государственного должностного лица⁹⁵.

Кавказ. На Кавказе развитие социальной работы носило разный характер. Последствия социально-экономических переходов, локальных войн и стихийных бедствий для многих групп населения заключались в увеличении масштабов нищеты и безработицы во многих случаях, за которыми следуют нарушения прав человека, рост смертности и углубление социального неравенства. В этих условиях правовые основы и профессиональное образование и профессиональная подготовка для профессии социальной работы были (или начали формироваться) благодаря усилиям правительств, университетов, международных организаций и фондов, а также местных НПО.

В *Армении* корни социальной работы создаются в ответ на разрушительное землетрясение 1988 года. Первые курсы социальной работы преподавались здесь с 1992 года. Профессиональное образование существует сегодня на уровнях бакалавриата (1996), MA и PhD (2000), а также на одном дипломном дипломном году. Законодательство о социальной защите включает Закон о социальной работе (2005 г.) и Кодекс этики (2008 г.), который устанавливает требования к квалифицированному специалисту по социальной работе. Практика социальной работы хорошо интегрирована в типовые государственные и частные программы (USAID 2008). В настоящее время он относительно хорошо развит в области защиты детей

⁹⁵ Ganieva, M./Kim, L. (2011): The Development of Social Work in Uzbekistan: Characteristics, Challenges and Successes, In: Stanley, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 580-598.

– детских домов, детских садов, региональных отделений по защите детей и домов престарелых. Он все еще находится в процессе развития системы здравоохранения и образования⁹⁶.

В *Азербайджане* курсы по социальной работе были предложены в Государственном университете с 1990-х годов, но правительство скептически относилось к возможному положительному воздействию этой профессии на социальные проблемы и институционализации социальной работы, поскольку профессия была отложена. Постепенно понимание меняется с влиянием местных академических и квалифицированных специалистов, а также международных экспертов. В настоящее время образование в области социальной работы существует на уровнях МА (2005) и ВА (2008). К 2012 году семь университетов предлагают степень социальной работы⁹⁷. Государственная программа по деинституционализации и альтернативной помощи детям (2006-2015 гг.) Способствует официальному признанию роли социальных работников).

В 2011 году закон о социальных услугах был одобрен парламентом, который требует наличия профессиональных социальных работников и создания социальных услуг. Хотя некоторые выпускники программы МА могут найти более высокие зарплаты в сфере социальной работы, в целом, в *Азербайджане* сотрудники социальных служб имеют низкую зарплату и низкий статус. Семейные традиции очень сильны, а

⁹⁶ Khachatryan, A. (2011): Social Work Education in Armenia. In: Stanly, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 1-11.

⁹⁷ Rajabov, T. (2011): Social work in Azerbaijan: development in the post-Soviet era. In: Stanley, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 13-25.

культурные барьеры мешают специалистам работать с семьями и детьми. Интеракции между социальным работником и семьей может привести к конфликту, который связан с отсутствием законодательства и доверием к профессионалу (ibid). Большая нехватка литературы на родном языке, в то время как большая часть книг написана на английском и русском языках, делает чтение недоступным для многих учеников. Отсутствие информированности, отсутствие законодательства о социальных услугах и социальной работе, а также отсутствие модели социальной работы, отражающей культурные ценности и местные требования азербайджанского общества, создают препятствия для развития социальной работы в стране (ibid).

В Грузии многие специалисты в области социальной работы прошли обучение в ЮНИСЕФ в 1990-х годах, но образование в области социальной работы в университете началось позднее, в 2004 году, на уровне бакалавра и уровня магистра в 2008 году, в настоящее время также проводятся аспирантуры. В Грузии существует многократное законодательство (2006, 2007), в котором разъясняются роли и функции социальной работы в таких специализированных областях, как благосостояние детей и социальная помощь, что связано с тем, что различные уязвимые группы, обслуживаемые социальными работниками, попадают под эгиду различных министерства. Исследование, проведенное Hollis (цитируется в USAID 2008)⁹⁸, выявило чрезмерное внимание к материальным потребностям (например, жилье, лекарства, одежду и продукты питания) за счет учета психосоциальных потребно-

⁹⁸ USAID (2008): Social Work Education and the Practice Environment in Europe and Eurasia. communities.usaidallnet.gov/st/node/6 (accessed 20.02.2017).

стей. Серьезный интерес вызывает и сельское / городское разделение на доступность социальных услуг (USAID 2008). Учредители Грузинской ассоциации социальных работников (GASW), созданной при содействии ИОО в 2004 году, получили свои МСП в Соединенных Штатах совместно с Программой стипендиатов Социальной работы Института. Они являются ключевыми членами сообщества социальных работников и преподавателей в университете⁹⁹. Ассоциация проводит учебные курсы в областях инвалидности, психического здоровья, стажировки, инициирует волонтерскую деятельность.

Прибалтика. В странах Балтии социальная помощь была основана в 1920-1930-х годах в различных благотворительных и религиозных учреждениях, например. Красный Крест, организации для военных беженцев и христианской социальной работы¹⁰⁰. В начале национальной независимости были внедрены университетские программы социальной работы и социальной педагогики. Профессия была признана вскоре после этого. Муниципалитеты несут ответственность за социальную помощь и социальные услуги. Как показывает Р.Ульбрихт, роль социального работника в Литве более широка, чем в Латвии и Эстонии¹⁰¹.

В *Эстонии* образование в области социальной работы было введено в начале 1990-х годов и теперь предоставляется на уровне бакалавриата, магистратуры и доктора философии,

⁹⁹ Ganieva, M., Kim, L. (2011): The Development of Social Work in Uzbekistan: Characteristics, Challenges and Successes, In: Stanley, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 580-598.

¹⁰⁰ Ziverte, L., Laiveniece, E. (2003): Social Work Education in Latvia. In: European Journal of Social Work 6, no. 1, pp. 102-106.

¹⁰¹ Hilbrich R. Applicability of Graph Metrics when Analyzing Online Social Networks / R. Hilbrich // Current Issues in IT-Management. January 6, 2008. –269 p.

социальной педагогике МА. Например, Таллиннский университет предлагает пять различных учебных программ, полностью аккредитованных с 2007 года. Закон о социальном обеспечении (1995 год, с поправками, внесенными в 2007 году) определяет «работников социального обеспечения» как широкую категорию, охватывающую весь спектр социальных услуг или социальных услуг, включая денежные пособия. Это требует социальной работы, которую должен предоставить человек с высшим образованием и соответствующей профессиональной подготовкой, без указания необходимости обучения социальной работе¹⁰². Социальные работники считают, что у них есть только время и возможности для работы с острыми кризисами. Трудно найти время для превентивных действий. Социальная помощь была сведена к финансовой поддержке и материальной помощи¹⁰³. Государственный сектор доминирует в социальных услугах в целом, но частный сектор играет важную роль в сфере ухода за детьми¹⁰⁴. Существует официально признанный профессиональный социальный труд: Эстонская ассоциация социальных работников. Эстонское агентство по аттестации проводит профессиональную квалификационную систему с учебными программами по каждой специальности, включая социальную работу¹⁰⁵.

¹⁰² Hilbrich R. Applicability of Graph Metrics when Analyzing Online Social Networks / R. Hilbrich // Current Issues in IT-Management. January 6, 2008. –269 p.

¹⁰³ Groenningsaeter, Kiik (2009): Groenningsaeter, A.B. / R. Kiik (2009): 'My work is exciting' – social workers in Estonia compared to Norway. In: European Journal of Social Work, 12, no. 1, pp. 25-39.

¹⁰⁴ European Commission (2011): Study on Social Services of General Interest. Final Report. P. 164 // ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=7688&langId=en.

¹⁰⁵ Hussein, S. (2011): Social Work Qualifications and Regulation in European Economic Area (EEA). Final Report. General Social Care Council and

В Латвии Закон о социальных услугах и социальной помощи (2002, с поправками, внесенными в 2006 году) утверждает, что социальная работа должна проводиться лицами с высшим профессиональным образованием в социальной работе. Те, кто оказывает социальную помощь, социальную реабилитацию служб социальной помощи, должны проходить обучение в соответствующих областях исследований. Как упоминает Р.Ульбрихт, изначально в законе содержались положения о регистре и о сертификации социальных работников, но в измененных версиях он был отменен¹⁰⁶. Согласно этому Закону, профессиональная деятельность социального работника и благотворительного социального работника направлена на достижение и содействие практическому разрешению социальных проблем личности и улучшение его или ее права на жизнь, интеграцию в общество, и способность помочь ему¹⁰⁷. Существует орган по аккредитации для социальной работы. С 2008 года квалификация социальной работы основывается на BSW (4 года) или нескольких вариантах последипломного или высшего профессионального образования (2 года). Все высшие учебные программы аккредитованы Министерством образования и науки. Латвийская ассоциация профессиональных работников социальной сферы и охраны труда приняла Кодекс этики.

Skills for Care and Development / www.kcl.ac.uk/sspp/departments/sshm/scwru/pubs/2011/hussein2011eea.pdf.

¹⁰⁶ Hilbrich R. Applicability of Graph Metrics when Analyzing Online Social Networks / R. Hilbrich // Current Issues in IT-Management. January 6, 2008. –269 p.

¹⁰⁷ Hussein, S. (2011): Social Work Qualifications and Regulation in European Economic Area (EEA). Final Report. General Social Care Council and Skills for Care and Development / www.kcl.ac.uk/sspp/departments/sshm/scwru/pubs/2011/hussein2011eea.pdf.

В Литве высшее образование в социальной сфере стартовало в 1991 году. Три года спустя был принят первый юридический документ для определения социальной работы и ее квалификации. Поскольку к этому времени число квалифицированных социальных работников еще не было достаточным, в Концепции социальной поддержки (1994) говорится, что люди из разных профессий могут выступать в качестве социальных работников. В нем упоминается о необходимости развития профессиональной этики и ценностей и представлены микро, мезо и макроуровни: социальная работа с отдельными людьми и семьями, социальная работа с группами и социальный работник, формирующий социальную политику¹⁰⁸. Закон о социальных услугах (1996 год) определил цель профессии социальной работы как воссоздание взаимоотношений между человеком и его окружением, когда сам человек не в состоянии это сделать. В настоящее время новый Закон о социальных услугах (2006) дает более смутное определение социальной работы как помощь человеку, занимающемуся его социальными проблемами. В то же время это требует, чтобы все социальные работники, которые практиковали без профессионального образования, должны получить степень к 2011 году и предъявляют весьма строгие требования к компетентности (ibid.). Правительство Литвы приняло квалификационные требования к социальным педагогам (1997, подтверждено в 2001 году). Правительство подтвердило стандарты образования и включило программы БА и МА в социальную работу в 2001 году и социальный педагог в 2003 году в официальную классификацию среди других областей высшего образования

¹⁰⁸ Varžinskienė, L. (2009): The Impact of Legal Regulation on the Formation of a Status of Social Work Profession. In: Socialinis Darbas, no. 1, p. 125.

в области социальных наук. Социальные услуги предоставляются общественными организациями, а также НПО, включая религиозные инициативы. Примером межсекторного сотрудничества является Дом поколений, созданный Литовской федерацией Каритас в середине 1990-х годов и финансируемый Каунасским муниципалитетом. Эта услуга – это система для направления для одиноких бездомных матерей с детьми и для престарелых. Существуют отдельные программы для каждой группы и одна общая программа, направленная на объединение поколений¹⁰⁹.

Картирование социальной работы в пространстве постсоциализма. В бывших советских республиках социальная помощь и поддержка были предоставлены без официального присутствия социальной работы в качестве профессии, которая была введена только в конце 1980-х – 1990-х годах. При государственном социализме государство оказывало помощь в интернатах и материальную помощь определенным категориям населения, в то время как социальные проблемы решались учителями, полицией, формальными и неформальными коллективными сетями. Этот подход был поставлен под сомнение как узкий, но такое представление все еще широко распространено и приводит к акцентам на предоставление социальных пособий за счет профессиональной поддержки семьи и психосоциальных услуг для клиентов¹¹⁰.

¹⁰⁹ Swindell 2004: Swindell, M.L. (2004) Running Head: Social Work Developments in Lithuania. In: Social Work & Society. 2, no.2, available at <http://www.socwork.net/sws/article/view/226/457>

¹¹⁰ Hussein, S. (2011): Social Work Qualifications and Regulation in European Economic Area (EEA). Final Report. General Social Care Council and Skills for Care and Development / www.kcl.ac.uk/sspp/departments/sshm/scwru/pubs/2011/hussein2011eea.pdf.

За последние 25 лет годы все страны бывшего СССР перешли от социализма к рыночной экономике и демократии; и произошли важные преобразования роли государства, идеологии социальной поддержки, моделей и инструментов социальной политики и социальных услуг. В большинстве стран принято законодательство о социальных услугах, определяющее либо социальную работу в прямой форме, либо как предоставление социальных услуг. Но не везде законодательно определена социальная работа как помогающая профессия. Кроме того, при изменении сферы социальных услуг его администраторы и работники, а также клиенты не знали о важности оценки потребностей и результатов услуг¹¹¹. Национальные стандарты социальных услуг, которые определяют функции и деятельность работников, постепенно принимаются в странах региона, но их реализация является медленным процессом.

Социальная работа в области защиты детей, деинституционализация, правосудие в отношении несовершеннолетних, работа с детьми-инвалидами и их семьями, а также с молодежью – новые области исследований и обучения, а также модели практики. В большинстве стран движение за деинституционализацию детей с инвалидностью или сирот сталкивается с слабой системой защиты детей.

Социальная работа долгое время не признавалась обществом и управленцами как настоящая профессия. Профессиональные ассоциации существуют почти повсюду, но в большинстве случаев членство низкое, и у них нет полномочий в качестве регулирующих органов. В большинстве стран государство имеет основную юрисдикцию в отношении новой профессии и предоставляет ей финансовый и символический

¹¹¹ Freed, A. O. (1995): Bulgarian social services and social work education. In: International social work 38, no. 1, pp. 39-51.

капитал. Установив неадекватную политику в отношении заработной платы для социальных работников, государство укрепило общественное предположение об этом занятии как о низкооплачиваемом женском труде¹¹². Высокая текучка персонала из-за низкой заработной платы, больших нагрузок и недостаточные возможности обучения во многих случаях препятствовали профессиональному развитию социальных услуг.

Общественный дискурс, который основывает социальную практику работы, содержит смесь различных и часто противоречивых позиций в отношении нормативных моделей хороших граждан, мужчин и женщин, семей и детей.

Поскольку выпускники университетов избегают поиска работы в социальных службах из-за низкой заработной платы, подавляющее большинство социальных работников (или специалистов социальной работы) в странах бывшего СССР до сих пор не имеют формального образования или профессиональной подготовки. В то же время не все учебные курсы обращают внимание на антидискриминационные принципы социальной работы, в то время как этический кодекс не узаконивается учреждениями или отдельными работниками. Учебная литература по социальной работе редко дает критическую оценку социальных проблем для подготовки социальных работников к реальности, с которой они столкнутся. Социальная работа как помощь на дому для пожилых людей является наиболее типичным общественным пониманием профессии в странах бывшего СССР. И, несмотря на то, что больший акцент в образовании и законодательстве ставится на немонетарные услуги социальной работы, социальные работники по-

¹¹² Yarskaya V. Social Cohesion: the Experience of Regional Studies // Contemporary preoccupations of Social And Human Sciences in the context of mentality transformation. – December 11-12th, 2015, Moldova, Chisinau, ULIM.

прежнему не всегда отличаются от сотрудников по оказанию помощи.

В странах бывшего СССР роль религии в жизни людей приобретает существенное значение, особенно роль Русской православной церкви и ислама в возрождении благотворительности. Церковь заметна в системе социальных услуг и помощи в Армении, Украине. Самой характерной чертой социалистического наследия в бывшем Советском Союзе является сохранение монопольного положения государственных служб и ограниченные возможности для создания конкурентной среды (Romanov 2008). Выросшие из услуг ассоциации пользователей и движения на низовом уровне, НПО используют эмансипационную и эгалитарную идеологию в своей борьбе за установление прав человека и принципов самостоятельной жизни. Однако ряд таких организаций довольно ограничен и нестабилен из-за специфической экономической и политической ситуации в России и многих других странах бывшего СССР, где не поощряется широкое привлечение иностранных доноров, в то время как национальные средства для поддержки неправительственной деятельности недостаточны.

К настоящему времени литература по социальной работе на родном языке растет; несколько переводов и множество оригинальных работ публикуются в журналах и книгах ученых и практиков в регионе. Ресурсы, изданные на местных языках, по-прежнему весьма ограничены, особенно в странах, где создание сферы образования и профессиональной деятельности было отложено до 2000-х годов. Хотя в течение 20 лет обучения в области социальной работы были обеспечены места размещения, наставники на местах по-прежнему отсутствуют в тех условиях, где низкая заработная плата и отсутствие возможностей для перевозчика препят-

ствуют трудоустройству выпускников университетов в органах социальной работы, в то время как социальные работники с большим опытом не обязательно имеют достаточную квалификацию. Большинство стран уже работают с уровнями ВА и МА, а некоторые из них имеют программы PhD в социальной работе. Однако эти программы нередко считаются недостаточно академическими и экономически неэффективными и в настоящее время подвергаются сокращению, в частности в России.

Возможности обучения и непрерывного образования для практикующих и преподавателей в основном за счет международного сотрудничества между иностранными университетами и учреждениями практики, правительством, социальными службами и научными кругами. Такие проекты обеспечивали ресурсы для развития институциональных и учебных программ; они повлияли на методы обучения и расширили возможности учителей повысить их квалификацию за счет нового опыта межкультурного общения и приобретения обновленных профессиональных знаний¹¹³; затронутых практикой, в проектах, в которых участвуют правительства и агентства социального обслуживания. Международное сотрудничество вызвало многогранные обмены и влияния. Многие страны региона создали стратегическое международное партнерство на всех уровнях управления и практики в области социального обеспечения. Эти партнерства были построены не только между Западом и бывшими социалистическими странами, но и между новыми независимыми государствами.

¹¹³ Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. (2012): Doing class in social welfare discourses: 'unfortunate families' in Russia. In: Salmenniemi, S. (Ed.): Re-thinking class in Russia. Farnham: Ashgate, pp. 85-105.

Инклюзивная культура социальных служб

Социальное исключение возникает вследствие множественных нарушений подсистем общества, что обуславливает многомерность и социальной инклюзии. Среди аспектов (направлений, мер) социальной инклюзии правомерно определить политико-правовые, социально-экономические, социокультурные. Общество, способствующее активизации инклюзивных процессов (инклюзивное общество) – открытое, принимающее, предоставляет индивиду возможность включения¹¹⁴. В качестве групп, которые часто испытывают отсутствие равных возможностей, можно выделить и представителей этничностей, которые составляют меньшинства в странах, и детей, и стариков, и лиц с особыми потребностями, то есть инвалидов. Так, солидарность граждан страны, особенно страны, в которой вместе живут представители большого количества этничностей, может характеризовать еще одну сторону социальной сплоченности, определяемой духом взаимного доверия между различными этническими меньшинствами.

К факторам, формирующим этническую идентичность, следует отнести этническую историю региона, федеральную и местную этнонациональную политику, а также ряд институтов этничности. Социальные науки, СМИ, религия, идеология и политика имеют отношение к формированию этнической идентичности как ее структурные компоненты, которые детерминированы субъективным смыслом принадлежности и

¹¹⁴ Астоянц М., Россихина И. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия ЮФУ. – 2009. – №12. – С. 72-78.

включают аффилиацию с языком, историей, религией, «высокой культурой», воспринимаемой антропологической (расовой) уникальностью¹¹⁵. Иными словами, речь идет о культурной замкнутости групп и социальном исключении чужаков. Этот механизм проявляет себя отчетливо в СМИ, когда публикуются сообщения в духе моральной паники о якобы научно доказанных вредных последствиях для здоровья детей, рожденных в межрасовых союзах, а также их культурной несовместимости.

Следующий пример как раз и связан с Конвенцией о правах ребенка, по которой дети вправе иметь родителей. Однако число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России каждый год растет. Из более чем полумиллиона сирот лишь 15 тысяч детей находят приемных родителей. Благодаря усилиям политиков и законодателей, начиная с 1991 года сирот, проживающих в домах ребенка и детских домах, стали брать к себе в семьи зарубежные усыновители. Раньше основной поток детей для международного усыновления в мире традиционно шел из Южной Америки, Африки, Индии, Юго-Восточной Азии. С конца 1980-х к этому списку прибавились страны новой демократии: Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Польша, Румыния, Россия, Украина, Чехия. В настоящее время число усыновлений детей иностранными гражданами сравнимо с числом усыновлений сирот российскими гражданами, что вызывает неоднозначную оценку в обществе.

Ещё в 1990-е тема международного усыновления получила неоднозначное освещение в публичной дискуссии. Зарубежные авторы тоже выказывали озабоченность проблемой

¹¹⁵ Ярская-Смирнова Е., Романов П. Социальная антропология. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 387 с.

международного усыновления с точки зрения правовой, моральной и профессиональной правомочности. Существуют проблемы межэтнического усыновления, которые возникают как в международной, так и в национальной практике. Конвенция о правах ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года, утверждает (ст. 3), что ребенку, который временно или постоянно лишен своей семьи или не может в ней оставаться, государство обязано обеспечить замену ухода за ним. Такой уход может включать, в частности, передачу на воспитание, «кафала» по исламскому праву, усыновление или – в случае необходимости – помещение в соответствующие учреждения по уходу за детьми. При рассмотрении вариантов замены необходимо должным образом учитывать желательность преемственности воспитания ребенка, его этническое происхождение, религиозную и культурную принадлежность и родной язык. Как видим, здесь подчеркивается «желательность». То, что учитывать эти особенности следует, подчеркивает некоторую условность.

В целом ряде последующих международных и национальных нормативных актов данная норма зафиксирована. В частности, Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 года) гласит (ст. 16), что государственный орган, отвечающий за передачу ребенка в другую страну на усыновление, должным образом учитывает воспитание ребенка и его этнические, религиозные и культурные связи и окружение. Однако усыновляя ребенка из России, родители из европейских или северо-американских стран, во-первых, далеко не всегда имеют возможность выбора ребенка (не только по цвету глаз, волос и кожи, но и по состоянию здоровья), а во-вторых, социализируют его в своей культуре, включая язык, религию, общие ценности и повседневные правила поведения.

Упомянутая норма затем воспроизведена в Семейном кодексе Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: «При устройстве ребенка должны учитываться его этническое происхождение, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в воспитании и образовании» (ст. 123, п. 1). Однако указанная норма, во-первых, носит несколько расплывчатый характер, а во-вторых, связана с примордиалистскими представлениями о фиксированном и «врожденном» характере этничности. Речь идет здесь также о так называемых «объективных» основах этничности: языке, религии, обычаях, расовом типе, территории, экономике, мировоззрении.

Согласно конструкционистскому подходу, расизм – это идеологическое явление, иными словами, раса, как и этничность, выступает результатом социального конструирования. Поэтому усыновление ребенка другой расы или этничности не может автоматически восприниматься как факт нарушения его культурных или иных групповых прав. По сути дела, в отношении ребенка-сироты, оказавшегося у новых родителей, есть риск, что его могут воспринимать не как индивидуальность, а как чужака (по Г. Зиммелю)¹¹⁶, которому будут приписываться стереотипы. Этническая идентичность, которую многие привычно определяют на основе культурных традиций, социальной памяти, языка, находится под влиянием социальных изменений. В определенном смысле этничность следует понимать как социальный процесс, движение границ, которые люди воздвигают вокруг себя самих и своей жизни.

¹¹⁶ Зиммель Г. Социальная дифференциация // Тексты по истории социологии XIX-XX вв. – М.: Наука, 1994. – С. 339.

Центральным для этого процесса является производство и воспроизводство культуры, почитание предков и применение языка в качестве идентификационного маркера или эмблемы¹¹⁷. При этом семья является важнейшим элементом этого процесса. В случае преувеличения значимости межэтнических проблем в практике усыновления фактически усиливаются культурные предубеждения о межэтнических различиях, дискриминирующие дистанции. Между тем исследования показывают, что межэтническое усыновление может иметь негативные последствия, причем речь идет не только о новой культуре, в которую социализируется ребенок, но и конфликте этнической (расовой) идентичности у ребенка. Нельзя исключить и проявления расизма, с которыми может ребенок столкнуться в новом окружении (школе, дворе, улице), не имея достаточных навыков для совладания с таким испытанием¹¹⁸. Скорее всего, проблема не в факте межэтнического усыновления, а во враждебности окружающей среды, которая принимает только «своих», не отличающихся по внешнему виду индивидов.

Фактически сам дискурс различий становится источником этих различий. Если этнокультурные различия принимаются как данность, как нечто само собой разумеющееся, то многие социальные проблемы трактуются как следствие «культурных / этнических различий». Этничность связана напрямую с идентификацией и наименованием любой группы людей, а также явными и скрытыми контрастами между группами. Часто контраст «мы» и «они» зависит от конкретной социальной

¹¹⁷ Ярская-Смирнова Е., Романов П. Социальная антропология. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 387 с.

¹¹⁸ Bausch R., Serpe R. Negative outcomes of interethnic adoption of Mexican American children // Social Work, March. – 1997. – Vol. 42. – №2. – P. 136-143.

системы или государственной политики, ведь «этническая идентичность группы состоит из ее субъективного, символического или эмблематического использования любого аспекта культуры или воспринимаемого отдельного происхождения и континуальности, чтобы отличить себя от других групп»¹¹⁹. Известно, что российские усыновители предпочитают «здоровых» детей, избегают тех, кто на вид отличается этническим или расовым происхождением. Сотрудники органов опеки и попечительства среднего российского города могут прямо по телефону сообщить интересующимся потенциальным усыновителям информацию: «есть один малыш, новорожденный, но башкир». Портрет желаемого ребенка – это здоровая девочка славянской внешности до четырех лет.

В федеральном банке данных на детей-сирот можно выделить следующие группы с низким потенциалом для семейного устройства: подростки старше 10 лет (69%); дети с ограниченными возможностями (14%); дети из многодетных семей, проживающие в детских учреждениях (9,6%)¹²⁰. Опрос специалистов региональных банков данных в 50 регионах 2007 г. показал, что 52% опрошенных указывают на сложности в устройстве детей-цыган и детей от родителей из «азиатского региона» (36%). В большинстве случаев кандидаты в приемные семьи выбирают детей своей национальности и редко меняют принятое решение. В некоторых случаях решение может быть изменено, если речь идет о поле ребенка (40% случаев), возрасте (32%), внешности (30%), здоровье (39%). Среди причин отказов от конкретного ребенка преобладают

¹¹⁹ Endruweit G., Trommsdorf G. (Hrsg.) *Woerterbuch der Soziologie*. – Stuttgart Ferdinand Enke, 1989. – P. 307-309.

¹²⁰ Наберушкина Э., Сорокина Н. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 1. – №1. – С. 27-42.

следующие: здоровье ребенка – 30,3%; сведения о родителях ребенка – 10,6%; не понравилась внешность – 10,5%; индивидуальные особенности ребенка – 10,2%; этнический статус – 9,9%; возраст – 8,8%. Факторы, являющиеся определяющими для кандидатов при принятии решения о приеме конкретного ребенка (в порядке ранжирования): здоровье; возраст; пол; внешность; индивидуальные особенности; первый контакт с ребенком; этничность ребенка; религиозные убеждения (конфессиональная принадлежность)¹²¹. Получается, что может возникнуть ситуация, которая в мировой практике считалась бы нарушением прав ребенка: не соответствуя пожеланиям потенциальных усыновителей, сирота может долгое время ждать своей новой семьи, проводя время в казенном учреждении (такая возможность семейным кодексом предусмотрена).

Исторически сложилось, что дети из этнических меньшинств в Европе часто оказывались в домах-интернатах «как в силу неудовлетворенных особых индивидуальных потребностей, так и в силу культурной стигмы», государство отказывает им в детстве «посредством пространственной сегрегации от их семей и сообщества»¹²². С целью недопущения подобной практики в законодательствах некоторых зарубежных стран и даже отдельных административных единиц внутри страны предусматриваются особые нормы. Так, в США существует Закон о мультиэтническом усыновлении (1994), в который в 1996 г. был добавлен раздел «Устранение барьеров для

¹²¹ Мониторинг положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и развитие семейных форм их устройства в Центральном федеральном округе в 2008 году (третий ежегодный доклад). – М.: ООО «Вариант», 2009.

¹²² Завиржек Д. Как выжить детям с ограниченными возможностями и детям этнических меньшинств в государственных учреждениях длительного пребывания // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2. – № 2. – С. 67-71.

межэтнического усыновления», который запрещает какие бы то ни было отсрочки и промедления с усыновлением или размещением ребенка в fosterную (приемную) семью на основе расы, цвета кожи или национального происхождения ребенка или родителей.

Однако дело не только в примордиальных предположениях о том, что «дети лишаются своей культуры, а культура лишается своих детей». Следует признать, что дети в межрасовом усыновлении могут остро ощущать очевидную физическую разницу между ними и их усыновителями. В этом случае приемные родители могут помочь детям почувствовать свою причастность к семье. Очень важно, чтобы семья была связана с другими взрослыми и детьми того же этнического происхождения, что и их ребенок, чтобы был большой круг друзей. Усыновителям следует объединить обе культуры, сделать культуру ребенка частью жизни семьи. Можно и нужно говорить о расовой и культурной принадлежности ребенка, но не допускать, чтобы подобные замечания исходили от посторонних. Чтобы увеличить чувство общности с семьей у приемного подростка, принадлежащего к той же расе, что и его усыновители, но внешне сильно отличающегося от них, взрослым необходимо найти черты, объединяющие членов семьи¹²³. Ведь семейное сходство связано не столько с биологическими особенностями, сколько с манерами, привычками, жизненным стилем.

Социальная сплоченность, таким образом, зависит не только от макроусловий, но и от преломления в возрастных группах и общественных движениях. Так, сплоченность как задача молодежной политики является важнейшим вызовом

¹²³ Хохман Г., Хьюстон А. Приемные подростки: как им живется? 2003 / пер. Н. Ран. URL: <http://www.7ya.ru/articles/2084.aspx> (дата обращения: 27.06.2017).

не только в России и Европе, но и во всем мире. Два этапа расширения Евросоюза ознаменовали одновременное углубление неравенства возрастных и социальных групп, сдвигая его в «восточном направлении» и в самых разных аспектах, в том числе в сферах занятости, экономического развития, здоровья. Молодежь сталкивается с разнообразными формами социального исключения – от рынка труда и структур образования до депривации социальных прав и возможностей индивидуального развития. В этом контексте важную роль приобретает социальная работа с молодежью, востребованная в ситуациях социального исключения молодых инвалидов или мигрантов.

В европейской молодежной политике социальная сплоченность и социальная инклюзия являются центральными элементами, необходимыми в создании лучших возможностей для молодежи в сферах образования, переподготовки и трудовой занятости, а также полноправном участии всех молодых людей в обществе в целом, в культурной жизни, спорте, творческой деятельности. В Европе 2010 год был объявлен «Европейским годом борьбы с бедностью и социальным исключением», тем самым акцент был сделан на необходимости аккумулирования лучших практик и подходов, в том числе в сфере занятости, культуры, социальной работы и образования.

Европейская стратегия сплоченности в сфере занятости сегодня рассматривается как ключевой приоритет ЕС, при этом в качестве целевого ориентира используется понятие качественной занятости, которое операционализируется через сокращение числа низкооплачиваемых работ, работающих бедных, тех, кто трудится в иных формах неустойчивой (*precarious* – ненадежной, нефиксированной) занятости.

Проблематика социальной инклюзии в социальной политике является актуальной для исследователей, преподавателей,

практиков и руководителей. За рубежом издается «Журнал социальной инклюзии» (<http://www104.griffith.edu.au/index.php/inclusion/index>). В ряде стран мира не только внедряются стратегии социальной инклюзии, но и проводится мониторинг их реализации. Политический курс на социальную инклюзию принят многими государствами, в том числе странами Европейского Союза. Так, в правительстве Австралии есть Совет по социальной инклюзии, миссия которого – достичь того, чтобы все граждане страны чувствовали себя ценными и имели возможность полного участия в жизни общества.

Инклюзия должна стать важнейшим принципом социальной политики, одним из приоритетов государственной образовательной политики России. Привлечение социальной инклюзии способствует наиболее полному развитию человеческого потенциала, повышению качества жизни, формированию чувства достоинства и самоуважения и реализации прав человека, основных свобод и человеческого многообразия.

Анализируя существующие определения гражданства, Урри резюмирует: в современном мире возникает многообразие форм гражданства. Культурное гражданство предполагает право социальных групп (этнических, гендерных, сексуальных, возрастных) на полноправное участие в культурной жизни обществ. Гражданство меньшинств предполагает права членства в другом обществе, пребывания в нём и приобретение соответствующих прав и обязанностей. Экологическое гражданство озабочено правами и ответственностью гражданина Земли, космополитическое гражданство ставит центральный вопрос о выстраивании отношений с другими гражданами, обществами и культурами в

глобальном масштабе¹²⁴. Центральной для нас в анализе представлений россиян о соотношении гражданства, государства и этничности¹²⁵ выступает идея культурного гражданства.

Концепция культурного гражданства реагирует на поликультурный контекст современного общества, в котором озабоченность в связи с равенством дополняется теперь озабоченностью различий. Эта проблема и для эксперта, и для любого гражданина воплощается в формате вопроса: нация-государство или нация-этнос? Бессознательно население поддерживает этническое исключение, пользуясь расистским дискурсом¹²⁶, представлением об этнической сущности власти и государства. Встречается толкование нации-государства как общности людей, сложившейся на основе общей территории и внутреннего рынка. На уровне мировой политики – *представление национальных интересов в ООН посредством государства* (д5), цель внутренней политики – формирование идентичности членов сообщества как представителей нации и граждан государства.

Как в США, Nationality – гражданин Америки, американиец. Сразу снимаются вопросы о титульной нации, хотя бы на официальном уровне (д8).

Сторонники этой точки зрения развивают инклюзивную культуру, понимая нацию-государство как политическую категорию, синоним согражданству, объединяемому культурно-

¹²⁴ Урри Дж. Социологи за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. Д. Кралечкина. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.

¹²⁵ Результаты авторского онлайн опроса 2011-2013 гг.

¹²⁶ Ярская В. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. – 2012. – №6. – С. 46-53.

историческими традициями. Это позволяет *отойти от эссенциалистского дискурса, обратиться к интеграции и единению народа* (д2). Термин нация-государство комментировался в качестве предпочтительного, *нация складывается из народностей, на базе совокупности этносов* (дб, д12), связанных общим историческим путем развития на закрепленных территориях. Несмотря на то, что государство-нация ведет к ряду проблем и конфликтов, *опаснее идентификация нации с каждым отдельным этносом* (м11). Союзники демократии, новые идеи демократического управления выходят за рамки национальных государств, подразумевая глобальное гражданское общество. Смежные концепции космополитизма принесли дополнительные расчёты на гражданство в повестке дня, которая теперь стала одним из основных направлений социальных исследований.

Рассматривая понятие нация в связи с государством, можно идентифицировать человека не по этническому происхождению, а по принадлежности к государству (м7). Нация как государство определяется как полиэтническое государство, *не хотелось бы иметь обращение к нации как к одной титульной нации* (м13). Государство – это машина, которая занимается менеджментом, оно *не должно быть связано с конкретными этническими признаками, антропологическими параметрами* (м9). Понятие нации является конструктом, созданным сверху, в отличие от этноса, рамки которого заданы самосознанием группы, её самоидентификацией, *то есть снизу* (м18). *Государство – это конструируемая вещь ...* нация как воображаемое сообщество – *интересная политическая модель* (м21). Нация как этнос – *архаический проект* (м22). Комментарий к ответу более обширный у сторонников нации-государства.

Государство формирует границы нации (д10), она может быть сформирована без ярко выраженной титульной нации. В мире единственная преуспевающая нация-государство – Америка. Минус концепции нация-этнос – в отсутствии гибкости к дискриминируемым группам, провоцировании дискриминации (д22). Не из этнической идентичности развивается национальная/гражданская, наоборот, последняя создает рамки, внутри которых «рождается» этничность (д21).

Это понятие, по мнению ученых, отражает суть понятия нация, подчеркивает роль государства в консолидации нации, указывает гражданскую самоидентификацию как признак нации (м12). Оно приводит к формированию *общих социальных институтов*, экономических, социальных и политических ценностей. Понятие мультикультурализма характеризуется как эклектичное, с открытым эссенциализмом, *подразумевает процессы политизации этничности и этнизации политики (д22)*. Известный эффект – обострение межнациональной борьбы, которая часто не этнической природы, но создает границы, спровоцированные опытом идентификации¹²⁷ иными словами, практики мобильности, столкновения с конкурентами, борьба за ресурсы проецируются на воображаемые как глубокие, существенные различия, которые кристаллизуются в образы и повествования¹²⁸.

¹²⁷ Барт Ф. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом? // Этнические группы и социальные границы / под ред. Барта Ф. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.

¹²⁸ Ditchев Ivaylo. Mobile citizenship? Ditchев. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2008-06-27-ditchев-en.html> (дата обращения: 29.08.2017).

Несколько экспертов выбрали *нация-этнос*, выразив мнение, что нация-государство имеет основной идею выражения воли *одной нации*, диктующей стране культуру, язык, ценности, традиции, обладает правом решать, какие нормы должны быть приняты в обществе, что нужно делать с инакомыслящими (д14). *Нация-этнос* связана с культурой, *население этнонаций представляет собой этническую общность, например, норвежская, шведская, португальская* (д10). *Государство-этнос* объявлено оптимальным пониманием нации. Русские – это те, кто проживают на территории России, говорят на русском языке (м19). *Должна появиться теория, примирляющая примордиализм и взгляд на этносы как вообразимые сообщества, необходимо отказаться от предубеждений, конструируемых в отечественном и в западном общественно-политическом пространстве* (м18).

Разнообразие дефиниций – результат отсутствия сформированной инклюзивной культуры, внятной регламентации понятийного аппарата в федеральном законодательстве и разногласия в оценке семантического содержания важнейших категорий. При этом обнаруживается влияние не только академического языка, но и традиций обыденного и политического сознания, соединившего категорию нации с понятиями национальности, народности, этноса. Этническая ненависть уменьшается в странах с либеральным законодательством, в котором обращаются с этническими меньшинствами более уважительно по отношению к их правам и, как следствие, становится легче осуществлять их культурную интеграцию, гражданство. Информанты, не высказавшие предпочтение одной из категорий и утверждающие их равноправие, проводят идею инклюзии, а, следовательно, проявляют гражданскую, инклюзивную культуру.

Миграционная мобильность и культурное гражданство

Недостаток инклюзивной культуры миграционной политики России связан, в том числе, с игнорированием роли социальной работы как системы, формирующей и поддерживающей положительные тенденции в пространстве межнациональных коммуникаций, актуализирующей различные подходы¹²⁹. Традиционно миграционные исследования основываются на макроанализе миграционной политики, законодательства, политических и социальных структур, участвующих в процессе миграции. За рамками исследований остаются мигранты, обобщенный подход уводит от истинного портрета мигранта, история жизни остаётся за кадром¹³⁰. Биографический метод становится оптимальным инструментом построения схемы социокультурной трансформации поведенческих моделей, обладая потенциалом изучения интеграции мигрантов в новый социум.

Исследование жизненных путей в традиции Чикагской школы, анализ личных документов и биографий позволяет взглянуть на мир с точки зрения субъекта, на основе интервью реконструировать социальную историю. Изменения социальных и институциональных структур оказываются результатом действий и поведения людей¹³¹. Необходимость интеграции

¹²⁹ Abella M. (ed.) Turning points in labor migration. Special issue // Asian and Pacific Migration Journal, 1994. 3(1). – P. 46-74.

¹³⁰ Соснина И. Адаптационный потенциал мигрантов и принимающего населения: выбор стратегии // Вестник СГТУ. – 2010. – С. 262-268.

¹³¹ Блоссфельд Ж.-П., Хьюиник И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. IX. – №1(34). – С.15-43 / С.16-17.

мигрантов делает актуальным развитие инклюзивной культуры, толерантности принимающего населения, отказ от дискриминационных практик.

Инклюзивной культуре противодействуют интолерантность, ксенофобия, расизм, стереотипы¹³², иногда просто невежество, противники инклюзии указывают на рост социального и этнического неравенства¹³³, мигрантские группы наделяются культурной моделью поведения, допускающей насилие. Миграция становится мифологическим конструктом, камуфляжем, удобной ширмой манипулирования в объяснении социального неравенства, криминогенных конфликтов, экономической нестабильности и преступности, формируется *«образ врага»*. СМИ прибегают к деструктивному дискурсу, конструированию повышенной опасности от мигрантов¹³⁴.

Приведём здесь несколько характерных высказываний из СМИ. *«Основная масса иммигрантов предпочитает заниматься не производством, а перераспределением доходов от “трубы” посредством торговли, иногда незаконными путями»*¹³⁵. Население ощущает себя в кольце врагов, *«миграция переселенцев с Кавказа и Средней Азии... неоднократно*

¹³² Ярская В., Ярская-Смирнова Е. «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. – 2002. – №8. – С. 74-82; Фофанов К. Социальная политика в сфере гендерных отношений (региональный аспект). – Саратов: ООО Научная книга, 2005. – С. 4.

¹³³ Esser H. Die Mobilisierung ethnischer Konflikte. Migration-Ethnizität-Konflikt: Systemfragen und Fallstudien Herausgegeben von Klaus J. Bade. – Berlin: Universitätsverlag Osnabrück, 1996. – P. 63-87.

¹³⁴ Мукомель В. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2005. – №1(75). – С. 49-58.

¹³⁵ Мартынов М. Миграция или колонизация // Независимая газета 21.03.06.

становилась причиной горячих социальных и национальных конфликтов»¹³⁶. «Уровень этнической неприязни в России в два-три раза выше, чем в большинстве стран»¹³⁷. «Нет рабочих мест для ...такой массы, которых нужно обучить языку и дать квалификацию»¹³⁸. В итоге мигранты становятся объектом угнетения, находясь в бесправном положении по условиям и оплате труда. Лишь отдельные представители СМИ понимают важнейший смысл миграции: «Не будет работников – будут закрываться заводы, не будет средств для повышения зарплат, пенсий»¹³⁹.

По словам специалистов, наиболее успешно достигаются цели, связанные с обеспечением права на временное расселение. Более проблематично сотрудничество с другими организациями, работа с клиентом после оформления, оценка эффективности работы. Инклюзивная культура в пространствах этнокультурного взаимодействия чрезвычайно важна и наименее разработана в практике, в отличие от теории.

Информанты, не высказавшие предпочтение одной из категорий и утвердившие их равноправие, не до конца разобрались в этимологии и культурно-историческом содержании, но в своем споре проводят идею инклюзии, а следовательно, проявляют инклюзивную культуру. Есть влияние не только академического языка, но и традиций обыденного и политического сознания, соединившего категорию нации с понятиями национальности, народности, этноса.

¹³⁶ Серенко А. Волгоградцы чувствуют себя осажденными // Независимая газета 09.11.05.

¹³⁷ Гудков Л. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // Независимая газета 26.12.05.

¹³⁸ Куликов С. Клондайк для мигрантов / Независимая газета 07.02.07.

¹³⁹ Михайлов К. Преодоление провала. Технический прогресс требует больше рабочих рук / Независимая газета 27.02.2007.

Должна появиться теория, примиряющая примордиализм и взгляд на этносы как воображаемые сообщества, необходимо отказаться от предубеждений, конструируемых в отечественном и в западном общественно-политическом пространстве (м18).

Инклюзивная культура представляет собой социальную стратегию мобильности, альтернативную препятствиям и социокультурным барьерам национальной социальной политики, ее противоречивым дискурсам и неравенству. Подход с позиций инклюзивной культуры, идеологии гражданства важен для анализа социально неоднородных когорт. Реальная социальная инклюзия – сложный путь к мобильности индивида, требующий длительного периода согласованных и последовательных действий социальных агентов. Инклюзивная культура соотносится авторами с современной эволюцией европейской идеологии гражданства.

Исследования социальной политики и социальной работы не везде включают инклюзию как центральную ценность, которая бы ориентировала на выбор методологии, стремление не только к равенству и свободе, но и к признанию различий. Анализ доступных публикаций свидетельствует о недостаточной комплексной разработанности проблемы инклюзивной культуры, отсутствует даже сама постановка вопроса об универсальном или инклюзивном подходе. Не привлекаются пока инновационные идеи социологии мобильности¹⁴⁰. Вместе с тем в исследование обсуждаемой проблемы помимо инклюзивного расширения внутренней свободы

¹⁴⁰ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.; Урри Дж. Социологи за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. Д. Кралечкина. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.

группы или индивида полезно привлечь также понятие мобильности с точки зрения характеристики внешней свободы человека в возможности его передвижения. Свобода передвижения – высшая ценность в новом глобализованном мире, критерий и инструмент социального успеха. Те, в чьих руках максимум возможностей свободного перемещения, являются хозяевами жизни. Когда люди, объекты, образы и информации *перемещаются*, тогда они *производят и воспроизводят социальную жизнь и культурные формы*¹⁴¹.

Пока же основные исследовательские вопросы по-прежнему связаны с бедностью, экономическим неравенством, размерами льгот и пособий для уязвимых социальных групп, критикой государственных реформ¹⁴². Повседневная жизнь российских социальных групп изобилует острыми нерешенными вопросами, в силу разных причин уязвимыми когортами населения становятся не только инвалиды, но и сироты, пожилые люди, бедные, этнические, религиозные и прочие меньшинства, мигранты, молодежь, бывшие военные с травматическим синдромом. При этом государства всеобщего благосостояния производят, воспроизводят, модифицируют неравенства по полу, расовым или этническим различиям, инвалидности¹⁴³. Между тем, возможность интеграции в социум является фундаментальным правом гражданина демократического

¹⁴¹ Урри Дж. Там же.

¹⁴² Круглый стол по молодежной межнациональной этике // Саратов. регион. общ. организация Нац. культ. центр Кавказ. Саратов: Комитет общ. связей и нац. полит. обл, 2011. URL: <http://saratov.gov.ru/government/structure/komobotn/news/detail.php?ID=61184> (дата обращения: 13.08.2017).

¹⁴³ Ярская-Смирнова Е., Ярская В. Социальная сплочённость: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – №. 4. – С. 41-61.

общества, в связи с этим инклюзивная культура включает в себя и предпосылку гражданства.

На этом фоне стратегии и цели менеджеров, технократов, профессионалов – в поиске путей привлечения режимов государства, в умении распознать ситуацию и причины неравенства, барьеры мобильности, культурную дискриминацию, нарушение прав. Проблема равенства и неравенства интерпретируется с конструированием городского гражданства инвалидов, государственной идеологией, ценностными установками общества¹⁴⁴. Парадокс инклюзивной культуры социальных ведомств в том, что при развитом законодательстве, утверждающем права гражданина на медицину, образование, социальную интеграцию, практически отсутствуют механизмы их исполнения.

Инклюзивная культура осуществляет контроль над соблюдением права человека в обществе на гражданство и мобильность. По Маршаллу, гражданство есть статус тех, кто принимает полноценное участие в жизни общества¹⁴⁵, в таком слу-

¹⁴⁴ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006; Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2008; Наберушкина Э. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2012. – 334 с.; Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012. 168 с.; Филлипс С. Пространство правозащитного активизма инвалидов в постсоциалистической Украине: НПО и гражданское общество между локальным и глобальным // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 43-60.

¹⁴⁵ Урри Дж. Социологи за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. Д. Кралечкина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

чае инклюзивная культура – одновременно и рефлексия необходимости социального гражданства, преодоления географических, культурных, экономических неравенств, дискриминации по полу, возрасту, здоровью, и реальная мобильность. Эти группы проживают в дистанции от культурных, социальных процессов и фактом своего существования доказывают необходимость институционализации инклюзии для развития гражданства как антипода несправедливости, насилия, права индивида или группы на мобильность. Однако социальное государство как система институтов, идеологий и практик, оформляющих повседневную деятельность и социальные границы между людьми, не устраняет неравенства¹⁴⁶.

В дискурсах социального государства конструируются категории нормальных и ненормальных индивидов и семей, возникает концепт неблагополучных детей, которым приписывается еще и низкий интеллект. Вместо класса стало использоваться понятие социальной эксклюзии, относящееся к депривации меньшинств¹⁴⁷. Недопустимость дискриминации – стержень инклюзивной культуры, включающей возможность специалистов способствовать становлению социального гражданства. Государственная социальная политика, за исключением отдельных шагов социальных ведомств и служб, де-факто ориентирована не на становление гражданства и развитие мобильности, а, напротив, на сегрегацию, коррекцион-

¹⁴⁶ Ярская-Смирнова Е., Ярская В. Социальная сплочённость: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 4. – С. 41-61.

¹⁴⁷ Ярская-Смирнова Е. Класс и гендер в дискурсе социального государства // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – № 1. – С. 39-46.

ные учреждения, оторванность от социальных контактов, низкий уровень образования, конкурентоспособности и заработной платы, невозможность выбора профессий. Говорить о полноте соответствия принципам социального государства возможно, лишь идентифицируя себя с профессионалом, вооруженным инклюзивной культурой, а не специалистом, обладающим властью знания для распространения дискриминационных дискурсов нормальности и правильного поведения.

Социальная наука переходит от понимания гражданина как носителя абстрактных прав к идее гражданина как активного и занятого члена общества. В процессе миграционной мобильности сами мигранты часто теряют часть своего социального статуса или его меняют: инженер становится строителем, учитель становится медсестрой, студент может собирать урожай в деревне, учитель становится няней для инвалида. В репортаже о сирийских событиях был сюжет об исходе сирийских армян, среди которых многие образованные люди брались за любую неквалифицированную работу. С одной стороны, мигранты подвергаются дискриминации; с другой – они терпимы как важный экономический ресурс. Миграционные перемещения конструируют социальную жизнь, стимулируют экономику, дают миллионам людей возможность зарабатывать на жизнь и практикуются много десятилетий, к примеру, итальянцами и португальцами во Франции или мексиканцами в США. В Советском блоке существовала система прописки и условные миграции, в современности миграции осуществляются в определенном направлении, с центром и периферией, с целью урегулирования жизни, приобретения прав местных жителей.

Недостаток инклюзивной культуры миграционной политики России связан с игнорированием роли социальной ра-

боты как системы, формирующей гражданство и поддерживающей положительные тенденции в пространстве межкультурных коммуникаций, *актуализирующей различные подходы*¹⁴⁸. Традиционно миграционные исследования основываются на макроанализе миграционной политики, законодательства, политических и социальных структур, за рамками анализа остаются сами мигранты, история жизни остаётся за кадром¹⁴⁹.

Биографический метод становится оптимальным инструментом построения схемы социокультурной трансформации поведенческих моделей, обладая потенциалом проекта мобильного гражданства, интеграции мигрантов в новый социум. Исследование жизненных путей в традиции Чикагской школы, анализ личных документов позволяет взглянуть на мир с точки зрения субъекта, реконструировать социальную историю. Изменения социальных и институциональных структур оказываются результатом действий и поведения людей¹⁵⁰. Необходимость интеграции мигрантов делают актуальными становление социального и мобильного гражданства, развитие инклюзивной культуры принимающего населения.

Мигрантские группы наделяются культурной моделью поведения, допускающей насилие, миграция становится мифологическим конструктом, камуфляжем, удобной ширмой манипулирования в объяснении социального неравенства, криминогенных конфликтов, экономической нестабильности,

¹⁴⁸ Abella M. (ed.) Turning points in labor migration. Special issue // Asian and Pacific Migration Journal, 1994. 3(1) – P. 46-74.

¹⁴⁹ Соснина И. Адаптационный потенциал мигрантов и принимающего населения: выбор стратегии // Вестник СГТУ. – 2010. – С. 262-268.

¹⁵⁰ Блоссфельд Ж.-П., Хьюиник И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. IX. – №1(34). – С.15-43; С.16-17.

преступности. СМИ прибегают к деструктивному дискурсу, конструированию образа врага, опасности.

Миграционная мобильность порой является тяжелой, унижающей человеческое достоинство: низкие зарплаты, работа носит временный, изнурительный характер, сорокачасовая рабочая неделя кажется роскошью. Трудовое право и социальное право зарезервированы для местных жителей, а не для новичков, которые вызывают враждебность.

Миграция – это мобильное гражданство. Сами по себе культуры мобильны вследствие мобильностей, которые поддерживают различные паттерны социальности. Привлечь инклюзивную культуру могла бы социальная работа с мигрантами.

Они живут рядом, но мы ничего не знаем о жизни дворников. Где они живут, что едят, сколько зарабатывают, как проводят свободное время¹⁵¹.

Бедность, недоступность качественного образования, жилья и здравоохранения, риски безработицы, преступности и антисоциальных девиаций индивидуализируются и медикализированы, а социальные услуги сведены к материальному воспомоществованию. Нелегальная миграция, торговля людьми, развитие сексуальной занятости – результат неэффективного, иррационального развития миграции, отсутствия инклюзивной культуры. Деятельность организаций, реализующих миграционную политику, направлена на миграционный контроль, регулирование миграции, разрешения на въезд и работу, обнажается слабость системы, не задействована социальная сфера –

¹⁵¹ Денисов А. Мифы и реальность дворницкой жизни // Независимая газета, 02.03.2010.

сервисы, услуги. Обнажаются трудности – громоздкая процедура сбора справок и разрешений, несовершенство законодательства и неурегулированный статус.

*Документы до сих пор не сделал. Разрешение на работу нужно было делать, за все платить: пошлина, медкомиссия, все за деньги – это трудно. С горем пополам устроился, получил разрешения*¹⁵².

Возможно создание социального сервиса, основной целью которого является помощь вынужденным переселенцам, инклюзия в местное сообщество¹⁵³. Интервью показали высокую степень социальных связей с родиной, несмотря на редкие поездки. В процессе трудовой миграции образуется поле социального взаимодействия и бессознательной инклюзии, в котором участвуют и мигранты, и принимающая сторона. Решение мигрантов сдаться и вернуться домой обычно воспринимается как поражение, потеря времени и разрушение связей, порой реинтеграция становится невозможной, мигрант не может вернуться домой, потому что стал чужим для себя.

*Все родственники там, ездил 3-4 года назад, очень дорого. И на работе, где бы я не работал, национальной розни никогда не было. Нам помогли, я же не русский, но и овощи и ягоды приносили*¹⁵⁴.

Сложность состоит в трудном определении точного числа мигрантов (впрочем, как и числа жителей) в условиях распределения средств за определённые услуги. Известно, что наиболее успешно достигаются цели, связанные с обеспечением права на временное расселение. Более проблематичны

¹⁵² Соснина И. Адаптационный потенциал мигрантов и принимающего населения: выбор стратегии // Вестник СГТУ. – 2010. – С. 262-268.

¹⁵³ Мокин К. Балаково: миграционные истории армян // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 94-101.

¹⁵⁴ Соснина И. Адаптационный потенциал мигрантов и принимающего населения: выбор стратегии // Вестник СГТУ. – 2010. – С. 262-268.

сотрудничество с другими организациями, работа с клиентом после оформления и оценка эффективности работы. Инклюзивная культура учитывает миграционную мобильность, опыт семьи, включающий культурное гражданство как мотивы, территорию исхода, пути перемещения. Успешная интеграция мигрантов в социокультурное окружение, инклюзивная культура социальных сервисов и принимающего населения позволит избежать негативных последствий. Однако социальное отношение к мигрантам в регионах, по результатам проведенного нами исследования (2011-2015 гг), характеризуется как недостаточно толерантное (Приложение 6). Одним из вариантов улучшения ситуации может выступать включение в магистерскую программу *Социальная работа с мигрантами* концепции инклюзивной культуры, мобильного и культурного гражданства.

Внутренняя миграция является не менее актуальной для России, нежели внешние миграционные потоки из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. На повестку дня выходят все те же вопросы полиэтничности, дискурсы которой поддерживаются федеральными и региональными властями¹⁵⁵, подогреваются интересом средств массовой информации и порой сопровождаются негативными коннотациями. Регулирование данного вопроса возможно через мобильность и гражданство как основные принципы инклюзивной культуры, предполагающие готовность к включению мигрантов в социальное и культурное пространство региона, через преодоление дискри-

¹⁵⁵ Круглый стол по молодежной межнациональной этике // Саратов. регион. общ. организация Нац. культ. центр Кавказ. Саратов: Комитет общ. связей и нац. полит. обл, 2011. URL: <http://ex.saratov.gov.ru/government/structure/komobotn/news/detail.php?ID=61184> (дата обращения: 20.08.2017).

минационных практик по признакам этничности в сфере занятости, образования, культуры. Концепция культурного гражданства реагирует на поликультурный контекст постоянных сообществ, в которых забота о равенстве дополнена концепцией различий.

Доступ к образовательному ресурсу – один из показателей успешного процесса социальной инклюзии, рассматриваемой в широком смысле как *демократическая акция включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу*¹⁵⁶.

В жизненной ситуации мобильности, когда индивид в новых социокультурных, экономических условиях меняет гражданский и социальный статус, образование детей мигрантов выступает маркером благополучия, конструируя их жизненный и профессиональный путь. Одновременно через институт образования происходит становление гражданства, инклюзии взрослого мигранта, представителей поколений родителей. Это выражается в усвоении культурной мобильности, поддержании культурного гражданства, ценностей, норм социального поведения и детьми, и родителями.

Демографический спад и нехватка трудовых ресурсов порождают новую социокультурную, экономическую реальность, в которой трудовая миграция, с одной стороны, является движущей силой социально-экономического и демографического развития региона. С другой стороны, это проявление все большего противоречия, связанное с социальными и культурными рисками межэтнических конфликтов, национальной безопасностью, социальным благополучием.

¹⁵⁶ Ярская В., Ярская-Смирнова Е. Инклюзивная культура социальных служб // Социологические исследования. – 2015. – №12. – С. 133-140.

В условиях социокультурной модернизации, под которой мы будем понимать «формирование новых систем ценностей, включая рост роли достижительных ценностей, распространение индивидуализма, рационального, что в совокупности создает базу и для формирования мотивации успеха, а также формирование нового типа мышления – новых социальных институтов»¹⁵⁷, характер трудовой миграции, межнационального взаимодействия детерминирован стратегиями развития общества, цементирующей основой которого выступают принципы социальной сплоченности, справедливости и инклюзии. В этом смысле представляется необходимым определение роли, рисков миграции в контексте инклюзивного потенциала общества как нового типа мышления, уровня социальной сплоченности и справедливости, что позволяет вскрыть уязвимые структурные, институциональные элементы.

Регулирование и контроль миграционных процессов выходит на повестку дня международной общественности, от которой все больше ожидается консолидация усилий по выработке механизмов управления, сбалансированности международной миграции в контексте поликультурности. Российский миграционный вопрос функционирует и регулируется через миграционное законодательство и принятый в 2012 году на федеральном уровне стратегический документ «Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 года». Позже Концепция как идеологический документ появляется на региональном уровне. Так, в Саратовской области документ был разработан и принят, что стало беспрецедентным событием, так как до его логического завершения в еди-

¹⁵⁷ Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад / Рук. М. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберга в РФ, 2010. – С. 48.

ную систему взглядов на проблему миграции отмечался эклектический подход в различных программах, документах региональных министерств и ведомств.

На стадии разработки и обсуждения Концепции Министерством занятости, труда и миграции Саратовской области совместно с Социологическим центром СГТУ имени Гагарина Ю.А. было предпринято обсуждение региональной миграционной политики экспертами разного уровня. Цель исследования – выявление дискурса региональной миграционной политики в аспекте социальной сплоченности, справедливости, инклюзии с экспертами разного уровня, а также практической значимости Концепции миграционной политики. Для реализации поставленной цели были проведены три фокус группы с экспертами, представителями исполнительной власти, национально-общественных объединений, академического сообщества. Метод фокус групп позволил выявить и сопоставить позиции экспертов, представляющих свою точку зрения на проблему миграции. Инструментарий представляет собой гайд-интервью, состоящий из четырёх тематических блоков. Первый раскрывает проблему миграции с позиции социальной сплоченности, справедливости, инклюзии. Второй блок направлен на выявление динамики миграционных процессов, особенностей структуры миграции. Третий и четвертый разделы связаны с рассмотрением регулирования миграционных потоков и правовых аспектов мигранта. Исследовательский вопрос заключается в выявлении противоречий в экспертных оценках тенденций развития миграции через определения индикаторов сплочённости, инклюзивного потенциала региона.

Широко обсуждаемый вопрос, касающийся миграционной политики, связан с привлечением мигрантов как на постоянное место жительства, так и временное пребывание в рамках трудовой миграции. Экспертами отмечается необходимость привлечения мигрантов на региональном уровне. Среди

главных задач миграционной политики обозначены отбор мигрантов и управление миграционными потоками.

Среди причин выделяют демографическую ситуацию, кадровую проблему – нехватка квалифицированных специалистов, рабочих. При этом отмечается характер миграции, которая должна стать *«качественной»*, что предполагает включение *«профессиональных, моральных и возрастных характеристик мигранта»*. Заполнение вакантных мест трудовыми мигрантами в перспективе может представлять собой опасность в сфере занятости, вызванную постепенным сокращением квалифицированных рабочих среди принимающего сообщества. С одной стороны, трудовые мигранты, задействованные в первичном, вторичном и третичном секторе экономики, занимая определенную нишу на рынке занятости, являются экономически выгодными для предпринимателя, который в свою очередь способствует созданию ситуации неконкурентоспособности местных специалистов на локальном уровне. С другой стороны, нехватка трудовых ресурсов дает региону возможность развиваться благодаря трудовой миграции.

Преимущество привлечения работодателем нелегальных мигрантов коррелирует с системой оплаты труда. В этом случае сохраняется тенденция демпинга заработной платы, искусственное занижение заработной платы. Регулирующая функция заработной платы поддерживает устойчивые отношения между работодателем и мигрантом, когда последний в силу снижения мотивационной функции, ориентированной на получение более высокого материального вознаграждения, принимает неблагоприятные условия труда и низкую заработную плату.

Противоречивым и нерешённым на законодательном уровне остаётся вопрос обеспечения работодателем приори-

тетного права трудоустройства местного населения. Экспертами высказываются предложения усилить контроль над работодателями, приглашающими на работу трудовых мигрантов. Здесь мнения разделились по части контрольных функций, эффективность контроля возможна в случае консолидации государственно-управленческих структур: исполнительной власти, ФМС, Минзаятости, труда и миграции, органов местного самоуправления, когда достигается единый взгляд и солидарность.

Острой проблемой в вопросах регулирования трудовой миграции является квотирование. Известно, что происходило в Европе из-за недооценки этого параметра миграционной политики. Эксперты высказываются о необходимости гибкой системы, выработки механизмов, расширения полномочий региональной исполнительной власти в формировании квот и контроля. На данном этапе миграционное законодательство позволяет привлекать иностранных трудовых мигрантов по запросу со стороны работодателей. Процесс утверждения квот проходит длительный этап, и это не отвечает потребностям региона.

Квотирование рабочих мест для трудовых мигрантов, по мнению экспертов, способствует позитивному эффекту, стимулирует предпринимателя к созданию благоприятных условий в отношении оплаты труда для местного населения: *«она (квота) необходима, безусловно. Она является сдерживающим фактором, заставляющим тех работодателей, которым она не досталась, шевелиться, привлекать все-таки местное население для работы»* (ФГ № 3, эксперт, представитель исполнительной власти). Все это должно способствовать повышению уровня социальной ответственности работодателя и достижения консенсуса в системе *требования-ожидания*. Как отмечают эксперты, *«к привлечению мигрантов нужно подходить мудро и избирательно, а не затыкать*

дыры и не работать как пожарная команда, что мы сейчас делаем» (ФГ № 1, эксперт, представитель ФМС).

Анализ миграционных процессов не сводится только к экономическому аспекту, поиску механизмов регулирования экономики, трансформации миграционной ситуации. Усиливается значение содействия социальной адаптации и интеграции мигрантов. Формирование взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом предполагает включение мигранта в миграционное поле как активного действующего субъекта. Это оказывается сильной стороной Концепции миграционной политики области до 2025 г. как стратегического документа. С этим вопросом связана необходимость выявления характера мотивации мигрантов к интеграции в Саратовскую область. При этом поиск интеграционных механизмов должен относиться не только к трудовым мигрантам, но и соотечественникам, переехавшим в область по Программе области по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013-2016 гг. Важна роль социальных институтов, государственно-управленческих структур в процессе социальной интеграции мигрантов и реализации нормативно-правовых, стратегических документов. Проблемы экономического характера, решаемые путем привлечения трудовых мигрантов, не учитывают особенности взаимодействия мигранта и принимающего сообщества – в частности, работодателя, что потенциально ведет к созданию конфликтных ситуаций.

В целом же эксперты приходят к мнению, что необходимо *«идти к сокращению, то есть привлечение мигрантов, которые приезжают не на постоянное место жительства, сокращение мигрантов трудовых, которые в рамках квот приезжают, и сокращение до узких специалистов, которых просто нет у нас на территории области» (ФГ № 2, эксперт,*

представитель власти). Здесь отмечается необходимость дифференцированного подхода к привлечению мигранта. С целью получения мигрантом вида на жительство эксперты предложили применение балльной системы, включающей владение языком, возрастные характеристики, образовательный и культурный капитал, знание культуры страны, региона миграции. По высказываниям одного из экспертов, *«Сейчас первоочередные задачи миграционной политики – это отбор мигрантов и управление миграционными потоками (ФГ № 1)»*. Отмечена необходимость привлекать мигрантов на постоянное место жительства, сокращая численность трудовых мигрантов, оказывающих влияние на трансформацию социальной структуры региона.

Успешный процесс включения мигранта в социокультурное пространство принимающего сообщества начинается с правового обеспечения, которое не выполняется должным образом в отношении прав мигранта. Мигранты с самого начала пребывания на территории страны приезда попадают в статус уязвимой социальной группы. Правовая незащищенность мигранта переводит его в положение нелегала.

В этом смысле остаются нерешёнными вопросы правового и фактического статуса иностранных трудовых мигрантов. Эксперты предложили ввести миграционную амнистию, которая будет способствовать контролю над нелегальной миграцией. Решение данного вопроса видится в следующих действиях: во-первых, введение правового ликбеза для мигрантов, предполагающего знание ими своих прав и обязанностей; во-вторых, соблюдение прав принимающего сообщества в отношении мигрантов. В качестве системы мер, действий для выполнения выделенных пунктов может выступить информационное правовое сопровождение мигранта до въезда в страну приема с целью ознакомления с *миграционными требованиями*. Задача миграционной политики – сделать привлечение

трудовых мигрантов *«невыгодным для организованной сети так называемых посредников, которые нелегально наживаются на этой беде»* (ФГ № 3, эксперт, представитель власти).

Сформировавшаяся полиэтническая среда в селе обнаруживает дискриминационные практики как со стороны принимающего сообщества в целом, так и со стороны отдельных представителей этнических групп. Школа вовлечена в процессы социализации мигрантов в культурное пространство села, становление инклюзивной культуры, переход от мобильного к социальному гражданству.

Инклюзивная культура сельской школы позволяет выявить возможные механизмы преодоления дискриминационных ситуаций, обеспечения инклюзивности образовательной среды. Это вопросы мобильного гражданства, прав и обязанностей людей, посещающих различные места и проникающих в иные культуры¹⁵⁸. Культурное гражданство, однако, не приобретает легко и просто.

Идеология – это *ценности и убеждения, способствующие сохранению позиции более могущественных групп по отношению к менее могущественным*¹⁵⁹. Если это принципиально не противоречит нормам, правам, ценностям иноэтнической группы, то представляет собой процесс интеграции, в определенной степени – инклюзии. Инклюзивная культура учитывает существование индивида в окружении житейских конструкторов – системы родства, привычек питаться и одеваться.

Темпоральная идея мобильного гражданства включена в направление понимания гражданина как активного и занятого

¹⁵⁸ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.

¹⁵⁹ Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 496-497.

члена общества. Инклюзивная культура, социальная мобильность, культурное гражданство необходимы в системе социальной политики, занятости, миграции. Инклюзия универсальна и не ориентируется исключительно на один сегмент мобильности, культурной и социальной жизни. Можно полагать инклюзивную социальную политику инструментом культурного гражданства, смягчения социального неравенства, признанием права на различие, дискурс доверия, сплоченности, концентрации внимания на гражданстве и мобильности не только проблемных когорт, но и любой социальной группы. В итоге инклюзивная культура содержит идеологию мобильного и культурного гражданства как обязательные компоненты.

Глава 2.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЛОЧЁННОСТИ

Результаты количественного исследования

Эмпирическое исследование факторов и характеристик социальной сплочённости населения было выполнено в рамках количественной методологии исследования в конце 2015 года. Подход к формированию выборочной совокупности был основан на сочетании стратифицированной выборки и выборки, регулируемой респондентами (с элементами акционистского исследования) на основе вовлечения в исследование представителей разных социально-профессиональных групп (предприниматели, творческая интеллигенция, представители медицинского, академического сообщества, сферы социальной защиты населения, педагогические работники, инженерно-технические работники, рабочие, студенты, безработные). Выборочная совокупность, управляемая респондентом – RDS (respondent driven sampling) – разновидность сетевой выборки, типологически близкая методу «снежного кома», при этом математически обосновывается вероятность включения неслучайного респондента и величина систематической ошибки. Данный вид выборки характерен при изучении страт, для которых характерна высокая плотность внутригрупповых связей (к примеру, в социально-профессиональных группах) с учетом территориального размещения целевой генеральной совокупности; выбор первичных респондентов, максимально гетерогенных по социально-демографическим

признакам, влияющим на формирование социальных связей. Концепт социальной сплоченности в эмпирическом исследовании был раскрыт комплексом понятийных структур социально-политической, профессиональной, соседской и семейной сплоченности. Полученные эмпирические данные представлены в виде таблиц и диаграмм в Приложении 4.

Социально-демографические характеристики респондентов определены половозрастными параметрами, уровнем образования, материальным и семейным положением, наличием детей, религиозным самоопределением, указанием основного рода занятий в настоящее время. Генеральная совокупность составляет 2 493 024 чел.¹⁶⁰, размер выборочной совокупности – 600 респондентов по Саратовской области, что позволяет сократить доверительный интервал $\approx 4\%$.

Материальное положение семей опрошенных респондентов характеризуется ими следующим образом: бóльшая часть (37%) считает, что «денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является большой проблемой», 32% респондентов могут «без труда приобретать вещи длительного пользования, но покупку машины, квартиры не можем себе позволить». Меньшая группа считает, что «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения» (19%), 8% респондентов отвечают: «едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты», и самая малочисленная группа (5%) ответила: «можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, дачу и многое другое» (Приложение 6.1).

¹⁶⁰ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года // www.gks.ru/free.doc2015/mun.obr2015 (дата обращения: 25.08.2017).

В соответствии с основным родом занятий респонденты представлены следующими социально-профессиональными группами (Приложение 3): госслужащий, работник бюджетной сферы – 28%; сотрудник коммерческой/частной организации – 20%; студент – 22% (в т.ч. работающий – 7%); временно безработный – 8%; частный предприниматель, бизнесмен – 7%; сотрудник НГО / НКО – 5%; пенсионер – 5%; домохозяйка (-ин) – 3%; другое – 0,5%.

Образовательный статус респондентов представлен следующим образом: большая часть имеет высшее образование – 39%, незаконченное высшее – 21%, среднее специальное – 21%, полное среднее – 9%, ученую степень – 6%, неполное среднее – 3% (Приложение 6.2).

Отношение к религии, вероисповеданию выявило среди опрошенных группы придерживающихся православия (74%), ислама (8%), католицизма (0,9%), протестантизма (0,5%), буддизма (0,3%), иудаизма (0,3%). Довольно существенная группа респондентов не относит себя ни к какой религии, конфессии (14%) (Приложение 6.3).

Рассмотрим, как выражена социальная дистанция. Степень причастности к таким социальным группам, как жители своего города, своего региона, к жителям столицы России, населению всей России и бывших союзных республик СССР выявляется через следующие распределения ответов респондентов (Приложение 5.1., 5.2). Наиболее высокая степень причастности проявилась к жителям своего города, характеризуя отношение к этой группе как «свое» – 52% и «близкое, но не свое» – 26%, затем к жителям своего региона (24% и 29,5% соответственно), к жителям России в целом (23% и 22% соответственно), и наименьшая причастность выявлена к группам жителей бывших союзных республик (7% и 19%) и жителей столицы России (6% и 19% соответственно).

Наибольшая степень отчужденности респондентов проявилась по отношению к социальным группам бывших республик СССР (безразличное отношение у 21% опрошенных, «далекое, но не чужое» – 22% и столько же – «чужое»). Отношение к жителям Москвы представляется как «далекое, но не чужое» для 29% и «чужое» – для 21% опрошенных. Данные распределения ответов оказались довольно неожиданными, учитывая довольно высокий уровень отчужденности по отношению к жителям столицы, который сравним с отношением к жителям бывших союзных республик, территориально и темпорально отдаленным от России. Это может быть связано, с одной стороны, с тенденцией противопоставления центра и периферии страны, представлением о столице как об особом социальном пространстве, в котором проявляются другие ресурсы, возможности, отличные от других регионов России.

С другой стороны, это может быть связано с особенностями инструментария, в котором «свой» город и регион противопоставлены столичному, а включенность в более широкие социальные группы осознается с большей необходимостью.

Остановимся на событии как индикаторе социальной сплоченности. Отношение к событиям, которые могут рассматриваться как потенциально сплывающие людей, распределились в ответах респондентов следующим образом. Наибольшее значение отдано таким событиям, как значимые семейные события – 67%, военная угроза – 64,5%, традиционные и национальные праздники – 62%, спортивные события – 45%, общее дело на работе – 45%, корпоративы – 26%, присоединение Крыма – 28%, экономические санкции – 18%, благоустройство района, города – 17%, которые, по мнению респондентов, «всегда сплываают» людей (Приложение 4). Эти дан-

ные показывают значение факторов, которые могут быть значимы для проектирования мер социальной политики, развития патриотизма, социальной сплоченности на краткосрочную и среднесрочную перспективу, поскольку опираются на актуальные эмоционально переживаемые события населения в связи с мерами внутренней и внешней политики.

Согласно полученному распределению ответов, наиболее значимы факторы межличностных отношений, семейных событий, факты личной биографии, которые проживаются в контексте значимых социально-политических событий. Реально осознаваемая угроза военных действий обладает сплачивающим социально-психологическим эффектом, делением на «своих-чужих», противопоставлением больших социальных групп, представляя собой тенденцию противопоставления себя и расширенной группы, к которой относит себя человек, внешнему врагу. Таким образом, внешняя угроза в нестабильной геополитической ситуации сокращает социальную дистанцию в обществе. Весьма значимыми для формирования социальной сплоченности представляются и позитивные события на макроуровне, объединяющие людей при положительно проживаемом опыте, совместных праздниках, символических событиях для страны.

Примером таких событий выступают праздники, значимые для большинства населения: традиционные (Новый год, День защитника отечества и другое), государственные (День конституции, присоединение Крыма), религиозные (Пасха) праздники, спортивные события международного значения (Олимпиада в Сочи).

«Иногда» могут сплачивать, то есть имеют потенциал при определенных условиях, такие события, как корпоративы – 53% респондентов, благоустройство района – 52%, общее

дело на работе – 48%, спортивные события – 46,5%, экономические санкции, присоединение Крыма, традиционные и национальные праздники, семейные праздники – **в среднем 30%**, военная угроза – 21%. Вероятно, наибольшее значение эти факторы имеют в периоды стабильного экономического и социально-политического развития отношений в международном и национальном масштабах и значимы при реализации стратегических проектов устойчивого развития отдельных отраслей социально-экономической сферы и страны в целом.

В качестве наименее значимых в настоящее время для социальной сплоченности факторов и событий почти треть респондентов (32%) указала экономические санкции, четвертая часть респондентов (25,5%) – благоустройство района, города; пятая часть респондентов (20%) считают не значимым для достижения социальной сплоченности присоединение Крыма, 14% указывают, что «совсем не сплачивают» корпоративы.

Отметим принадлежность к группе как показатель сплоченности. Ощущение общности, близости, причастности, социальной сплоченности измерялось по таким показателям, как религиозная вера/конфессия, принадлежность к профессиональной группе, этнической группе, общее гражданство, схожее социальное положение, родственные и семейные отношения, половозрастные показатели, взаимодействие в социальных сетях, что демонстрируют следующие данные.

Наиболее высокая степень общности с окружающими людьми проявилась в ответах респондентов на основании оценки значения родственно-семейных связей. Так, общность с членами семьи, родственниками ощущают в полной мере 77% респондентов, «скорее ощущают» 17% респондентов, «скорее не ощущают» и совсем не ощущают 2,5% и 1,5%

респондентов соответственно, затруднились ответить 1,7% опрошенных.

Весьма существенно чувство общности при реализации совместной деятельности с представителями одной профессии. Профессиональную сплоченность ощущают в полной мере 29% респондентов, «скорее ощущают» 50% респондентов, «скорее не ощущают» и совсем не ощущают 12% и 5,4% респондентов соответственно, затруднились ответить 3,5% опрошенных (Приложение 4). По результатам исследования, факторы пола и возраста оказываются несколько менее значимыми при соотнесении респондентами себя с социальными группами по сравнению с семейными, профессиональными факторами принадлежности, но являются тоже довольно существенными.

Общность с людьми одного поколения (возраста) в большей степени ощущается большинством респондентов, чем фактор пола. Принадлежность к возрастной когорте значима для 73% ответивших (ощущают в полной мере – 22,5%, «скорее ощущают» – 51% респондентов). Гендерная идентичность является спланивающим фактором для 64% респондентов: ее в полной мере замечают 20% респондентов, «скорее ощущают» общность по признаку пола 44% респондентов. Возрастной фактор не значим для 22,5% респондентов («скорее не ощущают» и совсем не ощущают 15% и 7% респондентов соответственно, затруднились ответить 5% опрошенных), а фактор пола «скорее не ощущают» и совсем не ощущают при формировании чувства общности с людьми 18% и 9% респондентов соответственно (в целом 27,5%), затруднились ответить 9% опрошенных.

Сохраняют значение факторы социального расслоения, которые подчеркивают значение социально-экономического

неравенства и объединяют людей по классово-стратификационным основаниям. Общность с людьми одного социального положения ощущают в полной мере 26% респондентов, «скорее ощущают» 43% респондентов (в целом 69%), «скорее не ощущают» и совсем не ощущают только 18% и 7% респондентов соответственно, затруднились ответить 6,5% опрошенных.

Традиционные факторы, объединяющие людей в социальные группы и сплачивающие их, такие как этническая и религиозная принадлежность, в ответах респондентов занимают в рейтинге ответов более скромную позицию. Общность с людьми одной религиозной веры и конфессии ощущают в полной мере 22% респондентов, «скорее ощущают» 38% респондентов (придают значение всего 60%), «скорее не ощущают» и совсем не ощущают 18% и 12% респондентов соответственно, затруднились ответить 10,4% опрошенных. Общность с представителями одной этничности ощущают в полной мере 19% респондентов, «скорее ощущают» 39% респондентов (всего 58%), «скорее не ощущают» и совсем не ощущают 22% и 9% респондентов соответственно, затруднились ответить 11% опрошенных (Приложение 4).

Следует отметить, что одной из современных тенденций становится формирование нового типа социальных общностей, по отношению к которым формируется социальная идентичность, причастность к событиям, происходящим в стране. Таким типом сообществ становятся виртуальные и реальные сообщества в социальных сетях. Общность с людьми, с которыми респонденты общаются в социальных сетях, ощущают в полной мере 15% респондентов, «скорее ощущают» 38,5% респондентов (в целом 54%), «скорее не ощущают» и

совсем не ощущают 18,5% и 14% респондентов соответственно (в целом 32%), затруднились ответить 14% опрошенных.

Интересно отметить взаимосвязь тенденций ответов на вопросы об ощущении общего российского гражданства, общности с гражданами страны и причастности к жителям России. Так, ощущение гражданской принадлежности в полной мере проявляется у 22% респондентов, «скорее ощущают» ее 40% респондентов (в целом почти две трети опрошенных). Одновременно причастность к жителям России, восприятие этой социальной группы как «своего», «родного» отмечается у 23% опрошенных, «как близкое, но не свое» – у 22% респондентов (менее половины опрошенных). Скорее не ощущают и совсем не ощущают гражданский статус и общность с гражданами страны 23% и 9% респондентов соответственно (немногим менее трети респондентов), а при вопросе о причастности к жителям всей России распространена характеристика данной социальной группы как «далекое, но не чужое» – проявилась у 29% опрошенных, безразличное отношение – у 15% респондентов, оценивается как «чужое» – 5,5% ответивших.

То есть гражданственность и ощущение социальной идентичности с группой россиян могут представлять разные категории исследования социальных отношений, когда, имея российское гражданство, человек может воспринимать его как внешний фактор, формальный статус, позволяющий не чувствовать общности с группой россиян. Продемонстрированные тенденции выявляют существенную долю социальной отчужденности практически трети опрошенных россиян, что необходимо учитывать в реализации программ социально-демографического развития, миграционной политики.

Обратим внимание на готовность оказания помощи и уровень социальной сплочённости. Блок вопросов, выявляющих готовность помогать окружающим на основе чувства общности/отчужденности с ними продемонстрировал несколько тенденций в ответах респондентов. В проведенном исследовании измерялись параметры готовности оказать помощь родственникам, друзьям, коллегам, соседям в виде передачи денег на безвозмездной основе и займы, выслушать проблемы, посочувствовать; дать в пользование вещи; дать совет; помочь с ремонтом, уборкой, переносом вещей; использовать собственные связи, контакты для помощи; привлечь к помощи других людей.

Готовность оказывать помощь измерялась по отношению к разным социальным группам и видам помощи. Так, по отношению к родственникам дать денег на безвозмездной основе «очень характерно» и «характерно» для 57% и 9% опрошенных, друзьям – 15% и 7%, коллегам – 3,6% и 1,6%, соседям – 2,6% и 0,9%. Для сравнения, не свойствен такой вид помощи в отношении родственников для 6,5% ответивших, в отношении друзей – для 18%, в отношении коллег – для 48%, в отношении соседей – для 65% (Приложение 4).

Дать денег займы родственникам свойственно 65%, не свойственно – 12% респондентов. Та же мера поддержки в отношении друзей свойственна для 49%, в отношении коллег – 24%, и гораздо менее свойственна в отношении соседей – 16,5%. Не готовы дать в долг родственникам 12% респондентов, не свойственно давать в долг друзьям и коллегам для 12% и 24% респондентов соответственно, не свойственно дать денег займы соседям для 43% респондентов (Приложение 4).

Другая форма материальной помощи окружающим, такая как дать в пользование вещи, наиболее свойственна в от-

ношении родственников для 65% (не свойственно 11% респондентов), друзей – 45% (не свойственно 18% респондентов), и в меньшей степени свойственна в отношении коллег – 14% (не свойственно давать вещи друзьям для 39% респондентов) и соседей – 11% (не свойственно так помогать для 52% респондентов) (Приложение 4).

Предложить свою помощь с ремонтом, уборкой, переносом вещей родственникам свойственно 72%, не свойственно 3,8% респондентов. Помочь друзьям, предложив физическую помощь, свойственно 51%, не свойственно – 7% респондентов. В отношении коллег и соседей данная помощь характерна для равных долей опрошенных – соответственно 19% и 18%, не свойственно соответственно для 26% и 38% респондентов.

Высока готовность оказать такие формы бытовой психосоциальной поддержки родственников, как выслушать проблемы, посочувствовать, а также посоветовать выход из сложившейся ситуации – это свойственно для 81% и 71,5% соответственно, не свойственно лишь для 2,4% и 3,5% респондентов. Выслушать проблемы, посочувствовать друзьям свойственно 73%, а посоветовать им выход из сложившейся ситуации – для 63,5% (не свойственно 5% и 2% респондентов соответственно). Аналогично рассматриваемым формам поддержки в отношении коллег готовы помочь 39% и 36% (соответственно, не готовы 8,5% и 12%), в отношении соседей – 28% и 27%, не готовы помочь сочувствием и советом соответственно 27,5% и 30% опрошенных (Приложение 4).

Использовать собственные связи, контакты для помощи родственникам свойственно более чем для двух третей опрошенных (72%) и не свойственно только для 6% респондентов. Замолвить слово в поддержку друзей готовы более половины опрошенных (57%), не готовы только 6,6% респондентов. Немногим менее четверти респондентов пользуются личными

связями для помощи коллегам (это свойственно 24%, не свойственно – 20%), и только 18% готовы предоставить свои знакомства и связи для помощи соседям, тогда как это не свойственно для 40% опрошенных.

Менее распространенной формой поддержки оказалось привлечение к помощи родственникам, друзьям, коллегам и соседям других людей-волонтеров – такая помощь характерна в отношении перечисленных групп только для 44%; 34%; 16%; 12,5% респондентов соответственно. Обратная характеристика, показывающая неготовность прибегать к такой помощи в отношении родственников для 22% респондентов, друзей – для 24%, коллег – для 36,8%, и соседей (28%) – показательна для 53% опрошенных.

Вопрос о возможности добровольного участия в мероприятиях города в свободное время отразил готовность респондентов сажать деревья и цветы (26% респондентов), организовывать детские игровые площадки (18%), возглавить детские секции и кружки по интересам (15%), принимать участие в уборке парковой зоны (16%); гораздо реже проявляется готовность участвовать в рейдах по охране правопорядка (6%), участвовать в митингах по социально значимым проблемам (8%). Отказались от участия в мероприятиях 10% респондентов.

Модели поведения в коллективе можно рассматривать как ориентация на социальную сплоченность. При определении приоритетных видов деятельности в свободное время, время отдыха в течение недели наиболее популярным ответом стал «дома, в своей квартире» – 60% и «на открытом воздухе (на улице, в парке, на природе)» – 17%, заметно опередив другие ответы («в доме друзей, родственников» – 10%, занимаюсь чем-либо рядом с домом» – 5,5%, «в общественном месте» – 3%, «на даче» – 1,5%).

К факторам профессиональной сплоченности, выявляющим степень социального комфорта на рабочем месте, относится атмосфера в трудовом коллективе, организация совместных мероприятий, корпоративов, особенностей оценки собственного поведения и эмоционального состояния в коллективе. Формирование позитивной и негативной атмосферы складывается в соответствии с особенностями взаимодействия работников, наличием/отсутствием конфликтных личностей, проведением совместных мероприятий, умением руководителя организовывать трудовой процесс, решать проблемы в трудовом коллективе.

При описании атмосферы в рабочем коллективе бóльшая часть респондентов оценивает ее как дружественную, позитивную (26%); 31% определяют ее как взаимное уважение; 11% опрошенных оценивают ее как деловую; 5% – как конкурентную, а 4% признались, что им в трудовом коллективе тяжело и некомфортно. При этом примерно пятая часть респондентов в настоящее время не работает (Приложение 4).

Как показали данные исследования, позитивная атмосфера преимущественно зависит от того, насколько позитивные, добрые люди подобрались – так считают 41,5% опрошенных. По мнению 22% респондентов, в их коллективе распространены взаимопомощь и взаимовыручка, 13% видят в этом положительное влияние начальника, который делает все возможное для сплочения коллектива, и только 7% ответивших считают, что причина – в совместных спланированных мероприятиях. При этом более 10% респондентов затруднились с ответом.

Причины негативной трудовой атмосферы видятся в основном в наличии в коллективе негативно настроенных сотрудников, как считают 36% респондентов. Второй по значи-

мости причиной выдвигается начальник, который сам провоцирует конфликты и создает напряженную ситуацию. С небольшим отрывом идут варианты ответов о конкуренции сотрудников, мешающей взаимовыручке (13%), и недостаточность мероприятий, сплачивающих коллектив (11%), при этом почти четверть респондентов затруднились определить причины конфликтов в трудовом коллективе.

Неоднозначно оценивается значение проведения корпоративов как фактора сплоченности трудового коллектива, при этом мнения респондентов о частоте проведения таких событий разделились: 39% считают, что они должны проводиться примерно раз в месяц; 40% считают, что их нужно проводить один-два раза в год, примерно десятая часть желает в них участвовать каждую неделю (10%), и чуть больше респондентов не считают нужным их проведение вообще (11,5%).

Наиболее свойственное поведение на работе, эмоциональное состояние, трудовые стратегии работающих респондентов выявляются через установки по отношению к исполнению трудовых обязанностей, оценке удовлетворенности работой и местом в трудовом коллективе, особенностями взаимодействия с коллегами.

Большая часть респондентов в трудовом коллективе стремится поддерживать позитивный настрой («абсолютно согласны» с этим утверждением 58%, «скорее согласны» – 30%), а также старается поддерживать стабильные рабочие отношения («абсолютно согласны» с этим утверждением 48,5%, «скорее согласны» – 39%). С утверждением, что подвержены эмоциональному влиянию окружения, «абсолютно согласны» 12%, «скорее согласны» 29%, «и да, и нет» ответили 36,5%, «не согласны» 18%, «абсолютно не согласны» 3,4% ответивших.

Несмотря на то, что конкурентность в трудовом коллективе рассматривается как фактор формирования негативной атмосферы для 12,6% сотрудников, с утверждением «стараяются рассчитывать только на себя» применительно к своему поведению в трудовом коллективе «абсолютно согласны» 40,5%, «скорее согласны» – 20% ответивших. Стратегия чаще обращаться к руководству как наиболее свойственный тип поведения оценивается неоднозначно: с ним «абсолютно согласны» 13,5%, «скорее согласны» 18%, «и да, и нет» ответили 38%, «не согласны» 24%, «абсолютно не согласны» 1,7% ответивших.

Разнонаправленные трудовые стратегии проявлять инициативу или совершать действия напрямую, связанные только с трудовыми обязанностями, отражены в следующем распределении ответов: стремятся проявлять инициативу на работе 67% («абсолютно согласны» 39%, «скорее согласны» 28%, «и да, и нет» ответили 26%, «не согласны» 5%) респондентов. Тогда как исполнять только свои должностные обязанности стремятся 46% («абсолютно согласны» 26%, «скорее согласны» 20%, «и да, и нет» ответили 31%, «не согласны» 17%, «абсолютно не согласны» 4%) опрошенных.

Значимыми и авторитетными в коллективе себя чувствуют примерно половина опрошенных («абсолютно согласны» 22%, «скорее согласны» 33% ответивших), стараются участвовать в значимых событиях организации более половины респондентов («абсолютно согласны» 28%, «скорее согласны» 30% ответивших). Комфортно чувствуют себя на рабочем месте более 70% опрошенных («абсолютно согласны» 39%, «скорее согласны» 32% ответивших), а 21% не определились со степенью своего комфорта.

А как выглядят поведенческие паттерны в отношении соседства и города? Ряд вопросов, направленных на выявление

поведенческих паттернов социальной сплоченности, демонстрирует следующие установки и отношения респондентов по ряду утверждений. Большинству респондентов нравится жить в Саратове и городах Саратовской области, о чем свидетельствуют распределения ответов: «абсолютно согласны» 27%, «скорее согласны» 30%. Приблизительно треть опрошенных не могут дать утвердительный ответ («и да, и нет» – 28%), и менее одной пятой выборочной совокупности дали отрицательные оценки: «не согласен» – 10%, «абсолютно не согласен» – 5%. Основная часть опрошенных ходит в гости и посещает дома друзей: «абсолютно согласны» 45%, «скорее согласны» 26%, что составляет большинство – 71%, что свидетельствует о высоком уровне сплоченности. Чуть более одной пятой опрошенных склоняются к варианту «и да, и нет» (21%), и менее одной десятой респондентов исключают для себя посещение друзей («не согласен» – 5%, «абсолютно не согласен» – 3%).

Для респондентов важна категория дружбы и чувства соседства, среди которых 35% и 29% «абсолютно согласны» и «скорее согласны» соответственно. Примерно одна четвертая в средней мере ощущают важность данной категории («и да, и нет» – 24%,) и меньшая часть опрошенных не испытывают потребности в ней: «не согласен» – 7%, «абсолютно не согласен» – 5%. Неоднозначны следующие распределения: при довольно высоком уровне «дружбы и чувства соседства» за советом к соседям пойдут всего лишь 6% и 11%. Большинство респондентов дали следующие оценки для ситуации «Если нужен совет, я пойду к кому-нибудь из соседей, они помогут»: «и да, и нет» – 20%, «не согласен» – 30,4%, «абсолютно не согласен» – 31,5%. Схожие тенденции наблюдаются с обменом вещами – «Я беру вещи у соседей и обмениваюсь с ними»: «абсолютно согласен» –

3,5%, «скорее согласен» – 6%, что составляет лишь одну десятую выборочной совокупности, а большинство ответов имеют следующие распределения: «и да, и нет» – 11%, «не согласен» – 30%, «абсолютно не согласен» – 49%.

Наиболее свойственное поведение при определении социальной сплоченности при реальном общении с соседями отражают распределения ответов: «Соседи редко приходят ко мне домой»: «абсолютно согласен» – 35,5%, «скорее согласен» – 22%, «и да, и нет» – 21,5%, «не согласен» – 13%, «абсолютно не согласен» – 8%. Схожие тенденции присутствуют в вопросе: «Я часто останавливаюсь на улице и обсуждаю новости с соседями»: «абсолютно согласен» – 7%, «скорее согласен» – 14%, «и да, и нет» – 25%, «не согласен» – 27% и столько же – «абсолютно не согласен».

Индикаторы социальной активности выражены в потенциальном желании изменить в положительную сторону образ родного города, приняв добровольное участие в ряде мероприятий. Исходя из предложенных моделей поведения, были получены следующие данные в отношении города: «Если бы была возможность, я бы уехал отсюда»: «абсолютно согласен» – 23%, «скорее согласен» – 19%, «и да, и нет» – 26%, «не согласен» – 21,4%, «абсолютно не согласен» – 10,6%. Треть опрошенных готовы работать над улучшением городского пространства: «абсолютно согласен» – 15%, «скорее согласен» – 27%; около трети респондентов склоняются к ответу «и да, и нет» – 35%, и одна пятая не готова принять в этом участие («не согласен» – 14%, «абсолютно не согласен» – 8%).

Индикаторы сплоченности находят отражение в утверждении «Жизнь в этом районе дает чувство общности с его жителями», с которым абсолютно согласны 10,3% опрошенных, скорее согласны 16%, около трети выборочной совокуп-

ности дали ответ «и да, и нет» (32%), и треть ответов разделены на «не согласен» (22%) и «абсолютно не согласен» (19%). Одним из индикаторов социального благополучия служит утверждение «Я думаю, что здесь хорошее место, чтобы воспитывать детей», согласие с которым выразили 37%, приблизительно такое же количество респондентов склонны к нейтральной позиции (34,5 %), и 28% дали отрицательные оценки. Исходя из анализа полученных данных, можно сделать вывод, что средний коридор колебания между ответами не превышает 15%. На основе графика выделяется несколько страт респондентов: первая – те, кто готов улучшать свой район, и вторая – те, кто считает, что район – хорошее место для воспитания детей (графики практически идентичны). Обратно пропорциональна зависимость между двумя предыдущими стратами и группой, которая хотела бы переехать.

Отношение к бывшим соотечественникам и к тем, кто собирается переезжать за границу, выражается через одобрение/неодобрение мотивов их переезда. Так, наиболее одобряемыми мотивами переезда являются приглашение на работу («вполне поддерживают» 74% респондентов и «скорее положительно» относятся 21%) и стратегия получения образования за рубежом («вполне поддерживают» 73% респондентов и «скорее положительно» относятся 20%, небольшая доля относится «скорее отрицательно» (6%) и никто однозначно не осуждает). Мотивы переезда, связанные с поиском работы, несколько менее одобряемы и «вполне поддерживаются» и оцениваются «скорее положительно» равным количеством респондентов (по 41% в каждом случае) при «скорее отрицательном» отношении 15,5% ответивших. Несколько менее одобряемыми стратегиями переезда, но тоже вполне жизнеспособными оказались «оформление брака» и поиск су-

пруга/супруги, с которыми «вполне согласны» соответственно 36% и 28% ответивших, к ним относятся скорее положительно 30% и 28% ответивших соответственно. Эти стратегии вызывают «скорее отрицательное» отношение у 15,5% и 19% и осуждение 6% и 13,5% ответивших, затруднились дать определенный ответ 12% и 11% респондентов соответственно по каждому из рассматриваемых вариантов мотивов.

Еще более неоднозначно оценивается мотив «поиска лучшей жизни» за границей, который «вполне поддерживают» почти треть респондентов, «относятся скорее положительно» 27%, «скорее отрицательно» – 20%, осуждают 10% респондентов, затруднились ответить 11% респондентов. Таким образом, на основе полученных данных можно с уверенностью утверждать, что мобильность населения и в частности миграционные процессы, рассматриваемые на микроуровне, в контексте биографических событий и жизненных стратегий оказываются вполне одобряемыми большинством опрошенных. Это может быть связано с возрастающей ценностью социальной гибкости и мобильности как условия достижения индивидуального успеха.

Представим наиболее популярные ответы на вопрос о более вероятных источниках помощи при возможном переезде за границу. Так, в большей степени респонденты надеются на родственников, обращаться к которым для 56% респондентов в такой ситуации может быть «очень характерно», и друзей («очень характерно» – 39% и «характерно» – для 20% ответивших), «довольно часто» – на соотечественников (19%) и «иногда» – на коллег по работе (17%). Предположительно «совсем не свойственно» за рубежом будет обращаться в социальные службы (для 22%) и к соседям (для 28% респондентов).

Исходя из таблиц сопряженности, наибольшую причастность к жителям города чувствует группа работников негосударственных коммерческих мероприятий (74%), на втором месте – страта госслужащих из бюджетной сферы (55% респондентов), на третьем месте – неработающие студенты (52%) и 51% безработных. Далее следуют сотрудники частных коммерческих организаций и пенсионеры (по 50% внутри каждой группы).

При построении дерева классификации использовался метод построения CRT на основе номинальной независимой переменной «род занятий». При измерении критерия согласия использовалась «мера Джини» (вычисляется как сумма всех попарных произведений относительных размеров классов, представленных в данной вершине; ее значение будет максимальным, когда размеры всех классов одинаковы). Цель анализа с помощью деревьев классификации в том, чтобы получить максимально точный прогноз. Исходя из дерева классификации, где независимыми переменными выступали пол, возраст и род занятий, а в качестве зависимой переменной была выбрана социальная дистанция к жителям своего города по целевой категории «свое», то есть респонденты, у которых чувство близости с жителями своего города максимально, мы получили следующие распределения. Наибольшая социальная дистанция обнаруживается по отношению к жителям города, чей возраст больше 22 лет. В дальнейшем по роду занятий ближе сотрудники бюджетной сферы, госслужащие, сотрудники негосударственных коммерческих организаций, и на последнем этапе возраст респондентов смещается к отметке старше 34 лет.

При определении профессиональной сплочённости было сформировано дерево классификации с учетом предыдущих методов построения. В данном случае зависимой переменной

выступала общность с представителями профессии, а в качестве независимых переменных выступали род занятий и уровень рабочей атмосферы в коллективе. В соответствии с графиком, наибольшую общность чувствуют респонденты среди следующего рода занятий: студенты, пенсионеры, работники бюджетной сферы, сотрудники негосударственных некоммерческих организаций – в среднем 40% ощущают близость, и наибольшее чувство сплоченности присутствует при условии взаимоуважения. По другой ветке дерева, к которой относятся сотрудники коммерческой/частной организации, частные предприниматели и бизнесмены, наибольшая степень сплоченности присутствует в дружественной обстановке. Можно сделать вывод о том, что чем лучше рабочая атмосфера в коллективе, тем выше чувство близости (общности) не только в данном коллективе, но и в отношении профессии. Респонденты ощущают близость с людьми одинаковой профессии.

При определении уровня атмосферы в коллективе и связи с родом профессиональной деятельности выявлены с опорой на таблицу сопряженности определенные тенденции. Дружественная атмосфера присутствует среди тех, кто занят индивидуальным трудом (40,5%); 32% – среди сотрудников коммерческой/частной организации, 29% – среди сотрудников негосударственной некоммерческой организации, и наименьший процент – 26% – среди работников бюджетной сферы. Атмосфера взаимного уважения присуща в большей степени для сотрудников коммерческой/частной организации (49%), приблизительно равное распределение – между работниками бюджетной сферы и негосударственной некоммерческой организации (по 43% и 30% среди индивидуальных предпринимателей). Интересным является факт, что некомфортная обстановка присуща государственной сфере – почти одна

десятая респондентов (9%). На графике можно проследить характеристики – наибольший комфорт проявляется среди частных предпринимателей, а наименьший – в коллективе бюджетной сферы.

Данная тенденция сохраняется и при формировании материального положения. Наибольший показатель тех, кто «едва сводит концы с концами», – из бюджетных заведений (8%), при этом в негосударственном секторе процент ответов по данной категории отсутствует, то есть 0%. Могут без труда приобретать товары длительного пользования в основном те, кто работает в негосударственной некоммерческой организации (50%), и индивидуальные предприниматели (45%). Основной части опрошенных, которая работает в государственных учреждениях, денег хватает только на еду и одежду, что составляет 39%.

Исходя из данных графика, можно сделать вывод, что материальный доход работников государственных учреждений ниже сотрудников рыночного сектора. Можно предположить, что уровень заработной платы влияет на социальную сплоченность и атмосферу внутри коллектива, а также на уровень социальной дистанции. Проверим данное предположение с помощью парных корреляций. На основе таблицы (Приложение 4) парных корреляций Спирмена (для порядковых переменных) можно утверждать, что наше предположение имеет основания: связь переменных – сильная ($r = 0,723$) при условии, что $p = 0,01$ – средняя статистическая значимость. Проверим, насколько зависит желание оказать помощь от степени социальной дистанции. На основе таблицы (Приложение 4.2) можно говорить, что уровень общности конвертируется в желание оказать помощь в слабой степени ($r = 0,158$), но статистическая значимость – крайне высокая ($p = 0,000136$).

В целом выявление механизмов влияния на социальную активность людей в виртуальной группе и реальной повседневной жизни характеризовалось определенной степенью корреляции. Под социальной активностью понимается активность на микро-, мезо- и макроуровнях (личностном, групповом и общественном уровне), условие формирования деятельного, энергичного социального субъекта, воспитание качеств личности, участие индивидов в преобразовании социальных условий для достижения их соответствия потребностям и интересам личности. Деятельностное преодоление социальных диспропорций и напряженностей в обществе социальными акторами (индивидами, группами, социальными институтами) – вариации форм сознательной антропогенной деятельности, направленной на достижение стоящих перед социумом, классом, стратой, социальной группой, личностью целей в конкретных социально-исторических условиях.

Сферы проявления социальной активности, продуцирующей сплочённость: активность в сфере образования и занятости позволяет наращивать социальный и культурный капитал, профессиональное становление; активность в общественно-политической сфере позволяет участвовать в формировании гражданского общества; активность в сфере культуры позволяет повысить уровень личностной культуры, организовывать досуговую сферу; активность в бытовой сфере часто проявляется в волонтерских проектах, преобразует условия жизни, повышает ответственность за благополучие, влияет на сплочённость в сообществе.

Межрегиональное исследование (Казань, Саратов, Томск)

Изучение параметров, формирующих социальную сплоченность, является актуальным для современной российской действительности, так как именно категория социальной сплочённости обеспечивает процессы интеграции общества, помогая людям осуществлять одобряемый выбор в значимых жизненных ситуациях¹⁶¹. Проецируя конкретные параметры социальной сплоченности на состояние современного российского общества, мы получаем представления о том, насколько сильна интеграция современных граждан. Теоретическая проработка темы позволяет получить информацию о параметрах социальной сплоченности, на которые стоит обратить внимание при рефлексии эмпирического материала. Существуют разные подходы к изучению социальной сплоченности, позволяющие идентифицировать основные параметры данного явления.

Сплоченность порой сравнивается с жизнеспособностью и энергией социального организма, его единством и умением сопротивляться, что обеспечивается превосходством коллективного сознания над индивидуальным¹⁶². Коллективное действие обеспечивает формирование солидарности в обществе, которая может восприниматься нами как базис социальной сплоченности. Согласно взглядам Э. Дюркгейма, солидар-

¹⁶¹ Ярская В., Ярская-Смирнова Е. Социальная сплоченность: выбор идеологии и механизма реализации //Интеллигенция и идеалы российского общества. Сб. статей по материалам XI международной теоретико-методологической конференции. – М.: РГГУ, 2010. – С. 152.

¹⁶² Ярская-Смирнова Е., Ярская В. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – №. 4. – С. 43.

ность – источник и регулятор общественной жизни и общественного развития, так как объединяет взгляды, мысли, действия людей, направляя их в единое русло¹⁶³.

Рассматривая теоретические основы категории сплоченности, следует сказать о социальной интеграции, которая, согласно Т. Парсонсу, обобщает множественные специфические и нередко противоречащие друг другу ценностные ориентации сообществ, организаций, групп¹⁶⁴. При этом важно различать институциональную интеграцию, представленную включенностью индивида в процесс функционирования институтов принимающего общества, и аккультурную – участие человека в работе ценностно-нормативной и поведенческой системы сообщества, формирующее новую социально-культурную идентичность¹⁶⁵. В рамках эмпирического исследования мы проследим, какие виды интеграции характерны для современной российской действительности.

Сплоченность может формироваться на условиях взаимной выгоды, что будет выражаться в отстаивании общих взглядов, решении острых проблем, которые волнуют всех членов сообщества одновременно. Люди обмениваются мыслями, взаимодействуют и сотрудничают, чтобы удовлетворить свои интересы. В данной ситуации основа интеракций и

¹⁶³ Гофман А. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012 / под ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, НИУ ГУВШЭ, 2013. – 363 с. / С. 101.

¹⁶⁴ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. – 1993. – №2. – С. 98.

¹⁶⁵ Хухлаев Е., Чибисова М., Шеманов А. Инклюзивный подход в интеграции детей-мигрантов в образовании // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20. – № 1. – С. 16.

связей – это взаимная выгода, сходство интересов участников взаимодействия¹⁶⁶.

Важная составляющая социальной сплоченности, на которую мы обратили внимание в процессе межрегионального исследования, – это доверие, являющееся основой неформальных социальных отношений и наиболее распространенной моделью межличностных интеракций¹⁶⁷. Доверие может рассматриваться в нескольких ипостасях: во-первых, как абстрактная форма доверия, в качестве которой выступает государство, создающее условия для интеракций на институциональном уровне; во-вторых, межличностное доверие, которое утверждается в сетевых структурах взаимодействия и снижает риски; в-третьих, обеспечение реализации доверия на уровне системы за счет функционирующих ценностей, норм и правил¹⁶⁸.

Создание социальной сплоченности маловероятно в ситуации исключения отдельных граждан или социальных групп из повседневной жизнедеятельности общества. В связи с этим мы обратим внимание на понятие социальной инклюзии, укрепляющей чувство принадлежности человека или группы к сообществу и ведущей к созданию социальной интеграции¹⁶⁹. Расширение возможностей социального включения

¹⁶⁶ Ярская В., Ярская-Смирнова Е. Социальная сплоченность: выбор идеологии и механизма реализации // Интеллигенция и идеалы российского общества. Сб. ст. по материалам XI международной теоретико-методологической конференции. – М., 2010. – С. 48.

¹⁶⁷ Радаев В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУВШЭ, 2003. – С. 73 / 324 с.

¹⁶⁸ Гужавина Т. Социальное доверие в гражданском обществе // Проблемы развития территории. – 2012. – №6. – С. 115.

¹⁶⁹ Астоянц М. Социальная инклюзия детей-сирот: проблемы и перспективы российской социальной политики // Известия ЮФУ. – 2009. – №11. – С. 23.

отдельных индивидов становится возможным благодаря образованию и праву, распространенным ценностям и нормам, в соответствии с которыми устанавливаются контакты между людьми¹⁷⁰. Ожидаемый результат инклюзии – появление у граждан возможности принимать участие во всех социокультурных и экономических событиях, что в свою очередь будет способствовать изменению общественного сознания в ракурсе нондискриминации¹⁷¹. При анализе количественных данных мы обратили внимание на присутствие социальной инклюзии в повседневной экзистенции россиян.

С целью исследования феномена социальной сплоченности и особенностей социальной ситуации в современной России, выявления доминирующих социальных представлений о векторах её развития, реформировании, а также реального уровня доверия в обществе, социальной дистанции, степени социальной солидарности нами был проведен межрегиональный социологический опрос (*проект «Инклюзия как фундаментальный принцип социальной безопасности: потенциал сплочённости в контексте модернизации социальной политики России» в рамках госзадания Минобрнауки РФ на оказание услуг, 2012-2013. Рук. Ярская В.Н.*).

Эмпирическое исследование предполагало три основных этапа: подготовительный (разработка программы исследования); основной (проведение эмпирического исследования); завершающий (обработка и анализ данных, формирование выводов и рекомендаций). В качестве основной определена ко-

¹⁷⁰ Ярская В., Ярская-Смирнова Е. Инклюзивная культура социальных служб // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 134.

¹⁷¹ Социальная политика современной России: социологический анализ тенденций инклюзии / под ред. Д. Зайцева, В. Ярской. – Саратов: СГТУ, 2010. – 134 с. / С. 20.

личественная стратегия (метод анкетного опроса). Это обусловлено тем, что анализируемая социальная проблема недостаточно обеспечена документальными источниками информации; предмет исследования, его отдельные характеристики недоступны для наблюдения; планируется исследование элементов общественного сознания (потребность, интересы, настроения, ценности, убеждения людей). Метод опроса – поквартирный опрос.

В ходе массового опроса был проверен ряд теоретических гипотез: 1) уровень социальной сплоченности в межрегиональном российском контексте детерминирован особенностями социальной политики конкретного региона; 2) меры современной социальной политики в России направлены на сохранение минимальной социальной стабильности и не ориентированы на обеспечение реальной сплоченности российского общества; 3) социальная безопасность не является приоритетом социальной политики России; 4) модернизация социальной политики сводится к повышению экономического благополучия населения за счет увеличения различных выплат на размер инфляционного коэффициента.

Соответственно, тематическими направлениями исследования являются: социальная сплоченность; отношение к различным социальным группам; отношение к добровольному участию в мероприятиях по решению проблем местного сообщества; уровень социального доверия по отношению к государственным, общественным структурам; доверие к социальным институтам; уровень социальной безопасности, сложившийся в нашем обществе; тенденции в области социальной безопасности; степень доверия к правоохранительным органам, государственным силовым структурам; оценка социальной политики с точки зрения оценки эффективности и справедливости принимаемых решений; отношения между

различными этническими группами в нашей стране, отношение к мигрантам.

Социологическая интерпретация социальной сплоченности позволила провести операционализацию и определить (в рамках теоретического исследования) категориально-понятийные связи, составные компоненты-показатели: социальная дистанция, социальное доверие, социальная политика, социальная солидарность, социальная справедливость, социальная толерантность, социальная инклюзия и интеграция, социальная безопасность.

На основе результатов проведенного исследования определены компоненты социальной сплоченности и система их показателей, которые были положены в основу инструментария эмпирического исследования. К таким компонентам и показателям отнесены:

- социальная политика (общественное согласие, благополучие, социальное распределение, социальное потребление, цели общества, регулирование и согласование интересов, устойчивое и сбалансированное развитие общества);
- социальное равенство (доступ к социальным, экономическим и иным правам, социальное доверие, равенство перед законом);
- социальная интеграция (объединение социальных элементов, включение в общество новых элементов);
- социальная инклюзия (включение индивида или группы в более широкое сообщество, приобщение индивида или группы к определенному социальному действию или культурному процессу);
- социальная безопасность (состояние защищенности целей и идеалов человека, общества, государства).

В качестве инструментария эмпирического исследования выступил разработанный анкетный лист, содержащий четыре смысловых блока, вопросы которых отражают показатели социальной сплоченности (чувство причастности, социальная готовность, уровень доверия, социальное представление и мнение). Признаки социальной сплоченности, в которых она может быть измерена, были переведены в индикаторы и вопросы анкетного листа.

Первый этап построения выборочной совокупности предполагал стратификацию общего количества единиц отбора по параметру места жительства: городское население Российской Федерации. Общее число респондентов в регионах опроса набрано пропорционально численности населения, проживающего в городской местности. В отбор попали три пилотных города, различающиеся по своей структуре и численности (Казань, Саратов, Томск).

Второй этап проектирования выборки был построен на использовании квотного способа отбора респондентов пропорционально численности населения и половозрастным характеристикам. В связи с небольшим выборочным составом было предложено использовать три возрастные когорты: молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет, которые получают среднее специальное или высшее образование, а также участвуют в профессиональной деятельности как молодые специалисты; люди трудоспособного возраста от 29 до 55 лет, как правило, имеющие активную трудовую деятельность, вступившие в семейные отношения и имеющие детей; люди пенсионного возраста старше 55 лет, поскольку по российскому законодательству женщины на общих основаниях выходят на пенсию с этого времени, а мужчины вступают в предпенсионный возраст и заканчивают свою профессиональную карьеру.

Соответственно, была получена многоступенчатая, кво-тированная выборка. В процессе определения квот были вы-делены 6 групп, пропорции которых соответствуют основным демографическим характеристикам (пол, возраст) населения городов, в которых проводилось исследования. Всего в рам-ках исследования опрошено 1244 человека, из них 414 – в Са-ратове, 409 – в Казани, 412 – в Томске. Демографическими па-раметрами выступают: пол; возраст; семейное положение; наличие/отсутствие детей в семье; уровень образования, мате-риальное положение; служба в армии. Также учитывается ин-формация о городе, в котором проживает респондент, и чис-ленности населения в нем.

В соответствии с целями исследования, генеральной со-вокупностью выступает взрослое население трех регионов Российской Федерации. К взрослому населению отнесены жи-тели в возрасте 18 лет и старше, постоянно проживающие в населенных пунктах территорий.

В качестве источников для расчета параметров страти-фикации использованы статистические данные Территори-альных органов Федеральной службы государственной стати-стики (Росстата), а также официальных сайтов муниципаль-ных образований.

Вследствие того, что некоторые квотные соотношения были перевыполнены, итоговый массив был скорректирован путем систематического удаления анкет, что привело к необ-ходимому соотношению демографических групп. Шаг рас-считывался исходя из общего количества собранных анкет в конкретной квоте и количества анкет, которые требуется удалить. В результате скорректированный массив приведен в соответствие с заданием по сбору данных. Анализируемый массив включает данные 1200 анкет (по 400 анкет в каждом

городе). Фактическая возрастная структура опрошенных выглядит следующим образом: 28% – до 20 лет, 44% – 30-54 года, 28% – 55 лет и старше. Распределение по полу – 44% мужчин и 56% женщин. Таким образом, отклонение от задания не превышает 0,6% в абсолютном выражении. В разрезе городов отклонение долей половозрастных групп в общем массиве от задания не превышает 2% в абсолютном выражении¹⁷². В исследовании реализована двухступенчатая стратифицированная выборка, пропорционально распределенная по параметрам: тип населенных пунктов, пол, возрастная группа. Выборочная совокупность позволила получить достоверные результаты (в пределах ошибки репрезентативности в размахе 5%) для взрослого населения пилотных регионов.

Методология обработки данных

Для обработки исследовательских данных использовалась программа SPSS for Windows. Анализ результатов исследования проводился в три стадии: 1) описание всей совокупности данных с использованием аппарата дескриптивной статистики (группировка, классификация) для упорядочения полученных данных по переменным; 2) «уплотнение» исходной

¹⁷² Расчеты репрезентативности и надежности выборочного социологического исследования осуществлены в соответствии с рекомендациями, разработанными в социологии (см., напр.: Феаро Т. Математические идеи и социологическая теория. – М., 1990; Гречихин В. Лекции по методике и технике социологических исследований. – М.: МГУ, 1988. – С. 77-92; Кокрен У. Методы выборочного исследования. – М.: Статистика, 1976. – 440 с.; Общая теория статистики / под ред. Г. Кильдишева, В. Овсиенко, П. Рабинович, Т. Рябушкина. – М.: Статистика, 1980. – С. 359-373).

информации; 3) углубление интерпретации и объяснение фактов.

Теоретические основы интерпретации данных и комментирования заключены в использовании идеи и теоретических положений, а также результатах социологических опросов отечественных (С. Арслановой, Е. Баевой, М. Делягина, О. Козловой, В. Ярской) и зарубежных ученых (Э. Берджесса, П. Блау, Ч. Бута, М. Вебера, Э. Дюркгейма, М. Кастельса, Л. Козера, Р. Мертон, Дж.Г. Мида, П. Монсона, Р. Парк, Т. Парсонса, Ф. Фукуямы, Дж. Хоманса, Э. Эриксона).

В ходе анализа данных привлечены результаты масштабных социологических исследований, проведенных ВЦИОМ, Левада-Центром, ФОМ (с 2000 по 2016 гг).

Одним из индикаторов социальной сплоченности является самоидентификация респондентов с точки зрения принадлежности к различным группам населения по территориальному признаку. Для исследования данного аспекта респондентам был задан ряд вопросов («В какой мере Вы чувствуете свою причастность к следующим группам людей?»). При этом предлагалось оценить степень оценки респондентами того, каким образом они включаются в основные социальные группы своего города, региона. В качестве специальных групп мы выделяем тех, кто считает, что включен в жизнедеятельность Москвы, России и бывших республик СССР. Для оценки использовалась ординальная шкала: 1 – свое, 2 – близкое, но не свое, 3 – безразличное, 4 – далекое, но не чужое, 5 – чужое.

Получены следующие результаты (Приложение 5).

Чувство причастности к жителям своего города. Структура ответов на данный вопрос выглядит следующим образом: 65% ответов «свое», 22,5% ответов «близкое, но не свое», 3% ответов «далекое, но не чужое», 1% ответов «чужое», 8% респондентов выразили безразличное отношение.

Можно сделать заключение, что преобладающая часть населения – 88% (ответы «свое» и «близкое, но не свое») – чувствует свою близость с жителями своих городов. При этом в разрезе городов проживания, пола и возраста респондентов существенных отличий не выявлено, лишь среди жителей Казани отмечается бóльшая доля ответов, выражающих безразличное отношение: 11% против 8% в целом по трём городам.

Чувство причастности к жителям своего региона. Близость к жителям региона проживания оценивается несколько ниже в сравнении с чувством причастности к жителям городов проживания, хотя ее и выражает большинство респондентов – 77% (40,5% ответов «свое» и 37% ответов «близкое, но не свое»). Как видно, структура «позитивных» ответов смещена в сторону менее категоричных вариантов по сравнению с оценкой чувства причастности с жителями городов проживания. «Негативные» варианты ответов («далекое, но не чужое» и «чужое») и чувство безразличности несколько выше – превышают почти в 2 раза аналогичные оценки чувства сопричастности с жителями городов, в которых живет население, но вместе с тем в абсолютных цифрах сопоставимы: 7% ответов «далекое, но не чужое», 3% ответов «чужое», 14% ответов «безразличное». В разрезе пола, возраста и места проведения опроса существенных отличий не выявлено, лишь несколько больший процент респондентов из молодежной группы выразил безразличное отношение: 18% против 14% в целом по всем возрастам.

Чувство причастности к жителям России. Распределение оценок чувства причастности к жителям всей России имеет определенные отличия от оценок чувства причастности к жителям своих городов и регионов. Во-первых, структура ответов более сбалансирована: сопоставимы доли ответов

«свое», «близкое, но не свое» и «далекое, но не чужое» – 27%, 25% и 25% соответственно. Безразличное чувство выразили 17% респондентов, а чуждость – 6,5% респондентов. Во-вторых, имеются существенные различия в ответах в разрезе места сбора данных. Так, жителей России своими считают 37% респондентов из Саратова, в то время как аналогичный ответ дали лишь 19% респондентов из Казани. Вариант ответа «близкое, но не свое» менее популярен в Томске: 20% в сравнении с 27% и 28% в Саратове и Казани соответственно. Безразличное отношение в целом к россиянам больше отмечают жители Казани – 22%, а меньше – жители Томска – 13%. Категоричных ответов «чужое» значительно больше Казани – 12%, в то время как в Саратове и Томске – 3% и 5% соответственно. Далекое, но не чужое чувство причастности к жителям всей России выразило существенно больше респондентов из Томска – 36% на фоне 20% в Казани и 18% в Саратове. Таким образом, согласно данным, жители России существенно ближе саратовцам: среди респондентов из Саратова и больше «позитивных» ответов, и меньше «негативных». В Казани и Томске равная сумма «позитивных» ответов («свое» и «близкое, но не свое») – 46% (в Саратове – 63%), при этом в Томске больше ответов «свое», а в Казани – «близкое, но не свое». Структура «негативных» ответов (в сумме ответы «далекое, но не чужое» и «чужое» в Казани – 32% , в Томске – 41%) в Томске существенно смещена в сторону варианта «далекое, но не чужое», в то время как в Казани более сбалансирована. Ответы мужчин и женщин на данный вопрос существенно не отличаются. В разрезе возрастных групп ответы «свое» преобладают в старшей возрастной группе «55 лет и старше» – 32,7% на фоне 26% и 24% в группах «до 30 лет» и «от 30 до 55 лет» соответственно, по остальным вариантам ответа на

данный вопрос существенных различий в зависимости от возраста респондента не выявлено.

Чувство причастности к жителям Москвы. Оценки чувства причастности к жителям Москвы и жителям бывших республик СССР существенно отличаются от оценок сопричастности респондентов с жителями своих городов и регионов, а также россиянами в целом. Безразличное отношение максимально проявляется именно к жителям столицы России – 31% ответов. Структура остальных оценок чувства причастности к жителям Москвы выглядит следующим образом: 7% ответов «свое», 21% ответов «близкое, но не свое», 18% ответов «далекое, но не чужое», 23% ответов «чужое». При этом ответы наиболее существенно различаются по городам проживания респондентов. В Томске меньшую долю составляют ответы «свое» и «близкое, но не свое», в то время как в Казани доля данных вариантов, наоборот, больше по сравнению со структурой ответов по всей выборке. При этом меньшее чувство безразличности к москвичам выразили именно жители Казани. В разрезе пола и возраста населения оценки чувства причастности к жителям Москвы существенно не отличаются, лишь в среде молодежи несколько меньше встречаются варианты ответа «близкое, но не свое» – 15% против 21% по всему массиву данных.

Чувство причастности к жителям бывших республик СССР. Распределение ответов по оценке причастности к жителям бывших республик СССР выглядит следующим образом: 13% ответов «свое», 14% ответов «близкое, но не свое», 24% ответов «безразличное», 20% ответов «далекое, но не чужое», 29% ответов «чужое». То есть структура ответов значительно смещена в сторону «негативных» вариантов оценок. При этом пол респондента не оказывает влияния на ответ на

данный вопрос. Место проживания имеет определенное влияние: в Саратове 9% ответов «близкое, но не свое» против 10% аналогичных ответов в Казани

Кроме того, в Казани безразличное отношение выразило большее количество респондентов – 31% на фоне 21% и 20% в Саратове и Томске соответственно. А вот в разрезе возрастных групп имеются существенные различия, особенно между молодежью и старшим возрастом. Среди молодежи наблюдается меньшее количество ответов «свое» – 5% и «близкое, но не свое» – 9% (у старшего возраста – 24% и 16% соответственно), максимальное количество категоричного ответа «чужое» – 35% (у старшего возраста – 23%). Безразличное отношение к жителям бывших республик СССР выразило 31,5% респондентов из числа молодежи (ответы «безразличное» дали 16% респондентов старшего возраста и 25% респондентов среднего возраста).

Готовность бороться с противозаконными действиями, оказать помощь другим людям. Сплоченность населения предполагает взаимопонимание в обществе, способность сочувствовать и готовность оказать помощь другим людям. Вопрос «Если бы Вы увидели, как происходит что-то противозаконное, Ваши действия?» отражает один из индикаторов сплоченности в исследовании. Почти четверть опрошенных респондентов (26%) обязательно вмешались бы в ситуацию.

Около половины респондентов сами вмешиваться не стали бы, но вызвали полицию (47%), привлекли бы внимание прохожих или соседей (18%), а 8% опрошенных прошли бы мимо, считая, что это не их дело. Большинство альтернативных ответов (вариант «другое») говорит о том, что действия будут зависеть от конкретной ситуации (ответы: «в зависимости от конкретной ситуации», «в зависимости от ситуации», «вмешалась бы, если бы не было угрозы жизни», «все зависит

от ситуации», «зависит от ситуации», «по обстоятельствам», «по ситуации», «смотря что», «смотря что происходило бы», «если под угрозой чья-либо жизнь, вмешаюсь», «если дома – позвонила бы в полицию», «зависит от настроения»), но были и другие варианты ответа: «дал бы по роже», «инвалид по зрению, если бы был здоров – вмешался», «каждый сам за себя».

Следует отметить, что наибольшие различия в ответах выявлены в разрезе пола респондента, в то время как возраст и место жительства (город) на структуру ответов влияния не оказывают. Так, обязательно вмешались бы в ситуацию 36% мужчин и лишь 17% женщин, а привлекли бы внимание прохожих и соседей, наоборот, больше женщины (23%), нежели мужчины (12%). Сами вмешиваться не стали бы, но вызвали бы полицию больше половины женщин (50,5%), и 41,5% мужчин. Соответственно, мы видим ориентированность населения на самостоятельное сохранение социального порядка. В основе такого поведения – не принуждение власти, а понимание людьми разумности порядка, которое они приобретают в процессе социализации (по Т. Парсонсу)¹⁷³.

Другой индикатор солидарности представлен вопросом «Помогли бы Вы человеку, подошедшему к Вам на улице с просьбой?». Почти половина респондентов (49%) обязательно помогли бы (вариант ответа «конечно, все должны друг другу помогать»), 24% респондентов помогли бы, если просьба не будет касаться денег, 18% респондентов помогут только в экстренном случае, касающемся здоровья, 8% помогут, только если человек прилично выглядит, а не как нищий. Зависимости ответов от пола, возраста и места жительства респондентов не выявлено. Большинство других вариантов ответа (всего

¹⁷³ Парсонс Т. Функциональная теория измерения // Американская социологическая мысль; под ред. В. Добренкова. – М.: МУБиУ, 1996. – С. 474-476.

других вариантов – 2%), так же, как и в предыдущем вопросе, ссылаются на конкретные обстоятельства («смотря какая просьба», «в зависимости от просьбы», «помогу по ситуации», «в зависимости от ситуации», «зависит от просьбы», «помогу, если это будет во благо», «по здоровью или по экстренной ситуации»), а также на свои возможности («если есть время», «если смогу помогу», «помогу, если не спешу», «по мере возможности», «слишком стар, не буду лезть не в свои дела»).

Готовность принимать участие в протестных акциях демонстрирует активность населения в решении общественных вопросов, это исследовалось с помощью вопроса «Приняли бы Вы участие в митингах и забастовках по социально значимым для общества проблемам?». Большинство респондентов – 68% – не настроены принимать участие в данных мероприятиях. При этом 37% респондентов категоричны в ответах (вариант «нет»), а 31% отрицают возможность своего участия более мягко (вариант «скорее нет, чем да»). Обязательно приняли бы участие в митингах и забастовках 11% опрошенных, а каждый пятый (21%) – скорее да, чем нет. Значимых различий в ответах на данный вопрос между мужчинами и женщинами, возрастными группами и жителями трех городов не выявлено.

Следовательно, более трети граждан поддерживают в открытой либо латентной форме протестные настроения. Наблюдается конфликт интересов, то есть элемент противоречия (по Л. Козеру) оппозиции и власти, что потенциально носит деструктивный импульс. В реальности любая оппозиция прежде всего направлена на реализацию дисфункциональной функции / роли (по Т. Парсонсу¹⁷⁴), так как ориентирована на

¹⁷⁴ Парсонс Т. Функциональная теория измерения // Американская социологическая мысль; под ред. В. Добренькова. – М.: МУБиУ, 1996. – С. 474-476.

изменение (в т.ч. и агрессивное, до слома) устоявшейся социальной системы. В то же время, в соответствии с теорией конфликтного функционализма Л. Козера, конфликт выполняет функцию сохранения «социального организма»¹⁷⁵, так как в нашем контексте позволяет актуализировать и представить наиболее острые социальные проблемы, которые необходимо решать государству и обществу.

Оппозиция фактически содействует эффективному управлению государством, определению наиболее важных направлений социальной политики. Протестные акции предстают социальными действиями (в риторике М. Вебера¹⁷⁶), так как ориентированы на поведение власти, ожидание адекватной реакции с её стороны. Проблемой выступает то, что власть рассматривает оппозицию как принципиального противника, а не партнера в стремлении сохранить имеющееся социально-политическое и экономическое устройство. В результате происходит усиление социальных институтов, ответственных за правопорядок, и более того, они начинают осуществлять выборочное (как удобно власти) применение закона.

Другим индикатором активности граждан в общественной жизни стал вопрос о готовности участия в волонтерской деятельности. «В каких мероприятиях в городе Вы согласились бы принять добровольное участие в свободное время?». Респондентам предлагалось выбрать любое количество вариантов ответа из предложенных 6 вариантов мероприятий, а также при желании указать свой вариант. Следует отметить, что более четверти (26,5%) опрошенных не приняли бы уча-

¹⁷⁵ Козер Л. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. – М.: МУБиУ, 1996. – С. 542-556.

¹⁷⁶ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., общ. ред. Ю. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 625.

стие ни в каких из предложенных мероприятий. Из выбранных наиболее популярным ответом оказался «участвовать в посадке деревьев и цветов» – 46,2% , на втором месте – вариант «принимать участие в уборке парковой зоны» – 31,5%, на третьем – «организовывать детские площадки» – 24,5%.

Остальные варианты – «возглавить детские секции и кружки по интересам», «участвовать в рейдах по охране правопорядка как представителю добровольной дружины», «осуществлять ночные дежурства по району в целях предотвращения террористических угроз» – отметили 16%, 7% и 4% респондентов соответственно. Как видно, рейтинг популярности ответов соответствует последовательности предложенных вариантов в анкете, что предполагает рассмотрение обобщения ответов на данный вопрос с определенной долей сомнения. В качестве иных вариантов (всего 1%) были указаны следующие мероприятия: «волонтерские услуги», «поездки в детский дом», «отлов и сохранение животных», «помощь животным», «работа с ветеранами», «спортивные мероприятия», «субботники».

Некоторые из своих вариантов ответа были объяснением неспособности участвовать: «нет, свободного времени», «по состоянию здоровья не могу»; кроме того, в качестве другого варианта общественного мероприятия были указаны «ночные гонки».

Инициативность граждан в общественных вопросах также исследована с помощью вопроса «Хотели бы Вы принять участие в добровольной деятельности инициативной группы по решению социальных и культурных проблем в городе?». Большая часть респондентов (47%) выразила нежелание заниматься такой деятельностью, выбрав вариант ответа «нет, не хочу принимать участие». Хотели бы принять участие в решении социальных и культурных проблем 20%. Вариант

ответа «меня посещали такие мысли, но активных действий я не предпринимал» отметили 33% опрошенных. Зависимости ответов на данный вопрос от пола, возраста и места проживания респондента не выявлено.

Таким образом, анализ ответов по представленным выше аспектам социальной готовности – готовность бороться с противозаконными действиями, оказать помощь другим людям, в т.ч. в процессе волонтерской деятельности – показывает достаточно высокую степень готовности населения (более половины респондентов). При этом готовность к участию в протестных акциях, оппозиционном движении фиксируется как незначительная – потенциально треть опрошенных. Это может свидетельствовать как о нежелании респондентов репрезентировать свои оппозиционные настроения, так и об опасении возможных кардинальных изменений как следствия протестного движения, что пока для них не приемлемо.

Выражен уровень доверия к различного рода институтам, организациям. Респондентам предлагалось оценить уровень доверия по трехбалльной шкале («не доверяю», «сложно сказать», «доверяю»), исходя из того, что доверие – это уверенность в действиях кого-то в интересах респондента и отсутствии вреда для него. Наибольший уровень доверия жители выразили системе образования: доверяют 46%, не доверяют 24%, затруднились в оценке (вариант «сложно сказать») 30%. При этом существенной зависимости уровня доверия к образованию от пола, возраста и места проживания респондента не выявлено. Наименьший уровень доверия – к политическим партиям: более половины (52%) жителей исследуемых городов не доверяют политическим партиям, лишь 13% доверяют, затруднились в оценке 35%. При этом люди старшей возрастной группы склонны больше доверять политическим

партиям (доверяют 19%) по сравнению с другими возрастными группами: 10% молодежи и 11% респондентов среднего возраста доверяют политическим партиям.

Кроме того, в территориальном сравнении видны некоторые различия: в Томске вариант ответа «сложно сказать» более популярен (40,9%) по сравнению с Саратовом и Казанью (32% и 32% соответственно). Следует отметить, что доверие к законодательной власти, которая непосредственно связана с работой политических партий, несколько выше доверия к самим политическим партиям. Законодательной власти доверяют 22% респондентов, не доверяют 41%, вариант ответа «сложно сказать» выбрали 37%. Существенного влияния пола, возраста и места проживания респондентов на уровень их доверия к законодательной власти не выявлено.

Уровень доверия к неправительственным организациям также не высок и сопоставим с уровнем доверия к политическим партиям. Неправительственным организациям доверяют лишь 13,5% респондентов, в то время как не доверяют 37% и затруднились с оценкой чуть меньше половины респондентов – 49%. Пол, возраст и город проживания значительного влияния на структуру ответов по этому вопросу не оказывают. Распределение ответов по оценке доверия к бизнесу также не зависит от указанных параметров и выглядит следующим образом: 39,5% не доверяют, 43% затрудняются ответить и 17% доверяют предпринимателям. Уровень доверия к судебной системе чуть выше: 19,5% доверяют и 45% не доверяют.

Высшим должностным лицам государства доверяют 22% респондентов, не доверяют 43%, выбрали вариант ответа «сложно сказать» 35%. При этом наибольшие различия в ответах наблюдаются в разрезе возрастных групп. Более высокий уровень доверия к высшим должностным лицам – у старшего поколения: вариант ответа «доверяю» выбрала почти

треть (32%) респондентов в возрасте старше 55 лет, в то время как лишь 17% респондентов из средней возрастной группы выразили доверие к данному социальному институту. Место жительства и пол респондента существенного влияния на ответы на данный вопрос не оказывают.

В целом *доверие к системе социальных институтов, власти, государству за последние годы снизилось, так как они не выполняют качественно своих функций*. К примеру, электоральная популярность, рейтинг Д.А. Медведева заметно снижаются с 2008 года (по данным ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ (2008-2016) / www.wciom.ru; www.levada.ru, www.fom.ru). Это напрямую связано с эффективностью реальной деятельности власти.

Субъективное доверие, построенное на сходстве ценностных ориентаций, взглядов, представлений, социальных норм является хорошей основой для эффективной межличностной коммуникации, интерперсонального взаимодействия, развития социализирующих и социально-интеграционных практик, на что указывают в своих трудах, например, Э. Дюркгейм, В. Парето, Р. Парк¹⁷⁷.

Каково же социальное представление об источниках рисков, угроз для развития общества? В любом обществе существуют риски появления угроз – как макросоциального характера, так и не выходящих за рамки опыта конкретного индивида или малой группы. В связи с этим важно знать, какие угрозы воспринимаются российскими гражданами как наиболее реальные, и к каким стратегиям они прибегают для защиты от них и снижения рисков. Данные опроса свидетельствуют о

¹⁷⁷ См., напр., Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч.; пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. Баньковской. – М.: КД «Университет», 2002. Ч. 1; Дюркгейм Э. Самоубийство. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

том, что бóльшая часть граждан в качестве самого главного риска воспринимает угрозы, связанные со здоровьем: в качестве приоритетной стратегии оздоровительные мероприятия и занятия спортом отметили 43% опрошенных. Следующими по значимости являются риски, связанные с материальным положением: 34% респондентов с целью обезопасить себя делают сбережения «на черный день», а 30% получают дополнительное образование и повышают квалификацию, чтобы быть более конкурентоспособными на рынке труда и всегда иметь возможность зарабатывать. Это позитивный момент, т.к. по данным, приводимым М. Кастельсом, социально-экономическая сфера в развитых странах опирается именно на образованных людей в возрасте 25–40 лет¹⁷⁸, что в итоге обуславливает формирование прогрессивных тенденций социетального масштаба.

Выступает важным рассмотрением риска ухудшения здоровья как косвенной угрозы материальному положению, так как серьезные заболевания могут повлечь потерю трудоспособности и значительные денежные затраты. Следуя данной логике, можно сделать вывод о том, что экономический фактор риска в представлениях россиян доминирует. Вопрос личной безопасности практически не уступает материальным рискам – обезопасить себя и близких, укрывшись за надежными дверями, рассчитывают 30% опрошенных. При этом 15% респондентов чувствуют угрозу личной безопасности настолько остро, что стараются не выходить из дома.

Воздействовать на уровень угроз в своей жизни посредством гражданского выбора полагают возможным 15,5% опрошенных: они стараются повысить стабильность и без-

¹⁷⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php (дата обращения: 11.09.2017).

опасность, голосуя на выборах за те политические силы, которые, по их мнению, не допустят ухудшения ситуации. Сравнительно небольшая доля мнений (вдвое меньше, чем доли респондентов, отметивших стратегии, касающиеся материального положения) свидетельствует, что при выборе приоритетной стратегии защиты россияне скорее ориентируются на личный уровень, нежели на общественный, не ждут, что об их жизни позаботится государство или представители каких-либо политических сил.

Сравнительно небольшая, но все же заметная часть опрошенных считает, что обезопасить свою жизнь и жизнь близких им помогают посещение церкви и регулярные молитвы – к данным стратегиям прибегает 13% респондентов. Наконец, 6% участников опроса, стремясь избежать риска, ограничивают свою мобильность, избегая авиаперелётов и поездок на автотранспорте. Ни одну из перечисленных стратегий не рассматривают 21% опрошенных – по их мнению, какую из них ни использовать, гарантии социальной и даже физической защищенности они все равно не получают. Значительная доля столь пессимистичных мнений заставляет сделать вывод о том, что среди жителей обследованных регионов достаточно высок уровень тревоги и неуверенности в завтрашнем дне.

Анализ ситуации сквозь призму региональной специфики показывает, что в разных регионах приоритетность тех или иных стратегий поведения неодинакова. Так, в Саратове респонденты больше предпочитают делать сбережения (41%), нежели инвестировать в свой собственный человеческий капитал, повышая свою квалификацию (27%). В Томске же участники опроса, напротив, больше рассчитывают на собственную конкурентоспособность, нежели на деньги, отложенные «на черный день», из чего можно сделать вывод, что

в данном регионе более значима установка на профессионализацию в трудовой деятельности. С другой стороны, это может являться индикатором динамичных процессов на рынке труда, вследствие которых граждане вынуждены постоянно поддерживать свою профессиональную значимость. Меньше всего на спрятанные «в кубышке» средства полагаются жители Казани (29%), однако и уровню квалификации, по сравнению с другими регионами, придается меньшее значение (23%).

В Казани средний показатель превышает количество респондентов, озабоченных своей личной безопасностью (36%). Также в данном регионе, по сравнению с другими, наиболее высок процент мнений о том, что уберечь от рисков не может ничего (25%). Это означает, что уровень тревоги граждан достаточно высок и обусловлен, по-видимому, криминальной обстановкой. В Саратове фаталистические настроения не столь распространены (15%), однако уровень обеспокоенности личной безопасностью лишь немногим меньше, чем в Казани (32,5%), а 20% процентов опрошенных саратовцев отметили, что стараются не выходить из дома после наступления темноты, следовательно, в данном регионе степень тревоги и недоверия среди населения также достаточно высока. Данные, полученные в Томске, напротив, показывают более благоприятную картину: значимость надежных дверей и прочих средств личной безопасности подчеркнули только 21% (что на 9% ниже среднего показателя).

Роль стабильности политической системы и значение эффективности властей в вопросе безопасности граждан чаще отмечают жители Саратова – почти четверть опрошенных в этом городе надеются повысить уровень безопасности и стабильности, поддерживая на выборах определенные политиче-

ские силы. Для саратовцев также в большей степени характерен выбор нескольких вариантов ответа – т.е., стремясь обезопасить себя, они склонны прибегать сразу к нескольким стратегиям поведения.

К различным стратегиям минимизации рисков прибегают и различные возрастные группы. Так, повышение квалификации и конкурентоспособности на рынке труда более характерно для людей до 30 лет, находящихся в процессе становления как профессионалов. Установка на накопление сбережений, напротив, пропорционально зависит от возраста: к данной стратегии склонна прибегать почти половина опрошенных старше 55 лет и лишь 23% людей моложе 30. Настроения недоверия и тревоги также сильнее среди пожилых респондентов: 34% из них озабочены вопросом личной безопасности, а 26% стараются не выходить из дома после наступления темноты (среди участников опроса, уже находящихся на пенсии, показатель еще более высок и составляет 32%).

Среди молодых людей процент тех, кто готов отказаться от перемещений в темное время суток, составляет лишь 6%. Частично это может быть связано с различиями в досуговых практиках: принятые в современной культуре образцы поведения предполагают большое количество досуговых мероприятий, ориентированных на молодежь, в вечернее и ночное время.

Однако вполне возможно, что наряду с этим играет роль и другой фактор, а именно – негативный опыт старшего поколения, полученный в 1990-е годы, когда вопрос о физической безопасности стоял наиболее остро в условиях социальной нестабильности и высокого уровня преступности в большинстве российских городов. Возрастная динамика отслеживается и в оценке значимости религии: залогом безопасности посещение церкви считают 21% респондентов старше 55 лет,

вдвое меньше – представители среднего возраста (10%) и лишь 7% опрошенных – в возрасте до 30 лет. Это можно рассматривать как индикатор снижения значимости религиозных ценностей для современного поколения молодежи по сравнению с предыдущими. В отношении молодого поколения можно также увидеть тенденцию к снижению гражданского участия, хотя и менее явную: поддержка определенных политических сил на выборах выступает фактором снижения рисков для 12% опрошенных моложе 30, тогда как для более старших возрастных категорий этот процент выше – 16% для людей среднего возраста и 18,5% для респондентов предпенсионного и пенсионного возраста. Есть тенденции и другого характера – так, представители молодежной когорты чаще стремятся минимизировать риски посредством заботы о здоровье и занятий спортом – эту стратегию отметили более половины из них (53%). Стоит, однако, подчеркнуть, что высокому показателю способствуют подгруппы внутри самой молодежи, представители которых имеют больше свободного времени, чем люди более старшего возраста: к примеру, среди неработающих студентов (составляющих существенную долю молодых респондентов) этот показатель еще выше: о стремлении беречь здоровье смолоду и заниматься спортом заявили 60% из них.

Таким образом, в структуре потенциальных угроз безопасности население отмечает, прежде всего, проблемы со здоровьем, финансовую несостоятельность и потерю работы. Россияне подходят к вопросу о безопасности вполне прагматично – наиболее значимым залогом безопасности и стабильности для них являются практические, материальные факторы, такие как здоровье, стабильный заработок и квалификация; при выборе стратегий защиты они ориентируются,

прежде всего, на личный уровень и полагаются скорее на себя, нежели на общество в целом.

Уровень доверия к органам правопорядка. Стратегии поведения, к которым прибегают российские граждане для повышения личной безопасности, дают представление о том, какие угрозы в своем повседневном опыте они считают наиболее явными. Однако наряду с этим существуют риски и угрозы, мало зависящие от их личной инициативы и находящиеся в ведении государственных институтов. В этой связи важно ответить на вопрос, способны ли, по мнению россиян, власти, органы правопорядка и спецслужбы обеспечить безопасность в стране и эффективно противостоять серьезным угрозам, в особенности терроризму. Результаты опроса показывают достаточно высокую степень уверенности граждан в эффективности спецслужб и силовых ведомств: суммарный процент положительных оценок (ответов «определенно да» и «скорее да») составил 63%. Большая часть участников опроса (47%) склоняется к мнению, что государство способно их защитить. Абсолютно уверены в этом 16% опрошенных. Однако доля респондентов, подвергающих сомнению охранительную функцию государства, также весьма значительна – она составляет 25%. Процент категорично негативных оценок невелик, но не настолько, чтобы не заслуживать внимания – 11,5% опрошенных с уверенностью ответили, что государство, по их мнению, не способно их защитить. По мнению Шевченко М., «...доверие граждан к полиции близко к нулю...»¹⁷⁹. Такое поведение «властных» структур вкупе с проводимым ими систематическим запугиванием «неудобных» людей, борющихся

¹⁷⁹ Шевченко М. Полицию разогнать? // Аргументы и факты. – 2012. – №15. – С. 7.

за права граждан, за социальную справедливость, социальное равенство в России в итоге приведет, по мнению М. Делягина, к социальному взрыву¹⁸⁰.

Для предотвращения подобного сценария и успешного развития страны, на наш взгляд, необходимо наличие значимых для всего общества целей и ценностей, ориентированных на социальную сплоченность, совместное их достижение на основе доверия между социальными группами, и посредством эффективной социальной политики. Сегодня, кроме религиозного фундамента повседневной жизни, реальные основы социальной солидарности, сплоченности общества отсутствуют: «Церковь у большинства людей имеет подлинный авторитет, более 64% населения доверяет ей; 75% россиян относят себя к православным... Церковь – единственный институт, объединяющий все слои общества: от министров до бомжей»¹⁸¹.

Прослеживается региональная специфика: чаще работу силовых структур положительно оценивают в Саратове («определенно да» и «скорее да» ответили 67% – две трети опрошенных). В Томске положительных ответов чуть меньше (63%), а в Казани их процент – самый низкий из обследуемых регионов (59%). Также среди опрошенных жителей Казани наиболее высока доля категорично негативных ответов, хотя разница с другими регионами в данном случае крайне мала. Можно предположить, что с учетом формулировки вопроса

¹⁸⁰ Делягин М. В России складывается критическая социальная ситуация, 2008, 2012. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/318180> (дата обращения: 25.04.2017); Ворсобин В. Чем больше посадим, тем лучше // Комсомольская правда. 06.01.2012. – С. 5.

¹⁸¹ Кураев А. Церковь снисходительна ко всем // Аргументы и факты. – 2012. – №19. – С. 6; Писаренко Д. Во что верит народ? Как церковь может оздоровить наше общество // Аргументы и факты. – 2012. – №16. – С. 3.

могло сыграть роль положение региона: в Татарстане номинально существуют свои собственные власти и силы охраны правопорядка. Вполне возможно, что часть граждан разграничивает федеральные и республиканские ведомства, в большей степени доверяя последним.

Варируются ответы на данный вопрос и в зависимости от материального положения граждан. В наибольшей степени в эффективности силовых ведомств уверены опрошенные со средним достатком (суммарный процент положительных оценок составляет 65%), хотя отклонение от среднего значения незначительно. Серьезное различие заключается в том, что наиболее категоричные ответы («определенно да» и «определенно нет») чаще дают представители высокообеспеченных домохозяйств и респонденты, охарактеризовавшие свое материальное положение как бедственное, тогда как люди со средним достатком склонны давать более нейтральные ответы. Высокий процент категорично негативных ответов среди низко обеспеченных слоев, судя по всему, связан с социальной напряженностью и отношением к существующей системе распределения бюджетных денег как несправедливой. Высокая доля положительных ответов среди высокообеспеченных респондентов обусловлена более высокой стабильностью и меньшей напряженностью в данной среде, однако и процент категорично негативных ответов в данной группе значительно выше, чем в остальных – 29% таких респондентов не считают российские власти и органы правопорядка способными их защитить.

Судя по всему, критичные настроения связаны с тем же фактором – стабильностью группы. Ее представители меньше других зависят от государства, что создает большие возможности для высказывания критики. Другим возможным факто-

ром может являться обладание бóльшим количеством собственности – чем ее больше, тем выше потребность в уверенности, что органы правопорядка смогут обеспечить ее сохранность, следовательно – выше планка запросов по отношению к эффективности охранительной функции государства. Напротив, высокий уровень лояльности среди слабообеспеченных групп может быть обусловлен их зависимостью от государства. Иными словами, среди людей с низким достатком практически в равной мере представлены две полярные по взглядам группы – одни ищут у государства поддержки и защиты, другие же полностью в нем разочарованы и считают его виновником своего положения.

Среди представителей различных возрастных групп ответы различаются незначительно – отклонение от среднего значения не превышает 3% (Приложение 2). Чуть больше категорично негативных ответов и меньше категорично положительных – среди старшей возрастной группы. Наиболее высок суммарный процент положительных ответов среди сотрудников некоммерческих структур (68%), лиц, занятых домашним трудом (70%) и предпринимателей (71%) при среднем значении 62%. Процент положительных ответов среди госслужащих и бюджетников также выше среднего значения, но не столь высок, как ожидалось (65%). Напомним, что неспособными обеспечить безопасность граждан российские власти и силовые ведомства считают в среднем 38% опрошенных. Наиболее высок процент негативных оценок среди рядовых сотрудников коммерческих организаций (42%). Наиболее высокая обеспокоенность способностью силовых структур отвечать на внутренние угрозы наблюдается среди студентов – как работающих (на вопрос «способны ли власти и силы правопорядка обеспечить безопасность в стране?» «нет» и «скорее

нет» ответили 41%), так и неработающих (42%); хотя для последних характерна менее категоричная форма ответа.

Тем не менее, ответ «скорее да» преобладает во всех без исключения группах респондентов независимо от их рода занятий. Ожидалось, что более требовательными к институтам, обеспечивающим безопасность в стране, окажутся респонденты, имеющие детей, однако значительных отклонений не выявлено. Как и при ответах на большинство вопросов, относительно высокий уровень критики наблюдается среди респондентов с высшим образованием или имеющих ученую степень. Меньше всего сомневаются в эффективности властей и органов правопорядка респонденты со средним и неполным средним образованием (суммарные доли положительных ответов составляют 71% и 70% соответственно). Сложно сказать, чем обусловлены эти различия, так как образование не всегда означает жесткую привязку к роду занятий, однако можно предположить, что среди людей без высшего образования чуть больше процент тех, кто оценивает угрозы безопасности общества (в частности, терроризм) как имеющие отношение к их собственному повседневному опыту. Несмотря на то, что позитивное отношение к охранительной функции государства преобладает, значительная доля граждан не чувствует себя и свои семьи защищенными от угроз, устранение которых является функцией органов охраны правопорядка и спецслужб. Кроме того, значительный разрыв в доходах социальных групп и нежелание власти кардинальным образом менять данную ситуацию генерирует социальную напряженность.

Крайне негативным является наличие в России значительного слоя бедных, «неимущих тружеников», т.к. они

представляют собой потенциальную угрозу устоям общества¹⁸². Средний класс с ежемесячным доходом от 70 тысяч рублей так и не сформировался в стране. При этом он призван заполнить пробел между богатыми и бедными, а по данным Е. Баевой, относительно лоялен власти, аполитичен и при случае готов уехать за границу¹⁸³.

Экономический подход, реализуемый в Европе для повышения степени социального благополучия, обеспечения социального равенства, сплоченности общества, мог бы стать одной из основ улучшения социальной ситуации в России. В настоящее время в стране развивается процесс геттоизации, когда слои населения с низким уровнем доходов концентрируются в особых районах, в инфраструктуру которых бюджетные средства вливаются крайне редко. В контексте обеспечения социальной сплоченности важно исследовать данные территориальные образования, возможно, с привлечением социологических подходов Ч. Бута (социальная структура общества и городская агломерация) и Э. Берджесса (зональная гипотеза)¹⁸⁴, с целью определения доминирующих социальных настроений и адекватного управления ими.

Укажем, что в целом граждане скептически относятся к органам правопорядка в их способности обеспечить безопасность граждан. На наш взгляд, крайне негативно то, что только 16% респондентов уверены в дееспособности данных органов. К примеру, проведенное реформирование полиции

¹⁸² Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию / пер. со швед. – М.: Весь Мир, 1994. – С. 32 / 96 с.

¹⁸³ Баева Е. Российский средний класс лоялен власти и аполитичен, 2011. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958849> (дата обращения: 12.09.2017).

¹⁸⁴ Чикалова И. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – Т. 4. – №4. – С. 501-524.

не привело к повышению качества её деятельности. Интересно, что безоговорочно позитивно оценивают деятельность правоохранителей в среднем 22% самых бедных и самых богатых семей. Силловые структуры являются важным, но не единственным институтом, с которым связываются представления о защите жизни и здоровья граждан, и важно знать, от каких еще агентов граждане ожидают исполнения данной функции. Респондентам был предложен список потенциальных агентов и институтов, из которых они могли выбрать несколько вариантов ответа.

Какие акторы способны защитить безопасность граждан? Данные подтверждают вывод, озвученный выше – россияне в большинстве своем полагаются на собственные силы и зачастую не рассчитывают на государственную поддержку. Почти девять десятых участников опроса (88%) наряду с прочими вариантами отметили, что обеспечить безопасность их жизни и здоровья способны, прежде всего, они сами. При этом процент респондентов, отметивших другие варианты, значительно меньше. Так, органы внутренних дел в качестве института, способного защитить безопасность жизни и здоровья граждан, отметили лишь 19% опрошенных, армию – 15%, несмотря на то, что охрана жизни и здоровья людей является одной из основных функций именно этих структур. Более десяти процентов опрошенных (11%) надеются на защиту лично со стороны Президента страны. Крайне низкие рейтинги получили судебные органы (8,5%) и прокуратура (7%), в обязанности которых защита граждан также заложена изначально. Меньше всего участников опроса всерьез восприняли роль уполномоченного по правам человека – данный вариант выбрали лишь 7% опрошенных. Столь низкий рейтинг свиде-

тельствует если не о слабости института гражданского общества в России, то, по крайней мере, о том, что рядовые граждане на его существование фактически не рассчитывают.

Характерно, что если выделить ответы лишь представителей молодежной когорты, доля индивидуалистических настроений будет еще выше – среди респондентов моложе 30 лет 91,5% процентов считают, что в первую очередь только они сами способны себя защитить. Среди представителей старшей возрастной группы сохранился чуть более высокий уровень доверия к государственным институтам – органам внутренних дел, вооруженным силам и судебным органам. Наиболее критично по отношению к любым институтам, связанным с обеспечением безопасности жизни и здоровья граждан, настроены представители среднего возраста. Причем в данной группе респонденты чаще были склонны давать один ответ – если более молодые участники опроса наряду с верой в собственные силы в ряде случаев все же допускали возможность защиты со стороны других агентов, то в средневозрастной группе с учетом большего числа случаев моновариантного выбора более явно представлено мнение, что в случае угрозы жизни или здоровью надеяться граждане могут только лишь на себя.

Представляется возможным выделить определенные различия мнений в зависимости от рода занятий респондентов. Наиболее характерные расхождения со средними показателями наблюдаются среди предпринимателей и сотрудников некоммерческих организаций. Первые демонстрируют уровень индивидуализма больший, чем какие-либо другие группы, однако достаточно высок по сравнению с другими группами процент доверяющих вопрос своей безопасности лично Президенту страны; процент доверия к силовым ведом-

ствам и судебной системе в этой группе, напротив, очень низок. Сотрудники НКО демонстрируют большой оптимизм, достаточно высоко оценивая способности вооруженных сил, органов внутренних дел и судебной системы, что расходится с теоретическим предположением о том, что представители НКО будут более критично настроены по отношению к государству. В данной группе выше доля тех, кто считает возможным участие Президента страны в вопросе защиты граждан. Большую готовность положиться в вопросах личной безопасности на органы внутренних дел демонстрируют неработающие студенты.

Тенденция к индивидуализму также возрастает в зависимости от материального положения: чем оно выше, тем меньше доверие к формализованным институтам и больше процент респондентов, считающих главным источником безопасности самих себя. Ожидания того, что о безопасности жизни и здоровья гражданина позаботится лично президент страны, напротив, планомерно снижаются в зависимости от уровня достатка. Так, среди респондентов, охарактеризовавших свое материальное положение как бедственное, на защиту президента рассчитывает каждый пятый, а среди наиболее обеспеченных респондентов на это рассчитывают лишь 3%. При критичном отношении респондентов к большинству потенциальных агентов защиты обеспеченные участники опроса не спешат сбрасывать со счетов вооруженные силы и органы внутренних дел – эти институты в качестве способных обеспечить их безопасность указали 26% и 23% из них соответственно.

Региональная специфика в данном вопросе практически не прослеживается, за исключением отклонения от среднего показателя по позициям «армия» и «органы внутренних дел»

в г. Казани – там чуть меньше доля респондентов, считающих данные институты способными защитить их жизнь и здоровье. Для саратовцев характерно еще большее, чем в остальных регионах, недоверие к прокуратуре. Такая позиция, как уполномоченный по права человека, также оказалась в данном регионе наименее востребованной. Уровень доверия к Президенту страны в данном вопросе в регионах, участвующих в исследовании, примерно одинаков. В целом для жителей Томска более характерно доверие к различным институтам, однако высокая степень индивидуализма сохраняется.

Уровень доверия государству

Граждане достаточно критично настроены по отношению к мерам поддержки со стороны государства: лишь 7% согласны, что государство в достаточной мере заботится о своих гражданах. Бóльшая часть респондентов (49%) уверена, что поддержка хоть и ощущается, но могла бы быть больше, а 44% считают, что уровень заботы о гражданах является явно недостаточным. Различия в соотношении мнений в различных регионах невелики, однако стоит отметить, что менее критично настроены жители Казани, а более критично – граждане, проживающие в г. Томске. С точки зрения гендера существенных различий не наблюдается.

Критичная оценка действий государства более характерна для респондентов с высшим образованием и ученой степенью, в то время как среди людей со средним и неоконченным высшим образованием чуть больше процент респондентов, считающих уровень поддержки государства достаточным. Также процент положительных оценок в данном вопросе

чуть выше среди респондентов, проходивших срочную службу в вооруженных силах. Достаточной поддержку государства в большей степени считают студенты (как работающие, так и не работающие – 12% и 11% соответственно), безработные (12%) бюджетники и госслужащие (7%), а в меньшей – сотрудники НКО и предприниматели (2% и 3% соответственно). Наиболее критично настроены пенсионеры (недостаточным уровень поддержки государством сочли 47% из них), предприниматели (48%), а также сотрудники коммерческих структур (46%).

Таким образом, положительно характеризуют меры государства в первую очередь представители категорий, благополучие которых от него зависит. Более критичны, как правило, категории, не связанные с государством такими формами отношений, как получение льгот и пособий. Это позволяет предположить, что сотрудники НКО, коммерческих структур и индивидуальные предприниматели ожидают от государства иных мер поддержки, нежели денежные выплаты. Исключение составляют пенсионеры – возможно, это связано с тем, что они помимо государственной поддержки используют альтернативные ресурсы (например, семейные), однако это свидетельствует о несоответствии мер государственной поддержки пенсионеров их запросам.

Большую заинтересованность в усилении поддержки от государства выражают представители малообеспеченных домохозяйств. Так, из числа респондентов, характеризующих свое материальное положение как очень низкое, ни один не ответил на вопрос о государственной поддержке положительно, а среди высокообеспеченных граждан доля положительных ответов составила 13%. В то же время респонденты, характеризующие свое материальное положение как высокое, оказались наиболее критичными – явно недостаточным

уровень заботы государства считают 55% из них (наряду с малообеспеченными гражданами, из которых абсолютно не удовлетворены поддержкой государства 59%). Судя по всему, для разных категорий граждан ожидания от государства являются различными. Динамика ответов в зависимости от материального положения позволяет утверждать, что в первую очередь под поддержкой (в частности – слабо обеспеченными классами) подразумевается участие государства в поддержании материального благополучия граждан, однако это не единственная форма ожиданий, в особенности для домохозяйств с высоким материальным положением.

Существенным моментом являются не только оценки гражданами своего положения, но и их представления о том, как их положение оценивают представители государства. Более трети респондентов (37%) убеждены, что чиновники не знакомы с проблемами населения, 39% – что им известно только о тех проблемах, о которых население открыто заявляет, и только 24% полагают, что представителям государства известно все. В неведении чиновников относительно проблем граждан уверены 41% респондентов мужского пола. Женщины высказывались менее критично – большая их часть (43%) считает, что о проблемах, о которых население заявляет, чиновники все же информированы. Представления также различаются в зависимости от рода занятий. Наиболее далеки представители государства от населения по мнению работающих студентов (так считают 52% из них), безработных (49%) и пенсионеров (45%). Характерно, что все эти категории граждан являются уязвимыми, и их недоверие к чиновникам, по-видимому, связано с неудовлетворенностью своим положением и тем, как государство справляется со своими обязанностями по отношению к ним.

Лучшего мнения об информированности чиновников придерживаются бюджетники и сами госслужащие (28%), сотрудники НКО (32,5%) и неработающие студенты (28%), ответившие, что, по их мнению, чиновники знают обо всех проблемах граждан. В данном вопросе также обнаруживается зависимость от материального положения респондентов: в том, что чиновники не знакомы с проблемами населения, уверена бóльшая часть малообеспеченных респондентов – людей, определивших свое материальное положение как низкое (46%) и очень низкое (45%). Напротив, с утверждением о том, что чиновники знают о проблемах, заявляемых гражданами, согласилась большая часть респондентов, но более значимые доли такие респонденты занимают среди людей, охарактеризовавших свое положение как высокое (40%), вполне высокое (45%) и среднее (41%).

Процент респондентов, считающих, что чиновники информированы обо всех без исключения проблемах граждан, относительно невысок, и больше всего таких респондентов – среди людей среднего достатка (24,5%). Значительная доля тех, кто уверен в отсутствии информированности чиновников как представителей государства о социальных проблемах, возможно, объясняется развитым базовым чувством доверия по аналогии с *базовым доверием к миру в постфрейдистской теории Э. Эриксона*¹⁸⁵. Эти люди, чувствительные к практикам социального конструирования иллюзии тотальной заботы государства о каждом жителе России, не могут пока допустить, что это не соответствует действительности.

¹⁸⁵ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.

Существует и региональная специфика: бóльшая часть опрошенных жителей Саратова убеждена в неинформированности чиновников (44%), что может свидетельствовать о наименьшей степени доверия из всех обследуемых регионов. Бóльшая часть казанских и томских граждан уверена в том, что чиновники знают о проблемах, поднимаемых населением на повестку дня – так считают 42% респондентов в Томске и 40,5% в Казани. Четверть жителей этих двух регионов убеждена, что чиновники знакомы с основными проблемами граждан.

Однако информированность не всегда означает действия, направленные на решение проблем, поэтому утверждение о том, что чиновники хорошо осведомлены о проблемах населения, не следует считать полным синонимом доверия к ним. Тем не менее, постановка вопроса предполагала выявление целостного отношения к административному аппарату. Данные свидетельствуют о том, что многие граждане все же склонны воспринимать чиновников как некую герметичную обособленную группу, живущую в другом измерении социальной реальности. Учитывая значительную долю мнений о том, что о проблемах, заявляемых гражданами, представителям администрации все же известно, можно предположить, что имеется установка на активный диалог с властью и не только возможность, но и необходимость влияния на нее.

Наиболее приоритетными сферами большинство считает здравоохранение (67%), образование и науку (55%), а также социальные нужды (43,5%). Сферы, связанные с недавними значимыми реформами – охрана правопорядка и национальная безопасность – оказались менее значимыми, набрав 31% и 12,5% соответственно. Наименее значимыми статьями бюджета оказались развитие спорта и выплата государственного долга. Ключевым является предположение, что приоритет

сферы приложения бюджетных средств определяется степенью ее важности для личного блага гражданина, а также оценкой общей ситуации в этой сфере.

Анализ региональной специфики показывает, что для жителей Саратова, по сравнению с другими регионами, более высокое значение имеет охрана правопорядка и вопрос национальной обороны, что может свидетельствовать о большей обеспокоенности граждан вопросами как их личной безопасности, так и безопасности региона. В структуре мнений жителей Томска гораздо меньше разрыв между здравоохранением и образовательной сферой – здравоохранение сохраняет свой приоритет, но лишь с разницей в 2%. Для жителей Казани сфера образования и науки, напротив, оказалась не столь значимой, как для жителей других обследованных городов. Увеличение расходов на социальную сферу чаще поддерживают в Саратове и Казани.

Мнения различных социально-экономических групп также различаются. Так, наиболее сильно выделяются респонденты, охарактеризовавшие свое материальное положение как высокое – для них приоритетной сферой является образование, и напротив, респонденты, говорящие о своем материальном положении как о бедственном – данная группа придает наибольшее значение расходам на социальные нужды. Несмотря на это, данные группы также показывают высокую степень озабоченности расходами на здравоохранение, подтверждая общую тенденцию. Другая позиция, обнаруживающая зависимость от материального положения, – дотации на жилищно-коммунальное хозяйство: чем ниже материальное положение респондентов, тем большее значение они придают направлению средств в данную сферу.

Сфера образования и науки также показывает особую значимость для отдельных групп – таких как студенты и лица,

занятые домашним трудом. Доля мнений о приоритетности данной сферы снижается в зависимости от возраста: среди респондентов моложе 30 лет ей отдают одну из главных позиций 62%, тогда как среди опрошенных старше 55 лет – 46%. В отношении дотаций на ЖКХ прослеживается обратная тенденция – данная статья бюджета имеет несколько большее значение для представителей старшего возраста. Молодые респонденты также склонны выше оценивать значимость сферы спорта, культуры и искусства.

Таким образом, мнения респондентов относительно приоритетных направлений расходования бюджетных средств в настоящее время свидетельствуют об их расхождении с мнением чиновничества. Если граждане считают, что государство прежде всего должно финансировать сферы здравоохранения, образования, науки, социальной защиты, то чиновники основную массу средств пускают на национальную оборону, увеличивают поддержку органов правопорядка. С 2013 года властью принято решение сократить расходы на социальные сферы, социальную политику и увеличить расходы на полицию, армию и т.д. в диапазоне от 9% до 25%¹⁸⁶. На наш взгляд, финансирование национальной обороны, правоохранительной системы должно осуществляться не в ущерб социальным статьям бюджета. Формирующийся бюджетный крен приведет к дополнительному разрушению существующей социальной сферы, когда страна будет не способна воспроизводить не только квалифицированных педагогов, учителей, ученых, а значит, конкурентоспособных специалистов, обеспечивать инновационные и модернизационные мероприятия, но и не сможет воспроизвести «себя» физически.

¹⁸⁶ Антопкина Н. Расходы бюджета РФ в 2013 году на нацоборону вырастут на 25,8%. Минфин сократит расходы на здравоохранение и образование / Комсомольская правда. – Сентябрь, 2012. – С. 2.

Респонденты оценивают также степень оправданности расходов на оборону и эффективность российской армии. В стране продолжаются реформы, затрагивающие сферу обороны государства и охраны общественного порядка. Это сопровождается повышением военного бюджета, и общественное мнение по данному вопросу может оказаться неоднозначным. Несмотря на рост обеспокоенности экономическими перспективами, большая часть опрошенных (48%) считает увеличение расходов на оборону полностью оправданным. Доля респондентов, не считающих оборонный сектор приоритетным для финансирования и отметивших, что бюджетные деньги нужнее в других сферах, относительно невелика – так считают 15%. Однако достаточно большое число респондентов (37%) считает, что в современных условиях реальные угрозы безопасности страны отсутствуют, и следовательно, расходы на оборонный сектор можно сократить. Стоит отметить, что политику государства в данной сфере поддерживает более половины респондентов-мужчин (51%).

Процент респондентов, выступающих за увеличение военных расходов, заметно выше в Саратове (по сравнению с Казанью и Томском). Это указывает на то, что жители данного региона в большей степени обеспокоены вопросом безопасности как на уровне страны и области, так, вполне возможно, и на личном уровне. В Казани достаточно высок процент мнений о том, что бюджетные деньги стоит направить в другие сферы (20%), а процент поддерживающих увеличение военных расходов там ниже по сравнению с двумя другими охваченными исследованием субъектами Федерации (возможно, это следствие более обособленного положения республики по сравнению с обычными субъектами). Тем не менее, поддержка государства в данном вопросе превалирует во всех 3 регионах.

Наличие воинской службы в биографии респондента, вопреки ожиданиям, практически не сказывается на ответе на данный вопрос. Хотя процент людей, предлагающих направить деньги, запланированные для военных расходов, в другие сферы, заметно ниже: 11% среди служивших против 19% среди не служивших. В большей степени согласны с политикой государства в данном вопросе госслужащие (51%) и пенсионеры (52%), в меньшей – работающие студенты (39%).

В условиях повышения военных расходов особую актуальность сохраняет вопрос об эффективности армии в новых условиях. В целом отношение граждан к армии можно охарактеризовать как сдержанно положительное – более половины респондентов (57%) считают, что вооруженные силы скорее справляются с обеспечением безопасности страны, чем нет. Полностью уверены в этом 24,5% опрошенных. Процент негативных оценок существенно меньше – в эффективности армии сомневаются 13% опрошенных, а категорично настроены в данном вопросе лишь 6%.

С точки зрения региональной специфики различий между Саратовом и Казанью практически нет – респонденты из обоих регионов положительно оценивают эффективность вооруженных сил. Несколько больше сомневающихся среди опрошенных в городе Томске. Из числа респондентов, оценивающих деятельность вооруженных сил положительно, 63% в прошлом проходили службу в вооруженных силах. Однако стоит еще раз отметить, что срочную службу проходили более половины респондентов (58%). Различия в пропорциях среди служивших и не служивших не слишком велики, но, тем не менее, свидетельствуют о том, что бывшие военнослужащие придают несколько бóльшую роль деятельности вооружен-

ных сил. Таким образом, включение человека в данный институт в прошлом влияет, пусть и незначительно, на оценку его эффективности.

В свете реформы, затрагивающей и материальное положение военнослужащих, важно понимать, как люди оценивают целесообразность содержания армии в зависимости от своего материального положения. В целом отношение к институту армии скорее положительное среди всех групп. Отдельно, однако, стоит отметить респондентов, охарактеризовавших свое материальное положение как очень тяжелое: среди них относительно высока доля тех, кто считает, что армия не выполняет должным образом своих обязанностей (17%). Видимо, логика респондентов заключается в необходимости смены приоритетов в государственной политике и перенаправлении средств из военной сферы в социальную. Однако процент людей, не сомневающихся в успешности выполнения армией своих обязанностей, в данной группе также выше, чем в других, и составляет 29%.

Несколько более критично настроены респонденты с вполне высоким и высоким доходом, хотя процент негативных оценок, так же, как и среди остальных категорий, невелик, и не превышает 9%. Таким образом, низкое материальное положение в отношении к институту армии влияет лишь на небольшую часть респондентов. Наиболее лояльной к вооруженным силам можно назвать группу граждан со средним достатком. В целом представленные данные корреспондируют с результатами социологических исследований по вопросам социальной политики, реформирования российского общества. Однако, по её данным, общий тренд на реформирование сфер

жизни российского общества поддерживает только треть населения ¹⁸⁷.

Большинство сомневается в эффективности проводимых государством мероприятий. Против реформ высказывается 24% мужчин и 7% женщин. Отчасти это объясняется отсутствием значимых позитивных изменений, связанных с предыдущими реформаторскими действиями властей. К примеру, только каждый десятый мужчина и каждая пятая женщина (в среднем 15% граждан) отметили улучшение в своей жизни. Примерно столько же (в среднем 17%) участников опроса указали на ухудшение жизненной ситуации. Причем несколько опрошенных отметили, что произошло её значительное ухудшение.

Возвращаясь к анализу результатов нашего исследования, отметим, что если рассмотреть оценку армии с точки зрения рода занятий респондентов, чаще всего положительную оценку она получает среди работающих студентов (32%), пенсионеров (29%) и сотрудников НКО (26%). Наиболее велик разброс мнений среди работающих студентов, однако сдержанно положительная оценка уровня исполнения армией своих обязанностей все равно превалирует (48%), так же, как и в прочих категориях.

Еще одним важным аспектом военной реформы является существенное повышение денежных выплат военнослужащим. Такой существенный шаг не может не найти отражения во мнениях различных социальных групп, поэтому важно знать, как его оценивают разные категории граждан и насколько оправданным они его считают. В целом данный аспект реформы был положительно воспринят населением –

¹⁸⁷ Арсланова С. Гендерные стереотипы трудовой занятости женщины в условиях рыночных отношений, 2004. URL: <http://old.tisbi.org/science/vestnik/2004/issue2/Kult1.html> (дата обращения: 11.09.2017).

большинство или почти половина респондентов (46%) согласились с тем, что повышение заработной платы военнослужащих полностью оправдано условиями службы. Однако не все респонденты оценивают реформу положительно – так, 26% опрошенных считают такое повышение несправедливым по отношению к прочим категориям граждан, в частности, к бюджетникам, зарплата которых остается существенно ниже. В публичном дискурсе также нередко встречается утверждение, что в современных условиях безопасности страны принципиально ничего не угрожает, следовательно, повышение расходов на содержание военнослужащих не совсем оправданно – и такого мнения придерживаются 18,5% опрошенных. 7% выражают опасения, что столь существенное повышение зарплат провоцирует рост инфляции.

Наиболее болезненно реформу воспринимают бюджетники – 32% из них считают повышение зарплат военным несправедливым. И в этом контексте *интересным с функционалистских социологических позиций является анализ действий властей по повышению заработной платы военнослужащих. Налицо преследование двух функций – явной и латентной (по Р. Мертону)¹⁸⁸. Первая, широко декларируемая функция, заключается в устранении властью несправедливости в отношении довольствия военных, служба которых является сложной и трудной. Второй, латентной функцией, выступает попытка власти заручиться лояльностью военнослужащих на фоне роста протестных настроений в обществе и потенциальных народных антиправительственных выступлений.*

¹⁸⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.

Однако власть, с одной стороны, «подкупила» не только военных, но и их семьи, но с другой стороны – создала конфликт среди иных получателей дохода из бюджета (бюджетников), которым только обещано повышение зарплат к 2018 году.

Аналогичное «взаимодействие» наблюдается в отношениях власти и полиции, которой также срочно подняли заработную плату перед выборами Президента России (март 2012). Ситуация напоминает обмен в русле концепции социального обмена по Дж. Хомансу и П. Блау¹⁸⁹. Власть предлагает относительно высокую заработную плату, а полиция «по умолчанию» обязуется защищать власть от оппозиции, что, кстати, полиция достаточно успешно делает в последнее время¹⁹⁰.

Необоснованностью дополнительных расходов на армию в мирное время чаще склонны объяснять свой выбор неработающие студенты (28%). Доля данной точки зрения также существенна среди сотрудников НКО (25%) и временно занятых (22%). Негативные оценки достаточно распространены среди безработных. Видимо, сегментированные повышения зарплат вызывают у лиц, находящихся на обочине трудовых отношений, еще большее чувство социальной несправедливости. Заметная их часть (11%) высказывает опасения, что повышение зарплат военнослужащим может повлечь за собой ин-

¹⁸⁹ Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века / под ред. Г. Зборовского. – Екатеринбург: УГППУ, 1996. – 160 с. / С. 92-118.

¹⁹⁰ Госдеп США выразил обеспокоенность в связи с разгоном демонстрантов в Москве. URL: <http://lenta.ru/news/2012/05/09/disturb/>; Полиция разогнала оппозиционеров на Кудринской URL: [площади / http://lenta.ru/news/2012/05/09/clear/](http://lenta.ru/news/2012/05/09/clear/) (дата обращения: 30.08.2017).

фляцию. Эти опасения встречаются и среди работающих студентов (11%). Это является еще одним косвенным маркером того, что данная категория относится к уязвимым.

Напротив, наибольшую поддержку реформа встретила среди пенсионеров (50%), сотрудников коммерческих структур (50%) и лиц, занятых домашним трудом (53%). Поддержка реформы среди пенсионеров вполне логична, так как повышение заработной платы военнослужащих связывается с повышением престижа военной службы. Позитивный имидж воинской профессии был неотъемлемой частью советского опыта, и поэтому нынешняя реформа может восприниматься как частичная реставрация практик, особенно значимых для поколения нынешних пенсионеров, чьи наиболее активные годы приходятся на советский период.

Отношение к повышению зарплаты военнослужащим также напрямую связано с отношением к армии в целом. Из тех респондентов, которые считают, что армия полностью справляется со своими обязанностями, 71% охарактеризовали повышение зарплат как полностью оправданное условиями службы.

Однако большинство респондентов, считающих, что армия совершенно не справляется со своими обязанностями (44%), также полностью согласно с повышением зарплат военных. Судя по всему, низкий статус военнослужащих, обусловленный невысоким материальным статусом, все еще понимается гражданами как серьезный фактор, снижающий эффективность вооруженных сил и в конечном счете ослабляющий безопасность страны. Соответственно, повышение заработной платы воспринимается как необходимая мера, важная для всего российского общества. Заметно больше доля несогласных с реформой среди респондентов, отвечающих менее категорично на вопрос об эффективности армии. Так, из числа

опрошенных, ответивших на вопрос «Обеспечивает ли армия безопасность страны?» «скорее нет», лишь 24% согласны с тем, что стоит поднять военнослужащим заработную плату, в то время как 43% считают такую меру несправедливой по отношению к бюджетникам. Доля тех, кто считает повышение расходов на армию ненужным в мирное время, среди представителей данной точки зрения также значительна.

Представители различных возрастных групп оценивают реформу примерно одинаково, хотя небольшая зависимость от возраста отслеживается. Так, процент респондентов, полностью поддерживающих реформу, чуть ниже в возрастной группе до 30 лет. При этом представители молодежной когорты чаще склонны считать реформу неоправданной в условиях мирного времени. Ответы респондентов на представленные вопросы анкеты в определенной степени корреспондируют с ответами, полученными на вопросы о приоритетных расходах бюджета.

Несмотря на понимание гражданами необходимости повышения довольствия военнослужащих, увеличения финансирования военно-промышленного комплекса страны, участники опроса обращают внимание на очередной случай социальной несправедливости, дискриминационную практику в отношении иных бюджетников и сфер общества. Такой подход власти к распределению средств способствует неустойчивости социальной ситуации, развитию социального неравенства, проявлениям негативного отношения в обществе. При этом значительное влияние на формирование толерантных социальных отношений оказывает социальное равенство, нали-

чие социальных лифтов в социетальном масштабе, в контексте профессий¹⁹¹. Социальное равенство важно трактовать в широком смысле как равенство в социальном, правовом, экономическом и ином аспектах. Равенство граждан перед законом независимо от занимаемых должностей и связей в итоге «работает» на повышение степени доверия населения к власти, а «равным» (пусть и относительно) людям проще сплотиться для решения насущных проблем. Фактор доверия является основой социокультурных связей и отношений, устанавливающих и реализующих их акторов. Без доверия не может быть сплоченности, которая представляет собой агрегированный показатель степени развития общества, его качества, эффективности социальных, социетальных процессов. Доверие имманентно присутствует в человеческих отношениях, которые и строятся на нём. В результате в контексте социальных интеракций и социальных сетей каждый из акторов доверяет остальным акторам и, с другой стороны, пользуется их доверием. Здесь прослеживается связь с культурным капиталом, поскольку, по мнению Ф. Фукуямы, «способность к общению, к коллективным действиям... зависит от того, в какой степени те или иные сообщества придерживаются схожих норм и ценностей и могут подчинять индивидуальные интересы отдельных личностей интересам отдельных групп»¹⁹². Это и является фундаментом социальной сплоченности, одним из главных аксиологических образований общества.

¹⁹¹ Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России / Комсомольская правда. URL: <http://kp.ru/daily/3759/2807793> (дата обращения: 15.09.2017); Донских Е. и др. Чего ждать от В. Путина // Аргументы и факты. – 2012. – №11. – С. 3.

¹⁹² Фукуяма Ф. Доверие // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 129.

Таким образом, социальная сплоченность, выступая имманентной, но часто латентной чертой любого общества, представляет собой совокупность разнообразных феноменов и практик, переплетение которых, их взаимосвязь и взаимообусловленность создают основу его целостности, устойчивого развития. Степень социальной сплоченности выступает агрегированным индикатором, своеобразным индексом уровня развития социального государства, гражданского общества и социальной ориентированности государственной политики. Сплочённое общество – это общество с прочно установившимися правами для каждого члена, где группы и отдельные люди действуют ответственно, социальный диалог принят за норму, характерна активная вовлечённость людей в демократические процессы, уверенность в социальной безопасности.

Сложившаяся социальная ситуация в России не предполагает одномоментного достижения высоких степеней социального доверия, социальной солидарности, социальной инклюзии и интеграции, а в итоге – социальной сплоченности в ближайшей перспективе, что и показывает анализ результатов проведенного межрегионального социологического исследования. Сегодня российское общество лишено эффективного механизма общественного согласия, позволяющего органично, без излишней конфронтации включать своих членов в единое социальное творчество, то есть у общества отсутствует модель конструктивного сотрудничества.

Сравнительный анализ результатов анкетирования представителей различных социальных групп репрезентирует тренд на атомизацию общества, на дифференциацию, а не интеграцию. Большинство респондентов, проживающих в Казани, Саратове и Томске, идентифицируют себя только с ближним окружением, в отношении которого наблюдается

чувство причастности (жители своего города, и во вторую очередь – жители области, края). Фактически создать единое полотно социального пространства в постперестроечной России, в т.ч. с бывшими союзными республиками, так и не получилось, несмотря на все попытки власти и использование ею в ряде случаев политико-экономических кнута и пряника.

Ориентация только на собственную жизнедеятельность проявляется также в том, что в основном респонденты обеспокоены своим здоровьем, своим материальным положением. Они не готовы, да и не стремятся участвовать в протестных акциях, и надеются в решении жизненных проблем только на себя (88%). Эта позиция во многом вынужденная, так как опыт обращения населения к власти (а не взаимодействия) не является позитивным. В большинстве случаев власть не стремится выполнять данные ею обещания и выполнять свои непосредственные функции (должностные обязанности).

Следствием такого положения стало снижение рейтингов политиков, уровня социального доверия к власти, увеличение социальной дистанции между властью и населением. К примеру, законодательной власти России не доверяют, либо выбирают ответ «сложно сказать» 77% опрошенных.

В этой ситуации важно развивать политику социальной сплоченности, в основе которой на первом этапе возможна ориентация на создание благоприятных для жизнедеятельности граждан социально-экономической и социокультурной сред. Ключевыми задачами политики сплоченности должны стать не приоритетное финансирование, развитие военно-промышленного комплекса и органов правопорядка, а социальная защита, обеспечение социальной справедливости, доступ к равным правам для всех, уважение человеческого достоинства и разнообразия, индивидуальная свобода и право каждого на личностный

рост, социальную инклюзию, солидарность и участие в демократических процессах. Именно об этом в первую очередь и говорят более половины (в среднем 55%) участников опроса – представители трёх российских регионов.

Начатая модернизация социальной политики пока реально осуществляется односторонне – посредством повышения доходов отдельных групп общества (прежде всего – правоохранители, военнослужащие), что мы и наблюдаем сейчас. Возможно, это стратегический подход – обеспечение опоры власти при потенциально резком повышении градуса социального напряжения. Системных изменений в целом не наблюдается, и многие обещания власти остаются популистскими. Современные представления россиян отражают крайнюю неустойчивость ценностных ориентиров, что приводит к изменению структуры повседневного сознания личности. Социальная политика, нацеленная только на решение материальных вопросов отдельных социальных групп, которую демонстрирует сегодня государство, не консолидирует общество и неэффективна с точки зрения доверия, социальной сплоченности и социальной безопасности.

Основой социальной безопасности должна быть защита общества от утраты его целостности, то есть предотвращение социальных потрясений. При конструировании такой защиты важно рассмотреть и устранить причины, влияющие на рост политической радикализации, антагонистического соревнования интересов. Этому может способствовать формирование «сплачивающего» социокультурного пространства, ориентированного на инклюзию, толерантность, патриотическую ментальность, повышение уровня индивидуальной и национальной культуры, развитие гражданской активности и ответ-

ственности, а также информационных представлений о приоритетной значимости надматериальных ценностей в жизни человека.

Таким образом, анализ ответов на различные вопросы в итоге показывает, что население России поставлено фактически в положение самовыживания. Существует значительная система, призванная обеспечить безопасность граждан и представленная как органами правопорядка (прокуратура, полиция), чиновниками, судами, так и армией и верховной властью. Однако степень доверия к данной системе варьируется от 7% до 20%. Соответственно, 80% населения не понимает, для чего оно содержит своими налогами все эти органы и структуры. Низкий уровень доверия к ним напрямую связан с проводимой ими деятельностью в своих интересах либо в интересах определенных приближенных к власти групп¹⁹³. Интересы народа, простых граждан оказываются на последнем месте. Власть, её представители не стремятся даже узнать проблемы граждан, о чем свидетельствуют данные нашего опроса. Более трети респондентов (37%) убеждены, что чиновники не знакомы с проблемами населения. При этом именно уровень доверия выступает основой продуктивного взаимодействия власти и населения в интересах построения гражданского и комфортного российского общества.

¹⁹³ См., напр.: Донских Е., Очкина А. Жить или доживать. Индексация пенсий их не увеличивает // Аргументы и факты. – 2012. – №12. – С. 10; Руководители региональных пенсионных фондов признают, что пенсии необходимо повышать. Капкаев В. «Пенсия для большинства в стране пока недостаточная» // Аргументы и факты. – Саратов. – 2012. – №13. – С. 3; Оберемко В. «Разбычить общество»! Данил Корецкий – о совести, чести и праве на оружие / Аргументы и факты. – 2012. – №12. – С. 3.

Динамика социальной сплоченности: вторичный анализ

Категории безопасности, тревожности, социальной комфортности обретают актуальное прочтение в логике урбанистической тематики. Современный мир становится пространством мегаполисов с особенностями и проблемами, свойственными большим урбанистическим поселениям. Мир города – анонимный, ему свойственны высокие риски и страхи: горожане боятся криминала, «других», незнакомого, неожиданного, этого в условиях динамичного города с разнообразным населением много, страхи возрастают, когда отсутствует достоверная информация – например, о приезжих, инвалидах, молодежных субкультурах; тогда ее место занимают запугивающие слухи¹⁹⁴.

В этом контексте находятся результаты исследования, полученные ФОМ, «Тревожная масса». В России тревожно жить 45% населения, а кому спокойно, – 47%. Страхов у населения много, но доминируют связанные с финансами, люди боятся потерять в зарплате. Выборы и обещанный конец света беспокоят наших сограждан меньше всего¹⁹⁵. Среди причин, вызывающих тревожность, находятся ситуация с миграцией и приезжими; общее состояние социального пространства и личная безопасность; экономическая стабильность, а также предчувствия россиян относительно будущего семьи.

¹⁹⁴ Вирт Л. Избранные работы по социологии: сб. переводов / пер. с англ. Николаев В.; отв. ред. Гирко Л. – М.: РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социальной психологии, 2005. – 244 с. (Сер.: Теория и история социологии).

¹⁹⁵ ФОМ «Тревожная масса». URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10171> (дата обращения: 19.08.2017).

Тревожность, вызванная «вторжением чужих». В урбанистике присутствует тема чужаков и чуждости: «горожанин – это чужак»¹⁹⁶. Под этим имеется в виду «инаковость», а не различие: не неизменная классификационная схема идентичности, а скорее неизвестный другой, отмеченный чуждостью. Говоря о современном городе и о том, что касается социальности жизни с чужаками, отличительной особенностью гражданской сферы полагают взаимоприспособление через разобщение. Это означает перемирие, позволяющее оставаться такими, как есть, мир взаимного безразличия, в городской жизни идентичность заняла место инаковости. Это одна из причин, почему современный город оказывается «резиновым», принимая все новые волны мигрантов, и можно быть уверенным, что различия не исчезнут. Плохо, что взаимоприспособление через разобщение кладет конец практикам гражданства, пониманию различных интересов, свидетельствует об утрате простого человеческого любопытства к другому¹⁹⁷.

Ситуацию вынужденного сосуществования с «чужими» россияне переживают крайне болезненно. По ощущениям подавляющего большинства россиян (данные опроса ФОМ 2004 года), приезжих других национальностей вокруг них (в городе, селе) много. Только 14% опрошенных посчитали, что приезжих там, где они живут, мало. Хорошо заметна закономерность: чем крупнее населенный пункт, тем чаще его жители говорили, что приезжих вокруг много. С одной стороны, очевидно, что чем больше город, тем больше в нем мигрантов.

¹⁹⁶ Зиммель Г. Теория конфликтного функционализма. – М.: Academia, 1993. – 415 с.

¹⁹⁷ Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. – 2008. – №3 (66). – С. 95-107.

Но вместе с тем крупный город – это не только большее количество людей в замкнутом социальном пространстве, но и большая плотность взаимодействия. И если жители мегаполисов чаще, чем жители сел, говорят, что приезжих много, это может отражать не только разницу в объективной численности приезжих, но и разницу в субъективном переживании непосредственной близости «чужого».

Обратим внимание на две небольшие детали. Из жителей мегаполисов и крупных городов практически никто не сказал, что приезжих других национальностей вокруг мало. Но даже от сельских жителей почти в два раза чаще звучал ответ «много», чем «мало» (и есть основания предполагать, что за ответом «много» стоит то же самое раздражение в адрес приезжих¹⁹⁸). Исследование «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» показало распределение ответов при выявлении социальной дистанции по отношению к разным национальным группам на примере чеченцев – Приложение 7¹⁹⁹.

Общее состояние социального пространства и личная безопасность. Участники первого урбанистического форума, проходившего в Москве 7-9 декабря 2011 года, определяя самые главные вызовы для мегаполиса, на первое место поставили комфортность пространства города, развитие транспортной инфраструктуры. Министр по вопросам городского развития Французской Республики Морис Леруа, выступая на урбанистическом форуме в Москве, упомянул, что при обсуждении проекта «Большой Париж» была организована дискуссия

¹⁹⁸ ФОМ. Проекты. URL: www.fom.ru; bd.fom.ru (дата обращения: 23.08.2017).

¹⁹⁹ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты (основная выборка). URL: http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=0&HQ=99960&SQ=2280&HSQ=203 (дата обращения: 27.08.2017).

более чем на 20 тыс. жителей города, и поинтересовался, как проходят подобные собрания в России²⁰⁰.

Приходится констатировать, что в России конструирование городского пространства проходит под влиянием лобби групп, обладающих экономическими и символическими капиталами, без вовлечения в обсуждение широкой общественности. Я. Гейл, всемирно известный архитектор, который проделал огромную работу по развитию велосдвижения в Дании, заявил: «Цель города – не сделать машины счастливыми, но изыскать баланс между жизнью человека и дорожным движением». Городское планирование должно ориентироваться на нужды людей. Копенгаген был первым городом в мире, где начали исследовать, как люди пользуются городом, нужно исследовать людей – это очень хороший инструмент²⁰¹.

Четверть всех горожан в России ущемлены в реализации прав на свободу передвижения в силу недоступности городского пространства. Большинство горожан в России, где власти приступили к выполнению законодательных норм по созданию доступной среды, по-прежнему не понимают, о чем идет речь, при упоминании словосочетания «доступная среда». Более того – сообщества архитекторов, гуманитариев, чиновников, инвалидов порой имеют противоположные взгляды на доступность, что говорит об отсутствии согласованности по ключевым вопросам. Между тем реализация задач, поставленных в программе «Доступная среда», возведение в стандарт требований универсального дизайна работает

²⁰⁰ Московский урбанистический форум. Прямая трансляция. URL: <http://www.mn.ru/moscow/20111208/308244525.html> (дата обращения: 14.08.2017).

²⁰¹ Московский урбанистический форум, 8-9.12.2011 / URL: <http://www.mn.ru/moscow/20111208/308244525.html> (дата обращения: 14.09.2017).

на решение сразу трех основных направлений развития города: город для жителей, туристов, инвесторов. «Среда создаёт лица людей и их отношения между собой, а главный инвестор мегаполиса – это его житель»²⁰². Качество городской среды напрямую коррелирует у людей с ощущением безопасности.

Для оценки ощущения безопасности среди россиян в 2011 году обратимся к данным Единого архива экономических и социологических данных – опрос «Социальная защищенность населения России» (время проведения: июнь 2007; N = 1800 респондентов). Оценивая уровень личной безопасности (когда вы находитесь дома, в подъезде на улицах города, в транспорте), 34,9% в целом ощущают опасность, почти половина (45,5%) оценили степень безопасности удовлетворительно. О личной безопасности красноречиво говорят данные ВЦИОМ (22.06.2001 – 25.06.2001, число опрошенных: 1600) и распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли вы себя в безопасности в том районе города (поселке, селе), где вы живете?» Почти 80% населения не чувствуют себя в безопасности, а 62% не удовлетворены деятельностью полиции.

Результаты эмпирических исследований прямо или косвенно иллюстрируют неблагополучие и нестабильность современного российского городского пространства. Медицинская статистика травматизма – очередной показатель враждебности мегаполиса человеку. В 2009 г. за медицинской помощью по поводу травм, отравлений и некоторых других последствий воздействия внешних причин обратилось 10029342 взрослых пострадавших. Показатель травматизма составил 86,6 на 1000 взрослого населения. По сравнению с 2008 г. число травм, зарегистрированных среди взрослого населения,

²⁰² Там же.

уменьшилось на 1,6%, а показатель травматизма снизился на 1,9%. Несмотря на то, что в 2009 г., по сравнению с 2008 годом, показатели травматизма снизились во всех федеральных округах, по-прежнему в Приволжском округе уровень травматизма превышает среднероссийский показатель на 10,6.

Среди пострадавших от травм и других несчастных случаев больше половины (57%) составили мужчины, у которых показатель травматизма был равен 109%, а среди женщин – 68%. В структуре травматизма, зарегистрированного в федеральных округах, повреждения, полученные в быту и на улице, также преобладали над всеми остальными травмами, что свидетельствует о неудовлетворительном состоянии городской среды и объектов транспортной, бытовой и социальной инфраструктуры. Уличный травматизм был подвержен значительным колебаниям, составляя в общей структуре травматизма от 13% (Южный федеральный округ) до 38% (Северо-Кавказский федеральный округ). Более часто среди взрослого населения регистрируются ушибы, поверхностные травмы без повреждения кожных покровов, которые составляют 26,5% или 31%. Второе место в структуре травматизма по обращаемости населения за медицинской помощью занимают переломы костей, составляющие 19 случаев на 1000 взрослого населения или 21,5%.

Анализ статистических данных показывает, что качество жизни в городах, характер организации жизни мегаполиса не позволяют говорить о городе для людей, городе для жизни, что является основанием маркирования области социальных рисков и неблагополучия в урбанистическом контексте. Многогранность толкования качества жизни и обилие определенных термина все же позволяет акцентировать некоторые базовые категории, которые должны быть обеспечены в городах для жизни, для безопасности, толерантности, стабильности:

- возможность жителей полностью использовать преимущества инфраструктуры урбанизированной территории (достаточное количество пищи, чистого воздуха, доступного жилья; широкий рынок трудоустройства; доступные места отдыха);
- возможность граждан участвовать в принятии планировочных решений, в создании «дружелюбных» мест, из которых состоит город. Проектирование и строительство таковых осуществляется стимулирующими, а не директивными мерами; определение пригодности, доступности городских территорий опирается на собственный опыт горожан, а не на эфемерные умозаключения агентов с большими символическими капиталами и ресурсами;
- доступное жилье – необходимый элемент города для жизни (имеется в виду как экономическая доступность для различных групп населения, так и доступность в контексте безбарьерности). В. Глазычев отмечает: «Неравноценный доступ жителей города к инфраструктуре и преимуществам инженерного благоустройства резко обостряет вопросы социального неравенства»²⁰³;
- безбарьерная мобильность – немаловажный аспект категории «качества жизни». Немногие задумываются о сложившемся порядке, когда вещи, тротуары, переходы, дома, которые нас окружают, создаются для среднего пользователя и становятся малодоступными для всех, кто отклоняется от усредненной нормы (дети, инвалиды, пожилые люди). «Проектирование дружелюбной пешеходу окружающей

²⁰³ Глазычев В. Урбанистика. Часть 2. – М.: Европа, 2008. – С. 7.

среды предполагает создание широких тротуаров и общественных площадей, понижение скорости автомобильного движения»²⁰⁴.

Говоря о городе как проекте для жизни, мы подразумеваем то, что появится через некоторое время. Иными словами, речь идет о возможном прогрессе, о различии между тем, что мы наблюдаем перед данным временным моментом, и тем, что мы увидим после него. Данная логика наилучшим образом применима для коннотации процессов урбанизации.

О том, что беспокоит россиян, говорят результаты опроса ФОМ «Россия через десять лет: прогноз населения»²⁰⁵. Было выделено 19 важнейших сфер жизни – от здоровья населения и уровня развития науки до взаимоуважения людей и авторитета страны в мире – и респондентов просили оценить положение дел в них по 10-балльной шкале. По мнению населения, хуже всего у нас сегодня обстоят дела с соблюдением законов, а лучше всего – с возможностями для самореализации. Все выбранные сферы были разделены на **6 групп**, каждая группа – это определенный ресурс, вид капитала. Скажем, сферы «благополучие населения» и «богатство страны» – это составные части финансового капитала; «доверие между людьми», «взаимопомощь» и «соблюдение законов и правил» – капитал социальный. Свою оценку получила не только каждая из сфер, но и каждый вид капитала – этот показатель складывался из оценок входящих в капитал сфер. Если усреднить оценки всех капиталов, получим интегральную оценку жизни в стране, равную 5,5 баллам из 10 возможных. Выяснение настроения и ожиданий россиян показало, что в среднем – по

²⁰⁴ Глазычев В. Урбанистика. Часть 2. – М.: Европа, 2008. – С. 8.

²⁰⁵ Россия через десять лет: прогноз населения. Спецпроект ФОМ и Сбербанк, 2011. URL: http://fom.ru/special/sberbank_21/10248 (дата обращения: 28.09.2017).

интегральному показателю – получается, что жизнь станет немного лучше. Каких конкретно изменений ждут россияне и сильно ли отличаются оценки пессимистов от мнений оптимистов – смотрите на интерактивном графике (Приложение 7.1).

Опрос, проведенный ФОМ 20.11.2011 года, показал, что половина россиян считают положение в экономике страны кризисным, а четверть уверены, что кризис нарастает. При этом 63% респондентов не встречали в последнее время в СМИ сообщений об изменении экономической ситуации в стране, которые вызвали бы тревогу, беспокойство.

Социальная справедливость и социальная защищённость. Рассуждая относительно устройства российского общества, подавляющее большинство наших сограждан уверены: современное российское общество устроено несправедливо (так считает 61% населения), и на Западе с этим лучше, чем у нас (47% считают, что западные общества устроены более справедливо). Такой же опрос ФОМ проводил перед прошлыми думскими выборами, в 2007 году. Справедливости с тех пор больше не стало. Более половины опрошенных (52%) заявляют, что советское общество 1970-80-х годов было устроено более справедливо, чем современное российское.

Россияне, принявшие участие в опросе ФОМ 2003 года о социальной сплоченности в обществе, отмечали, что среди людей много несогласия, разобщенности (76%); только 8% были уверены в обратном: по их мнению, доминируют согласие и сплочённость. В качестве основных причин разобщенности указывались следующие.

1. Различный материальный уровень (бедность одних при изобилии других) – словом, социально-экономическое расслоение (30%);

2. Социально-психологические проблемы общества («замкнутость людей – каждый сам за себя»; «все злые, не любят друг друга»; «зависть и злость») (23%);
3. Внутриполитические проблемы, беззаконие (хаос, «много преступности; воровство») (10%);
4. Общественно-политические перемены последних лет: «перестройка»; «виновата демократия»; «70 лет было все общее – а теперь все поделили»; «развал СССР, рыночные отношения»; «Союз распался, и что-то в людях случилось»; «весь мир перевернулся, ничего не понять»; «общество неустойчиво, в стране идет переходный период» (6%);
5. По мнению 4% наших сограждан, причиной разобщенности являются экономические проблемы: безработица, «бедность государства»;
6. 4% опрошенных указали на отсутствие объединяющего фактора – общей идеи, патриотизма («нет идеологии единой»; «патриотизма нет»; «потеряно национальное самосознание, гордость за страну»; «в отсутствии общей идеи и общих интересов»).

Что может объединить, сплотить людей в нашей стране?

1. 15% считают, что способствовать этому может экономический рост и повышение уровня жизни людей;

2. 7% уверены, что нацию сплотит только общая беда («критическая ситуация», «вселенская катастрофа», «большой стресс – иначе русского человека не раскачаешь»);

3. 7% опрошенных считают, что всех может объединить лидер «с огоньком», «умный вожак», «новый Ленин»;

4. 7% уповают на выработку новой «общей идеи», «общего идеала», «единой цели»;

5.1% респондентов верят, что россиян может объединить религия («спасет Россию истинное православие»; «вернуться к старой русской вере»)²⁰⁶.

Около половины населения России не удовлетворены и скорее не довольны льготами и социальными выплатами. Говоря о социальной защищенности на предприятии, в сфере занятости 22% респондентов говорят, что их права никто не защищает, 47% отмечают, что они сами защищают свои права, и только 7% ответили, что государство – гарант их трудовых прав²⁰⁷. Анализ данных социологических исследований современных процессов, происходящих в урбанизированном пространстве, позволяет выдвинуть гипотезу о существовании блока факторов, особенно сильно влияющих на социальную сплочённость, социальные риски и социально-психологический статус россиян:

1. Блок «Социальная справедливость» в устройстве общества: дифференциация доходов населения, законность и равенство перед законом, доступность занятости.
2. Блок «Социальная безопасность»: качество жизни в урбанизированной среде, личная безопасность, тревожность, доверие органам охраны правопорядка, отношение к мигрантам.
3. Блок «Социальные гарантии»: экономическая стабильность материального положения, социальные льготы, социальная защита.

²⁰⁶ Фонд «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения. 11 января 2003 года, N=1500. URL: <http://fom.ru/obshchestvo> (дата обращения: 25.08.2017).

²⁰⁷ Исследование ВШЭ «Социальная защищенность населения», 2007. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2233&T=q (дата обращения: 20.08.2017).

Социальная сплочённость в представлениях россиян

Социальная сплоченность представляет собой результирующую всех сил, действующих на людей с тем, чтобы удерживать их в обществе²⁰⁸, а также отражает степень желания индивидов оставаться в нём. Социальная сплочённость – это особое состояние группы, общества, нации, степень форсированности которой может меняться с учётом времени. В определённые моменты социальной реальности степень сплочённости зашкаливает (например, полет Ю. Гагарина, война), в иные – снижается под давлением негативных – эндогенной природы – факторов (коррупции, беззакония).

Основными факторами, способствующими формированию сплочённости, выступают внешние или внутренние вызовы, детерминанты культурного порядка (например, знаки, символы, традиции, образование, наука). При позитивной направленности событий влияние данных факторов способствует развитию патриотизма, формированию чувства общенациональной идентичности, защищённости граждан, высокого уровня доверия к власти и социальным институтам.

Действенность факторов во многом зависима от таких условий, как единство представлений и ценностей большинства членов общества – это напрямую влияет на целостность

²⁰⁸ Социальная психология: Хрестоматия / сост. Е. Белинская, О. Тихомандрицкая. – М.: Аспект-пресс, 2003. – С. 14.

социальной системы²⁰⁹. Это же формирует готовность членов общества к гражданской активности; государственная политика социальной сплоченности проявляется в определённости и «сплачивающем эффекте» цели развития общества, действий, открытости и доступности власти, властных решений, отстаивании принципов социальной справедливости, равенства, правового регулирования и законности. Успешная реализация подобной политики создает привлекательное для жизни (по типу европейского) общество, способствует повышению степени национальной идентичности его представителей и в итоге повышает степень сплочённости.

Проанализируем особенности динамики параметров социальной сплоченности посредством обращения к результатам эмпирических исследований в темпоральном контексте. Сплачивающим эффектом традиционно характеризуются государственные праздники. Например, исследование Фонда общественного мнения (далее – ФОМ) «День Победы – это народный или государственный праздник?», проведенное в апреле 2012 и 2015 годов, показало следующую динамику ответов на вопрос «Чем лично для вас в первую очередь является День Победы 9 мая?»: в 2012 году 61% респондентов, а в

²⁰⁹ Beauvais C and Jenson. Social Cohesion: Updating the State of the Research. CPRN Discussion Paper. 2002, № F/2; Omariba W. Social cohesion on Europe: a bibliography. Strasbourg // Development and change. – 1996. – Vol.27. – №2. – P. 153-204; Stanley D. Holding the centre: what we know about social cohesion // Strategic Research and Analysis and the Social Cohesion Network. Strasbourg // Development and change. – 1996. – Vol.27. – №2. P. 172-198; Chan J. et.al. Reconstructing Social Cohesion: Developing a Definition and Analytical Framework for Empirical Research. Social Indicators Research, January 2006. – Vol. 75. – № 2.

2015 году – 53% указали, что данный праздник является народным²¹⁰.

В ходе опроса «ФОМнибус» в октябре-ноябре 2015 г. относительно значимости для России праздника 4 ноября было установлено, что почти 70% населения считают день народного единства необходимым событием²¹¹. Данное мнение оказалось относительно схожим в разных возрастных группах при доминировании среди молодежи (18-30 лет – 75%, 31-45 лет – 69%, 46-60 лет – 68%, старше 60 лет – 63%). Примерно одинаково число граждан, рассматривающих День России (12 июня) как праздник (45%) и как просто дополнительный выходной (42%)²¹². С 2006 года наблюдается позитивная динамика социального отношения к государственной символике России. Если в 2006 году по данным ВЦИОМ при её виде испытывали гордость 49% граждан, то в 2008 – 52%, в 2012 – 54%, в 2014 – 58%²¹³. Сегодня фактически каждый второй гражданин России (44%) знает мелодию и гимн России²¹⁴.

²¹⁰ ФОМ. База данных. URL: <http://fom.ru/search#q=&from=&to=> (дата обращения: 20.04.2017).

²¹¹ ФОМ. База данных. URL: <http://fom.ru/search#q=&from=&to=> (2015, 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, N=1500) (дата обращения: 15.06.2017).

²¹² Опрос «ФОМнибус» 30-31 мая 2015 г., 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <http://fom.ru/TSennosti/12189> (дата обращения: 17.06.2017).

²¹³ Опрос «Символы России: знаем и гордимся!» (август 2014). Пресс-выпуск №2653. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114943> (дата обращения: 06.06.2017).

²¹⁴ Опрос «ФОМнибус» 30-31 мая 2015 г., 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. URL: <http://fom.ru/TSennosti/12189> (дата обращения: 17.06.2017).

Соответственно, государственные праздники и символика имеют большое значение более чем для половины жителей России. При этом прослеживается определённая устойчивость и сходство данного отношения у представителей разных поколений. О степени сплочённости общества свидетельствует ориентация граждан на оказание натуральной и материальной помощи своим соотечественникам, находящимся в социально опасном положении.

В частности, результаты опроса ФОМ 2013 года показывают, что 17% перечисляли средства потерпевшим от наводнения на Дальнем Востоке²¹⁵. Свыше трети опрошенных мотивируют свои действия тем, что помощь пострадавшим – это долг каждого (33%). Значительной оказалась доля респондентов, которые систематически переводят средства нуждающимся (27%). Более половины опрошенных (57%) считают сбор средств в рамках благотворительных акций социальной помощи необходимым и не зависящим от объёмов государственного финансирования.

Распространённость гражданских инициатив по реализации помощи является важным маркером степени сплочённости, готовности нести убытки, сознательно ухудшать качество своей жизни ради благополучия других. Увеличение числа таких людей возможно при реализации государственной политики сплочённости, расширении спектра сплывающих факторов. Одним из наиболее значимых, по данным Евразийского монитора (регулярные синхронизированные опросы населения стран постсоветского пространства по единому инструментарию (волна 1, 2004)), набравшим наибольшее число го-

²¹⁵ Опрос «ФОМнибус» 5-6 октября 2013 г., 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11119> (дата обращения: 11.06.2017).

лосов из факторов социальной интеграции является общее историческое прошлое. Так считают 33% жителей России, 22% жителей Украины и 30% населения Белоруссии²¹⁶.

По косвенному критерию сплочённости, представленному социальными предпочтениями относительно будущего проживания за границей, в своей стране, союзе стран треть населения постсоциалистических стран демонстрирует желание остаться в своей стране. Например, данные Евразийского монитора (2010) показывают, что в среднем каждый четвертый житель Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, России и Украины настроен патриотично²¹⁷.

В качестве варианта респонденты допускают объединение в рамках постсоветского пространства – с Украиной, Россией, Казахстаном и Белоруссией – в среднем 23%. При этом динамика уровня постсоветской интеграции с 2005 по 2010 годы ограничена диапазоном статистического колебания (35 – 55%)²¹⁸. Определённым подтверждением данных социальных настроений являются результаты телефонного опроса жителей Республики Крым и Севастополя в апреле 2015²¹⁹. Подавляющее большинство жителей Крыма и Севастополя (90% и

²¹⁶ По данным Евразийского монитора (волна 1, 2004. N=2000), реализованного совместно ВЦИОМ (РОССИЯ), "НОВАК" (БЕЛАРУСЬ), ДИАЦ (УКРАИНА). URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/> (дата обращения: 15.04.2017).

²¹⁷ По данным Евразийского монитора (2010. N=15000). URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/> (дата обращения: 17.08.2017).

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Исследование ФОМ «Жители Крыма и Севастополя о своем отношении к присоединению к России» апрель 2015 года (1671 респондент в Республике Крым, 494 респондента в Севастополе). ФОМ. URL: <http://fom.ru/posts/12165> (дата обращения: 15.06.2017).

93% соответственно) подтвердили своё согласие с вхождением в состав России в 2014 году. При этом, однако, 19% крымчан и 28% севастопольцев допускают для себя возможность протестовать. Связано это с рядом не оправдавшихся ожиданий на фоне относительной социально-экономической стабильности в регионе, прежде всего – со снижением уровня жизни, доходов (10%).

Отмеченные экс-украинцами проблемы актуализируют и россияне. По данным ВЦИОМ (2012), 25% молодежи выражают желание уехать за границу на постоянное место жительства. Среди причин возможной эмиграции: лучшие условия жизни (46%); возможности самореализации (14%); за рубежом больше порядка (13%); за границей безопаснее (5%)²²⁰. По данным исследования в ходе седьмой волны всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», проведенного независимым институтом сравнительных социальных исследований (2015, www.cessi.ru), в России почти 30% населения нищие, они тратят свои доходы только на питание и вынуждены заниматься. Результаты опроса отмечают появление симптомов социогуманитарной рецессии – не решение актуальных проблем в обществе, а их воспроизведение, первое с 1990-го г. снижение поддержки современных базовых ценностей: жизни, независимости, свободы, инициативности, а также индекса соблюдения прав и свобод человека²²¹.

²²⁰ ВЦИОМ. База данных. Всероссийский опрос, 11.03.2012 (N=1600). URL: http://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_2012_goda (дата обращения: 05.05.2017).

²²¹ Лапин Н. Как остановить социогуманитарную рецессию // Независимая газета, 2016.02.10. URL: www.ssa-rss.ru/files/File/Conference/VSK-V/Navstrechu%20VSK-V/Lapin%20statya%2010.02.2017.pdf (дата обращения: 16.06.2017).

Относительно невысокая сплочённость российского общества в те годы была обусловлена значительной трансформацией ценностей, предпочтений россиян. По данным комплекса исследований Института сравнительных социальных исследований (CESSI) во временном диапазоне с 1986 по 2006 годы, многие нематериальные ценности утратили свои позиции. К примеру, ценность «интересной работы» в аксиологической иерархии россиян упала с 41% (в 1986 году) до 29% (в 2006 году); значение «уважение окружающих» снизилось (с 27% до 17% соответственно), как и стремление «быть полезным обществу» (с 26% до 6% соответственно); «помогать другим» (с 53% до 27% соответственно). Фактически единственным мерилom успешности человека, его социального статуса стало материальное благополучие²²². Современные исследования также подтверждают низкую консолидацию регионального социума на фоне множества социальных неравенств, оказывающих деструктивное воздействие на стабильность общества²²³.

Таким образом, анализируя в качестве вторичного исследования результаты прошлых массовых опросов, мы приходим к выводу, что население России и стран постсоветского пространства в целом генерирует схожие мнения о параметрах социальной сплочённости, её формировании, перспективах. Незначительные различия в основном детерминированы социально-экономическими факторами. Происходит разбалансированность, степень ряда параметров сплочённости (доверие, инклюзия) снижается, а степень других (интеграция,

²²² Андрееenkova А. Изменение в образе жизни и ценностях россиян. Институт сравнительных социальных исследований / CESSI. URL: <http://www.cessi.ru/index.php?id=171/> (дата обращения: 11.06.2017).

²²³ Кошарная Г. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества // Власть. – 2015. – №9. – С. 125-129.

дистанция) повышается. Данное повышение обусловлено, прежде всего, развитием социально-политических настроений, интенций чаще всего протестного характера (так называемая протестная сплочённость). Мониторинговое измерение параметров социальной сплочённости позволяет оперативно реагировать на изменение социальной ситуации в контексте социального управления.

Межстрановые исследования

Показатели и индикаторы социальной сплочённости, социального доверия и гражданской ответственности населения регионов России в отношении экономически и социально уязвимых групп: методология эмпирического исследования.

Социальная сплочённость предполагает общие моральные ценности и участие в общественной жизни, воплощение которых становится все более сложным в условиях возрастающей автономии экономической жизни. В широком контексте и в противоположность единичной, территориальной или национальной идентичности новые концепции основываются на обязательствах по отношению к государству и со стороны государства²²⁴. Так, концепции социальной безопасности и социальной сплочённости, разработанные ещё Советом Европы, совмещали организацию социальной сплочённости, а также связей и структур, необходимых для её поддержания, с индивидуальной защитой прав.

²²⁴ Ethical, solidarity-based citizen involvement in the economy: a prerequisite for social cohesion Council of Europe. – Vol. 12. – N.Y., 2004. – PP. 90-94.

В определённом смысле этимология сплочённости выводит на понятие идентичности, которая формируется не благодаря пронизывающей социальные слои идеологии, а различными обстоятельствами. Всё больше людей предпочитают проживать в небольших загородных поселках, в пределах которых поддержание социальных связей базируется на приоритете частных интересов. При этом личное и частное сочетается с коллективным и общественным в контексте соседских социальных сетей. В итоге мы видим «одновременную изоляцию людей и смешение групп и индивидуумов, принадлежащих к различным культурам, придание возрастающего значения власти и зависимости и расширение зоны маргинальности и аномальности»²²⁵. Получается, что сетевые структуры создают своеобразные зоны маргинальности, в которые человек либо убегает, ища защиты от всепроникающих форм «дрессуры»²²⁶, либо погружается в них под давлением внешних обстоятельств.

Категория социальной сплоченности, лежащая в основе современной социальной политики развитых стран, охватывает лишь когорты населения, выпавшие из нормы социума не по своей доброй воле. Отсутствие социальной сплочённости понимается как одно из последствий глобализации, проявление социальной эксклюзии в форме маргинализации социально слабых категорий населения. «Индикатором социальной напряжённости и различных видов материального и статусного давления традиционно считается материальное состояние общества, которое характеризуется контрастом полюсов

²²⁵ Нолль Х.-Г., Эспинг-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. – 2006. – №5. – С. 7-32.

²²⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумов; под ред. И. Борисова. М.: Ad Marginem, 1999. – 460 с.

богатства и бедности»²²⁷. Ведь солидарность по-разному формируется среди бедного²²⁸ и богатого населения, а межклассовая сплочённость – это более сложный феномен. При исследовании малых групп сплочённость выступает переменной в аспекте формирования, поддержания и развития. Сплочённость понимается как способность группы сопротивляться деструктивным силам и достигается через стремление индивида аффилироваться с группой (классические работы Дж. Морено²²⁹). Исследования сплочённости развиваются и в русле подхода к анализу социальных сетей.

В современных индивидуализированных обществах трудовая жизнь претерпевает в сравнении с недавним прошлым значительные трансформации: рабочий перестаёт быть закреплённым за своим рабочим местом на всю жизнь. Трудовая жизнь теряет перспективу, становясь совокупностью кратковременных актов, приобретает характер неопределённости. «Неопределённость наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Это обстоятельство лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики и предполагает жизненную стратегию, совершенно отличную от той, что вела к созданию организаций, воинственно защищавших права рабочего класса»²³⁰. В информационном обществе рабочее движение и профсоюзы,

²²⁷ Раддай Р. Как править обществом. URL: http://zhurnal.lib.ru/r/rad-daj_r/instruction.shtml (дата обращения: 07.02.2017).

²²⁸ Мониторинг положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и развитие семейных форм их устройства в Центральном федеральном округе в 2008 году (третий ежегодный доклад). – М.: ООО «Вариант», 2009.

²²⁹ Морено З. Психодрама: ролевая теория и концепция социального атома // Эволюция психотерапии. – М.: Класс, 1998. – Т. 3. – С. 256-279.

²³⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: ЛОГОС, 2005. – 390 с.

хотя и не исчезли окончательно, в значительной мере исчерпали свой потенциал как факторы социальной сплочённости²³¹. Феномен ответственности перед предприятием исчезает не только из трудовой жизни наемного работника, но также из обязательств собственника предприятия, точнее, его инвестора.

В начале третьего тысячелетия акценты переставляются, и социальная сплочённость должна рассматриваться в разных экономических, политических и социальных контекстах. Задействовано множество сил, включая игроков, обладающих властью, которые пытаются изменить правила игры в обществе в свою пользу или в соответствии с личными ценностями. Индивидуальные решения уже менее значимы, хотя это звучит парадоксально в контексте доктрины, в соответствии с которой основной акцент делается на личных интересах. Будущее людей на Земле связывается с согласованными (противоречащими друг другу или взаимодополняющими) решениями всех заинтересованных «игроков» мира²³².

Роль культуры в процессе социальной интеграции теоретики постиндустриального общества оценивают по-разному. С. Хантингтон полагает, что после холодной войны культура является силой, одновременно и объединяющей, и вызывающей рознь. Люди, разделенные идеологией, но объединенные культурой, объединяются, как две Германии, начинают делать две Кореи и несколько Китаев. Общества, объединенные идеологией, но разделенные культурами, распадаются, как

²³¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Директ Медиа, 2011. – 567 с.

²³² Urban S. A civic commitment to the economy: how can solidarity-based finance systems and responsible consumption contribute to social cohesion? // Ethical, solidarity-based citizen involvement in the economy: a prerequisite for social cohesion Council of Europe. 2004. – P. 20-25.

случилось с Советским Союзом, Югославией и Боснией, входят в состояние напряженности, как в случае с Украиной, Нигерией, Суданом, Индией, Шри-Ланкой. Страны, сходные в культурном плане, сотрудничают экономически и политически²³³.

Однако общество большинства экономически развитых стран в современном мире определяется понятием «общество потребления», в то время как соответствующая ему культура чаще всего обозначается понятием культуры «постмодерна»²³⁴. Проблема состоит в том, что сама специфика постмодернистской культуры такова, что она не может стать эффективным механизмом обеспечения социальной сплоченности. Само потребление «манифестируется в качестве смысловой, ценностной, эстетической, коммуникативной констант социальности»²³⁵. Демократия вырастает из потребления, если понимать ее вслед за Ж. Бодрийяром в качестве равенства всех перед потребляемым продуктом: «Это демократия уровня жизни, телевизора, автомобиля, стереосистемы, демократия по видимости конкретная, но также полностью формальная, которая соответствует – по ту сторону социальных противоречий и неравенств – формальной демократии, записанной в Конституции»²³⁶. Культура постмодерна внеидеологична, точнее, ее развитием движет лишь логика и идеология

²³³ Хохман Г., Хьюстон А. Приемные подростки: как им живется? 2003 / пер. Н. Ран. URL: <http://www.7ya.ru/articles/2084.aspx> (дата обращения: 27.06.2017).

²³⁴ Алёшина М.В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия и социокультурные реалии: монография. – М.: ООО «Вариант», 2013. – 216 с.

²³⁵ Буренкова Э. Трансформация общества и внутренние характеристики элитных групп. Об изучении элитных групп // Мир России. – 1995. – Т. 4. – № 3-4. – С. 17-23.

²³⁶ Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

потребления. Чтобы быть потребляемой, культура постмодерна обращается к вкусу потребителя, а о вкусах, как известно, не спорят. Будучи обращенной к вкусу массового потребителя, культура постмодерна является эклектичной. «Эклектическим творениям легко найти себе публику»²³⁷.

Мощные экономические и технологические механизмы, влияющие на глобализацию общества, а также стадии цепочки прибавочной стоимости рассеяны по всему миру. Данные адаптационные возможности зависят не только от темпов развития, но и от «структурных влияний», порождаемых социально-экономической системой²³⁸. Но главное в том, что эклектика постмодернистской культуры, равно как и соответствующее ей фрагментарное сознание, не создают устойчивой идентичности, её основания необходимо искать глубже, на уровне языка, религии, символики.

Модернизированные, бесчеловечные ландшафты мегаполисов не предоставляют возможностей глубокого межчеловеческого общения, необходимого для выработки коллективных оценок и поведенческих стратегий в интенсивно изменяющемся мире. Не связанные рамками идеологии, соответствующими структурами ландшафта, индивиды обретают идентичность не в традиции и не классовом мировоззрении. Наиболее эффективным инструментом для формирования идентичности являются приобретаемые и используемые товары или услуги: «Массово производимые средства – инстру-

²³⁷ Григорьева И. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 29-44.

²³⁸ Urban S. A civic commitment to the economy: how can solidarity-based finance systems and responsible consumption contribute to social cohesion? // Ethical, solidarity-based citizen involvement in the economy: a prerequisite for social cohesion Council of Europe. 2004. – P. 20-25.

мент индивидуального разнообразия. Идентичность – “уникальная” и “индивидуальная” – может быть выявлена лишь на веществе, которое все покупают и могут получить только посредством покупки»²³⁹. Но уже со второй половины XX века классовая принадлежность вещей стала практически неосязаемой, вещи перестали выражать классовые (как и любые другие групповые) идеи.

Предлагаемая исследователями альтернатива обществу потребления призвана сплотить российское общество, но одновременно – наступить на культурный плюрализм в пользу доиндустриального прошлого с державностью и коллективным характером аграрного труда. В контрасте с патриотической или националистической верой многообещающим видом единства является тот, что «достигается ежедневно заново путем противоборства, спора, переговоров и соглашений о ценностях, предпочтениях, выбранном образе жизни и идентичности множества разных, но всегда самоопределяющихся членов полиса»²⁴⁰. Современные российские реалии предполагают проведение социальной политики скорее по общемировым, нежели по каким-то изолированным, особенным траекториям.

Потенциально культурная разнородность российского населения под влиянием миграции будет только возрастать. В этой ситуации держаться за монокультурный идеал, образ России как «русско-православной» страны «означало бы проявлять чудовищную глухоту к реальности»²⁴¹. Поликультурализм России – это реальность, формирование которой опередило формирование механизмов государственной легитима-

²³⁹ Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Зиммель Г. *Теория конфликтного функционализма*. – М., 1993. – 415 с.

ции и потерпевшей фиаско европейской политики мультикультурализма. Человеческие ценности масштабнее экономических ценностей и подразумевают этическую позицию²⁴². В контексте сплоченности важную точку зрения представляет подход, основанный на социальной ответственности, использовании механизмов управления экономикой в широком контексте человеческих ценностей и достижений, контексте общества, которое есть больше, чем просто совокупность индивидов.

Из сказанного следует, что проблема социальной сплочённости в странах Запада в рамках господствующего либерального проекта не может быть решена при безусловном доминировании экономических индикаторов. Относительно устойчивая социальная сплочённость невозможна без разработки механизмов формирования социальной и культурной идентичности; важно учесть поликультурный характер постиндустриальных обществ, предполагающий проведение соответствующей социальной и культурной политики. Социологическая интерпретация социальной сплочённости позволяет провести её операционализацию, определить понятийные связи, составные компоненты, показатели: социальная дистанция, социальное доверие, социальная политика, солидарность, справедливость, толерантность, социальная инклюзия, интеграция, социальная безопасность.

Основным инструментом реализации социальной сплочённости, прежде всего, являются «политики» различных ви-

²⁴² Burlando R. Ethics and economics: towards a solidarity based economy solidarity-based finance systems and responsible consumption contribute to social cohesion? // Ethical, solidarity-based citizen involvement in the economy: a prerequisite for social cohesion Council of Europe, December 2004. – P. 35-48.

дов: социальная, культурная, экономическая, образовательная²⁴³. Степень социальной сплочённости выступает агрегированным индикатором, своеобразным индексом уровня развития общества, степени социальной ориентированности государственной политики. Социальная политика трактуется как деятельность государства и/или общества (общественных институтов) по согласованию интересов различных социальных групп и социально-территориальных общностей в сфере производства, распределения и потребления, позволяющая согласовать интересы этих групп с интересами человека и долгосрочными целями общества. Соответственно, цель социальной политики – регулирование и согласование интересов для устойчивого и сбалансированного развития, достижение социального мира, общественного согласия²⁴⁴.

Относительная гомогенность общества, разделение его представителями большинства основных ценностей, социальных и иных норм способствуют солидаризации населения, его объединению. Соответственно, процессуальными аспектами сплочённости общества являются, прежде всего, процессы социальной интеграции, инклюзии и солидаризации граждан. Под социальной интеграцией понимают процесс включения в систему новых элементов таким образом, что после этого они больше ничем не отличаются от прежних элементов этой системы²⁴⁵. Близкая к этому процессу социальная инклюзия представляет собой демократическую акцию включения ин-

²⁴³ Алёшина М.В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия и социокультурные реалии: монография. – М.: ООО «Вариант», 2013. – 216 с.

²⁴⁴ Григорьева И. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 29-44.

²⁴⁵ Endruweit G., Trommsdorf G. (Hrsg.) Woerterbuch der Soziologie. Stuttgart Ferdinand Enke, 1989. – P. 307-309.

дивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу²⁴⁶.

Социальную интеграцию как объединение людей, по нашему мнению, можно рассматривать в качестве базисного процесса, результатом которого при определенных условиях выступает социальная инклюзия. Она, в свою очередь, тесно связана с социальной солидарностью, которая формируется посредством и на основе объединения людей. Солидарность трактуется как единство убеждений и действий, взаимопомощь и поддержка членов социальной группы, основывающиеся на общности интересов и необходимости достижения общих групповых целей. Это – совместная ответственность и взаимное согласие²⁴⁷, что отчасти свойственно и социальной интеграции. Развитие процесса интеграции, в свою очередь, приводит к инклюзии, когда механическое объединение трансформируется во включение и общую интерперсональную, совместную деятельность.

Совет Европы, как известно, рекомендовал три группы индикаторов социальной сплочённости:

- *качество жизни, благополучия населения и уязвимых групп населения* – индивидов и групп, которые, в свою очередь, понимаются в нескольких ключевых и жизненных областях (занятость, доход, жилье, здоровье, питание, потребление, информация, образование, культура), а также шесть уязвимых групп: меньшинства, мигранты, дети, пожилые, инвалиды, женщины;

²⁴⁶ Ярская В. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. – 2012. – №6. – С. 46-53.

²⁴⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

- вклад институциональных акторов в решение проблем благополучия и сплочённости – различные стейкхолдеры (власти, рынки), приватная сфера (семья, местные сообщества) и гражданская сфера (все области, где может выражаться гражданство, включая СМИ);
- действия: публичные – деятельность в общих интересах, направленная на создание, регулирование, исправление или фасилитацию процесса сплочённости; частные – деятельность в специфических частных интересах (производство товаров и услуг), которые осуществляют позитивный или негативный вклад в общие интересы и социальную сплочённость, позитивные или негативные внешние факторы²⁴⁸.

Именно данные индикаторы легли в основу комплекса масштабных исследований параметров социальной инклюзии и сплочённости в разных странах мира. Для сравнительного анализа мы используем данные опроса «Международная программа социальных опросов. Роль правительства» (International Social Survey Programme. Role of Government IV), в котором аккумулированы результаты опросов за разные годы их проведения (1985, 1990, 1996 и 2006). Данные получены с сервера zcat.gesis.org, ID набора данных ZA4700.

Важной характеристикой отношения к власти является допустимость нарушения закона при отстаивании своих прав, что свидетельствует о недоверии к власти, правительству, отсутствии солидарности между всеми группами, согласия

²⁴⁸ Алешина М. Социальная сплоченность: концептуализация понятия и социальные реалии: монография. – М.: ООО «Вариант», 2013. – 216 с.; Ярская В., Ярская-Смирнова Е. Социальная сплоченность: выбор идеологии и механизма реализации // Интеллигенция и идеалы российского общества / под ред. Ж. Тощенко. – М.: РГГУ, 2010.

между ними по поводу справедливости поддерживаемых норм и ценностей. По этой позиции Россия находится примерно в середине списка стран, отсортированных по количеству утвердительных ответов на вариант «Необходимо строго следовать закону». Альтернативой является «Нужно действовать в зависимости от обстоятельств». Среди стран, в которых граждане руководствуются в ситуации отстаивания своей точки зрения рациональными объяснениями, а не буквой закона, присутствуют страны с репутацией благополучных – Франция (77,3%), Япония (75,7%), Швеция (70,5%), Новая Зеландия (69,4%), Швейцария (68,5%). Это обстоятельство позволяет иначе взглянуть на социальную солидарность и интерпретировать распределение ответов респондентов в разных странах.

Первый параметр, который мы будем использовать в дальнейшем для определения уровня социальной сплоченности, имеет субъективную природу и отражает важность в жизни граждан страны социальных институтов и способов организации жизни в обществе (имеются в виду семья, друзья, свободное время, политика, работа, религия). Рассматриваемые параметры можно отнести к индикаторам, которые позволяют оценить *отношение респондентов к базовым ценностям и социальным институтам*. Респонденты оценивали их важность для себя в порядковой шкале в диапазоне от «очень важно» до «совсем не важно».

Для получения аналитического индекса по этим вопросам для каждой страны мы взяли средние значения оценок соответствующих альтернатив респондентами по всем волнам и для всех стран. В России ответы на вопросы о важности семьи, друзей и других перечисленных выше ценностей содержали утверждение, что эти ценности были достаточно высокими на протяжении последних двадцати лет и продолжают оста-

ваться такими же вплоть до последнего опроса. Заметно, однако, серьезное снижение важности перечисленных ценностей для россиян, что может внушать определённую тревогу с точки зрения оценки социальной сплочённости. Запас доверия к важнейшим социальным институтам, признание важности для граждан страны семьи, религии, способов организации досуга, который сформировался в эпоху СССР, быстро тает, демонстрируя негативную динамику. Для остальных стран, которые представлены в таблице, характерна разнонаправленность в изменениях (Бразилия) или относительная стабильность (Испания, Швейцария).

Все оцениваемые социальные институты и феномены социальной жизни можно разделить на три группы по степени их важности. Максимальную важность, что вполне естественно, респонденты отводят социальному институту семьи, определяя его высокий приоритет в системе ценностей, механизмах формирования социальной сплоченности. При этом практически для всех стран динамика по этому параметру отсутствует. На протяжении всех волн опросов, захвативших период примерно в двадцать лет, важность семьи является наивысшей и не имеет изменений.

Вторую типичную позицию для всех стран имеет политика, которую респонденты ставят достаточно низко в иерархии важности. Наконец, среднюю группу составляют работа, религия, свободное время и друзья. Необходимо отметить определенную особенность, которая позволяет говорить об отличии динамики отношения респондентов в России и в остальных странах к социальному институту, каковым является религия. В России важность религии постепенно возрастала, оставаясь, тем не менее, на достаточно низком уровне по сравнению с остальными позициями. В других странах религия сопоставима по своему положению с работой, свободным временем,

отношениями с друзьями. Но если в Польше ее значение остается постоянным на протяжении всех трех волн опросов, то в США ее значение постепенно уменьшается на протяжении последнего десятилетия, сохраняя относительно высокое место в иерархии ценностей респондентов.

Важной составляющей современного общества является *добровольный неоплачиваемый труд во благо общества*, участие волонтеров в проектах, желание бескорыстно помогать обществу в решении его проблем. С этой точки зрения нас интересует участие респондентов в работе общественных некоммерческих организаций, участие в качестве волонтера в общественно полезных проектах, в деятельности организаций. Ответы на эти вопросы позволят проанализировать готовность к бескорыстному труду граждан различных стран, регионов, народов. Этот аспект является одним из направлений измерения социальной сплоченности, так как позволяет раскрыть активность граждан страны в содействии общественному благополучию. Виды деятельности представлены достаточно широко, среди них такие важные для нас с точки зрения операционализации социальной сплоченности параметры, как волонтерская работа с пожилыми людьми, людьми с ограниченными возможностями, с бедными, в политических, религиозных, профессиональных, общественных организациях по борьбе за мир, права женщин и меньшинств.

Вопрос о волонтерских организациях был в опросах лишь небольшого числа стран. Но мы используем эту информацию, так как волонтерская деятельность является важным параметром неформального участия граждан страны в общественной жизни, мерилom их активности в решении социальных проблем в обществе. Записи отсортированы от меньших к большим значениям нормированных индексов участия граждан страны в волонтерской деятельности. Россия нахо-

дится в нижней части по активности граждан в этом виде участия в общественно полезных мероприятиях, поддержке локальных сообществ, отстаивании общественных ценностей. Ясно, что понятие волонтерской деятельности может меняться от страны к стране – все зависит от политической системы, наличия или, соответственно, отсутствия гражданских свобод. С этой точки зрения необходимо критически воспринимать полученные данные по поводу лидерства тех или иных стран в организации волонтерских движений. Тем не менее, ответы на вопросы анкеты позволяют оценить активность участия граждан в мероприятиях, которая направлена на развитие систем отношений в обществе, независимо от того, что являлось стимулом этой активности – собственный осознанный выбор или административное принуждение к бесплатному труду.

При достаточно высоком значении такой активности для Соединенных Штатов (0,53), Китая (0,43) индикатор волонтерской активности для России равен 0,09, что примерно в 10 раз меньше, чем в странах, для которых этот индекс является максимальным среди всех стран, в которых проводился опрос. Это свидетельствует о низкой активности граждан России, как, впрочем, и граждан некоторых благополучных стран (например, Испании, Японии), в добровольном, неоплачиваемом труде во благо общества, что может свидетельствовать о низких параметрах сплоченности именно по этому измерению. По опросам социологов, например, по исследованиям 2009-2012 гг. аналитического центра Левады, большинство населения считает, что «страна идет неправильным путем... не развивается» (<http://www.levada.ru /issledovaniya>). Главной причиной являются неэффективность и запоздалость мер социальной политики, многие из которых приобретают реальные очертания только в период предвыборных конкурентных

состязаний партий и кандидатов. По мнению аналитиков Института глобализации и социальных движений (<http://www.igso.ru>), власть не стремится к серьезным преобразованиям.

В качестве параметров социальной сплочённости мы рассматриваем возможности, которые предоставляются в разных странах для преодоления дискриминации, социального отторжения. В качестве таких групп, которые часто испытывают отсутствие равных возможностей, действие дискриминационных барьеров, можно выделить представителей этничностей, которые составляют меньшинства в странах проживания. Сплоченность граждан страны, особенно той, в которой вместе живут представители большого количества этничностей, может быть охарактеризована духом взаимного доверия между этими меньшинствами.

В качестве примера мы рассматриваем отношение к представителям иных этничностей, которое мы определяем по описанной выше процедуре. Как и в предыдущих случаях, Россия находится в группе, которая подразумевает не совсем благополучную ситуацию с толерантностью по отношению к представителям групп, которые являются проблемными с точки зрения социального благополучия. Хотя в этом случае значение индикатора для России находится в группе со средними значениями, тем не менее, ее позиция в списке ближе к полюсу максимального неприятия (значение индекса для Российской Федерации равно 0,6 при максимальном значении равном единице). Схожая с Россией ситуация (по общему значению показателя толерантности, но не по структуре) наблюдается и для ее ближайших географических соседей, бывших республик в составе СССР, а теперь – государств Европейского союза, в которых существуют серьезные проблемы с точки зрения совместного проживания разных этносов.

В качестве примера можно привести хотя бы проблему неграждан в прибалтийских государствах, которая позволяет понять близость позиций нашей страны и стран Прибалтики. Индекс негативного отношения к представителям иных социальных групп (в данный момент мы имеем в виду представителей иных этносов) в Эстонии и Латвии равен по своему значению индексу для России – 0,6. В Литве значение этого индекса еще выше – 0,68. Объяснение позициям стран в списке можно найти в интенсивности противостояния различных социальных групп на территории страны. Относительно высокое значение параметра для Франции (0,48) можно объяснить недовольством многочисленных мигрантов в этой стране теми барьерами, которые существуют у них в получении образования, хорошей работы. Эти противоречия все чаще выливаются в прямое противостояние с использованием физического насилия, в бунты арабской молодежи на улицах французских городов. К числу наиболее толерантных стран относятся страны, которые демонстрируют эффективные модели взаимодействия сообществ и, соответственно, спокойствие и безопасность на улицах своих городов – Швейцария (0,22), Швеция (0,23), Аргентина (0,25), Норвегия (0,26).

Тема отношения к социальным группам, которые находятся в невыгодном положении, могут подвергаться дискриминации, является одной из обсуждаемых в рамках проблематики социальной сплоченности. Устранение барьеров, дискриминации – одна из главных задач при повышении солидарности, сплоченности в обществе. К одной из таких групп относятся *пожилые люди*, которые утратили экономический и трудовой статус и становятся зависимыми от программ поддержки. Эта поддержка может реализовываться различным образом. Поддержкой пожилых людей могут заниматься государственные службы, общественные организации, социаль-

ные сети поддержки, стоящие из родственников, друзей. Вопросы социального самочувствия пожилых людей анализируются в исследовании в рамках регулярных опросов по программе «Евробарометр» (ID набора данных ZA4561). Опрос проводился в мае-июне 2007 года (http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm).

Одной из основных тем этого опроса являлась система здравоохранения, ее эффективность в работе с пожилыми людьми, зависимость пожилых людей от ухода и социальной поддержки. Мы продемонстрируем некоторые индикаторы опроса, которые, по нашему мнению, имеют непосредственное отношение к социальной сплоченности. Отношение к пожилым людям является одним из параметров, по которым можно судить о гуманности общества. Однако заметим, что полученные числовые данные отображают реальное мнение респондентов, но не показывают того контекста, в котором это мнение складывается. С помощью количественных исследований достаточно сложно проанализировать, например, нюансы законодательства, особенности политической системы, традиции решения проблем пожилых людей в обществе.

К примеру, в целом по всей выборочной совокупности более половины респондентов (57%) считают, что пожилых родителей должны поддерживать их дети, половина опрошенных (50%) говорят о такой обязанности социальных служб; примерно треть респондентов (30%) считают, что пожилым людям необходимо переехать в дом престарелых. Глядя на числа, можно сделать вывод о преимуществах той или иной страны в обеспечении программами поддержки социального здоровья пожилых людей, но полную ясность может внести только понимание деталей ситуации, в которой живут респонденты. Учитывая, что опрос проводился во многих странах, которые имеют различные традиции в обустройстве жизни

своих пожилых граждан и различный уровень соответствующей инфраструктуры социальной поддержки, тем не менее, мы можем говорить о том, что большинство респондентов основную долю ответственности за благополучие пожилых людей связывают с их семьей и системой социальной защиты.

Но каждая страна имеет свои особенности в этом вопросе. Продемонстрируем эти особенности на примере последнего из рассмотренных наборов. Глядя на максимальные значения процентов ответов по вариантам вопроса о том, где должен жить пожилой человек (варианты – с одним из своих детей, дети должны его регулярно навещать дома, должны помогать социальные службы, пожилому человеку лучше перебраться в дом для престарелых), становится понятно, что нельзя просто проинтерпретировать количественные показатели ответов. Необходимо учитывать нормы страны, граждане которой отвечают на вопрос. Например, для Швеции максимальные значения ответов связаны с заботой о пожилom человеке со стороны разного рода социальных организаций (86% респондентов выбирают такой вариант). Они, по мнению шведов, должны либо помогать клиенту дома, либо предоставить ему место в доме для престарелых. Ясно, что это характеризует не столько социальную сплоченность граждан этой страны, сколько уровень тех социальных сервисов, которые предлагает система социальной защиты Швеции.

Можно обоснованно говорить о том, что забота детей о своих пожилых родителях повышает социальную сплоченность всего общества, но правомерна и другая точка зрения, которая связывает эти практики с устоявшимися традициями, принятыми в обществе. Эти традиции могут формировать иные механизмы реализации обществом социальных обязательств перед пожилыми людьми, которые не связаны с институтом семьи, но опираются на сильную систему социальной защиты. Необходимость поддержки детьми пожилых людей в Швеции,

наоборот, отмечается минимальным числом респондентов – только 6% говорят о необходимости совместного проживания пожилых людей вместе с их детьми, и только 27,8% – об обязанности детей регулярно навещать родителей. Образ благополучия во многом связан в России с семьёй и друзьями, в то время как в США это религия и друзья, а в других странах – свободное время, семья и друзья.

Глава 3.

СЕТЕВЫЕ ПОДХОДЫ В АНАЛИЗЕ СПЛОЧЁННОСТИ

Методология темпорализма виртуальных сетей

При проведении полевого этапа исследования в рамках проекта применялся подход, который позволяет получить эмпирический материал хорошего качества при ограниченных ресурсах. Мы имеем в виду методологию проектирования выборки управляемой респондентом (RDS). Этот подход получил достаточно широкое распространение в социологических исследованиях в мире, но редко используется в России. Последнее обстоятельство позволяет говорить о расширении нашей методологической базы при проведении исследований в области социальной политики, увеличению опыта нашего социологического сообщества в проведении эмпирических исследований.

Использованный подход предполагает рекрутирование следующих участников опроса, используя персональные ресурсы самих респондентов. Первоначально метод применялся для опроса труднодоступных социальных групп, но в последнее время была доказана его эффективность и корректность процедуры при анализе доступных сообществ, наравне с традиционными методами построения выборочной совокупности. Мы использовали метод RDS с привлечением к пилотному опросу нескольких групп респондентов (пенсионеров, студентов и преподавателей университетов и некоторых других) внутри которых существуют сильные межличностные

связи мотивирующие к участию в опросе других респондентов.

Мнения и оценки респондентов позволили описать состояние сплоченности современного российского общества, сравнить его с такими же параметрами для других стран. Преимуществами такого подхода являются:

- использование онлайн инструментария для проведения опроса, что позволяет расширить региональные рамки эмпирического поля; – ускорение процедур сбора и первичной обработки данных за счет их автоматизации в момент заполнения анкеты; – улучшение качества выборки и возможность её оценки по длине цепочек рекрутирующих друг друга респондентов;

- возможность определения репрезентативности данных, исходя из строгого математического аппарата цепей Маркова и смещенных выборок.

Опыт, полученный саратовской группой социологов при проектировании дизайна выборочной совокупности, процедуры онлайн-опроса, оказался успешным. Мы получили возможность оценить сильные стороны метода и столкнулись с проблемами методологии, которые описаны в научной литературе и теми, которые проявились только в нашем исследовании. Например, оказалось, что просьба от коллег по образовательному сообществу преподавателей университетов откликнуться на просьбу заполнения онлайн анкеты вызывает гораздо меньшую мотивацию по сравнению со студенческим сообществом. Для некоторых социальных групп достаточно тяжелым оказался барьер использования новых технологий, особенно это свойственно для пожилых участников опроса, представленных у нас социальной группой "пенсионеры".

Можно сказать, что полученный нами эмпирический материал и сама процедура его получения являются важными составляющими в пуле социологической методологии в современной России. Категория социальной сплочённости может определяться как комплекс понятий, характеризующих социальный контекст интеракций внутри группы, сообщества²⁴⁹. Ведь измерения «социальной сплочённости», такие как неравенство в доходах и этническое фракционирование, эндогенно определяют институциональное качество, которое, в свою очередь, случайно определяет развитие²⁵⁰. В проблематике измерения многоплановой сплочённости актуализируется её индивидуализированный ракурс, оптика малых групп.

Данная статусная характеристика (как и темпоральный её статус) не рассматривалась ранее, хотя и выступает актуальной научной и одновременно острой практической проблемой. Исследование виртуальных сетей оказалось удобной моделью социологического анализа интеракций в социальных сетях. Такая исследовательская оптика имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными методами сбора информации. Процедура получения данных отличается прозрач-

²⁴⁹ Ярская В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 4. – С. 41-61.

²⁵⁰ Easterly W., Ritzan J., Woolcock M.. Social Cohesion, Institutions, and Growth // Working Paper, Number 94, August 2006. – Washington: Center for Global Development. – P. 1-11.

ностью, поскольку опирается на ряд технических опций, снимает ряд вопросов, связанных с репрезентативностью данных, информация доступна в полном объеме²⁵¹.

В 2015 г. нами проведён второй этап исследования: продолжен анализ публикаций в области сетевых исследований; разработана оригинальная методика и предложены инструкции по проведению онлайн-опроса, осуществлён сбор количественных данных, получены структурные характеристики виртуальных сетей локальных сообществ; предложен концепт модели сплоченности. Пилотный этап эмпирического исследования: сбор эмпирических данных (интервью, фокус-группа, автоматизированный сбор данных из виртуальных социальных сетей), анализ структурных характеристик социальных сетей; предварительный анализ качественных данных; конструирование предварительной модели социальной сплочённости.

В течение 2013-2016 гг. коллектив, состоящий из трёх базовых математиков и одного физика, проводил исследование, осуществляя выполнение поставленных задач, в том числе: анкетный опрос населения провинциального российского города с разработкой объёма случайной стратифицированной выборки и обработки данных с помощью программы SPSS; анализ и интерпретация данных, триангуляция с пилотными результатами первого года по исследованию интернет-сообществ и характеристик сплочённости. Планировалось конструирование модели, методик измерения сплочённости в заданном сообществе, подходов к сравнительному анализу параметров, а также разработка стратегии, адаптированной к

²⁵¹ Ярская-Смирнова В., Печёнкин В., Решетников Д. Визуализация сетевой структуры групповых отношений в контексте анализа социальной сплочённости // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2014. – № 39. – С. 40–61.

русской действительности, содержащей инструментальное определение индикаторов.

Основная трудность, с которой мы столкнулись, заключалась при онлайн-опросе в нежелании людей уделять время на заполнение анкет. Также большинство людей вместо 5 людей рассылало анкеты лишь паре человек или не рассылало вовсе (Социолог-программист, участник проекта).

Ставилась также задача выявления механизмов влияния на активность виртуальной группы и повседневности, применимости кластерного анализа, дизайна выборки и инструментария, пилотажа с целью корректировки; валидации набора данных, формирования математической модели сплочённости как системы измеряемых индикаторов.

В результате выполнения указанных задач была сформулирована и теория сетевой темпоральности, определены центральные категории темпорализма: время, память, ускорение, инверсия. Сетевые взаимодействия имеют несомненный темпоральный аспект, связанный с инверсией. Инверсия времени способствует сплочённой работе памяти, понимание инверсии времени соответствует системе нелинейного темпорализма, семантика которого обусловлена новой рациональностью, концепцией ускорения, социальным режимом. Сетевой формат сплочённости, как мы убедились, обуславливает обращение к сетевым исследованиям. Сплочённость, выступая имманентной, часто латентной чертой общества, представляет собой совокупность разнообразных феноменов и практик, переплетение которых, их взаимосвязь и взаимообусловленность создают основу целостности, устойчивого развития. Степень сплочённости выступает агрегированным индикатором, индексом уровня развития социального государства, гражданского общества и социальной ориентированности государственной политики.

На самом деле, если сетевые исследования и упоминают темпоральные характеристики, то инверсия времени здесь игнорируется. Упоминая о сетевых измерениях, мы понимаем, что связи изменяются с течением времени, появились метрики темпоральной дистанции для количественного измерения и сравнения скорости распространения информации с учётом эволюции сети. Они способны захватить темпоральные характеристики, о чём мы упоминали ранее²⁵².

Математический формализм Т-инверсии в физике (парадокс!) вдохновил на необходимость преодоления физикализма, перехода к социальной науке, где категория времени предстала в пёстрой картине социального и культурного контекста. Если темпоральность как термин онтологии содержит временной атрибут любой формы реальности (временности), то темпорализм выступает термином эпистемологии и раскрывает представления, теории, концепции времени в много-различной окрашенности, методологии, где время есть метод²⁵³. Инверсия времени проявляется как понятие более широкого фронта познания: на этом механизме основаны не только науки, но и сетевые процессы в группах. Актуальна для сетей сама идея времени, превращённая в социологическую категорию и анализируемая не только в качестве параметра реальности, но и в дискурсе политики памяти и виртуальной

²⁵² Ярская В., Шеляхина Н. Специальные социальные сети в интернете с ограничением пользовательского интерфейса // Вестник СГТУ. – 2015. – №2 (79). – С. 126-132; Gurvitch G. The Problem of Time (The Spectrum of Social Time, Dordrecht: 1964) // The Sociology of Time. Ed. by J. Hassard. University of Keele. – L.: Macmillan, 1990. – 184 p.; Tang J., Musolesi M., Mascolo C., Latora V. Temporal Distance Metrics for Social Network Analysis. WOSN'09, August 17, 2009, Barcelona, Spain. – PP. 142-151.

²⁵³ Ярская В., Бабаян И. Современный социологический темпорализм // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – №2. – С. 21-25.

реальности. Прошлое может быть осмыслено по-разному – зависит от того, как мы интерпретируем ушедшие события. Речь идет о времени как категории, конструирующей память. Инверсия, обращение времени в прошлые события закладывает память группы и целого поколения.

Критический анализ проблематики, исследовательская оптика обращены к механизму культурной памяти в широком контексте темпоральностей отдельных индивидов, групп, коллективов. Алгоритм инверсии времени сопутствует социальной группе, способствуя скреплению сообщества, сплочённости, коммеморации культурных норм. Главная тема радикальной микросоциологии – так называемые ритуальные цепочки взаимодействия или сплетения *«индивидуальных цепей опыта взаимодействий, перехлёстывающихся в пространстве и времени»*²⁵⁴. Происходит избавление от времени в бинарных оппозициях, дихотомиях, полярности. Теперь важно понимание времени, наполняющего память – не как единственного и единого хронического (хронологического) ряда, а в виде многих рядов. В каждом существует темпоральный символ нелинейности, индивидуализации, независимости.

*«Мы склонны ассоциировать временность с линейной последовательностью, а... следует говорить об “историчности” как определенном смысле существования в социальном мире, подверженном непрерывным изменениям»*²⁵⁵.

Авторитет критики эмпириокритицизма убрал из поля зрения советских темпорологов экзистенциальные и виртуальные форматы, конструирование свободного времени, множества временных форм. А на самом деле *полифония времени*

²⁵⁴ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 425.

²⁵⁵ Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 24.

– не аллегория, а реальность – ранее это принималось не всеми, хотя сейчас уже никого не удивит, что время многолико. Сегодня реабилитированы субъективное время и понятие темпоральности как характеристики существования.

Is Multiple-Time possible? – «зачем подчинять разные проявления времени одному и тому же концепту времени вместо того, чтобы дать определения каждому проявлению времени»²⁵⁶.

Время меняет направление, идёт назад, повторяется, выступает субъектной формой деятельности, приходит через будущее, обретая значимость жизненного проекта как «особое в бытии сущего»²⁵⁷.

Формируются практики конструирования инверсии времени, а разнообразие времени и его инверсий даёт разнообразие памяти. Функционирование памяти невозможно без коллективных инструментов – слов, идей, не придуманных индивидом, а заимствованных из культуры. В итоге инверсия в прошлое накапливает, интегрирует, закрепощает и освобождает. Главная функция – коммеморация, культурное сохранение памяти группы, надындивидуальное измерение символизирует когнитивную оснастку феномена традиции, *сопряжено с интенциональным переживанием сообща*²⁵⁸.

Раскрывшаяся относительность, эйнштейнизация времени принимается не всяким сознанием, однако даёт возможность создания синтеза релятивных и социальных концепций,

²⁵⁶ Gurvitch G. The Problem of Time (The Spectrum of Social Time, Dordrecht: 1964) // The Sociology of Time. Ed. by J. Hassard. University of Keele. – L.: Macmillan, 1990. – P. 37.

²⁵⁷ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Академический проект, 2010. – 460 с.

²⁵⁸ Макаров А. Проблема солидарности современного российского общества в свете теории культурной памяти // Власть. – 2008. – № 10. – С. 45-49.

предполагающих историческую память. Отвергающий модальности навязанного распорядка времени дискурс гражданственности, условия свободы, рыночных институтов изменяют конфигурации времени в переходе к информационному обществу, направляя к диалогу, инклюзии, толерантности. *«Зачем подчинять разные проявления времени одному и тому же концепту времени вместо того, чтобы дать определения каждому проявлению времени»*²⁵⁹.

Время – ключевой параметр нелинейного проекта – социальный конструкт, биографический опыт, воплощённый в телесных практиках, событиях, жизненных случаях, оказавшийся в конфликте с этакратизмом. Это не простая сумма пересечений индивидуальных времён, даже темпоральность отдельного человека многослойна и связана со статусными характеристиками: экзистенциальный, психологический, социальный, культурный форматы. Время имеет *«...иерархию темпоральностей от времени человеческого фактора до вечности»*²⁶⁰.

Время, которое мы конструируем как жизненный путь, труднее форматировать в количественных измерениях, в часах, и фрагменты биографии не сводятся к хронологии прошлого. Новая рациональность, поворотные пункты, идея нестабильности *кладут конец претензиям на абсолютно кон-*

²⁵⁹ Gurvitch G. The Problem of Time (The Spectrum of Social Time, Dordrecht: 1964) // The Sociology of Time. Ed. by J. Hassard. University of Keele. – L.: Macmillan, 1990. – P. 37.

²⁶⁰ Fraser J.T. Time and Time Again. Reports from a Boundary of the Universe. Supplements to The Study of Time / ed. by Paul Gifford School of Oriental and African Studies, London Deputy Editor Ingrid Lawrie The Mirfield Centre. V.1. – Leiden – Boston: Brill, 2007. – P. 15.

тролируемое общество, выходят за рамки чистой науки и оказывают влияние на интеллектуальную среду²⁶¹, наука времени переопределяет свой предмет.

Adam и Thrift применяют термин *темпоральное сознание* для понимания времени по конкретной группе в конкретной исторической эпохе, с определённым состоянием *социального темпорального сознания*²⁶². Концепция Slow Technology отражает неопределенность в скорости и направлении в текущих аспектах жизни общества и культуры. Необходимость *замедления* является ответом на глобальные неудобные обстоятельства, которые мотивируют людей замедлить ход времени для переоценки условий за пределами их понимания: глобальное потепление, разрушение финансовой системы, сомнение в духовных основах.

В ситуации глобальной нелинейности, дискретности, инверсии, в многомерном тексте время становится гипервременем, никакой элемент не функционирует, не приобретает и не придает смысл иначе, как отсылая к какому-то прошлому или будущему. Важнейшим индикатором становится различие: стабильность, равномерность уходят в прошлое, открывается путь к пониманию социальности времени, возможной его виртуализации. Акторы и авторы реинкарнаций прошлого преследуют цель – стать частью символического пространства, которое *«не утратило узнаваемости очертаний»*²⁶³. Так про-

²⁶¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю.А. Данилова. 6-е изд. – М.: ЛКИ/ URSS , 2008. – 296 с.

²⁶² The Impact of The Network Society Upon A Social Temporal Consciousness Chris Speed Edinburgh College Of Art Lauriston Place, University Of Edinburgh, 2015.

²⁶³ Ушкин С. Социология социальных сетей: ретроспективный анализ // Социологический журнал. – 2013. – №1. – С. 94-110.

шное объединяет сетевую группу, привнося оттенок солидарности. В этом состоит развитие нелинейного мира, когда время и инвариантный за цикл объём информации уплотнены до предела, и возратить утраченные ценности становится затруднительно по причине ускорения.

Культурная инверсия времени – это извлечение возможностей социальной и культурной памяти. Экзистенциальная инверсия времени открывает *совесть* – временность в свёрнутом виде, выступая в качестве источника переживания прошлого. Наблюдается бунт коллективной памяти против того, что предстаёт *«попыткой овладения свойственным ей культом воспоминания»*²⁶⁴. Индивидуализация социальной памяти, идентификаций отмечается у молодёжи, подростков, включённых в информационные сети. В одном случае память открывает нашу гордость, в другом, как на чемпионате по хоккею, – глупость и стыд, заставляя подумать об очищении нашего безумного времени – *Time to get a little crazy*²⁶⁵. Интегральная психологизация памяти ввела *экономия механизмов памяти и отношений с прошлым*²⁶⁶, настоящее стало повторным, актуализированным прошлым.

Под временной идентификацией понимается осознание человеком групповой принадлежности и оценки времени. *Важным структурным элементом субъективного времени*

²⁶⁴ Рикёр П. Память, история, забвение. Французская философия XX века / пер. с фр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – С. 537.

²⁶⁵ Ярская В. Теория темпоральности в исследовательской оптике виртуальных сетей: анализ сплочённости // Вестник СГТУ. – 2015. – Вып. 81. – № 4. – С. 120-128.

²⁶⁶ Нора П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. – С.33 / С. 17-50.

группы является отношение к времени (положительное, отрицательное, нейтральное к его модусам (прошлому, настоящему, будущему)) и субъективная значимость времени для человека или группы, тревожность времени, оценка скорости жизни, степень озабоченности конечностью жизни, смертью²⁶⁷.

Не менее важную характеристику времени составляет и роль доверия в анализе совместного опыта²⁶⁸. Инверсия времени раскрывает оценочную модификацию как взаимопроникновение прошлого, будущего, настоящего. Сущее приходит и уходит, но не вымирает, а составляет память. Произошедшие в группе события превращаются в сходства, их роль – показать с разных сторон *одинаковое содержание – фундаментальные черты группы*²⁶⁹. Отсюда коллективная память, картина сходств: группа остаётся одинаковой, а меняются отношения с другими. В большинстве организаций бизнеса существует точка зрения о роли общения и знаний в сфере ИТ. Был определен недостаток общения между бизнесом и ИТ-группами, люди имеют в виду сугубо техническое восприятие и нехватку бизнес-знаний. Процедуры, введенные в группе и отвечающие потребностям бизнеса и не отвечающие потребностям бизнеса, рассматривались как непопулярные во всех организациях, хотя в большинстве случаев все проекты были управляемы. Способствуя проекту целостной картины, приём *инверсии времени* существует не только как формализм теоретической физики и предельно обобщённой структуры научного познания, но и в

²⁶⁷ Нестик Т. Роль доверия в анализе совместного опыта и формировании долгосрочной ориентации организации // Психология общения и доверия: теория и практика; под ред. Т. Скрипкиной. – М.: Университет РАО, 2014. – С. 17.

²⁶⁸ Нестик Т.А. Там же. – С. 541.

²⁶⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

качестве механизма исторической реконструкции, интеграции групповой сплочённости.

Обсуждаемая тема имеет безусловную перспективу: это несомненная возможность анализа иерархии инверсии времени и временных параметров социальных сетей, привлечения микс-стратегии сетевых исследований²⁷⁰. На макроуровне это может быть включение набора параметров (доверие, солидарность, инклюзия, время), виртуальных сообществ как объекта исследования. Мезоуровень исследования сможет взять проблему сообщества как социальную сеть, плотность взаимодействия в виртуальных группах на основе формальных показателей и построенной темпоральной сетевой модели. А микроуровень инверсии предполагает использование аксиологической модели социальной сплочённости на уровне виртуальной микрогруппы.

Социальная сплочённость, выступая имманентной, часто латентной чертой любого общества, представляет собой совокупность разнообразных феноменов и практик, переплетение которых, их взаимосвязь и взаимообусловленность создают основу целостности, устойчивого развития общества. Сетевой формат сплочённости обуславливает обращение к сетевым исследованиям. Анализ социальных и технологических сетей привлекает много внимания, так как социальные сетевые приложения и мобильные устройства зондирования предоставляют множество реальных данных.

В то время как графические модели могут производить реалистичные синтетические графики, это также подтверждает факт о недостаточной целостности нынешних комплек-

²⁷⁰ Ярская-Смирнова Е., Печёнкин В. Сетевые подходы в анализе социальной сплочённости // Вестник СГТУ. – 2014. – № 4 (77). – С. 249-254.

сов показателей графиков. Некоторые приложения обнаруживают графические свойства, которые не подходят существующим метрикам²⁷¹. Чтобы лучше понять свойства ссылок и динамику в социальных сетях, авторы делают различие между постоянными и переходными ссылками, локальным и глобальным влияниями, сравнивают предложения от пользователей, которым оказывается доверие, на локальном или глобальном уровнях²⁷².

На основе результатов проведенного исследования определены основные операциональные признаки – компоненты социальной сплочённости и система их показателей, в которых она может быть измерена. К таким компонентам и показателям относятся:

- социальная политика (общественное согласие, благополучие, социальное распределение, социальное потребление, цели общества, регулирование и согласование интересов, устойчивое и сбалансированное развитие общества);
- социальное равенство (доступ к социальным, экономическим и иным правам, социальное доверие, равенство перед законом);
- социальная интеграция (объединение социальных элементов, включение в общество новых элементов);

²⁷¹ Sala A., Cao L., Wilson Ch., Zablit R., Zheng H. and. Zhao B. Y. Measurement-calibrated Graph Models for Social Network Experiments, April 26–30, 2010, Raleigh, North Carolina, USA. 2010.

²⁷² Varlamis I., Eirinaki M., Louta M. A study on social network metrics and their application in trust networks in Proc. of the 2010 International Conference on Analysis of Social Networks and Mining (ASONAM 2010). P. 168 – 175, August 2010, Odense, Denmark.

- социальная инклюзия (включение индивида или группы в более широкое сообщество, приобщение индивида или группы к определённому социальному действию или культурному процессу);
- социальная безопасность (состояние защищённости целей и идеалов человека, общества, государства).

Данные компоненты взаимосвязаны друг с другом и взаимообусловлены. Например, высокий уровень реализации показателей социальной политики влияет практически на все указанные компоненты, а показатели социальной интеграции в ходе своей реализации подготавливают основу социальной сплочённости. Условиями соответствующей солидарности, интеграции и инклюзии выступают социальные доверие, дистанция, согласие, благополучие и равенство. Их уровень обуславливает степень процессуальных компонентов сплочённости общества (солидарности, интеграции и инклюзии), которые реализуются в жизни посредством мер социальной политики.

В целом обсуждаемая тема имеет безусловную перспективу привлечения микс-стратегии сетевых исследований²⁷³. На макроуровне это может быть включение набора параметров (доверие, солидарность, инклюзия, время), виртуальных сообществ как объекта исследования. Мезоуровень исследования сможет взять проблему сообщества как социальную сеть, плотность взаимодействия в виртуальных группах на основе формальных показателей и построенной темпоральной

²⁷³ Ярская-Смирнова Е., Печёнкин В. Сетевые подходы в анализе социальной сплочённости // Вестник СГТУ. – 2014. – № 4 (77). – С. 249-254.

сетевой модели. Наконец, микроуровень инверсии предполагает использование аксиологической модели социальной сплочённости на уровне виртуальной микрогруппы.

Предварительная модель сплочённости

Модель представляет собой комплекс индикаторов количественного и качественного уровня, которые позволяют оценивать социальную сплочённость общества, сообщества, группы по нескольким уровням. Назовём более подробно *составляющие предлагаемой модели*²⁷⁴.

Макроуровень – это общество, сообщество, описываемое системой измеряемых индикаторов. Система статистических показателей, которые позволяют оценить параметры социальной сплоченности на макроуровне. Эта система включает в себя набор измеряемых параметров, которые позволяют оценивать различные аспекты жизни современного общества (сплоченность, доверие, солидарность, инклюзия/эксклюзия). В совокупности система этих показателей позволяет оценивать социальную сплочённость на макроуровне. Объект исследования в этом случае может быть масштабным и представлен статистически корректным определением генеральной и выборочной совокупностей. Генеральные совокупности могут представлять общества, сообщества, виртуальные сообщества.

Мезоуровень – это сообщество как социальная сеть. На этом уровне мы рассматриваем систему структурных характе-

²⁷⁴ Ярская-Смирнова Е., Печёнкин В. Сетевые подходы в анализе социальной сплочённости // Вестник СГТУ. – 2014. – № 4 (77). – С. 249-254.

ристик сообщества, которые позволяют на основании формальных показателей оценить плотность социального взаимодействия в сообществе (сообществах). Структурные параметры вычисляются на основании построенной сетевой модели сообщества: типология структур сообществ, структурная эквивалентность групп в сообществе, центральность, срединность. Эти и другие показатели необходимы для комплексной оценки социальной сплоченности как характеристики системы взаимодействия, раскрытия системы иерархии, выделения подгрупп, которые являются значимыми при формировании групповых ценностей. Объектом исследования в этом случае являются сообщества, группы реального или виртуального мира. Модель социальной сплоченности представлена в этом случае формальной сетевой моделью взаимодействия в сообществе и набором характеристик, которые связаны с формально определенными параметрами сплоченности.

Микроуровень – это ценностные и мотивационные модели социальной сплоченности. Этот уровень предполагает использование качественной методологии анализа и формирования ценностно-мотивационной модели социальной сплоченности на уровне групп, микрогрупп. В эту модель входит характеристика изменения привлекательности членства в группе в динамике, роль лидеров при формировании сплоченной группы, ценностных комплексов участников группы. Объектом исследования являются группы, микрогруппы виртуальной или повседневной реальности.

Предлагаемая модель социальной сплоченности представляет собой иерархическую систему, анализ которой опирается на комплекс согласованных между собой подходов, использующих количественную и качественную методологии для раскрытия характеристик исследуемой системы. Ориги-

нальность подхода состоит в сочетании количественно-качественных методов, технологии их последовательного использования, установлении зависимости между фазами исследования при формировании наборов анализируемых данных. Выборочная совокупность при проведении качественного исследования опирается на результаты анализа сообществ на структурном, сетевом уровне.

В чём же состоит темпоральная ориентация сплочённости? Основная идея направлена на выявление инструментов сглаживания социального неравенства и конструирования высокого уровня социальной справедливости, интеграции внутри российского социума, достижения его большей устойчивости и сплочённости. Целью выполнения задач команды становятся публикации, основанные не только на теоретических источниках, но и на данных сетевых исследований. Сегодня «сетевая культура» затыгивает в оборот широкий круг социологов²⁷⁵, при этом предупреждение о возможности многократного умножения данного явления посредством электронных технических средств (сколь ни кажутся они превосходящими возможности индивида) в этих условиях своевременно и необходимо²⁷⁶.

Да и сама социология уходит от классической парадигмы к пониманию пространственно-временных отношений как институционального фундамента. Как рассуждает Гидденс, не исследуя общества, теория структуриации сосредоточилась бы *на*

²⁷⁵ Романовский Н.В. Интерфейсы социологии и киберпространства // Социологические исследования. – 2000. – №1. – С. 16.

²⁷⁶ Романовский Н.В. Там же. – С. 23.

упорядочении институтов во времени и пространстве²⁷⁷, ведь сообщества различаются не степенью дифференциации, а формой и масштабом *пространственно-временной дистанциации*²⁷⁸. Это обстоятельство становится вполне понятным с точки зрения нелинейности рекомбинации социальной деятельности вне локальных контекстов, удалённых друг от друга. А сами категории социальной сплочённости в компании с дистанциацией, инверсией, инклюзией интегрируют жизненные характеристики. В итоге время отнюдь не потребляется как пассивный объект²⁷⁹, так как выступает субъектом воздействия на социум.

Обратим внимание, что прямое участие темпоральных подходов в анализе сплочённости ранее не практиковалось, хотя данная характеристика выступает актуальной научной и практической проблемой. Разработка этапа нашего исследования в соответствии с количественной стратегией позволила получить новые данные социальной сплочённости сообществ региона, создав интерпретацию и сопоставление с опросом, проведённым ранее²⁸⁰. На методическом и процедурном этапах программы исследования параметров социальной сплочённости нашими методологами производились

²⁷⁷ Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.; Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. Серия «Мастера психологии». – СПб.: Питер, 2002. – С. 447.

²⁷⁸ Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Новосиб. ГУ, 1995. – 120 с.

²⁷⁹ Лефевр Анри. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70).

²⁸⁰ Yarskaya V. Social Cohesion: the Experience of Regional Studies // Contemporary preoccupations of Social And Human Sciences in the context of mentality transformation. December 11-12th, 2015, Moldova, Chisinau, ULIM.

уточнение и корректировка операций эмпирического поля, обработка и валидизация данных, подготовка к интерпретации²⁸¹.

Безусловно, социальное время показывает *изменения или движения одних социальных явлений по отношению к другим, взятым в качестве точки отсчета*²⁸². Если кроме объективированного значения мы не забудем подключить и субъект, то получим более пространную позицию. По Гурвичу, время *конвергенции и дивергенции* явлений (глобальных, групповых или микросоциальных) включает не только объективную составляющую, но и групповые представления о темпоральности процессов, воспроизводимых культурными кодами в актах коммуникации, прерывистой последовательности и непрерывности гетерогенных моментов. Понятно, что мы говорим уже не столько о времени, сколько о временах. Это – *времена, соответствующие различным глубинным уровням социальной реальности, различным микросоциальным группам*²⁸³.

Вовлечение темпорального аппарата расширяет теоретико-интерпретативную базу именно в субъектном направлении, ведь *мыслительные образы памяти порождаются восприятием не*

²⁸¹ Ярская-Смирнова В., Печенкин В., Решетников Д. Визуализация сетевой структуры групповых отношений // 4М: методология, методы, математическое моделирование. – 2014. – №39. – С. 40-61; Ярская В., Шеляхина Н. Специальные социальные сети в интернете с ограничением пользовательского интерфейса // Вестник СГТУ. – 2015. – №2 (79). – С. 126-132.

²⁸² Sorokin P., Merton R. Social Time: A Methodological and Functional Analysis / The Sociology of Time; ed. by J. Hassard. – N.Y.: St. Martin's Press, 1990. – P. 56-66.

²⁸³ Gurvitch G. The Problem of Time (The Spectrum of Social Time, Dordrecht: 1964) // The Sociology of Time; ed. by J. Hassard. University of Keele. – L.: Macmillan, 1990. – P. 66.

*присутствующих в настоящем, а ушедших в прошлое вещей*²⁸⁴. Семантика категории времени обогащает социальную реальность, воспоминания целиком *принадлежат мне, находятся во мне*²⁸⁵, являясь *реконструкцией прежнего опыта, а не его репродукцией*²⁸⁶. При этом, как полагает Рикёр, различие между коллективной и исторической памятью равнозначно различию памяти индивидуальной и коллективной²⁸⁷. Таким образом, память как продукт индивидуальной и коллективной символической деятельности привлекает инверсию, дистанциацию времени в рефлексии прошлого.

Возможно, нам следовало бы гораздо ранее прислушаться к тому, как в литературе обсуждается проблема анализа отношений, требующих внимания к культурным предпосылкам поведения, что отношения социальных акторов меняют смыслы в конкретных культурных и интерсубъективных контекстах²⁸⁸. Другая важная сторона проблемы как раз и заключена в том обстоятельстве, что потребление времени содержит *ключ к глубочайшим трансформациям ежедневной социальной жизни, которые были вызваны появлением капитализма*, деньги становятся стандартным эквивалентом ве-

²⁸⁴ Йейтс Ф. А. Искусство памяти. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 50.

²⁸⁵ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3. – С. 40-41.

²⁸⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 13.

²⁸⁷ Рикёр П. Память, история, забвение. Французская философия XX века / пер. с фр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – С. 167.

²⁸⁸ Романовский Н.В. Интерфейсы социологии и киберпространства // Социологические исследования. – 2000. – №1. – С. 16-24; Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. – 2011. – №8. – С. 28-37.

щей, концепция структуризации исходит из временности, истории²⁸⁹. И Гидденс замечает, что понятие общественной дифференциации, пространственно-временной дистанциации (distanciation) уже предполагает отсутствие универсальных социологических законов, независимых от времени и места, а сами социологические генерализации правомерны в пределах исторических контекстов²⁹⁰.

При условии культурно-исторической призмы, с нашей точки зрения, необходимо также учесть эпистемологическое пространство сплочённости как семейство близких понятий: солидарность²⁹¹, социальная справедливость, инклюзия, социальный капитал, права человека. Эти категории известны в определённых подходах: взаимодействие людей как социальных фактов, соотношение криминализации общества и социальной солидарности²⁹². Но есть и другие, не менее интересные оптики.

²⁸⁹ Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд. Новосиб. ун-та, 1995. – С. 41.

²⁹⁰ Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

²⁹¹ Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012 / под ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, НИУ ГУВШЭ, 2013. – 363 с. / С. 47.

²⁹² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Директ-Медиа, 2011. – 567 с.

Так, функции группового сплочения в конфликте²⁹³, организмический подход к анализу социальных связей²⁹⁴ трансформируются в релятивистские концепции социального времени. Сегодня научному сообществу представлены европейская модель сплочённости²⁹⁵, взаимосвязь ментальности нации и сплочённости²⁹⁶, измерение социального благосостояния²⁹⁷. К этому списку относятся показатели и методы измерения качества жизни²⁹⁸, потенциальных возможностей²⁹⁹, социальной интеграции ЕС³⁰⁰. Здесь всё ещё есть, что анализировать, несмотря на усиление скепсиса последних лет.

²⁹³ Зиммель Г. Теория конфликтного функционализма. – М.: Academia, 1993. – 415 с.; Козер Л.А. Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте / пер. с англ. Т.И. Шумилина; под ред. д. ф. н., проф. И.Б. Орловой. – М.: Норма, 2006. – 528 с.

²⁹⁴ Spencer H. The principles of sociology: Vol. 1-3. Transaction Publishers, 2002. – P. 444-461.

²⁹⁵ Витте Л. Европейская социальная модель и социальная сплочённость: Какую роль играет ЕС? // Европейская политика. – 2004. – №12. – С. 10-17.

²⁹⁶ Гиддингс Ф. Основания социологии / пер. с англ. Н.Н. Спинова. – М.: ПБОЮЛ Григорян А.Ф., 2001. – 536 с.

²⁹⁷ Древновски Я., Скотт В. Индекс уровня жизни. – Нью-Йорк: АВС, НИИ социального развития ООН. 1966. – 138 с.

²⁹⁸ Нолль Х.-Г., Эспинг-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. 2006. – №5. – С. 7-32.

²⁹⁹ Сен А. Развитие как свобода. – М.: Новое издательство, 2004. – 431 с.

³⁰⁰ Atkinson T., Cantillion B., Marlier E., Nolan B. Social Indicators – The EU and Social Inclusion. Oxford: Oxford University Press, 2002. – 256 p.

Тем не менее, аналитики сравнивают предложения от пользователей, которым оказывается доверие³⁰¹, используя метод кейс-стади³⁰², метод визуализации³⁰³. Сегодня уже меньше вспоминают, что сетевые методологии, подходы и сама категория сети имеют более продолжительную научную и повседневную жизнь, нежели сравнительно недавняя жизнь этой терминологии в онлайн-овых и интернет-методиках.

Но дело в том, что темпоральное измерение эволюции сетевого подхода демонстрирует пересмотр свойств социальной структуры как статической формы и переход к восприятию параметров динамических взаимообусловленных социальных взаимодействий. Меняется представление об особенностях социальных сетей, характере взаимодействий, отражаясь на методах измерения сетевых скоростей передачи информации³⁰⁴. Становится в итоге понятным, что здесь вступают в отношения не только макро-, мезо- и микроуровни взаимодействия акторов процессов, но и соотношение объективного и субъективного, научного и повседневного, темпорального и атемпорального.

³⁰¹ Varlamis I., Eirinaki M., Louta M. A study on social network metrics and their application in trust networks in Proc. of the 2010 Berkeley, International Conference on Analysis of Social Networks and Mining. – P. 168-175, August 2010, Odense, Denmark.

³⁰² Hilbrich R. Applicability of Graph Metrics when Analyzing Online Social Networks // Current Issues in IT-Management. January 6, 2008. – 26 p.

³⁰³ Khairi R., Tantipathananandh Ch., Johnson A., Leigh J., Berger-Wolf T. Visualizing the Evolution of Community Structures in Dynamic Social Networks. Dept of Computer Science, Uni of Illinois at Chicago, USA Eurographics / IEEE Symposium on Visualization 2011; 350 Main Street, Malden, MA 02148, USA. – V. 30. – 2011. – №3. – P. 251 – 293.

³⁰⁴ Tang J., Musolesi M., Mascolo C., Latora V. Temporal Distance Metrics for Social Network Analysis. WOSN'09, August 17, 2009, Barcelona, Spain.

Особенно важны для аналитика переходы этих уровней и форм. Так, при переходе темпоральности из сетей в повседневность заметны неравномерность, цикличность, концентрированность течения социального времени на событиях в истории народа и жизни человека³⁰⁵. В социологическом измерении социального времени³⁰⁶ оказываются полезными попытки привлечения сетевой темпоральности к проблематике сплочённости.

Обращение к прошлому как основе практик символического пространства, когорте и поколению, концептуализация времени и памяти, темпоральное сопровождение сплочённости анализируются знаковыми фигурами западной и отечественной социологии³⁰⁷. Время направлено на раскрытие па-

³⁰⁵ Sorokin P., Merton R. Social Time: A Methodological and Functional Analysis / The Sociology of Time; ed. by J. Hassard. New York: St.Martin's Press, 1990. – P. 56-66.

³⁰⁶ Артёмов В. Эскиз социологической концепции социального времени // Социологические исследования. – 2013. – № 11. – С. 3-10; Шуберт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 3-11.

³⁰⁷ Власть времени: социальные границы памяти / под редакцией В. Ярской и Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПИИ, Вариант, 2011. – 220 с.; Левада Ю. Три «поколения перестройки» // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. – №3; Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / пер. с англ. Е. Додина; отв. ред. Л. Скворцов. – М.: ИНИОН РАН, 2000. 162 с.; Нора П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память. СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. – С. 17-50; Семёнова В. Травмированная память как ресурс формирования коллективной идентичности: случай бывших афганцев // Власть времени: социальные границы памяти; под ред. В. Ярской и Е. Ярской-Смирновой. –

мости, героического прошлого, общего для самосознания сообществ, городов, регионов. Культурное, надындивидуальное измерение социальной группы символизирует когнитивную оснастку феномена традиции, *сопряжено с интенциональным переживанием сообщества*³⁰⁸. Коллективная память – ядро представлений нации о самой себе, её социальный капитал, объект исторического процесса и социального обмена³⁰⁹. Память делает персону или группу узнаваемой в действиях целерациональной, ценностнорациональной, традиционной или аффективной природы³¹⁰.

На самом деле, в теории графов³¹¹ сеть представлена системой соединяющих узлов и линий, очерчивающих границы, возможностью подсчёта интенсивности взаимодействий участников, связи отдельных сетей в большие множества через посредников и конкретное количество контактов.

М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. – 63-88; Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. Складнева. – СПб: Владимир Даль, 2002. – 298 с.; Domhoff William G., Cruz Santa / U.C. Social Cohesion & the Bohemian Grove. The Power Elite at Summer Camp. Posted April 2005; Helly D., Robert F. Barsky et Patricia Foxen. Social Cohesion and Cultural Plurality, 2003 <http://classiques.uqac.ca/>; Tett, Gillian. Future funding strategies could prove attest of patriotism. FinancialTimes. Jan12, 2010. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6e63d044fbf611de9c2900144feab49a.html#clickcheck> (дата обращения: 24.08.2017).

³⁰⁸ Макаров А. Проблема солидарности современного российского общества в свете теории культурной памяти // Власть. – 2008. – № 10. – С. 45-49.

³⁰⁹ Blau P. Exchange and Power in Social Life. – N.Y.: Wiley, 1986. P. IX; Homans G. Social Behaviour as Exchange. – N.Y., Harcourt, 1974. – 427 p.

³¹⁰ Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

³¹¹ Дистель Р. Теория графов / пер. с англ. – Новосибирск: Институт математики, 2002. – 336 с.; Diestel R. Graph Theory, Electronic Edition. – N.-Y.: Springer-Verlag, 2005. – 422 с.

Эта модель отражена в известной *теории шести рукопожатий*³¹², установившей длину пути социальных сетей и числа взаимодействий в опосредованной связи между незнакомыми ранее людьми через общих знакомых. Социальная активность в интернет-сети меняет представление о социальном капитале, перерастает из средства связи в интенсификатор коммуникации и гражданской активности³¹³, подчёркивая взаимосвязь online и offline. Постепенно мы осознаём неординарность и даже практическую ценность отношений обоих уровней.

Безусловно, аналитический потенциал, полезный опыт понимания управляемости процессов в социальных сетях группой профессионалов, модераторов, администраторов социальных сетей могут быть привлечены к экспертным оценкам факторов сплочённости в социальных сетях³¹⁴. Понятно, что методологическая значимость полученных результатов не ограничивается интернетом.

На этапе исследования 2015-16 гг. в качестве выборочной совокупности нами рассматривалась выборка, управляемая респондентом (RDS)³¹⁵, получены структурные характеристики параметров социальной сплочённости регионального

³¹² Milgram S. The small world problem // Psychology Today. – 1967. – N 1. – P. 60-67.

³¹³ Hampton K., Wellman B. Neighboring in Netville: How the internet supports community and social capital in a wired suburb // City and Community. – 2003. – N. 2(4). – P. 277-311.

³¹⁴ Ярская В., Шеляхина Н. Специальные социальные сети в интернете с ограничением пользовательского интерфейса // Вестник СГТУ. – 2015. – №2(79). – С. 126-132.

³¹⁵ Ярская-Смирнова В., Печёнкин В., Решетников Д. Визуализация сетевой структуры групповых отношений в контексте анализа социальной сплочённости // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2014. – № 39. – С. 40-61.

сообщества. Ощущение общности, близости, причастности, сплочённости измерялось по показателям принадлежности к профессиональной группе, гражданству, социальному положению, родственным, трудовым, семейным отношениям, половозрастным показателям, взаимодействию в социальных сетях. Система разработанных показателей положена в основу инструментария исследования сплочённости, разработана анкета с четырьмя смысловыми блоками: причастность к социальным группам, активность, уровень доверия, значение сетей поддержки.

Операциональные признаки социальной сплочённости с возможностью измерения были переведены в индикаторы и вопросы анкеты, определяя социальную дистанцию, близость или отчуждённость общностей, групп, отдельных людей. Степень социально-психологического принятия людьми друг друга фактически соотносится со шкалой социальной приемлемости. В основу подхода заложена адаптированная под цели исследования шкала Bogardus social distance scale³¹⁶, в которой определяется степень причастности к определённым группам и уровень близости с земляками, представляющими разные социальные группы.

Группы могут объединяться *под ивент* – случай, концерт, флэшмоб, футбольный матч: «...однажды создаётся группа, реализовали себя и закрываются» (ИМ). Существование групп в социальных сетях, созданных под конкретное событие, задано рамками подготовки и проведения, а затем уходит как использованный ресурс³¹⁷. Группа выступает

³¹⁶ Корсини Р., Ауэрбах А. Шкала социальной дистанции (Bogardus social distance scale) // Психологическая энциклопедия. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.

³¹⁷ Социальное время как организатор сплочённости в контексте инклюзивной культуры: состояние, измерение, модель. С.125

сплочённой, когда воспроизводит систему символов, положительные установки на принадлежность, привлекательность и ценности членства в групповой жизнедеятельности.

Каковы же технические приёмы продвижения виртуальных сообществ? Прежде всего, это работа с контентом, подписчиками, захватом аудитории, мониторингом численности группы, постами, *напоминалками*, поощрением участников³¹⁸. Мы делали акцент на отношении к социальным общностям – родственники, друзья, соседи, коллеги, – предположив: чем выше желание помочь дальней группе, тем выше уровень социальной сплочённости в населённом пункте.

*Состояние системы времени выступает как расплата отражения социальной деятельности группы*³¹⁹. И сетевой анализ сплочённости определяет интенсивность и плотность сетей, получение целостной картины их структуризации, сведение серии точечных интеракций к статистическим показателям эффективности. Существенно, например, чувство общности в реализации совместной деятельности с представителями одной профессии.

Множественность типов социального времени свойственна различным социальным классам (специфические временные шкалы и уровни). На социетальном уровне возможно действие двойной временной шкалы: с одной стороны, иерархически определённое и унифицированное время социальной

³¹⁸ Там же

³¹⁹ Sorokin P., Merton R. Social Time: A Methodological and Functional Analysis / The Sociology of Time; ed. by J. Hassard. – N.Y.: St.Martin's Press, 1990. – P. 56-66.

структуры, с другой – более гибкое время самого общества³²⁰. Сохраняют свое значение и факторы социального расслоения, которые подчёркивают значение социально-экономического неравенства и объединяют людей по *классово-стратификационным основаниям*. Для объяснения взаимодействия глобального и локального в 90-е появилось понятие глокализации³²¹, где пересекаются этнические и культурные идентификационные процессы.

Поиск методологических подходов к описанию социальной реальности раскрыт в концепциях современных процессов России³²². Традиционные факторы, объединяющие людей в группы и сплачивающие их (*этническая и религиозная принадлежность*), в рейтинге ответов респондентов занимают скромную позицию. Группы могут придерживаться особого кодекса ценностей и регулироваться временной перспективой, которая иной раз во многом расходится с доминирующей культурой³²³. Зато любой россиянин идентифицирует принадлежность к культуре, гражданству, этничности.

Современной тенденцией становится формирование нового типа социальных общностей, по отношению к которым

³²⁰ Gurvitch G. The Problem of Time (The Spectrum of Social Time, Dordrecht: 1964) // The Sociology of Time; ed. by J. Hassard. University of Keele. – L.: Macmillan, 1990. – P. 37.

³²¹ Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – L.: Sage, 1995. – P. 137.

³²² Заславская Т. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.; Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. Ядова. – М.: Канон-Пресс-Центр, 2001. – 640 с.

³²³ Coser Lewis and Coser Rose. Time Perspective and Social Structure // The Sociology of Time. Edited by John Hassard. University of Keele: – London: Macmillan, 1990. – P. 191.

формируется социальная идентичность, причастность к событиям, происходящим в стране. Ими становятся *виртуальные и реальные* сообщества в социальных сетях. Ощущение социальной общности, идентичности с группой россиян представляют разные аспекты социальных отношений, когда, имея российское гражданство, человек может воспринимать его как внешний, формальный статус, позволяющий не чувствовать общности с соответствующей группой. Сфера исследования в социальных науках, согласно теории структуризации, не есть опыт индивидуального актора либо существование формы социальной целостности; на самом деле это социальные практики, упорядоченные во времени и пространстве³²⁴. Уровень квалификации и активное социальное гражданство выступают как взаимосвязанные характеристики, и проблема порядка оказывается укоренённой в том, как социальные системы осваивают время.

Структурные характеристики виртуальных сетей

Использование различных стратегий при проведении эмпирического исследования в социологии является распространенным приемом в тех случаях, когда исследуемая проблема имеет комплексный характер. Такая практика одновременного применения количественных и качественных подходов свидетельствует о разнообразии научного инструментария, возможности привлечения междисциплинарных исследова-

³²⁴ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 444.

тельских групп, которые раскрывают различные аспекты проблемной области наиболее адекватными методами³²⁵. Широкое использование этих подходов свидетельствует об актуальности данной постановки вопроса.

Мы ответим на эти вопросы, исходя из опыта использования микс-стратегии эмпирического исследования при реализации проекта по исследованию социальной сплоченности виртуальных групп, действующих в социальной сети ВКонтакте (ВК). Вопросы определения социальной сплоченности в нашем исследовательском контексте раскрываются в наших публикациях; здесь мы остановимся на проблемных моментах, которые возникают при одновременном использовании и качественной, и количественной методологий, согласовании и синхронизации их результатов. Привлекательна точка зрения, которая предполагает возможность совмещения различных по своей природе подходов, при этом их выбор определяется не сложностью и размерностью объекта исследования, а применимостью соответствующих объяснительных моделей³²⁶. В нашу задачу входит анализ соотношения используемых стратегий, определение приоритетности и последовательности их использования, особенностей применения в конкретном проекте.

Одним из популярных методологических концептов, лежащих в основе социологического исследования, является социальная сеть, для которой разработана разнообразная база

³²⁵ Alan Bryman. Integrating quantitative and qualitative research: how is it done? // *Qualitative Research*, 2006; Vol. 6; – PP. 97-113. URL: <http://qrj.sagepub.com/cgi/content/refs/6/1/97> (дата обращения: 30.08.2017).

³²⁶ Татарова Г. Качественные методы в структуре методологии анализа данных // *Социология: 4М.* – 2001. – №14. – С. 33-52.

эмпирических подходов. В условиях современного информационного мира доминирующие функции и социальные процессы все больше оказываются организованными по сетевому принципу. Сети являются естественным обобщением системы социального взаимодействия в обществе, а виртуальные сообщества на основе социальных сетей в Internet все глубже проникают в повседневную жизнь³²⁷. В этой среде социальная сплоченность становится естественным качеством, которое позволяет сообществам, группам устойчиво функционировать на протяжении длительного времени.

Сопоставим структуру и систему отношений. Анализ социальных сетей, который основывается на исследовании определенного набора вычисляемых параметров, позволяет выявить их структурные характеристики. Результаты исследований подтверждают тезис о том, что структура общения в сетевых сообществах близка по своим параметрам к сетям реального повседневного взаимодействия по сходным отношениям. Это позволяет использовать наработанные социологические конструкции – социальная сплоченность, социальный капитал, социальное доверие в исследовании структуры сетевого взаимодействия онлайн. Для определения параметров сетей на базе количественного исследования привлекаются стандартные метрические характеристики³²⁸.

³²⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000; Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Иноземцева. – М., 1999. – С. 494-505.

³²⁸ Градосельская Г. Сетевые измерения в социологии / под ред. Г. Батыгина. – М.: ИД «Новый учебник», 2004. – 248 с.; URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj99-grado.html> (дата обращения: 28.08.2017).; Mislove A., Marcon M., Gummadi K., Druschel P., Bhattacharjee B. Measurement and analysis of online social networks // Proceedings of the 7th

Говоря о качественном исследовании, мы не противопоставляем его подходу, основанному на математических вычислениях и анализе визуализации математических объектов, а говорим о необходимости дополнительного исследования групп в социальных сетях, получения ответов на вопросы «Почему?», «С какой целью?», «Зачем?». Мы согласны с критикой определения качественных подходов через отрицание процедуры формальных вычислений (статистических, логических, графовых), соотнесения границ между качественным и количественным подходами с конкретными направлениями научного анализа³²⁹. Раздел исследования виртуальных сетевых сообществ в интернет-пространстве, проведенного в русле качественной методологии, ориентируется на раскрытие нескольких тематических блоков: причины создания и развития социальных сетей, этапы становления и развития виртуальной группы; понятие сильной, авторитетной и сплоченной группы; влияние социальных сетей на реальное поведение участников; групповые роли.

Функция смешивания стратегий исследования позволяет анализировать различные уровни социального устройства сети. Если в случае количественного анализа с использованием традиционных подходов методологии анализа социальных сетей модель объяснения затрагивает, как правило, макроуровень системного взаимодействия, то при использовании

ACM SIGCOMM conference on Internet measurement, 2007. – P. 29-42; Spiliotopoulos T., Oakley I. Understanding motivations for facebook use: usage metrics, network structure, and privacy // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. – P. 3287-3296, 2013. URL: http://tasos-spiliotopoulos.com/publications_assets/CHI13-Spiliotopoulos-FacebookMotivations.pdf (дата обращения: 28.08.2017).

³²⁹ Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 101-116.

качественного подхода мы получаем информацию мезо- и микроуровня. Стратегии проведения качественного и количественного анализа распределены по времени и отношению соподчиненности на этапе проектирования дизайна всего исследования.

Это обстоятельство позволяет формировать выборочную совокупность экспертов на основании информации об их статусе, полученной с помощью формальной процедуры непосредственно в социальной сети (см. Приложение 7.3). В качестве основной задачи мы рассматриваем раскрытие характеристик социальной сплоченности сообществ, которые функционируют в социальных сетях. В нашем случае это социальная сеть ВКонтакте.

Акторы сети ВКонтакте могут взаимодействовать следующими способами: подписаться на чтение записей другого актора, сделать репост записи на личную страницу, поставить лайк сообщению другого актора, отметив его как понравившееся. Мы используем только первый вид взаимодействия, учитывая, что подписка может быть односторонней (один актор подписан на чтение новостей другого) и двусторонней (эквивалентно статусу «дружба» между двумя акторами). Данные в нашем количественном исследовании были собраны в мае-июне 2014 года с помощью специально разработанного приложения, использующего API этой социальной сети.

Нами отобрано девять групп, которые удовлетворяют критериям численности не менее 10 тысяч членов и тематической направленности деятельности группы на важные социальные проблемы (волонтерство, материнство, детство, благотворительность). Число акторов в отобранных группах – от 15 до 35 тысяч участников. После предварительной обработки мы удалили из массивов данных, описывающих систему вза-

имоотношений акторов, тех, кто не взаимодействует с другими участниками группы. Этот случай возможен, если актор включен в группу, но его активность находится за ее пределами. Персональная информация не входила в массив данных, каждый актор представлен уникальным идентификатором и связями с другими по отношению дружбы или подписки.

На этапе формирования количественного набора данных проявились проблемные аспекты следующего свойства. Получение данных с использованием интерфейса социальной сети не позволяет определить правдоподобность полученной информации. Использование ухищрений, приводящих к искусственному повышению статуса, может нарушить целостность данных и требует тонкого анализа динамики событий. Так, одной из стратегий повышения статусных характеристик является формальное увеличение количества друзей, которое может быть достигнуто с помощью массовых рассылок.

Второй особенностью полученных данных было то, что большое количество акторов в социальных сетях не имело связей с остальными участниками группы по фиксируемым отношениям. Они регистрировались в сети, присоединялись к группе, но не устанавливали взаимоотношений с другими акторами (дружба, подписка).

Интерпретация полученных количественных параметров сетей, их визуального изображения позволяют делать дополнительные выводы о плотности взаимодействия, которая может трактоваться как сплоченность группы.

Опишем алгоритм формирования наборов данных по отобранным группам социальной сети. Для формирования набора данных необходимо выполнить следующие шаги:

- Получить список всех участников анализируемых групп, используя прикладной интерфейс социальной сети ВК.

- Для каждого отобранного в список участника получить списки друзей, подписчиков и собственных подписок.
- Удалить из списков акторов, которые не состоят в исследуемой группе или не имеют связей с остальными участниками.
- Преобразовать полученные данные в формат, позволяющий загрузить их в специализированные программы количественного или визуального анализа (MS Excel, SPSS, Gephi).
- Сформировать списки респондентов для проведения интервью, основываясь на их принадлежности к определенному региону и статусных характеристиках в сети (количестве друзей, центральности).

Для дальнейшего формирования набора эмпирических данных на этапе проведения качественного исследования мы используем последовательную стратегию проведения полевого этапа. На первом этапе проводился анализ данных количественного характера, были получены математические характеристики выбранных групп в социальной сети, входящих в группы акторов. На втором этапе, учитывая информацию о конкретных акторах и их статусных позициях в сети, мы провели серию интервью и фокус групп для получения данных качественного типа.

В проведении качественного этапа исследования мы используем несколько вариантов построения выборки, которые показывают необходимость формирования системы стимулов для привлечения респондентов. На роль респондентов приглашаются лишь те, кто является членом отобранных групп, акторы, имеющие высокие параметры активности и статусности: количество друзей, количество подписчиков, количество лайков от других участников группы.

При формировании качественного набора данных возникали следующие проблемные аспекты. У членов групп в виртуальном пространстве оказалась низка мотивация к участию в качестве респондента. Эта сложность была частично снята с использованием системы бонусов. При попытке рассылки предложения участвовать в интервью оно воспринималось большинством акторов либо как спам, либо как предложение, имеющее скрытый смысл, неизвестный актору. По этой причине подавляющее большинство предложений такого рода было отвергнуто.

Первоначальный план предполагал использование системы видеосвязи для проведения интервью и фокус группы. Но на такое интервью согласился лишь один респондент. Следующим вариантом привлечения респондентов было сужение потенциальной исходной совокупности акторов до пределов города (в нашем случае – города Саратова). Этот вариант удалось реализовать, обеспечив необходимую численность экспертов.

Сделаем важное замечание об этике исследований, связанной с необходимостью использовать данные анонимно, без привязки к конкретным акторам. По этой причине в наших данных, соответствующих группам социальной сети, отсутствует персональная информация, каждый актор представлен уникальным номером. Мы не используем также реальные названия групп социальной сети, заменяя их псевдонимами.

С точки зрения приоритета в использовании данных можно сделать заключение о том, что количественные данные в нашем проекте являлись источником информации о статусных характеристиках акторов в сети. Эта информация использовалась при формировании выборочной совокупности экспертов на этапе сбора качественных данных. Таким образом,

мы имели два источника данных в нашем исследовании. Первый – структурированный числовой набор, описывающий сетевую структуру группы в социальной сети. Второй – индивидуализированные данные, полученные с помощью системы интервью с экспертами и фокус группы.

Таким образом, для комплексного анализа структурных характеристик сообществ в социальных сетях необходимо использовать смешанную стратегию выбора подходов к исследованию. Качественная и количественная стратегии позволяют в этом случае получить многоуровневую объяснительную модель для исследования параметров социальной сплоченности сообществ, функционирующих в социальных сетях. При таком подходе необходимо на уровне разработки концепции исследования определить последовательность применения стратегий, приоритетность полученных данных, охарактеризовать источники их получения. В нашем случае количественный набор данных предопределял процедуру формирования выборочной совокупности экспертов на втором этапе.

Важно учитывать комплементарность различных подходов, получать результаты анализа, которые позволят дополнить, проиллюстрировать, разъяснить результаты одного метода в контексте результатов другого. В нашем случае можно говорить о макроструктурных особенностях всей сети, которые объясняются основными интересами, субъективными ощущениями сплочённости группы. Еще одним проявлением комплементарности является использование результатов одного метода структурного анализа для более адекватной концепции применения качественного этапа, улучшения его результатов за счет сужения круга потенциальных участников – респондентов, владеющих важной для исследователя информацией. Используя последовательную стратегию, мы полу-

чили возможность расширить диапазон проблемных вопросов, касающихся причин создания сообществ, наличия географических зависимостей в работе онлайн-групп, механизмов формирования их социальной сплоченности.

Социальные сети в интернете представляют собой специальные сети с ограничением пользовательского интерфейса. В нашем исследовании сетевой подход применялся на всех этапах исследования: сбор, обработка, анализ данных, полученных непосредственно от серверов социальной сети. В науке развивается перспектива социальной сплочённости в качестве домена причинно взаимосвязанных явлений, связанных с отношениями между членами, их поведением, в которых основные аспекты сплоченности занимают различные теоретические позиции по отношению друг к другу: предшествующие, промежуточные или итоговые переменные³³⁰.

С целью повышения степени восприятия свойств ссылок и динамики в социальных сетях некоторые авторы выделяют постоянные и переходные ссылки, проводят различие между локальным и глобальным влияниями, сравнивают предложения от пользователей, которым оказывается доверие³³¹. Чтобы показать преимущества и нерешенные вопросы применения графических метрик для анализа социальных сетей и социальных сетей онлайн в частности, используется метод кейс-стади³³². Имеются данные об исследовании пользователей с участием экологов, работающих с базами данных в соцсетях,

³³⁰ Friedkin N. E. Social cohesion. *Annu. Rev. Sociol.* 2004. – P. 409.

³³¹ Varlamis I., Eirinaki M., Louta M. A study on social network metrics and their application in trust networks in *Proc. of the 2010 International Conference on Analysis of Social Networks and Mining (ASONAM 2010)*. P. 168-175, August 2010, Odense, Denmark.

³³² Hilbrich R. Applicability of Graph Metrics when Analyzing Online Social Networks // *Current Issues in IT-Management*. January 6, 2008. – P. 26.

которые описывают взаимодействия между животными, соотнося их с моделями взаимодействий в соцсетях. Полученные данные подтверждают, что используемый метод визуализации эффективен для социологического анализа и изучения социальной организации населения³³³.

На основе данных предварительного этапа исследования была установлена возможность управляемости процессов в социальных сетях группой профессионалов – модераторов, администраторов социальных сетей – аналитический потенциал которых использован в качестве экспертных оценок факторов социальной сплоченности в социальных сетях. Зарубежные исследователи также отмечают научную ценность информации, которую могут предоставить социальные сети, для социальных наук. Тем не менее, доступные в настоящее время инструменты визуального анализа не очень хорошо подходят для обработки огромной базы данных и часто вынуждают отображать небольшие или сильно удаленные сети. Они представляют метод Honeycomb (медовая сота): инструмент визуализации способен иметь дело с более крупной базой данных (с миллионом ссылок), вводится новая сетевая метрика веро-

³³³ Reda K., Tantipathananandh Ch., Johnson A., Leigh J., and Berger-Wolf T. Visualizing the Evolution of Community Structures in Dynamic Social Networks. Department of Computer Science, University of Illinois at Chicago, USA Eurographics / IEEE Symposium on Visualization 2011 (EuroVis 2011); Journal compilation 2011 The Eurographics Association and Blackwell Publishing Ltd. Published by Blackwell Publishing, 9600 Garsington Road, Oxford OX4 2DQ, UK and 350 Main Street, Malden, MA 02148, USA. Vol. 30 (2011). – № 3.

ятности для ознакомления пользователей с потенциально интересными или аномальными паттернами и обсуждением уроков, извлеченных в ходе разработки и внедрения³³⁴.

Группа авторов-программистов фокусирует внимание на том факте, что анализ социальных сетей представляет научную ценность для многих областей знаний вне рамок социологии. Это раскрывает невидимые связи между акторами в сети и дает понимание социальных процессов и поведения. Данный метод стал важным в исследованиях Web, организации политики национальной безопасности. Он представляет визуальный инструмент аналитики OntoVis для понимания масштабных, гетерогенных социальных сетей, в которых узлы и ссылки могут представлять разные понятия и отношения. Уникальные возможности OntoVis иллюстрируются несколькими исследованиями case-studies³³⁵.

Качественное исследование в рамках проекта базировалось на материалах экспертных интервью со специалистами по IT-технологиям, администраторами, лидерами социальных сетей и материалах фокус группы с активными пользователями и модераторами виртуальных сообществ.

Информанты неохотно раскрываются в сети незнакомым пользователям, а принадлежность к определенной группе редко означает активное участие в виртуальной жизни сообщества. Действительно же самые активные члены группы с максимальными показателями центральности чаще всего

³³⁴ Van Ham F., Schulz H.-J., and Dimicco J. M. Honeycomb: Visual Analysis of Large Scale Social Networks. IBM TJ Watson Research Center, Cambridge, MA 02142, USA University of Rostock, Rostock, Germany.

³³⁵ Shen Z., Ma K.-liu, and Eliassi-Rad T. Visual Analysis of Large Heterogeneous Social Networks by Semantic and Structural Abstraction // IEEE Transaction on Visualization and Computer Graphics, Special Issue on Visual Analytics/ – 2006. – Vol. 12. – N. 6. – P. 1427-1439.

ограничивают доступ к своей странице, отправке сообщений, что делает невозможным получение информации о виртуальной активности внутри сообщества. Многие топ-пользователи с высокой степенью центральности в группе просто не идут на контакт в сети.

Вот как описывает трудности мобилизации информантов в 2016 году представитель основного состава команды Д.:

Основным препятствием в получении большего количества анкет являлось то, что люди неохотно пересылали анкеты другим людям. Т.е. мы отправляли одному человеку анкету и просили переслать 5 другим людям. Но в итоге получалось, что в лучшем случае из 5 новых получателей один-два заполняли анкету, но дальше ничего не пересылали. Но чаще всего не пересылал даже первый получатель. Т.е., на мой взгляд, нам не удалось замотивировать участников активно заполнять и пересылать дальше наши анкеты. Но как это сделать без материальной их мотивации – понимания у меня нет.

Автор этого наблюдения делает свой вывод: *на мой взгляд, увеличить количество онлайн-анкет было бы можно, если бы мы уменьшили количество вопросов в анкете до 5. Тогда, если человек потратил 1-2 минуты на заполнение анкеты, он с большей вероятностью перешлет ее другим людям, чем если ему на это потребовалось 5-10 минут. Но не уверен, что мы можем настолько сократить размер анкеты.*

Экспертные интервью предыдущего этапа продемонстрировали эффективные способы создания и развития виртуальных сообществ, механизмы воздействия на активность участников социальных сетей в онлайн-дискуссиях и реальных мероприятиях. Уместно именно здесь представить экспертные мнения, характеризующие современные процессы

становления виртуальных сообществ с точки зрения возможностей организации и самоорганизации, управления контентом, захвата аудитории и воздействия на реальное поведение участников групп. Выделяются группы для единичного мероприятия, «под ивент» – особый случай, проведения концерта, флешмоба, футбольного матча: *«...однажды создаётся группа, реализовали себя и закрываются»*. Продолжительность существования групп в социальных сетях, созданных как инструмент под конкретное событие и случай, задана рамками подготовки и проведения. При наборе волонтеров на Универсиаду *«была создана группа, в которую скидывалась информация по поводу того, что нужно, чтобы поехать, ... в общем, информация по нашей работе в Казани, и, собственно, мы все туда вступили, кто поехал. Сейчас, не знаю, ведется она или нет, потому что сейчас особо-то и не нужна»* (Инф. 6).

Другой тип группы создается для долгосрочной работы, *«...где аккумулируются различные последние мемы, шутки, идеи»* (Инф.4). Отдельный тип групп – медиаторские, посреднические, *«группы помощи, когда людям помогают найти квартиру, попутчиков, людей по перепродаже каких-то вещей, с личной целью, но не с выгодой»* (Инф.4). При просмотре других групп эксперт обращает внимание на состав, процессы наполнения, идеи, объединяющие группу, нестандартные и уникальные приемы, влияющие на аудиторию. Эксперт отметил технический прием, PR-ход на сайте ивент-агентств: *«устроили небольшую, интересную фотосессию от ведущей и запустили такую тему, как совет от ведущей»* (Инф.2), что работает на узнаваемость сотрудников агентства, самого сайта, привлекает внимание, даёт повод получить консультацию.

Интересна следующая интерпретация оценки активности работы группы как постоянного наполнения ее состава: *«если волонтер, то ты открыт, поэтому все сразу в обсуждение, диалог, все туда, а как, если группа следит за ней, то понятное дело, если кипит обсуждение, то всё хорошо. Если люди не уходят, а наоборот, приходят, значит, группа живая и работает»* (Инф. 6). В сетях желательно присутствие сопоставимых по размеру групп, деятельность которых посвящена значимым социальным проблемам, ассоциированным с пониманием социальной сплоченности, доверия. Это участие в волонтерских движениях, деятельность группы в направлениях благотворительности, проблематика связана непосредственно с параметрами социальной сплочённости. Анализ виртуальных социальных сообществ в интернет-пространстве проведён в русле микс-стратегии, сочетания количественной и качественной методологии. Здесь фиксируем внимание лишь на качественной методологии и коммуникации между участниками группы (добавление во френдлисты). Поведенческий акт «добавления в друзья» может рассматриваться как показатель зарождающейся условной сплочённости в социальной сети между конкретными участниками. К техническим приёмам продвижения виртуальных сообществ можно отнести работу с контентом, подписчиками, захватом аудитории, статистическим мониторингом численности группы, активности и интересующих постов, создание опросов, «напоминалок», поощрение активных участников.

Группа является сплочённой, если самостоятельно поддерживает, воспроизводит положительные установки по принадлежности к себе, привлекательность членства и ценность включённости в жизнедеятельность, создаёт особую систему символов, и поведение членов группы поддерживает эти усло-

вия. Сплочённость группы конструирует микромодель параметров заданной группы, уровень солидарности с общими целями, чувство причастности, силу межперсональных связей и симпатий. В противоположность этому макромоделю сплочённости как социетальный показатель социума в перспективе выступает инструментом измерения эффективности социальной политики.

Причины создания социальных сетей связаны с формированием нового типа отношений между людьми, опосредованных информационными технологиями, позволяющими продвигать и реализовывать проекты коммерческой, политической, социальной направленности с меньшими организационными усилиями и охватом целевой аудитории. В оценках экспертов отмечены признаки, выявляющие сильные и сплочённые группы в сетях, ряд инструментов, регулирующих социальные дистанции и роли участников сообществ.

Для определения параметров модели социальной сплочённости отмечается доверие между членами групп в социальных сетях. Характеристики таких сообществ, их сравнительный анализ позволяют включить в микромодель сплочённости мотивы участия в группе социальной сети, различия в структуре, способах передачи информации, процессах коммуникации. Модель сплочённости онлайн-сообществ опирается на анализ структурных характеристик по отношению к системе связей, анализ распределения степеней акторов как источник сравнения социальных сетей. Этому способствует анализ данных качественного исследования. Интервью было направлено на получение теоретических взглядов по тематике социальной сплочённости с позиций практиков, которые непосредственно занимаются целенаправленным формированием сплочённости в малых группах (рабочем коллективе). Одной из задач фокус группы было уточнение социальной

сплоченности как эмоционального явления, измерение привлекательности членов группы: чем больше участников группы нравятся друг другу, тем привлекательнее группа в целом, тем выше индекс групповой сплочённости.

Моделирование сплочённости возможно с помощью социометрического коэффициента: частное от деления числа взаимных положительных выборов на теоретически возможное их количество. Шкалы симпатии определяются путем усреднения индивидуальных данных, важный показатель модели – сплочённость как результат согласия, сходства ценностных установок (ориентаций) и взглядов. Человек стремится к людям и группам, с установками и позициями которых он солидарен, поиски согласия с мнением других людей обусловлены потребностью в признании, обеспечивающем защищённость и эмоциональный комфорт.

Приверженность индивида к группе, особенно удовлетворяющей его потребности, сильнее тяготения к другим группам. Это также выступает фактором конструирования его социального пространства в контексте теории социального пространства³³⁶. В столкновении с непохожими на членов своей группы индивидами возникают предрассудки расизма, сексизма, формируемые в обществе медийными установками, практиками сегрегации в социальных институтах, порождающими агрессию, неприязнь, ненависть к внешне иным людям. Здесь играют роль как социальные стереотипы, конструируемые обществом, так и эмоциональные установки по отношению к определенным социальным группам, стремление упростить восприятие окружающей среды в поиске *виноватых*, а также способы самореализации, самоутверждения позиции за

³³⁶ Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique. In: P.Bourdieu. Les choses dites. Paris: Éditions de Minuit, THESIS, 1993. – P. 137-150.

счёт представителей других групп как выражение социального превосходства³³⁷.

Формируется сплочённость внутри своей группы на основе неприязни к другой. Стимулирует внутригрупповую сплоченность также ситуация межгруппового соревнования, возникающая при стремлении утвердить превосходство над индивидом за счёт достижения более высоких позиций. В итоге большое значение для сплочённости группы имеют установки на сотрудничество, кооперативные действия по достижению общих целей³³⁸. Согласно теориям симметрии аттитудов, мотивации, кооперации внутри группы формируется сплочённость, что соотносится с действиями внутри виртуальных сообществ социальных сетей. Здесь наблюдается сплочение членов группы на основе мотивации, кооперативных действий при достижении общих целей, либо сплочение пользователей на основе неприязни к другой социальной группе или группам.

Мы используем фрагмент эмпирических данных, полученных в ходе опроса, опираемся на утверждение о восприятии социальных групп в дихотомии «свой – чужой», применяем похожую дихотомию «близкое – далекое» в отношении социальной общности, обозначаемой в вопросе «жители всей России». Важен факт различия в определении уровня доверия и восприятия народа России как близкой общности в разных городах. Это можно объяснить социальным различием городов, в которых проводился опрос, разницей в составе населения, географическом положении. В опросе наибольшую степень доверия и обозначения параметров включённости группы в ответах демонстрирует Саратов (63%), наименьшую

³³⁷ Myers D. G. Social Psychology, 7th ed., 2002.

³³⁸ Deutsch M. A theory of cooperation and competition // Human Relations. – 1949. – №2. – P. 129-152.

– Томск (значимо смещение в сторону увеличения частоты ответа «далекое», что отличает город от Казани)³³⁹. Хотя мы видим ряд статистически значимых различий в городах, общий уровень восприятия граждан России в качестве близкого сообщества в среднем находится на уровне 50%, что сопоставимо с результатами других известных исследований социального доверия граждан (например, И. Герасимова, Е. Когай, Н. Лапина, Н. Римашевской, Н. Субочева, А. Чириковой). Широкий набор атрибутивного определения сплочённости является следствием того, что традиция социального гражданства, которая характеризует общества, предполагает, что социальные права порождают неразрывную связь между социальной интеграцией и предоставлением её механизмов, даёт чувство полноправного членства в обществе³⁴⁰.

Сравнительный анализ параметров социальной сплочённости показывает наличие значительного опыта исследования социальной сплочённости и её показателей в различных странах мира (International Social Survey Programme. Role of Government IV), в котором аккумулированы результаты опросов за разные годы их проведения (1985, 1990, 1996, 2006, 2012); WVS (WORLD VALUES SURVEY)³⁴¹. По степени социальной сплочённости граждан, по их гражданской активности Россия занимает середину рейтинга стран, имея в соседях, например, Аргентину, Бразилию. На вершине рейтинга –

³³⁹ Анализ проведён в рамках исследования Минобрнауки РФ, 2012–2013, ДПННТ, №6.4199.2011, СГТУ-22 по госзаданию на оказание услуг, руководитель В.Н. Ярская.

³⁴⁰ Алешина М., Печенкин В. Социальная сплоченность как элемент формирования новой социальной политики // Инновационная деятельность. – 2013. – С. 133–143.

³⁴¹ Данные получены с сервера zcat.gesis.org, ID набора данных ZA4700.

США, где фиксируется высокий уровень сплочённости населения, в том числе и в волонтерских акциях, бесплатных общественных мероприятиях.

В нашей стране считается допустимым нарушать закон при отстаивании своих прав, удовлетворении своих потребностей, интересов. Такого нет в странах с репутацией благополучных – Швеция, Швейцария, Нидерланды, Финляндия. Такого нет в странах с высоким уровнем развития общества. Интересно то, что образ благополучия во многом связан в России с семьей и друзьями (по степени убывания значимости), в то время как в США это религия и друзья, а в других странах – свободное время, семья и друзья. В целом меры социальной политики разных стран в большинстве своём не направлены в комплексе на повышение степени социальной сплоченности, а ориентированы на решение конкретных социальных проблем. Это в определенной мере способствует борьбе с социальным неравенством для улучшения базы формирования социальной сплоченности.

В настоящее время стратегия достижения относительно высокой степени социальной сплоченности российского общества напрямую связана со степенью выраженности антироссийских акций, риторики представителей различных стран мира. В рамках объективистской позиции следует трансформировать государственную социальную политику таким образом, чтобы она была направлена на повышение степени социального доверия, социальной инклюзии, социальной дистанции, социальной солидарности, взаимопомощи, гражданской активности и принадлежности к социальным группам как ключевым параметрам социальной сплоченности. Это будет содействовать позитивному изменению (повышению) её индекса.

В целом сетевой подход оказывается сегодня наиболее эффективным в ряде онлайн-исследований. Концепция социальной сплочённости связывается с иными семантически близкими понятиями: равенства, интеграции, благополучия, доверия, солидарности. Социальные интернет-сети в настоящее время перестают быть продолжением прежней, повседневной социальной сети, и становятся для некоторых людей избранной, наиболее привлекательной надстройкой.

Пилотная модель и метод RDS

Сетевой анализ социальной сплочённости предполагает определение интенсивности и плотности сетей, получение целостной картины их структуризации, сведение серии одиночных взаимодействий к единым для сети показателям эффективности, выраженным в числах. Кроме того, он позволяет проследить степень и характер влияния (выраженного математически) одиночного взаимодействия на сетевые показатели (метрики), а значит, наметить пути оптимизации взаимодействий в контексте социальной сплоченности. С учетом этого сетевой анализ стал одним из основных методов исследования характеристик социальной сплочённости в ходе реализации проекта.

В качестве выборочной совокупности рассматривалась выборка, управляемая респондентом (RDS). Идея выборки основана на распространении анкет самими респондентами через социальные сети. Метод формирования выборки подобен тому, как это происходит в методе снежного кома, но в распространении анкет участвуют сами респонденты. Использование такой выборки сочетает в себе выборки снежного кома

с математическим обоснованием репрезентативности выборки, которая получена неслучайными методами отбора респондентов. В анализе репрезентативности выборки учитываются длина цепочек перехода от рекрутера к новому респонденту, скорость набора участников опроса на различных волнах формирования выборки (первая группа рекрутеров, вторая), количество вовлеченных каждым рекрутером участников. В анкете, используемой в исследовании, предусмотрена информационная часть для отслеживания последовательности формирования цепочки выбора респондентов. Это позволяет провести оценку репрезентативности выборочной совокупности (анкета разработана с участием Е. Пашиной, В. Печёнкина, И. Сурковой, Е. Ярской-Смирновой) на основе анкеты исследования социальной сплочённости по госзадаанию Минобрнауки РФ, СГТУ-22, 2013 (И. Бабаян, В. Ярская, Е. Ярская-Смирнова).

В литературе такой тип выборки описывается как применимый к обычным генеральным совокупностям с возможностью расчета их репрезентативности. Наша выборка ориентирована изначально на работу с труднодостижимыми генеральными совокупностями, но есть примеры использования случайных вместо обычных.

Выборочная совокупность разбита на независимые страты: студенты университетов, сообщества профессиональных преподавателей и творческих работников, участники волонтерских движений и групп, занимающихся социальными проблемами, в социальных сетях; другие группы или сообщества. Выборочная совокупность для каждой страты формируется отдельно, чтобы провести сравнительный анализ данных, и представлена двумя способами конструирования.

1. Использование печатной версии анкеты с заполнением респондентами. Все анкеты имеют уникальные номера, позволяющие восстановить цепочки их распространения для анализа репрезентативности выборочной совокупности;

2. Заполнение электронного варианта анкеты, подготовленный с привлечением инструментария Google Forms³⁴² (Приложение 1.1). В этом случае участнику опроса отправляется ссылка на электронную версию анкеты, которая точно соответствует печатной версии.

Вариант печатной версии анкеты позволяет анализировать с помощью различных методов несколько видов сплоченности (профессиональной, политической, на уровне местного сообщества, на уровне родственных связей). Размер всей выборочной совокупности – 600 респондентов. Для каждой страты (всего 6 страт) формируется выборочная совокупность порядка 120 респондентов. Пилотный опрос среди студентов университетов Саратова предоставляет возможность корректировать содержание анкеты и проводить основную часть опроса. Печатные версии анкеты применяются для проведения пилотажа. Осуществляется выбор трёх начальных рекрутёров, которые формировали дальнейший ход выборки и сбор заполненных анкет. В прикреплённом файле «Выборка RDS.xls» предложены номера, которыми снабжены распечатанные анкеты. Процедура выполнения опроса осуществляется по специальной схеме (Приложение 2).

³⁴² Решетников Д. Решение оптимизационной задачи построения маршрутов / Решетников Д., Сучкова В. Бороздюхин А. // Проблемы управления в социально-экономических и технических системах: сб. науч. ст. по материалам XI Всерос. науч. конф. – Саратов, 9-10 апр. 2015. – С. 43-46.

Управляемая респондентами выборка может результативно использоваться при исследовании виртуальных социальных сообществ. Виртуальные сообщества являются труднодоступными группами, и им присущи все вышеперечисленные проблемы при применении традиционных методов формирования выборочной совокупности. Более поздние исследования Д. Хекаторна и С. Вейнерта подтверждают, что применение метода RDS в онлайн-исследованиях является эффективным³⁴³. По их мнению, использование RDS-выборки в исследовании виртуальных сообществ позволяет получить качественную выборку гораздо быстрее, чем при обращении к традиционным методам. Авторы утверждают, что даже при большой длине цепи рекрутирования скорость формирования выборки вырастает в 20 раз. Кроме этого отмечаются такие преимущества, как сохранение полной анонимности респондентов, простота привлечения ими новых участников и сокращение стоимости проведения исследования.

Рассмотрим некоторые примеры применения метода RDS в онлайн исследованиях. Первое было проведено Д. Хекаторном и С. Вейнертом в 2004 г., в опросе участвовали студенты Корнельского университета США. В 2008 году С. Вейнерт провел второе аналогичное исследование того же поля. Авторы использовали название WebRDS в описании примененного метода. В первом проекте в качестве первичных респондентов были взяты девять человек из разных демографических групп, определенных по следующим характеристикам:

³⁴³ Douglas D., Heckathorn D. Respondent-Driven Sample: A New Approach to the Study of Hidden Populations // *Social Problems*. – 1997. – Vol. 44. – № 2. – P. 174-199; Wejnert C. An empirical test of respondent-driven sampling: point estimates, variance, degree measures, and out-of-equilibrium data // *Sociological methodology*. – 2009. – Vol. 39. – № 1. – P. 73-116.

пол, начальное образование, отношения родства и участие в деятельности клубов. При анализе результатов оказалось, что один первичный респондент (исследователи охарактеризовали его как *super-seed*) стал начальной точкой формирования части выборки, которая составила в конечном итоге 74% ее объема.

Для реализации количественного этапа эмпирического исследования – анкетного опроса населения провинциального российского города – проекта «Социальная сплоченность в российском обществе: состояние, измерение, модель» был использован метод RDS при формировании выборочной совокупности, описание методологии которого представлено выше. Для распространения анкеты выбраны конкретные целевые группы: преподаватели российских вузов, фрилансеры, творческая интеллигенция (артисты, музыканты, художники), студенты, волонтеры, мигранты, программисты и респонденты пенсионного возраста. Выбор групп обусловлен категориями возраста и занятости, что позволяет отнести респондентов к различным статусным группам. Данные параметры с большой долей вероятности влияют на отношение респондентов к социальной солидарности и сплоченности в российском обществе.

Для отслеживания наполняемости кластеров по различным выборочным векторам был использован маркер «уровень сообщения», в котором фиксировалась цепочка пересылаемой ссылки на анкету. По достижении 7 уровня сообщения опрос по данному вектору прекращался. При этом каждый получатель и потенциальный респондент имел возможность переслать ссылку на анкету 4-5 своим знакомым, с которыми регулярно поддерживается связь по электронной почте. Изначально по каждой выбранной группе респондентов были идентифицированы 5 целевых адресатов, с которых начинался

выборочный вектор. При фиксации окончания движения цепочки активизировался новый рекрут для продолжения анкетирования. Так продолжается до тех пор, пока по факту произойдет закрытие исследовательского поля в результате достижения числа 600 респондентов.

В ходе пилотажного исследования были выявлены трудности мотивации респондентов для трансляции дальнейшей пересылки. В двух случаях интервьюируемые из числа преподавателей восприняли онлайн-опрос по RDS-выборке как попытку вовлечения их в сетевой маркетинг. Однако во всех остальных 23 случаях пилотажного опроса реакция респондентов была ожидаемо положительной. В связи с этим было принято решение запуска основного исследовательского поля.

Основной целью анкетного опроса является анализ уровня социальной сплоченности в крупных провинциальных городах. Для этого была разработана анкета, базирующаяся на нескольких блоках. Во-первых, в анкете присутствует ряд вопросов, определяющих социальную дистанцию, то есть близость или отчужденность социальных общностей, групп, отдельных людей. Речь идет о степени социально-психологического принятия людьми друг друга, что фактически соотносится со шкалой социальной приемлемости. В основу была заложена адаптированная под цели исследования шкала Э. Богардуса, в которой определялась степень причастности к определенным группам людей и уровень близости с земляками, представляющими разные социальные группы.

Во-вторых, был использован жизненно-событийный подход, акцентирующий внимание на конкретных событиях, начиная от традиционных праздников и спортивных событий и заканчивая присоединением Крыма, военной угрозой и реакцией на экономические санкции.

В-третьих, социальная сплоченность проявляется в желании оказывать различную помощь (материальную, психологическую, физическую) другим людям. В данном случае были выбраны 4 категории: родственники, друзья, соседи, коллеги. В принципе, здесь также косвенным образом проявляется шкала социальной приемлемости, поскольку выбранные категории подпадают под разный уровень социальной дистанции. Можно предположить, что чем выше желание помочь самой дальней в данном контексте группе, тем выше уровень социальной сплоченности в конкретном населенном пункте.

В-четвертых, важным блоком анкеты являются вопросы, маркирующие социальные связи в рабочем коллективе. Безусловно, для работающего человека профессиональные сообщества имеют большое значение. Кроме того, исходя из теории человеческих отношений Э. Мэйо, у людей присутствует потребность принадлежать своей рабочей группе; встраиваться в систему формальных и неформальных групп, основанных на общих интересах и дружбе. В связи с этим целесообразным представилось включить в анкету вопросы об атмосфере в рабочем коллективе и необходимости создания своей корпоративной культуры через совместные мероприятия. Отдельное внимание было уделено стратегиям поведения респондентов на работе, что напрямую связано с ориентацией на социальную сплоченность.

В-пятых, серьезным аргументом в определении уровня социальной сплочённости являются поведенческие паттерны, которые проявляют респонденты в отношении к своим соседям и к землякам. Это нашло отражение в вопросах относительно оценок моделей поведения, предложенных исследователями, и в потенциальном желании изменить в положительную сторону образ родного города, приняв добровольное уча-

ствие в ряде мероприятий. После проведения пилотажного исследования анкета была скорректирована и в итоговом виде запущена в исследовательское поле для покрытия основной выборки.

Глава 4.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СПЛОЧЁННОСТЬ ПОКОЛЕНИЯ

Принцип инклюзии в работе с молодёжью

За последние полтора века глобально изменились скорость и содержательные характеристики взросления, а сами этапы жизненного пути, детства, юности, старости тоже подверглись серьёзной и быстрой модификации. Наряду с затянувшимся взрослением *кидалтов*, инфантильности и беззаботности молодежи надо признать и другой процесс – убыстрения, сжатия (дилатации), редуцирования и деинституциализации детства бедных и депривированных когорт. В отличие от *весёлых, непонимающих и бессердечных*³⁴⁴, исключённые из социума проблемные когорты сконструированы как поколение угрюмых и тоже непонимающих, таких же бессердечных, но – с укороченным детством.

Худшая комбинация экономической бедности, короткого времени детства и других форм лишения ущемляет сотни тысяч подростков в центрах и новых гетто в предместьях го-

³⁴⁴ Ярская-Смирнова Е., Карпова Г., Ворона М. Веселые, непонимающие и бессердечные? О феномене Питера Пэна // Неприкосновенный запас. – 2008. – №6(62). – С. 161-177 / С. 165; Ярская В.Н. Жизненный путь в постмодерн: пространство и время // Современное общество: территория постмодерна. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 199-209.

родов (*люберов* уже не помним). Молодёжная политика, к сожалению, не интересуется тем, как дисфункциональные изменения институтов российского общества запускают процессы дестабилизации времени детства и юности. Современная ситуация в государственной молодёжной политике традиционно сводится к лозунгам, декларациям, шаблонным, демонстративным акциям и спискам мероприятий. Повседневность в работе с молодёжью, интеграция макро- и микросоциологического подходов, изучение богатого зарубежного опыта работы с молодёжью пока не вошли в содержание молодёжной политики. Молодёжные неформальные и уязвимые группы, субкультуры по-прежнему сегрегированы, погружены стараниями лидеров мейнстрима в дискурс аномии и девиантности. Мало изменилось с советских времен, несмотря на упразднение комсомола.

Стратегии государственной молодёжной политики, ориентируясь в основном лишь на взаимодействие между молодёжью и государством, имеют значительные пробелы, определяясь фрагментированными и стереотипными знаниями о молодёжи. В полной мере это относится к официальным дискурсам молодёжной политики, так как все программы, концепции и проекты составляются и утверждаются по отношению к молодёжи как гомогенной массе, не имеющей социальных, культурных и соматических различий. Молодёжная политика часто сводится к акциям и мероприятиям, тематическим планам деятельности, направленной на молодёжь в качестве объекта действия государства. Разрабатываются программы патриотического, нравственного воспитания подрастающего поколения, молодёжь рекрутируется в политические партии и команды быстрого реагирования.

Молодёжь чрезвычайно дифференцирована, что требует от политиков научного подхода к изучению её культуры и выработке методологии взаимодействия. Существует значительное влияние дискурса девиаций, социального исключения и реальной сегрегированности на культурную идентичность молодёжной когорты, как многих других возрастных и социальных страт российского социума. При этом происходит явное пренебрежение дискурсом индивидуализации и стиля жизни, характерного для социологических исследований последних лет. Научное объяснение стратификации, поведения и субкультур молодёжи идет своим чередом, а переписывание так называемых концепций молодёжной политики – своим. Эти дискурсы в культурном пространстве пока не пересекаются, находясь в классической парадигме социального мира.

В отсутствие связи молодёжной политики и социальной работы фундаментальные исследования по проблеме доступности мероприятий молодёжной политики для инвалидов и социальных сирот практически не проводились, если не считать отдельных работ группы исследователей³⁴⁵. К тому же, система молодёжной политики традиционно развивается как исключительно государственная, здесь нет энтузиазма и преимуществ частных инициатив. Цель данной публикации в том, чтобы осветить большие инерционные препятствия и социокультурные барьеры на пути модернизации национальной молодёжной политики.

³⁴⁵ Зайцев Д. Сиротство в России: причины, отношение в обществе, социальная профилактика (по результатам обзора исследований и анализа мнений) // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – №4. – С.106-117; Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2007. – 256 с.

В настоящее время мероприятия молодёжной политики преподносятся исключительно в дискурсе взаимодействия государства и молодёжи, находящейся под покровом доминантной культуры, ее ценностей, хабитусов, норм, правил и идеалов. Сказывается инерция той ситуации в академической традиции, когда социологические интервенции в пространство молодежных культур казались *не отвечающими государственным и политическим повесткам дня*³⁴⁶. Но сегодня мы имеем возможность познакомиться с тем, как писать этнографию молодежной субкультуры, процесс исследования предстает как символическая интеракция, и дело не в использовании продвинутых средств сбора данных, а в новых моделях символических систем, развитии повествовательных структур, релевантных этим моделям³⁴⁷. На самом деле российское общество ожидает шагов официальных структур в направлении социальной интеграции разнотилевых молодежных групп, внимания к их самопрезентации окружающим автономной системы ценностей и норм, моделей поведения, потребления. Уважая стратегии молодежной активности – нормальную, мейнстримную и субкультурную³⁴⁸ – авторы кон-

³⁴⁶ Адаптация детей мигрантов в школе. Мет. пос.: рекомендации по проведению комплекса адаптационных мероприятий в общеобразовательных уч. заведениях РФ / Омельченко Е., Андреева Ю., Лукьянова Е., Сабинова Г., Крупец Я. – Ульяновск: УлГУ, 2010. – 104 с.

³⁴⁷ Соколов А. Современные институты молодежной политики в Европе: история становления и развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – Выпуск №1. – Т.4. – 2009. – С. 76-83.

³⁴⁸ Пилкингтон Х. «Продвинутые» и «обычные» стратегии глокальной жизни // Глядя на запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры; перевод с английского О. Оберемко и У. Блюдиной. – СПб.: Алетейа, 2004. – 107 с.

цепций молодежной политики могли бы заметить многообразие молодежных идентичностей, объединенных культурной практикой, базовыми ценностями и практиками тусовки³⁴⁹.

Сегодня исследователи озабочены пониманием современного дискурса государства по отношению к молодёжи, возможностью увидеть в социальной жизни мотивы конструкторов государственной молодежной политики. Оптимизм молодых ученых наполняет социологическую рефлексию взаимоотношений молодёжи как дифференцированной социально-демографической группы и государства в условиях социокультурных перемен, новых форм общественной жизни. Высказывается надежда, что модернизационный потенциал молодежной политики закладывает в качестве ведущего принципа рост индивидуализации и свободы выбора для личности³⁵⁰. Противоречия молодежной политики относят к неспособности отказаться от традиционных принципов и ценностей, унаследованных от СССР, необходимости внедрения либеральных принципов и несогласованности интерпретации фактов в поле политики и поле молодежной активности³⁵¹.

Мы полагаем уместным привлечение к пространству молодёжной политики принципа инклюзии³⁵², который становится сегодня общим принципом социального государства,

³⁴⁹ Старкова Е. Динамика ценностных представлений и отношения друг к другу у городской и приезжей молодёжи (на начальном этапе профессионализации в учебном заведении). – Краснодар: КубГУ, 2011. – 109 с.

³⁵⁰ Страдзе А. Парадоксальность социальной активности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. – 2013. – № 1. – С. 44-56.

³⁵¹ Страдзе А. Там же.

³⁵² Ярская В. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии; сб. ст. и научно-методических материалов. – Саратов: Научная книга, 2008. – С. 11-16.

социального образования, социальной политики. Феномен социальной инклюзии, масштабы которой пока невелики, пока еще не имеет сколько-нибудь развитой методологии научного анализа молодежной политики и непротиворечивой научной интерпретации. Вместе с тем принцип инклюзии может сыграть роль социальной инновации в конструировании проблемного поля молодежной политики, в частности, в объяснении молодежных субкультур как поиска культурной идентичности, индивидуализации стиля личностного и группового форматов. Кодовое переключение молодежной политики возможно в переходе от привычной идеологии эксклюзии³⁵³ и сегрегации отдельных молодых страт к принципу инклюзии разных по стилю жизни, социальному статусу, образованию, здоровью молодежных когорт. Такой переход обеспечит интеграцию и сплоченность молодежных культур с культурой взрослого поколения, что, разумеется, не означает их ассимиляцию.

Актуальность инклюзии в дискурсе молодежной политики подпитывается традиционным отнесением огромного числа подростков и юношей к маргинальным молодежным субкультурам, испытывающим социальную несправедливость и подверженным негативным аттитюдам социального большинства. Проблемы этих когорт характерны для многих стран, когда субъектная депривация подпитывается социальной дискриминацией. Здесь-то и необходима социальная инклюзия как антипод неравенства и насилия в пространствах образования и воспитания, этнических взаимодействий, занятости и трудоустройства, региональном и экономическом дисбалансе, в колониях и тюрьмах, школе, семье. Дезинтеграция

³⁵³ Астоянц М. Социальная инклюзия детей-сирот: проблемы и перспективы российской социальной политики // Известия ЮФУ. – 2009. – №11. – С. 23-31.

нравственных ценностей разрушает любую программу социально-экономических преобразований, когда наблюдается устойчивая несформированность социального сопровождения, культурной среды, ведомственное разобщение, отсутствие социального заказа, невостребованность и необеспеченность выпускников; это наблюдается не только в специальных образовательных учреждениях.

Молодежная политика не должна быть отделена от семейной, образовательной и общей социальной политики. У нас постоянно стремятся к эксклюзивному образованию, элитарным школам, а ведь намного важнее – когда вузы, колледжи, профтехучилища и школы согласны принимать инвалидов и социальных сирот в обычные группы, классы, обычные школы. И в этих случаях, следовательно, нужно формировать специальные федеральные и региональные программы, привлекать дополнительное финансирование – на переоборудование инфраструктуры, привлечение социальных работников и специальных педагогов, на обучение проблемного контингента. Это повысит качество образования и улучшит среду обучения для всех, снимет угрозу демографической ямы для многих учебных заведений.

Молодежные субкультуры существуют не первое десятилетие – гораздо дольше, чем временной период их научного исследования в социологии, их культурное поле пересекается с противоречащими друг другу тоталитарным и либеральным политическими дискурсами, криминализацией молодежи, культурными интервенциями, широкой социальной эксклюзией в российском обществе. Наверное, здесь – их ярко выраженное стремление уйти от рутины, штампов к индивидуализации, инклюзии в общественную жизнь и поиску идентичности. Хотя и говорят, что через субкультурные формы лежит путь к освоению социальности и взаимодействия молодёжи,

которое в советское время реализовывалось в деятельности комсомола³⁵⁴, в это не очень верится: современные руководители молодежного мейнстрима и реформаторы государственной молодежной политики – до сих пор в комсомоле с его замечательным абстрактно-схоластическим идеализмом, далеким от действительно научного социологического подхода.

Молодёжная культура остается объектом социального конструирования, сопровождаясь представлениями об институциональных особенностях этого культурного и социального феномена, социальных механизмах формирования, поддержки, распространения знания. Члены различных субкультур получают, таким образом, определенный статус в рамках местной культуры, конструируя культурную самоидентификацию как сигнал об уникальной системе ценностей и норм, социальных практиках поведения, потребления, самобытности и стилях жизни. При этом субкультурные функции интегрирует тотальная сегрегация, поддерживающая дистанцию части молодежи от норм социума и культуры большинства, субкультуры возникают как оппозиция к ценностям доминантного культурного направления, иногда может последовать усиление девиаций, ролевых моделей как рекламы анти-социального поведения. Поскольку существует множество различных концепций молодежной культуры в масс-медиа, семантика субкультур включает и функции проявления индивидуализации, и альтернативы монополии доминирующей культуры как субкультуре взрослых.

Социальное исключение, эксклюзия заменяется суррогатной инклюзией, включением в криминальную группировку

³⁵⁴ Луков В. Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – Вып. №4. – С. 48-53.

с преимущественно мужской направленностью габитуса и состава молодежных субкультур³⁵⁵. Обязанностью нормального пацана в группировке является участие в криминальных действиях, грабежах, разбое, драках, убийствах, охрана подопечной территории, соблюдение правил групповой солидарности, взаимовыручки и подчинения по иерархии. Хотя в целом особенностью современной молодежной культуры выступает мультистилизм, свободный выбор идентичностей, поиск новых правил поведения и самовыражения, здесь присутствует культурно-исторический и социальный контекст. В провинциальном городе пышное многообразие столиц и метрополий стирается, сводится к двум собирательным названиям – неформалы и нормальные³⁵⁶.

Понимание дифференциации социального времени, неравенства молодёжной когорты необходимо для ее социальной интеграции³⁵⁷. Маргинальные молодёжные субкультуры, испытывающие социальную несправедливость и негативные аттитуды со стороны социального большинства, нуждаются в осуществлении инклюзивной социальной работы на про-

³⁵⁵ Костерина И. Практики маскулинности в молодежных группах // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 116-126.

³⁵⁶ Костерина И. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – № 4. – Т. 11. – С. 122-140.

³⁵⁷ Работа с молодёжью: колл. монография. Результаты совместного исследования с Беларусью. Ярская-Смирнова В. Социальная инклюзия в молодежной политике // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2010. – № 1. – С. 63-74; Yarskaya-Smirnova V. Inclusion as a Strategy of the Youth Policy / Conference Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology «Sociology on the Move» Gothenburg, 2010S02963, Sweden, 11-17 July, 2010. – P. 543-549.

странствах образования и воспитания, межэтнических взаимодействий, занятости и трудоустройства. Программы, концепции и проекты, которые составляются по отношению к молодёжи как гомогенной массе без учета социальных, культурных и физических различий, не имеют перспективы.

Большая часть молодёжи оказывается вне благополучного потока: кроме инвалидов и подростков, оставшихся без попечения родителей, это дети в семьях с низким доходом. Выпускники интернатных учреждений, сироты вынуждены начинать взрослую жизнь в жестко конкурентном социальном окружении, и отсутствие инклюзивной культуры ощущается как некий изъян молодежной политики и технологий, методов социальной работы, доступности мероприятий. Молодым людям нужна помощь — реабилитационная, социальная, они должны ощутить инклюзию и передать дальше, в практики взаимопомощи, преодоления стереотипов и защиты человеческого достоинства. Насколько официальные установки учитывают разнообразие формирования идентичности, настолько позитивна роль работы с молодёжью и конструирование социального доверия.

Службы, обладающие инклюзивной культурой, рассматривают каждого молодого человека как клиента, который может рассчитывать на сопереживание, сотрудничество, чувство доверия, однако инфраструктура учреждений социальной защиты молодёжи в субъектах Российской Федерации, имея обязательный минимум служб, развита недостаточно, не хватает специализированных служб — молодежных бирж труда, служб доверия, центров молодой семьи, подростковой занятости. В эффективной работе с молодыми людьми полезен опыт зарубежных и российских социальных служб — инклюзивная

культура помогает изменить неблагоприятную ситуацию молодого клиента. Особым случаем предстает отсутствие социальной работы с сельской молодёжью³⁵⁸.

Есть случаи употребления наркотиков, работать негде, случаи венерических заболеваний часты, «пофигизм» (СШ-8)... нюхают бензин, керосин, клей (СУ-3)... Минобразования области не знает, в каких детских домах есть автобусы, в каких нет (МГ-1).

Неравенство шансов, доступа к услугам культуры, образования, здравоохранения, транспорта, трудоустройства углубляет неравенство города и села, носит дискриминационный характер, создает предпосылки оттока молодых людей из села. При наличии инклюзивной социальной работы сельская молодёжь сможет участвовать в социальных программах, стать фактором возрождения села.

Не хватает производства, те, кто заканчивает высшие и средние учебные заведения, либо «сидят», либо уходят в торговлю; многие «бегут из села», перспективы нет... (СО-7).

Нет специализированных мест отдыха, занятий спортом; нет жилья для специалистов, на сельскую местность «махнули рукой» (ДК-6); оицуаем себя брошенными (СБ-5).

Социальная политика на селе неэффективна; никто не будет оставаться в селе, не видя изменений, нужно что-то менять, а потом приглашать молодых специалистов (СУ-3).

Изоляция молодых людей происходит путем лишения их доступного оборудования, услуг и уважения. Трудно обеспечить преемственность, воспитание социального доверия, патриотизма и сплоченности граждан, если молодежная политика

³⁵⁸ Садыков Р. Актуальные проблемы села и политика в сфере занятости сельской молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №20 (201). – С. 166-173.

сводится к лозунгам, не включая особенности культуры разных по статусу, образованию, здоровью, культурным предпочтениям молодых страт – мультистилизм, выбор идентичностей, поиск новых правил поведения. Представители социально разнородной молодёжной когорты³⁵⁹ имеют равные права, их разнообразие не требует подгонки под один социокультурный знаменатель. Инклюзивная культура работы с молодёжью осуществима на пути ухода от патернализма, нормативистского дискурса, идеологии сегрегации к принципу социальной инклюзии.

Разнообразие дефиниций – результат отсутствия сформированной инклюзивной культуры, внятной регламентации понятийного аппарата в федеральном законодательстве и разногласия в оценке семантического содержания важнейших категорий. В итоге несформированность инклюзивной культуры в обществе выступает барьером, затрудняет конструирование социальной сплочённости. И сегодня географические, политические и социальные границы Европы представляют проблему для социологической науки.

Инклюзия и сплоченность как задачи молодежной политики сегодня являются важнейшим вызовом не только в России и Европе, но и во всем мире. Молодежная среда начала 2000-х характеризуется наличием негативных трендов, представленных моральной деградацией вследствие системных трансформаций и резким вторжением глобализации; высокой безработицей; увеличением на 40% уровня ювенальных правонарушений по сравнению с уровнем ранних 1990-х; возрастающими эмиграцией, наркозависимостью, алкоголизмом; высокой смертностью по различным причинам в возрасте от

³⁵⁹ Ярская В., Ловцова Н. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – №2. – Т. 8. – С. 151-165.

15 до 24 лет; отсутствием необходимой для включения в модернизацию инфраструктуры, например, каналов онлайн-взаимодействия и производящих стоимость (value-added) форм предпринимательства³⁶⁰. Молодежная политика 2000-х годов конструировалась в рамках транслируемой тогда идеологии «управляемой демократии», основывающейся на принципе централизации управления с ограниченным делегированием полномочий муниципальным властям. В административном плане первоначальная система включила в себя обособленные органы (департаменты, комитеты) в Министерстве образования и науки, обеих палатах Федерального Собрания РФ, а также специальную межминистерскую комиссию по координированию новой молодежной политики. Законодательно цели и задачи молодежной политики были закреплены в разработанной тогда федеральной программе «Молодежь России 2001-2005»³⁶¹.

В это время система молодежной политики в постсоветской России фактически выстраивалась впервые. Наряду с идеологическими трендами централизации власти начала 2000-х это привело к широкому заимствованию дискурса советской молодежной политики, и, прежде всего, его тотально-

³⁶⁰ Ловцова Н., Ярская В. Молодежная политика: разные и пока неравные // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8. – №2. – С.151-164; Медведев К. Социальное время и поколенческие черты современной российской молодежи // IV Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие, Уфа, 22.10.2012. – Уфа: РОС, 2012. – С. 4688-4690.

³⁶¹ Государственная поддержка молодых инвалидов в Российской Федерации. Информационный материал Департамента по молодежной политике Министерства образования Российской Федерации. URL: <http://www.ed.gov.ru/files/materials/883/12-22-03.doc> (дата обращения: 29.08.2017).

контролирующего смысла. Молодежная политика СССР конструировалась на основе единой всеохватывающей организации комсомола. Эта структура имела мощнейшую материальную, административную и политическую поддержку, была закреплена в основах государственной идеологии. Участие в комсомоле было неразрывно связано с карьерой советского управленца. В условиях идеологического и социального устройства СССР этих возможностей было достаточно для осуществления широких задач, установленных перед структурой, олицетворявшей советскую молодежную политику.

Этот монументалистский дискурс молодежной политики был унаследован первыми федеральными программами «Молодежь России». Федеральная целевая программа «Молодежь России» на период 2001-2005 годов, как и программа конца 1990-х, в условиях России начала 2000-х практически полностью провалилась. Ранее мы уже указывали два главных фактора этой неудачи: общее недофинансирование программы и перекладывание задач по её материальному обеспечению на региональные бюджеты³⁶². Добавим, что еще одной немаловажной причиной стала социальная аномия, сложившаяся в молодежной среде.

Публичный дискурс первой декады XXI века, катализируемый моральной паникой украинской оранжевой революции, быстро насытился проблематикой создания молодежных общественных объединений – как в виде традиционных молодежных блоков политических партий, так и в новой для постсоветской России форме движений так называемой «прокремлевской» молодёжи. Модель государственного контроля по-

³⁶² Ручин В. Особенности политической социализации молодежи в современной России // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2012. – №1. – С. 94-99.

литического активизма российской молодёжи вновь стала биполярной, повторяя советскую дихотомию комсомольцев и неформалов начала 1980-х годов.

Однако есть отличия. Если раньше в качестве антагонистов выступали «девиантная» молодёжь и государство, то теперь противовес оппозиционной стороне появился внутри самой молодёжной среды. В советский период легитимная молодёжная активность могла реализовываться лишь в жестко закреплённых государством институциональных формах. Набор контролируемых партией молодёжных движений предоставлял возможности как конструктивного участия в социально-значимой деятельности, так и для реализации индивидуальных мотивов личной выгоды. Побочным эффектом такой системы служили повсеместно распространившиеся практики её обхода, проявляющиеся в нарративах того времени в виде дискурса «манипуляции системой» и «игры с государством»³⁶³. Сейчас, в условиях существования множества общественных объединений, молодой человек уже обладает возможностью выбора по мере того, как различные объединения предоставляют возможности реализации тех или иных практик.

Принципы социального конструктивизма говорят нам, что знание структурирует человеческие действия. Этот тезис относится как к индивиду, так и социальным институтам, которые, как утверждал Т. Веблен, являются лишь «распространённым образом мысли»³⁶⁴. С такой точки зрения институт государственной молодёжной политики – это совокупность представлений о нём как у клиентов, так и у его агентов. Эти образы создают основу взаимодействия различных субъектов

³⁶³ Фёдоров Д. Конфликтная семантика молодежного активизма // Инновационная деятельность. – 2012. – №1. – С. 115-121.

³⁶⁴ Веблен Т. Теория делового предприятия. – М.: Дело, 2007. – 288 с.

молодёжной политики и его клиентов – молодёжи и общества в целом. Содержание данного знания является основой инклюзивных или, наоборот, эксклюзивных практик. Через его исследование можно изучить особенности инклюзивной культуры института молодежной политики или показать её отсутствие, так как нечувствительность политики к социальной группе означает отсутствие системных практик её инклюзии/эксклюзии.

Характерной чертой российской молодежной политики в целом является отношение к молодежи как гомогенной массе, не имеющей социальных и культурных различий³⁶⁵. Аналогичный тезис просматривается в анализируемых документах – практически полное отсутствие каких-либо систематичных описаний структуры молодёжной группы. Некоторая специфика молодежной среды все-таки указывается. Доминирующей в анализируемых документах классификацией молодёжи является её разделение на, условно говоря, активную, обладающую лидерскими качествами, талантами, личной инициативностью, и всю остальную, пассивную:

«К задачам ... относятся: ... развитие моделей и программ подготовки лидеров молодежи; ... включение молодых людей в международные проекты по подготовке лидеров молодежных общественных объединений ... Основной целью проекта ... является выявление и продвижение талантливой молодежи ... планируется осуществить ... поддержку способной, инициативной и талантливой молодежи ... проект рассматривает в качестве адресата всех молодых граждан ..., обладающих мотивацией к деятельности в общественно-

³⁶⁵ Медведев К. Современное поколение молодежи как аспект конструирования инновационной молодежной политики // Инновационная деятельность. – 2013. – №3. – С. 63-68.

политической, социально-экономической и социокультурной жизни» (Стратегия молодежной политики РФ).

Представленный фрагмент наглядно демонстрирует, что активная молодежь зачастую измеряется неясной категорией лидерства. Этот термин иногда развивается до словосочетания «лидер общественного мнения», который признается «паровозом и щитом своего поколения». Иногда образ активной молодежи коннотируется смыслами «гражданской» и «политической» активности, хотя содержание понятия «гражданская активность», опять же, остается вопросом крайне дискуссионным.

Культурная составляющая дифференциации молодежной среды в риторике анализируемых документов на такой дихотомии активных лидеров и пассивных других заканчивается. Активную, талантливую и «лидерскую» молодежь принято привлекать, впрочем, совершенно неясно какими методами – об этом умалчивается в документах. По поводу остальной – пассивной – молодежи не указывается вообще ничего. Во время интервью, полученных у лидеров общественных организаций и сотрудников государственных ведомств по молодежной политике в рамках социологического исследования молодежных объединений Саратовской области, информанты прямо заявляли об отсутствии либо крайней неэффективности существующих механизмов привлечения этой молодежи:

И.: Как бы вы организовали работу по привлечению молодежи?

Р.: А нам не нужно молодежь привлекать.

И.: А как бы Вы тогда стали свое объединение популяризировать?

Р.: ... если организация действительно хорошо работает ... они приглашают хороших тренеров ... половина города захочет прийти на тренинги этой организации ... очень

многие захотят прийти, очень многие именно из тех, кто хочет развиваться, кто хочет из себя что-то представлять ... это будет такой интересный класс народа, который было бы действительно прикольно привлекать ... проводить такие мероприятия, на которых можно выявить лидеров, можно выявить людей, которые стремятся к развитию» (руководитель региональной общественной организации, г. Саратов).

Это наглядно демонстрирует проявление позиции «активные сами придут, остальные не нужны», появляющейся на высшем уровне федеральных программных документов по молодежной политике. Эти результаты говорят о том, что российская молодежная политика лишена культурного измерения. Гражданская активность (в смысле политической активности гражданского общества), классовый протест молодежи давно нашли свое проявление в различных субкультурных формах. При этом конструирование индивидуальной идентичности среди современной молодежи основано на активном смешении элементов разных субкультур³⁶⁶. Молодежная политика, сформированная в культурном аспекте по старым калькам «свой-чужой», фактически теряет релевантность по отношению к своему клиенту, постепенно впитывает в свой образ все больше негативных «немолодежных» коннотаций заостреннейшей, конъюнктурной системы.

С точки зрения социально-экономической дифференциации документы по молодежной политике показали несколько более разнообразную картину, причем с заметной спецификой снижения разнообразия при переходе от уровня федерального законодательства к программным документам общественных

³⁶⁶ Медведев К., Фёдоров Д. Институционализация молодёжных общественных объединений // Перспективы науки. – 2011. – № 10 (25). – С. 62-69.

объединений. Так, в Стратегии молодежной политики РФ достаточно широко представлены группы молодежи с дополнительными потребностями в социальной инклюзии³⁶⁷.

В этой позиции видно, что термин «молодежная политика» подразумевает «широкую» трактовку, что является спецификой документов на федеральном уровне. В контексте документов молодежных объединений это понятие опять используется в своей «узкой» интерпретации. В конечном счете, эта проблема неопределенности смысла молодежной политики характерна для всей системы. Это приводит к непониманию сути этой сферы как среди самой молодежи, так и среди конкретных акторов молодежной политики, что является крупнейшим барьером между ней и молодым поколением:

«... У общественных объединений на данный момент нет единого понимания в том, как осуществлять эту молодежную политику, и каждый ее делает по-своему ... Молодежь в принципе по большей части не хочет никак относиться к (молодежной) политике» (Руководитель государственного учреждения по молодежной политике); [об отношении молодежи к молодежной политике] *«...они ее не ощущают ... Если даже они являются частью этого процесса, то нет как такового осознанного отношения к этому ... большинство из них просто не понимало, что это такое, о чем идет речь»* (Руководитель региональной молодежной общественной организации, г. Саратов).

В итоге формальный дискурс документов молодежной политики все ещё находится в режиме адаптации к постсоветскому обществу. Он несёт в себе широкие заимствования советской модели как в социально-экономическом плане – в

³⁶⁷ Стратегия государственной молодежной политики и развитие Российской Федерации. М., 2005. URL: <http://www.sovetpamfilova.ru/text/1877> (дата обращения: 13.08.2017).

виде государственной поддержки уязвимых групп, заимствованной из социалистической социальной политики, так и в идеологическом отношении – в виде авторитарного механизма дифференциации молодежи на правильных, активных лидеров и других, на которых не стоит обращать внимания.

При этом российская молодежная политика имеет элементы либерального режима. Это проявляется в использовании риторики «молодежного самоуправления» и «молодежной инициативы», а также в позиционировании института молодежных движений как «голоса молодежи», призванного защищать её интересы:

«Государственная молодежная политика разрабатывается и реализуется ... на основе следующих принципов ... участие молодых граждан в разработке и реализации приоритетных направлений государственной молодежной политики» (Стратегия молодежной политики РФ);

«Молодежные и детские объединения имеют право: вносить предложения по реализации государственной молодежной политики; ... вносить предложения ... по изменению федеральных законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы детей и молодежи» (Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»).

Однако если элементы авторитарной методологии молодежной политики исполняются административными структурами на интуитивном уровне, то механизмы инклюзивного либерального режима всё еще не определены как на уровне документов, так и реальной деятельности³⁶⁸. Опыт других

³⁶⁸ Медведев К., Фёдоров Д. Институционализация молодёжных общественных объединений // Перспективы науки. – 2011. – № 10 (25). – С. 62-69.

стран показывает, что именно это направление развития молодежной политики является наиболее перспективным и в институциональном³⁶⁹, и в идеологическом³⁷⁰ аспектах.

Далее рассмотрим инклюзивную культуру институционального фреймворка молодежной политики на локальном уровне через призму интервью с руководителями региональных молодежных движений, ведомств по молодежной политике и экспертов.

Феноменологическая перспектива говорит нам о том, что сознание в процессе восприятия наделяет все доступные ему феномены субъективными смыслами, которые всегда отличаются от объективных свойств. Реальность человека существует именно среди этих образов, а не их физических денотатов. Стереотип при этом выступает неотъемлемым компонентом культуры, индивидуального и массового сознания, оказываясь в самой гуще культурных и социально-психологических процессов.

Конструктивистская теория развивает этот тезис, утверждая, что мировоззрение основывается на процессе типизации окружающего смыслового пространства. Классифицируя феномены окружающего пространства (как физического, так и социального), человек конструирует в своем сознании устойчивые паттерны. Эти структуры позволяют упростить и ускорить процесс восприятия, но при этом они являются основой стратификации. В процессе типизации индивид проводит границы, и если данный элемент реальности причислен к одному

³⁶⁹ Whitestone K. Widening Participation: education, equality and the economy // Social inequality and education: the problem, research, action: Proceedings of an international workshop. – N.Y.: Mouty, 2001. – P. 13-27.

³⁷⁰ Blum D. Current trends in Russian youth policy // PONARS Policy Memo No. 384, 2005. P. 109. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pm_0384.pdf (дата обращения: 11.09.2017).

из паттернов, он наделяется соответствующими смыслами, даже если на самом деле таковых не имеется. Понятие стереотипа связывает эти микроуровневые смыслы с категорией культуры.

Субъективные типизации и присущее им содержание через различные социальные механизмы постепенно закрепляются в макроуровне коллективной культуры, объективируясь в стереотипы. В зависимости от выбора масштаба исследовательской оптики можно изучать стереотипы как этнического уровня (известные хрестоматийные примеры – русский авось, китайская церемониальность, французская галантность или итальянская эмоциональность), так и существующие по отношению к отдельным субкультурам – к примеру, «скучный ботаник» или «отмороженный гопник». Стереотипы не только упрощают мир, но и стратифицируют его, однако культурный стереотип как необходимый инструмент восприятия становится не только фильтром действительности, но выступает культурным барьером. Так, наделение образа социального института негативным субъективным смыслом, сконструированным случайно или намеренно каким-либо индивидом или отдельной группой, отчуждает от него молодежь гораздо эффективнее, нежели любая физическая стена.

Современная стратегия российской молодежной политики в общих чертах сформулирована в Стратегии государственной молодежной политики РФ, федеральной целевой программе «Молодежь России» (сейчас временно заморожена) и текстах некоторых законов. В качестве одной из составных частей указывается работа с молодежными общественными объединениями как субъектами её реализации. Эти структуры позиционируются в качестве либеральных элементов стратегии, позволяющих выражать и реализовывать

интересы молодежи в сфере внутренней российской политики.

Такая формулировка стратегии ставит вопросы: выражают ли существующие молодежные объединения интересы всей молодежи (или хотя бы абсолютного большинства); и какие существуют культурные барьеры, препятствующие хотя бы минимальному включению в молодежную политику (то есть, на уровне «интересуюсь новостями») большего количества российской молодежи.

Эмпирической базой нашего исследования выступают 19 полуструктурированных интервью с представителями молодежных общественных объединений, экспертами и сотрудниками государственных учреждений по молодежной политике, проведенных в городах Саратов, Санкт-Петербург и Москва в течение 2012-2016 гг. Первоначальный дизайн выборки предполагал три основных компонента: представители экспертного сообщества; представители государственных учреждений по молодежной политике; представители молодежных общественных объединений. Для информантов был установлен ценз: не менее двух лет активного участия в работе молодежного общественного объединения, желательно на руководящей должности; либо руководства государственным учреждением молодежной политики; либо включения в молодежную политику по роду своей деятельности – это депутаты, эксперты и аналитики соответствующих ведомств.

При подборе информантов встала задача выравнивания выборки с точки зрения экспертного содержания. В то время как опыт работы на руководящей должности, депутатской или экспертно-аналитической деятельности был достаточным условием для ожидания экспертного уровня ответов, длительное участие в общественных объединениях не являлось убедительным критерием. Для решения этой задачи при

выборе активистов общественных объединений использовался дополнительный фильтр – субъективная оценка информантов своей способности компетентно рассуждать по двум темам: личное участие в молодежных общественных объединениях (как бывших, так и настоящих); состояние и перспективы государственной молодежной политики в России. В общей совокупности данные условия позволили в первом приближении рассматривать всех информантов как экспертов по молодежной политике.

Методологической основой анализа интервью стали положения качественного дискурс-анализа и принципы методологии обоснованной теории, разработанной А. Страуссом и Дж. Корбин³⁷¹. Главная идея концепции обоснованной теории состоит в том, чтобы с помощью системы определенных процедур построить на основе эмпирических данных обоснованную теорию искомого исследовательского феномена. Методология предполагает, что грамотное использование системы определенных процедур теоретического конструирования на основе качественно собранного эмпирического материала позволяет создать обоснованную теорию, которая описывает исследуемый феномен, в том числе и в других социальных контекстах. Эмпирические данные обрабатывались вручную. Вместе с основными методами обоснованной теории – последовательном применении открытого, осевого и избирательного кодирования – использовались методы дискурс-анализа: уплотнения смыслов, категоризации, интерпретации. Таким образом, для обработки качественных данных использовался мультиметодологический подход, объединённый логикой парадигмы интерпретативной социологии.

³⁷¹ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.

Методология сбора интервью включает в себя вопросы грамотного транскрибирования³⁷². Невидимую, но существенную часть эмпирической базы качественного исследования могут составлять не только тексты транскриптов, но и нефиксируемые субъективные впечатления исследователя в момент этой межперсональной интеракции. Это ощущение контекста, сохраняющееся с определенными ограничениями в памяти лишь самого интервьюера, не менее важно для анализа, нежели сам текст. Конечно же, если анализ интервью осуществляется не самим интервьюером, то эта информация теряется, и эмпирические данные сужаются до возможностей текстуального переноса.

В нашем случае сбор и анализ интервью осуществляется одним и тем же исследователем, что позволяет использовать ощущение контекста в исследовательских целях. Поэтому транскрибирование интервью проводилось сплошным образом, без специальной детализации пауз и несмысловых элементов. Учитывая цели исследования, выбранную методологию и возможность использования незафиксированной информации, такой метод транскрибации является достаточным для реализации поставленных задач.

В процессе исследования информантам было предложено оценить на основе личного опыта количество молодежи, затрагиваемой молодежной политикой. Результатом этого вопроса служила не столько количественная характеристика, сколько эмоциональное отношение информантов, показывающее их оценку эффективности современной молодежной политики.

³⁷² Peer Review in Social Protection and Social Inclusion and Assessment in Social Inclusion. URL: <http://www.peer-review-social-inclusion.eu/peer-reviews> (дата обращения: 11.08.2017).

...очень мало вообще знают о существовании общественных организаций, о том, что они, в принципе, есть... (А., активист молодежного объединения, сотрудник государственного учреждения по молодежной политике)

...максимум процентов 30 охвачено государственной молодежной политикой... думаю, гораздо меньше... (А., активист молодежной организации)

Общая пессимистическая оценка информантами текущего состояния молодежной политики с точки зрения включения в неё различных групп молодежи делает актуальным следующий вопрос – каковы же стереотипические барьеры между общественными организациями и молодежью? Исходя из указанных конструктивистских идей, поиск ответа начнем с поиска типизаций в сознании конкретных акторов молодежной политики. Сфокусируемся на поиске типологий, используемых конкретными индивидами, акторами молодежной политики в их повседневной деятельности, и влиянии на процессы включения молодежи в эту сферу социальной политики.

Одной из классификаций, полученных во время анализа интервью, является типология самих общественных объединений. Во время интервью перед информантом явно или косвенно поднимался вопрос о субъективном представлении поля общественных объединений. В дальнейшем информанты начинали самостоятельно использовать сконструированную ими типологию в рассуждениях на другие темы. Исходя из данных, мы выделили пять паттернов восприятия молодежных общественных объединений.

Первый паттерн – это общественные объединения, созданные сообществом граждан, затронутых одной проблемой – например, общество трезвости. В качестве основных мотивов

вов вступления в эти объединения информанты указывают неудовлетворенность своим социальным и жизненным миром – как внешнюю (социальными, экономическими и политическими проблемами), так и внутреннюю (психологические комплексы, самореализация). В представлениях участников исследования эти структуры достаточно стабильны и обладают наибольшей степенью эффективности с точки зрения проведения молодежной политики.

...наиболее эффективными с точки зрения реализации молодежной политики будут организации, созданные под решение проблемы (Е., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике).

Таким образом, этот паттерн содержит в себе смыслы «живые», «эффективные», «полезные», «стабильные».

Второй паттерн – это сообщество граждан на основе общих досуговых интересов (хобби, музыка и тому подобное). Информанты указывают, что эти структуры могут не иметь как государственной регистрации, так и чёткой организационной структуры, поэтому к ним не совсем корректно применять термин «общественная организация». Однако руководители государственных учреждений по молодежной политике и активисты молодежных объединений практически во всех случаях выделяют эти сообщества в отдельный тип.

Участники интервью отмечали влияние этих неформальных сообществ на внутреннюю политику страны.

Конкретный пример – те же наблюдатели... это большое такое объединение, они взаимосвязаны между собой [о влиянии на молодежь] Повлияло? Повлияло. Взять молодежное объединение фанатские группировки – что, не влияют? (А., активист политического молодежного объединения).

Отмечается, что это наиболее стабильные из всех типов объединения. ...*наиболее эффективными с точки зрения реализации молодежной политики... менее эффективные, но, возможно, более долгоживущие – это организации, которые собраны по принципу общих интересов, приятного времяпрепровождения* (Е., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике).

Таким образом, этот паттерн нагружен такими смыслами, как «стабильность», «средняя полезность».

Третий паттерн – это общественные организации, созданные в юридических целях для получения государственного финансирования.

Кто-то организывает общественные организации для того, чтобы участвовать в грантах, получать какие-то гранты, субсидии (Е., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике).

Далеко не все информанты выделяют этот тип, что может быть связано, прежде всего, с отсутствием реальной деятельности данных объединений. Эти объединения мы условно обозначим техническими общественными организациями.

Четвертый паттерн – организации, официально созданные государственными ведомствами для решения своих задач. По словам информантов из этих объединений, главной целью их создания служит обеспечение кадрового ресурса ведомств исполнительной власти.

И.: *молодежная организация при органах власти... есть ли какие-то значимые черты этих организаций?*

Р: *...Это, в первую очередь, подготовка кадрового резерва... не столько цель, сколько уже выход продукта. То есть, изначально, может быть, целью это не является...но как продукт выходит* (Н., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике).

Такие структуры мы условно обозначим как государственные общественные организации.

Пятый паттерн – организации, созданные сверху для достижения политических целей. Эти структуры создаются более мощными, уже немолодежными структурами для прямого или косвенного решения своих задач. По словам экспертов, инициаторами создания данных объединений могут быть как политические, так и бизнес-структуры. Опрошенные нами специалисты по молодежной политике государственных ведомств, как и представители общественных организаций не из этой группы, негативно оценивают эффективность работы подобных структур.

...мое сугубо субъективное мнение, что если организация создается при участии государства... это негативно для меня, это негативно (А., активист молодежного политического объединения).

В этой классификации закономерно возникает вопрос пересечения последних трёх паттернов, денотирующих в сознании информантов вроде бы идентичные структуры. В чем же смысл такого различия? Несмотря на похожесть, информанты прочертили достаточно четкую границу между ними как в содержательно-структурном, так и в оценочно-эмоциональном аспектах.

С точки зрения содержательного аспекта, последние три паттерна денотируют различные по целям и методам их достижения структуры. «Технические» общественные объединения среди них занимают формальную позицию. На практике таких объединений нет – они существуют только на бумаге. Это обуславливает то, что их обозначили лишь знакомые с бюрократическими реалиями государственных ве-

домств чиновники и представители оппозиционных движений. Поэтому данный паттерн практически не распространен, и содержит в основном обобщенный негативный образ.

...совсем неэффективные – те, кто создается с целью получения денежных средств от государства (Е., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике). Условно можно сказать, что этот тип нагружен смыслами «бесполезные», «иждивенцы», «на бумаге».

Созданные сверху *прополитические* объединения формально являются добровольными объединениями граждан на основе интересов (преимущественно политических), в реальности же мотивация их активистов зачастую материальная либо карьерная. Активисты объединений, говоря про эти организации, выражали во фразах и эмоциях смыслы неэффективности:

...любое создание каких-либо организаций сверху приводит к провалу...

с коннотацией иллюзорности:

...люди...поддались... внутри-то этой формы разброд, шатания, непонятки;

... не проблемы решить, а пиар продемонстрировать;

... собрали молодежь... я не вижу её каких-либо фактических действий.

В итоге организациям, воспринимаемых через этот паттерн, автоматически «инкриминируются» смыслы «неестественности», нелегитимности, искусственности и бесполезности их существования.

В оценках этих созданных сверху «политических» организаций заметен негативный акцент как среди экспертной группы и активистов, так и среди чиновников государствен-

ных учреждений по молодежной политике. При этом указанная общность мнений происходит не исключительно только из-за образа неестественности данных структур.

Во-первых, подобная оценка может быть связана со скрываемой этими организациями политической деятельностью. В данном случае мы подразумеваем, что они формально позиционируют себя как неполитические движения, в реальности занимаясь политической пропагандой. Формально политических организаций, к примеру, *крыльев* крупных партий, эта проблема касается в другом виде: им вменяется отсутствие идеологического содержания и обслуживание пиар-целей старших структур.

Это приводит к дополнению негативного смысла «неестественности» коннотацией «бездумного исполнительства»:

...опять же мы видим прокремлевского рода организации, как они существуют... если там внутри организации находятся те люди, которые хотели бы как-то выразить свою позицию, к сожалению, им нужно выходить из этой организации, потому что они не отвечают руководящей роли (В., активист молодежного объединения);

... если это организации, созданные кем-либо по усмотрению кого-либо, то это, прежде всего, денежные транши, за счет которых это все организовывается, это финансирование пиар-акций. Цель же их – не проблемы решить, а пиар продемонстрировать (Е., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике).

Вторым фактором может служить постепенное изменение конъюнктуры в сфере молодежной политики. В предыдущей модели молодежной политики данные организации играли значительную роль. Однако структурные трансформации курирующих это направление федеральных ведомств

(расформирование федерального Министерства спорта, туризма и молодежной политики, передача функций курирования молодежной страны Министерству образования и «Росмолодежи») косвенно указывают на потерю доверия к этой системе. На этот сценарий также наводит тот факт, что с критикой этих организаций выступили чиновники государственных ведомств, находящиеся на различных уровнях исполнительной власти. Несмотря на преимущественно конформистский дискурс их ответов, они проявляют определенно негативный дискурс (в том числе исходя из интонаций) по отношению к таким объединениям:

... по неподтвержденной информации, последние тогда существующие легально организации, как Молодая гвардия, ныне расформированы (Н., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике);

[про «кремлевские» движения] Сейчас достаточно, чтобы какая-нибудь спичка загорелась, и с другой стороны сразу же пламя возникнет. Самая основная проблема в том, что эти организации общей идеи не видят (Е., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике).

Третий фактор – эти организации, заявляя о своей независимости в финансировании, получают широкую финансовую поддержку, которую используют в основном для создания иллюзии массовости:

...этим людям выдавались пейджеры, в то время это было диковинкой, футболки и так далее... сейчас тоже используется. Людей возят в Москву на автобусах на экскурсию и заодно поучаствовать в каком-то митинге (А., активист политической молодежной общественной организации).

Иными словами, этот паттерн дополняется коннотацией «показушности», «иллюзии», «искажения». Созданный однажды, этот образ уже не зависит от реальной действительности;

даже если организация проводит объективно полезное для общества мероприятие, оно воспринимается как «показуха» и бесполезная трата денег.

В итоге паттерн политических объединений насыщен смыслами «неестественности», «бесполезности» с коннотациями «бездумного исполнительства» и «показушности». В отличие от него, паттерн «государственных» объединений практически не имеет подобных образов. Это, на наш взгляд, объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, эти организации официально находятся на балансе соответствующих государственных ведомств, то есть имеют прозрачное финансирование. Во-вторых, они реализуют в основном уставные задачи кадровой подготовки чиновников, практически не выступают в политических акциях. В-третьих, они действуют в рамках сравнительно небольшой государственной поддержки:

Братъ если Молодежный Парламент, там комната была потому, что депутат, который организовал этот Молодежный Парламент, все время был в командировках, и был его кабинет (Л., активист государственного молодежного объединения).

Эти три фактора вместе взятые легитимируют их существование в восприятии информантов, что обуславливает их нейтральную оценку.

Таким образом, обойма созданных сверху организаций всё же имеет достаточно разноцветную окраску в глазах информантов. Рассматривая эти стереотипические объекты с точки зрения их государственной поддержки, мы видим фактическое доминирование политического типа. На наш взгляд, такая ситуация приводит к переносу качеств этого типа – «бесполезности», «иллюзорности», «исполнительства» и «пока-

зухи» – на всю область молодежной политики, создавая равнодушное отношение к этой сфере у молодежи страны. В итоге данный стереотип выступает значительным культурным барьером между молодежью и молодежной политикой.

Другой выделенный нами культурный барьер находится на пересечении культурной специфики российской молодежи и государственной политики распределения финансовой поддержки общественным объединениям. Несомненно, финансовая поддержка государством является значимым фактором развития молодежного объединения. Однако ответы информантов говорят, что социальным лифтом выступают не только такие организации. Биографии самих информантов, как и их субъективные оценки собственного развития, показывают, что общественные объединения, вне зависимости от их государственной поддержки, положительно повлияли на их социальное положение.

С другой стороны, информанты замечали, что общественному объединению крайне трудно привлечь современную молодежь без материальных мотиваторов. Фактически, из «бедных» объединений исключена работающая молодежь.

... нет времени просто... все-таки молодежная политика требует большого количества времени... (Л., активист государственного объединения). Отсутствие явной возможности материального заработка вступает также в конфронтацию с маскулинностью российских молодых мужчин³⁷³, что косвенно подтверждается обозначенным информантами значительным гендерным дисбалансом среди активистов в сторону преобладания женщин.

³⁷³ Ярская-Смирнова Е. Класс и гендер в дискурсе социального государства // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – №1. – С. 87-96.

Добавим, что большая доля российской молодежи не обладает какой-либо сформированной мотивацией участия в общественных объединениях, как и в молодежной политике вообще.

...молодежь в принципе по большей части не хочет никак относиться к политике (Е., сотрудник государственного учреждения по молодежной политике).

В контексте современной российской культуры рассмотренные факторы приводят к тому, что общественное объединение без явных материальных мотиваторов практически неспособно конкурировать с тем, которое может предложить даже небольшие материальные вознаграждения. А такое состояние дел приводит к определенным социальным и политическим следствиям. Созданные сверху политические молодежные объединения имеют широкую финансовую поддержку. Остальные организации её лишены, в том числе из-за неадекватности каналов негосударственной поддержки молодежных движений.

В итоге, с одной стороны, монополия государства на финансирование молодежных объединений в условиях пассивности гражданской инициативы рождает среди них неравенство по отношению к привлечению потенциальных активистов. Это приводит к сокращению выбора и для самой молодежи, которая фактически находится в поле монополизированного рынка молодежных объединений. С другой стороны, эту монополию представляют организации, воспринимаемые через смыслы «неестественности», «бездумной исполнительности», «иллюзорности», формируя негативное, а точнее, равнодушное и пассивное отношение молодежи к институту молодежной политики. Оба барьера во многом обуславливают то обстоятельство, почему рынок молодежных общественных

объединений в рамках российской молодежной политики фактически мёртв и не интересуется своих единственно возможных клиентов. Молодежные неформальные и уязвимые группы, субкультуры по-прежнему сегрегированы, погружены стараниями лидеров официальной молодёжной в дискурс нормативистского подхода, оставляя тем самым простор для дальнейшей нестыковки культур и стереотипов.

Таким образом, анализ эмпирических данных показывает, что официальная российская молодежная политика, несмотря на производимые перестановки в федеральных управленческих структурах и ведомствах по молодёжи, пока еще далека от интересов молодежи. Учитывая указанную выше культурную специфику российской молодежи, многим общественным объединениям сложно привлекать активистов для своего развития, находясь в условиях намеренно конструируемого государственной молодежной политикой неравенства. Вместе с тем мы отдаём себе отчёт в том, что назрела необходимость концептуального пересмотра государственной молодежной политики, отказа от традиционных лозунгов, деклараций, демонстративных акций и списков мероприятий. Повседневность в практической работе, изучение богатого советского и современного зарубежного опыта работы с молодежью должны войти в содержание обновлённой российской молодежной политики.

Эмпирическое исследование существующих представлений о структуре молодежной среды показало полное отсутствие чувствительности молодежной политики к культурной дифференциации молодежной группы. Выявлено одностороннее редуцирование смыслового содержания понятия молодежной политики при переходе от дискурса федеральных программных документов к дискурсам реальных акторов молодежной политики. Существующая в дискурсе федеральных

программных документов дифференциация молодежи по социально-экономическим параметрам полностью отсутствует в дискурсах субъектов молодежной политики на местах. Отсутствие в институциональной культуре четко выраженного знания об инклюзии приводит, несмотря на проявление респондентами элементов толерантности, к воспроизведению *нонфункционального типа инклюзии*.

Существующая система молодежной политики, основанная на целевой поддержке лояльных организаций, своей структурой конструирует мощный культурный барьер по включению молодежи в контекст молодежной политики. Это обуславливает низкий процент участвующей молодежи и обуславливает неэффективность принципа вовлечения талантливой молодежи, позиционированного как основы современной молодежной политики. Фактически, талантливая молодежь просто не хочет «иметь дело» с молодежной политикой, поскольку она противоречит распространенным сейчас идеалам индивидуализма, независимости и демократического участия.

Некоторые **молодёжные культуры** могут создавать платформу для негативных тенденций в молодежной среде (наркотики, насилие, ксенофобия), а другие, напротив, имеют позитивное социальное и культурное значение (экология, музыка, исторические игры). Семантика социальной опасности ряда субкультур эволюционирует в культурно-историческом контексте, но сегодня в основном связана с опасностью для жизни или благополучия человека, подпадая под статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. Понятно, что социальная патология как вариант развития индивида представляет высокую социальную опасность для личности и национальной безопасности государства.

Однако помимо реально опасных, деструктивных молодежных **культур** под стигму моральной опасности подпадают и социально не опасные когорты, исключаются позиции инновационной ценности **культуры** как социально и культурно полезной. Тогда внимание к субкультурной активности становится чрезмерным со стороны государства³⁷⁴, либо проявляется гипертрофированная общественная реакция на незначительные девиации. Личное, приватное становится публичным, субкультура выставляется при помощи СМИ напоказ, в обществе фундаментализма и дискриминации это вызывает моральную панику (*moral panic*), нарушаются идентичность, права человека. Социальный контроль за субкультурой включает неформальные механизмы общественного мнения и формализованные институты государства – официальные ведомства, полицию, суд.

Проблема входит в сферу политического, экономического дискурса, *одадживает дивиденды из милитаристских, агрессивных пластов культуры: тех, кто не схож с нормальными, виктимизируют. Так пробуждается, например, так называемый викторианский гендер с вытекающими последствиями*³⁷⁵. Акцентуализацию молодёжной культуры как де-

³⁷⁴ Омельченко Е. Молодежь: Открытый вопрос. – Ульяновск: Издательство «Симбирская книга», 2004. – 184 с.; Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Х. Пилкинтон, Е. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдина, Е. Старкова; пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. – СПб.: Алетейя, 2004. – 107 с.

³⁷⁵ Мерквиладзе И. Динамика гендерных стереотипов в Грузинской масс-медии на фоне социально-политических процессов постсоветского периода: Отчет по результатам исследования в рамках проекта Фонда Г.Бёлля, 2005. URL: http://ge.boell.org/sites/default/files/downloads/Ia_Merkviladze_2004.pdf. (дата обращения: 20.08.2017).

виантной можно представить в дискурсе властной интервенции в общество³⁷⁶, масс-медиа становятся мегафоном³⁷⁷, феномен моральной паники идентифицирует преувеличения и искажения в представлении событий, **как порой в случае трансляции терактов**. Преступая через моральные границы, человек переходит в альтернативу доминирующей культуры, то есть из царства морального добра в царство аморального зла³⁷⁸.

В работе с молодёжью недостаточно знать, что представляет собой *объект* государственной молодежной политики, даже если это знание – не поверхностное и приблизительное, а основанное на социальном анализе, раскрывающем социальное неравенство молодежной когорты. Феномены дискриминаций имеют социальные, исторические и культурные корни, их характеризуют оторванность от широких социальных контактов, низкий уровень образования и конкурентоспособности, выбора профессий, заработной платы, отсутствие возможности для достойного образа жизни. В России фактически продолжается процесс социального исключения людей, чья позиция отличается периферийностью, плохим образованием, низким социальным статусом по отношению к социальной структуре общества.

К неравенству привыкли, оно тотально – от неравенства социальных страт и индивидов до неравенства городов и регионов, школ и вузов. Кажется, что Национальные проекты

³⁷⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумов; под ред. И. Борисова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 460 с.

³⁷⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры; пер. с фр., послесл. и прим. Е. А. Самарской. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с. / С. 75.

³⁷⁸ Мейлахс П.А. Капитал разнообразия: не роскошь, а необходимость // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – № 4. – С. 206-210.

даже усиливают и обостряют неравенство. Чтобы раскрыть молодежь в качестве субъекта социальных перемен, важно интегрировать микро- и макросоциологические подходы, принимая во внимание вопросы жизненного мира, биографии, бедного, безнадзорного и беспризорного детства и отрочества, инвалидности и сиротства. В понимание молодёжи как субъекта модернизации включается в том числе социальная жизнь³⁷⁹ отторгнутых девиантов, пока они ещё не стали де-линквентами. Ценность, которую приписывают своей коммуникации члены группировок, приверженцы клубных тусовок или однокашники интерната, коренится в современном понимании личностного роста, которое предполагает дистанцирование от массы, а не идентификацию с массой и растворение в ней³⁸⁰.

В поле субъектного интеракционистского подхода проявляются теоретический и практический ресурсы реконструирования молодёжной политики. Ведь молодые люди находят свои формы включения в сообщества, и существование групп, разделяющих общие нормы и обладающих общим стилем жизни, является скорее иллюзией, чем реальностью.

³⁷⁹ Право на жизнь в обществе: механизмы образовательной интеграции детей-инвалидов / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой, А. Галаховой. – Саратов: ЦСПГИ: Научная книга, 2007. – С. 116-123.

³⁸⁰ Пилкингтон Х. «Продвинутые» и «обычные» стратегии глокальной жизни // Глядя на запад: культурная глобализация и российские молодёжные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. – СПб.: Алетея, 2004. – 107 с.; Старкова Е. Динамика ценностных представлений и отношения друг к другу у городской и приезжей молодёжи (на начальном этапе профессионализации в учебном заведении). – Краснодар: КубГУ, 2011. – 109 с.

Ценности молодежной когорты³⁸¹

Перспективы исследования феномена социальной сплоченности и ценностей молодежи в проекции темпорального и поколенческого подходов связаны с возможностями применения качественной методологии исследования, в частности, использования метода фокус групп. Исследование современности и положения современной молодежи в ней – это исследование со-времени, то есть совместного, одновременного проживания одних и тех же событий, исторических периодов в рамках одного поколения. Мы исходим из того, что молодежь транслирует современные ценности, является проводником социальных изменений, максимально погружена в современные коммуникационные процессы, включена в вертикальные и горизонтальные социальные отношения и сети.

Возможность сочетания категорий социального времени, поколения, сплоченности, социальных сетей помогает понять условия формирования современных социальных отношений и связей молодежи. Современные исследования молодежи представлены рядом научных работ, которые раскрывают различные грани молодёжного вопроса и находятся на пересече-

³⁸¹ Здесь и далее привлечены результаты фокус групп, проведённых в рамках проекта РФФИ 14-06-00242. Е. Пашининой и И. Бабаян // РФФИ, ИтогOtchet14-06-00242_2016

нии множества тематических полей – инклюзивного образования³⁸², молодежных солидарностей³⁸³, молодежной политики³⁸⁴, исторической реконструкции³⁸⁵. Серия фокус групп была проведена с целью выявления особенностей и форм сплоченности молодежи как гетерогенной социальной группы в рамках различных видов общественных отношений и объединений. Для участия в фокус группе привлекались активисты молодежных общественных и политических организаций, представители учащейся и работающей молодежи, волонтеры, которые держат руку на пульсе времени и реализуют социально значимые проекты в разных сферах жизни. В качестве основных разделов данного исследовательского этапа от-

³⁸² Ротман Д.Г., Ярская-Смирнова В.Н., Любимова А.Д., Ручин А.В., Бабаян И.В., Принципы инклюзивной культуры в работе с молодежью: сравнительный анализ молодежной политики Российской Федерации и республики Беларусь, коллективная монография, СГТУ, Саратов, 2015, 1–133. Ярская-Смирнова В.Н., Бабаян И.В., Инклюзивная молодёжная политика нового поколения, Вестник Саратовского государственного технического университета, Издательство СГТУ, Саратов, 2014, 4, 77. С.218-222. Зайцев Д.В. Социальная сплочённость: опыт социологической рефлексии // Вестник СГСЭУ, 2016. №3. С.45-48.

³⁸³ Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52-61.

³⁸⁴ Ярская В., Медведев К., Пашинина Е. Социальная сплочённость виртуальных сообществ в фокусе качественных методов онлайн исследования // Вестник СГТУ, 2014, выпуск 77, №4. С. 149-157. ИФ 0.172. Бабаян И.В., Пашинина Е.И., Социальное благополучие молодежи в социально-экономических условиях модернизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Выпуск № 1 / том 16 / 2016. С. 15-22.

³⁸⁵ Ярская В.Н., Божок Н.С. Перспектива поколения: движение исторической реконструкции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Вып. 14, № 2. С. 19-26, ИФ 0.01 РИНЦ.

метим: время и ценности поколений, ценности личности, соотношение социальных установок на коллективизм-индивидуализм, солидарность внутри сообщества (группы, организации, объединения, движения), социальная сеть как виртуальное пространство, в том числе культура сети, выявление представлений о сплоченности у членов групп социальных сетей. В исследовательском инструментарии делается акцент на том, что информанты понимают под сплоченностью, как они обозначают качества социальных групп, что их привлекает и объединяет; насколько тесные связи сложились в группах участников (с акцентами на членстве, интересах, формальных и неформальных принципах образования групп, добровольности и принуждении).

В качестве критериев отбора информантов отмечается возраст от 18 до 31 года, активное пользование социальными сетями, вовлеченность молодёжи в общественную организацию, движение, политическую партию. При этом формы общественной организации, значимые для отбора:

- волонтерские движения, организации, неформальные объединения – основанные на идее добровольческой активности, на реализацию которой направлено социальное действие (спортивное, медицинское, культурное, социальное;

- молодежные общественно-политические организации: политическая партия, формальные молодежные объединения (Молодежный парламент при областной Думе, Молодежное правительство), раскрывающие участие молодых людей в политической жизни. Сейчас активно продвигаются среди молодежи идеи формирования политической активности, привлечение их к жизни партии, политических организаций. Они владеют текущей ситуацией или по крайней мере ориентированы на то, чтобы улавливать социальные настроения моло-

дежи. Они же и стремятся сплотить молодежь вокруг определённой идеи (или идеологии в широком смысле слова) и мыслят в рамках политического курса, указывая на определённый «идеологический заряд». В этой группе исследовательское внимание было сфокусировано на рассмотрение общего тона, интонации репрезентации социальных проблем, степень совпадения установок, оценок, методы и ресурсы, которые они готовы применять для сплочения молодежи.

- Участники виртуальных сообществ, неформальных объединений, для которых характерно взаимодействие в социальной сети (репосты, «лайки»).

Время и ценности поколений представляют собой форму и содержание социальной жизни любого исторического периода развития общества, а также единицы социологического анализа. Основываясь во многом на поколенческом подходе В. Семеновой³⁸⁶, в работе делается акцент на жизненных возможностях поколений, соразмеряя их с категориями **равенства-неравенства, справедливости–несправедливости**. Возраст предстает не только как индикатор социального неравенства, но и как социальный ресурс в контексте обеспечения прав и возможностей поколений. В контексте либерального дискурса справедливости, в риторике современного поколения озвучивается комплекс демократических прав: «право на участие», «право на признание», «право на жизнь не ниже уровня предыдущих поколений»³⁸⁷.

Подходя к задаче выявления факторов сплочения, остановимся на обозначении точек повышенной социальной

³⁸⁶ Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 15, 63.

³⁸⁷ Там же: С. 15, 63.

напряженности для молодежи, в виде определяемых ими знаковых и тревожных событий. События, не оставляющие молодежь равнодушной, зачастую могут способствовать возникновению чувства единения, общности, солидарности. Такой подход помогает осуществлять рефлексию процессов конструирования сплоченности в молодежной среде через категорию событийной темпоральности. На основе анализа ответов о событиях, которые не оставляют молодежь равнодушными, были сгруппированы мнения информантов по критерию их масштабности, показывающие озабоченность молодежи глобальными мировыми процессами, положением России на мировой арене и вопросами национального благополучия, а также более частными проблемами регионального и локально-бытового уровня.

На глобальном, мировом уровне озабоченность молодежи связана с событиями, имеющим довольно широкий разброс тем: от соотношения военных вооруженных сил разных государств до спортивных состязаний, а также развития в мировом пространстве IT-сектора, нарастание экологических проблем вследствие антропогенного влияния. Таким образом, среди событий макроуровня преимущественно отмечаются имеющие негативную и рискогенную окраску: политические и военные конфликты, терроризм, обострение проблем социальной, политической, экологической безопасности.

- *«Вооруженные конфликты. Межнациональные и межэтнические конфликты в стране и в мире. Преступления по отношению к детям и женщинам» (Инф.3).*

- *«Волнует состояние политической ситуации, нестабильные отношения с другими государствами, волнения в Европе» (Инф.9).*

- *«Терроризм, когда самолеты падали, то есть – череда событий – в Сирии, на Украине» (Инф.16).*

- *«не безразлична окружающая среда, <...> вот Фукусима, её затопляло и т.д. Когда испытывали ядерные боеголовки» (Инф.11).*

В виду преимущественно негативного и депрессивного видения происходящих мировых событий встречается и позиция своеобразного нигилизма, нежелания задумываться о сути мировых и национальных проблем, выстраивания своеобразных защитных механизмов личности, осознания сконструированности образов в СМИ под влиянием чьих-то целей и воли:

- *«Не хочется особо углубляться в происходящее, ибо никакого позитива в этом нет, сплошное расстройство. Войны, холодная война эта, кризис. Если это как-то и задевает, то в плане скорее физическом, нежели моральном или на уровне эмоций, жить тяжело» (Инф.7).*

- *«волнуют ситуации и события, которые сейчас происходят в мире и отражаются на положении нашей страны. Глубоко стараюсь не вникать в суть действий, ибо СМИ отражает не полную картину, а бывает что и неверную» (Инф.5)*

Наполнение жизненного мира молодежи позитивными смыслами связано с развитием информационных технологий, дающих значительные возможности по получению и передаче информации, осуществлению коммуникации без территориальных преград. Место России в управлении ИТ-технологиями становится все более значимым, формируется собственно российское интернет-пространство, что не оставляет молодежь равнодушной.

- *«по поводу ИТ мира, то что у нас интернет стал, ну, одним из самых главных т.е. сначала идёт по популярности и т.д., США, потом Великобритания, потом мы» (Инф.11).*

Спортивная жизнь становится инструментом и даже индикатором формирования национальной гордости, что особенно заметно как следствие роста патриотических настроений при проведении Олимпиады в Сочи. При этом в последнее время у молодежи вызывают тревожность изменения отношения международного спортивного сообщества к российским участникам на крупных спортивных соревнованиях.

- *«Олимпиада в Сочи. Это было ВАХ. ... Гордость там» (Инф.8).*

- *«Предстоящие крупные спортивные соревнования вызывают опасения. Помимо того, что прослеживается притеснение российских спортсменов. Нет уверенности в безопасности и успешном выступлении других команд» (Инф.1).*

Таким образом, знаковые спортивные события могут рассматриваться как способствующие росту социальной сплоченности, причем как на позитивной волне вследствие гордости за проведение Олимпиады, поддержки спортивных волонтерских программ, а также на фоне единого пессимистичного настроения о российском футболе или допинговых проблемах российских спортсменов.

На уровне оценки значения положения страны на международной арене и степени ее общности, информантов волнует нестабильное экономическое положение в условиях санкций, проявление патриотизма в массовых и индивидуальных действиях, военные действия в мире, и в том числе с участием военных сил России, присоединение Крыма:

- *«тревожит положение нашей страны. На сегодняшний день это нестабильное экономическое положение, кризис если можно так выразиться . Если брать во внимание весь Мир , то несомненно – это нескончаемые войны , от Восточной Украины до Ближнего Востока . Проблемы , которые*

происходят в других странах меня не интересуют , если же это никак не отражается на России» (Инф. 2).

• *«Для меня было важно, когда Крым присоединили» (Инф.24)*

Для определённой части молодежи вопросы внешней политики важны как условие национальной безопасности и благополучия внутри своей страны. Такая позиция не соответствует установкам на космополитизм, но отражает исходные установки для сплоченности на уровне государства, идентификации себя как жителя страны, россиянина. Это может рассматриваться как своеобразный защитный механизм, позволяющий отстаивать границы и интересы своей страны, расставлять приоритеты.

В числе явлений особой значимости, относящихся к государственному и региональному уровню, в ответах молодежи представлены преимущественно, те, что опираются на прагматичный, житейско-бытовой подход к видению проблемных событий. Они включают ЖКХ и дороги, миграцию, пенсии, здравоохранение, поддержку российским государством граждан Сирии и Украины. Представителями молодежи обозначаются и проблемы, существующие на государственном уровне, включающие неравенство распределения доходов, социальная помощь как гражданам страны, так и лицам, вынужденно покинувшим территорию других стран:

• *«насчет дорог, здравоохранения и очень сильно меня, как человека работающего волнует то, что отменены индексации постоянные, грубо говоря, денежные проблемы в нашей стране, которые объясняются помощью бедной Сирии» (Инф.13).*

• *«зарплаты депутатов – у них 800 тысяч в месяц – и они ничего не делают – сидят, спят там. ... Зависть...» (Инф.9).*

- *«как гражданин назову три проблемы, которые вот такие самые – пенсии, дороги, ну и здравоохранение. <...> здравоохранение станет бесплатным только определённое количество раз в год и это, конечно же, очень плохо. И плюс еще и, наверное, обеспечение техническое медицины на очень низком уровне» (Инф.14).*

Речь идет о выполнении государством своих социальных обязательств перед гражданами и жителями страны, об их постепенном изменении в сторону пересмотра объема гарантий и их сокращения. Информанты заостряют внимание на социальной несправедливости, диспропорции доходов, когда их слабое перераспределение становится источником социальной напряженности особенно ввиду коммерциализации ранее социально доступных услуг по образованию, здравоохранению, пенсионному обеспечению. Пенсионное обеспечение в ответах молодежи представлено как забота о пожилom поколении, а не как гарантии собственного обеспечения в старости:

- *«очень много раз, заходя в аптеку, я видела вот этих бабушек и дедушек: просто плакали, потому что они не могут купить лекарства, которые им приписывают. А, ну, тут, наверное, без комментариев, пенсии маленькие слишком» (Инф.14).*

Как отдельный предмет исследовательского внимания предстает обострение вопросов, связанных с миграционными потоками, что в большей части себя проявляет как проблема городов, куда стекается преимущественно молодежь. Напряженность возникает при достижении определенного соотношения постоянно проживающих жителей и прибывших, особенно если речь идет о внешней миграции, поскольку необходимо ре-

ализовывать программы социальной адаптации, создавать необходимые для начальной поддержки и последующего самообеспечения условия, перераспределять ресурсы:

«Проблемы есть в мегаполисах, где большое количество и не только ребят с региона, а где много и очень много иностранных граждан» (Инф.10).

Проблемы, о которых упоминает молодежь, во многом становятся спланированными ситуациями, осознаваемыми большинством людей, нередко готовых прилагать усилия для их изменения. При описании чувств к происходящим событиям, информанты нередко использовали характеристики негативно окрашенных эмоций, среди которых лидируют такие как тревожность, недоумение, огорчение, ирония и ощущение неадекватности происходящего, что связано с некоторой фрустрацией, чувством неопределенности, ощущением неявной угрозы, и преимущественно тревожным и пессимистичным отношением к окружающим процессам. Положительные эмоции тоже проявляют себя, но они не занимают лидирующие позиции и связаны с научно-техническим развитием, ожиданием лучшего будущего:

- *«Нестабильность, разочарование и ложь» (Инф.19).*
- *«Всё это что происходит – странное, неадекватное и грустное. <...> Если затрагивать обстановку в мире, то – тревожное» (Инф.4).*
- *«Крайность – первое, что всегда характеризует российское общество <...>. Второе – вот что-то связанное опять же с неадекватной оценкой ситуации не только руководителя, но и граждан. И третий <...> некая безответственность граждан, особенно тех, кто не грамотен» (Инф.10).*
- *«есть вера в будущее, в лучшее» (Инф. 8)*

Таким образом, эмоции, возникающие у современной молодежи по отношению к событиям современности, зачастую проявляются как реакция на неопределенность оценки их результатов и последствий.

Возрастные границы и образы современности

Самоопределение молодежи, рефлексия своего статуса и возможностей проявляет себя в размышлениях о структуре молодежного поколения. Некоторые участники, говоря об особенностях поколений, делят молодежь на категории. Типологизация современной молодежи осуществляется с опорой на понятия «гражданская позиция», активность или пассивность, «продвинутая молодежь». С одной точки зрения, время молодости связывается непосредственно с возрастом человека. При этом границы этого возраста достаточно размыты, но сводятся преимущественно в оценках молодежи к следующим опорным датам и принципам разделения молодежи и немолодежи. Особенности молодежного статуса довольно условны, зависят по большей части от жизненной позиции человека. Однако особая гибкость и подвижность в отношении определения и изменения своего статуса, жизненных целей и приоритетов, мобильности, высокая скорость получения и обработки информации может стать отличительной чертой молодежи. То есть при определении статуса молодости мы выходим на показатели динамичности, в отношениях с миром,

развития, поиска себя и своих целей, что не всегда соотносится только с возрастом человека.

Как отмечают информанты, специфика возраста связывается еще и с психосоциальными особенностями проживания, а не только с «физическими» временными границами. Это и наивная инфантильность, и особое самоощущение, настроенное на позитивное отношение к себе и миру. Здесь речь идет о субъективном восприятии молодости, которое может проявляться на протяжении длительного периода жизни, или, наоборот, быстро утрачиваться.

Подводя некоторый итог по определению возрастных границ молодости в оценках информантов, наблюдается сочетание представлений о хронологическом, психологическом социальном аспектах взросления и достижения зрелости. При этом ощущается демаркационная линия в возрастном определении молодежи в диапазоне до и после 25 лет. Если обратить внимание на год рождения и особую социально-экономическую и политическую ситуацию в стране, то можно предположить, что современная молодежь делится на тех, кто рожден еще в СССР и тех, кто оказался на разломе идеологических эпох – 1991 года. Вероятно, это символическое деление оказывается существенным для современной молодежи как разделение временных вех, соотношения смыслов и ценностей, а также как период, в который заканчивается обучение и наступает большая автономия и ответственность.

У каждого поколения свой особенный путь и желание делать своё непохожее на то, что делали другие поколения. По типологии стратегий поколений В. Семенова выделяет следующие: жизненные стратегии молодежи можно назвать достижительными, а старшего поколения стратегиями выживания в связи с рассмотрением возможных источников неравен-

ства³⁸⁸. В градации поколений исследователи выделяют околовоенное (1930-1940-е гг. рождения); доперестроечное (1950-1960-е гг. рождения); поколение переходного периода (1960-1970-е гг. рождения) и постпереломное (после 1980 г. р.) поколение³⁸⁹. В выделении специфических вех советского периода, конструирующих социальные особенности возрастных когорт, период активной социализации которых пришелся на тот или иной период, Ю.А. Левада предлагает **дифференциацию поколений** военного и раннего послевоенного периода (1920-1928 гг. рождения); «оттепели» (1929-1943 гг. рождения); «застоя» (1944-1968 гг. рождения); «перестройки и реформ» (с 1969 г. рождения и далее)³⁹⁰.

Обращаясь к категории темпоральности, через которую мы охватываем явление социальной сплоченности, остановим внимание на ответах информантов о видении молодежью особенностей жизненного пути своего поколения по сравнению с поколением родителей. В ответах информантов можно отметить основные опорные точки относительно особенностей самоидентификации и выявление ключевых задач, которые ставит перед собой молодежь. Молодежь старается определить приоритеты и ценности, характерные только для нее и отличающие ее от других поколений. Поколение современной мо-

³⁸⁸ Семенова В.В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства. // Россия реформирующаяся 2004. Ежегодник. – 2004 / Отв. Ред. Л.М.Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – С. 157-170.

³⁸⁹ Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.

³⁹⁰ Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. 39-60.

лодежи в сравнении со старшим поколением родителей отличается большей вовлеченностью в интенсивные информационные процессы и технически опосредованную коммуникацию, деление молодежи на целеориентированную и бесцельную, при которой происходит переоценка работы как любимого дела, средства достижения цели, а не только как необходимости.

Описывая ключевые образы, характерные для современности, информанты отметили практически тотальную вовлеченность молодежи в компьютерные технологии, игры, общение в социальных сетях, практики распития алкогольных напитков, распушенность при одновременном принудительном насаждении идей всеобщей терпимости и религиозности. Такие на первый взгляд плохо сочетаемые образы демонстрируют своеобразный протест молодежи, свидетельствующий о стремлении к свободе самовыражения, выбору своих приоритетов и жизненных ориентиров, активное освоение и конструирование ценностей, соответствующих времени поколений, борьбу за самоопределение. Включение в виртуальное пространство и социальные сети с помощью информационных технологий создает новые формы коммуникации в пространственно-временном континууме и формируя социальные группы и сообщества с качествами анонимности, дискретности, виртуальности. Эти тенденции по большей части включают молодежные группы, старшие поколения не исключены из этого процесса, но представлены слабее. При этом идет тенденция отвержения как религиозной экспансии, так и части светских либерально позиционируемых идей как внешних, принудительных, переосмысление идей терпимости и толерантности.

Молодежь выбирает особо значимые для себя сферы, определяя особое отношение к происходящим в них событиям. Среди таких сфер артикулируется проблема соотношения светского и религиозного, статуса волонтерства в обществе, социальная активность молодежи в деле помощи ближним, реализации общественно значимых проектов. Значимым инструментом для реализации социальной активности молодежи становятся группы волонтерства, нередко координируемые в социальных сетях. Обратим внимание на мотивацию участников фокус групп к занятиям социально активной деятельностью, добровольчеством. Побуждающими факторами к занятиям волонтерством становятся занятие любимым делом, спорт, желание вести здоровый образ жизни, формировать новые знакомства при одновременном оказании помощи обществу по решению социально-экологических проблем. Двигателем к занятию общественно-политической деятельностью становится изначально задача проверить собственные силы, найти единомышленников, продвигать свои идеи. Участие в социальных сетях поддерживается желанием получать полезную или развлекательную информацию, помощь от членов группы, координация работы группы онлайн и оффлайн. Отметим наиболее показательные высказывания:

- *«активный образ жизни, желание проявить себя и принести пользу обществу – 3 рычага моей волонтерской деятельности» (Инф.2);*

- *«окружающая среда для меня близка по духу, вот поэтому я занимаюсь такими общественными движениями» (Инф.11).*

- *«Очень важный вопрос – вопрос позиционирования волонтерства в обществе. Несмотря на мощную гос. под-*

держку и развитие данного направления молодежной политики, многие люди все равно относятся к волонтерам как к бесплатной рабочей силе» (Инф.6).

Таким образом, среди сил, побуждающих к добровольческой активности, наиболее ярко себя проявляют занятие интересной деятельностью, самовыражение, достижение собственных интересов, включение в круг новых полезных знакомств как ресурс продвижения себя и своих идей в будущем, получение новых ярких эмоций, осознание, что собственные действия приносят общественную пользу. Одновременно потребительское отношение к людям, добровольно оказывающим помощь, может стать барьером развития социальной активности.

Путь поколения современной молодежи связан с объективно изменившимися условиями жизни на фоне повышения требований к конкурентоспособности и возможностями реализации потребностей в образовании, профессиональном и личностном становлении, создании и обеспечении семьи. Рассуждая о жизненных приоритетах, молодежь ставит индивидуализированные цели и задачи по материальному становлению и самообеспечению, что в условиях коммерциализации ряда социально значимых услуг становится необходимым. Кроме этого, информанты видят ресурсы молодежи для развития страны в целом.

- *«С поколением своих родителей у нас даже страна разная (СССР и Россия), разное развитие информационных технологий тоже. На мой взгляд, у нас больше возможностей. Мы можем черпать больше информации, главное пользоваться этим. Путь нашего поколения – это развивать нашу страну, постараться реализовывать свои идеи и помогать реализовывать политику государства. Высказывать свою точку зрения конечно)», (Инф.1)*

Различия между поколениями современной молодежи и поколением ее родителей, по мнению информантов, касаются того, что они жили в разных по смысловой и идейной нагруженности странах, утраты идеологии равенства, появления разных технических возможностей коммуникации и получения информации и знаний. Это в настоящее время дает больше возможностей для развития как личности, так и государства и общества в целом. По мнению части информантов, у современной молодежи более слабая патриотическая установка, по сравнению с поколением их родителей, хотя отслеживается тенденция формирования патриотизма по новому типу. Есть предположение, что изменилось отношение к ценностям семьи и дружбы, произошла смена приоритетов на карьерный рост, материальные блага и потребительство.

- *«Проблем нет, есть ситуации, которые необходимо объяснять. <...>. В советское то время как, люди вместе жили, работали, учились и узнавали через активные действия. Сейчас есть социальные сети, интернет, которые создают негативные образы и тому подобное» (Инф.10).*

- *«большинство молодёжи ставит перед собой цель устроиться на хорошую работу, красиво одеваться, хорошо зарабатывать и тд. Но патриотическая составляющая, как правило, отсутствует. Поколение наших родителей успело застать совсем другую идеологию, когда на первом месте все-таки ставилось равенство всех и во всем <...> Отношение к институту семьи, дружбы совсем иное» (Инф.2).*

Позитивная оценка возможностей современной молодежи по своему социальному и профессиональному становлению связывается с развитием доступности новых информационных технологий, которые были недоступны предыдущему поколению во времена их молодости, но при этом становятся доступными сейчас всем поколениям одновременно.

- «У нашего поколения есть один большой плюс, которого не было у поколения прошлого. Мы более свободны, у нас больше возможностей. <...> в то время было тяжело куда либо пробиться, вне зависимости от того, есть у тебя талант или нет. Сейчас ситуация совершенно иная. Я могу записать песню, не выходя из дома, при достаточном уровне знаний и опыта это можно сделать на профессиональном уровне. В то время таких возможностей не было, их в принципе особо не было» (Инф.4).

- «Современная молодежь постоянно сидит в Инстаграмме и других сетях, чатится. Раньше не было таких технических возможностей, даже фотографию не всегда можно было сделать. Это дает – популярность, информированность» (Инф.17).

Обратная сторона медали, связанная с доступностью информации и созданием определенной виртуальной зоны для работы, общения и отдыха, в ряде случаев имеет негативное влияние на состояние здоровья, вносит новые критерии деления молодежи на ориентированную на социальную и физическую активность, соблюдение здорового образа жизни и исключенную из этих практик. Можно предположить, что здоровый образ жизни становится одной из современных форм поп-культуры или даже в отдельных вариантах формами молодежных субкультур:

- «Общество деградирует в легкодоступности какой-то информации, можно кликнуть по кнопке и получить какие-то банальные ответы. Даже двигаться перестали, то есть заказал себе еду, пиццу тебе привезли, ты поел не вставая с дивана», «... есть другие молодые люди, которые радуют. Это те же фитоняши, люди которые делают себя и мотивируют других, то есть сейчас активно здоровый образ жизни пропагандируется, это здорово, это не как в 90-х

все курили, пили, кололись, сейчас все таки идет пропаганда уйти от этого» (Инф.21).

• *«Наше поколение, на самом деле, катится вниз по наклонной. Мы тупеем от интернета, от телевидения, общественность диктует свои ценности и стандарты и все мы стараемся им соответствовать. При этом забываем о том, что есть индивидуальность. У нас как-то поколение 21 делится на две части и это видно невооруженным взглядом: одна половина проживает жизнь различными способами, другая же до потери пульса занимается спортом и правильным питанием» (Инф.5).*

Представленные точки зрения современной молодежи о своем поколении представляют критический взгляд на себя, дают оценку своим возможностям. Противоречия в ценностных и поведенческих установках молодежи демонстрируют ее неоднородность, многообразие жизненных стилей, наличие тенденций к развитию, поиску информации и популяризации здорового образа жизни, формированию активной социальной позиции, а также одновременных тенденций к деградации и проявлению девиантного поведения.

В оценках качеств современного поколения молодежи в сравнении с поколением родителей встречаются и противоположные тенденции: с одной стороны, свобода мысли и действия, вариации выбора жизненных ценностей, действий и пути, а с другой – зависимость, навязывание ценностей и стандартов поведения, причем это разным информантами относилось, как к современной ситуации, так и к ситуации поколения родителей современной молодежи. Поэтому сосуществуют точки зрения об идеализации советского прошлого и его критика.

• *«Я, конечно, в то время не жила, но считаю, что в то время было лучше, при коммунизме. И образование там бесплатное было, и медицина. А сейчас на деньгах помешанные. Мне кажется, раньше люди друг другу помогали всем. Если в семье что-нибудь произошло, другие помогут» (Инф.15).*

• *«У молодежи того времени уже с детства складывались определенные жизненные цели. Они с детства четко понимали – кем они хотят быть. Допустим, мой отец с детства хотел быть летчиком и служить. ... А я нет. Но с детства хотел быть художником» (Инф.7).*

Помимо несколько идеализированного и утопичного образа советского прошлого, встречаются и контраргументы, подчеркивающие недостатки и пережитки советского периода. В качестве иллюстрации рефлексии о достоинствах и недостатках времени молодости родителей приведем следующий пример:

• *«Сейчас другое время и не уверена, что в современном мире то, что было хорошо тогда, будет хорошо сейчас. Идеи "комсомола" уже, на мой взгляд, реализуются в современной молодежной политике. Я сейчас сталкиваясь с окончанием вуза, наверное, была бы не против распределения, но большое НО! Я не уверена что к этому даже готова. По рассказам, например, тети, которую распределили очень далеко от родного дома и она не могла существовать в тех климатических условиях и ей там было очень тяжело и она практически сбежала....я бы такого точно не хотела...» (Инф.1)*

Одну из представленных молодежью позиций относительно сравнения поколений, можно представить следующим образом: достоинства современного времени с более развитыми технологическими, возможностями самоопределения и реализации используются не в полную меру, тогда как более

скромные возможности родителей использовались более интенсивно. Кроме этого отслеживается идея преемственности поколений не только от родителей, но и когда современная молодежь задумывается в том, какое будет следующее поколение, в частности по вопросам обращения с информацией.

- *«отличает нас от прошлого поколения, в этом различие – у нас больше возможностей, но мы реализуем их не в полную силу, далеко не в полную, в этом разница между нами. Насчет общего говорить трудно, ну, у нас общая история, общее прошлое» (Инф.17).*

- *«Раньше информация была трудно доступна, сейчас можно найти что-угодно в интернете, там же можно научиться чему угодно, но мало кто этим пользуются. Думаю, просто прошлое поколение не было готово к этому, нас немного не так воспитывали. Думаю, следующее поколение это наверстает в полной мере» (Инф.23).*

Другая позиция отдает должное вкладу предыдущего поколения в благополучие современной молодежи, ценности семейного капитала и поддержки.

- *«мне как-то сложно представить все поколение и в целом. Да, у нас больше информации и возможностей что-то сделать. Но в моем случае – это как раз благодаря поколению тому, которое родилось до меня, а конкретно – родителей. Ибо они живут в деревне и благодаря тому, что работают там и обеспечивают, я имею возможность обучаться тут и думать о "высоких" ценностях, а не о том, где найти денег на еду, например» (Инф.3).*

Основываясь на советском прошлом опыте создания и поддержания молодежных объединений, идеологической основе социальной сплоченности молодежи, современная моло-

дежь частично перенимает из опыта времени молодости родителей ряд знаковых моментов. Зная о советской молодости родителей, современная молодежь может перенять— *«опыт (например, комсомол), идеи, стиль жизни. Отношение к семейным ценностям, родителям, старшему поколению»*. (Инф.3).

- *«В первую очередь заложить основополагающие ценности о традициях, истории, морали, любви к Родине и окружающим. Я считаю – это главное и от этого все исходит. Перенять можно много чего на воспитательном уровне, но применять ту же систему, что была и в советском союзе – нет необходимости, она изжила себя»* (Инф.2).

Традиционное представление о меняющихся ценностях молодежи при сравнении поколений показывает извечную проблему отцов и детей, когда старшее поколение часто менее критично относится к временам своей молодости, что нередко является мифом. Однако то, что касается представлений о приличиях, нормах внешнего вида, взаимодействия между младшим и старшим поколениями, самой молодежью транслируется как тенденция к ухудшению.

- *«Судя по рассказам наших родителей, раньше было совсем другое время, все по-другому. Хотя недавно мне мама призналась, что все было так же»* (Инф.16)

- *«Ценности я думаю, были другие. Самое главное – это уважение к старшим. Например, у меня мама в семье росла, там было 7 детей. И самый старший – это самое последнее слово – было за ним. Сейчас такого – это очень редко встретишь, я считаю»* (Инф.8).

- *«Раньше – девушки одевались совсем иначе. Допустим, на учебу – не одевались так, как я сейчас, например, одеваюсь. И воспитание было другим, и люди были немного другими, потому что раньше маленьким детям можно было идти гулять*

рядом с домом хотя бы. А сейчас страшно. Люди стали жестче, жестокими. И насилуют, и убивают, и забирают детей. А раньше – может, и было, но не так открыто, как сейчас» (Инф.9).

- *«Раньше это <насилие> не афишировалось, по телевизору или другие передачи. А детей сейчас просто не выгонишь гулять. Иди – пожалуйста, а они не идут» (Инф.16).*

При этом, есть мнение, что современность, понимаемая как комплекс социальных проблем, может рассматриваться как чуждая, она близка не всем представителям молодежи:

- *«Я могу сказать, что мне современность как-то не близка, я чувствую, что века из 19-го. ... Нравы другие, много распущенности какой-то» (ФГ2, Инф.15)*

Таким образом, каждое поколение живет и действует в разных социально-политических, экономических и правовых условиях, но базируется на наработках предыдущих поколений в виде норм, ценностей, технологий и иных форм материальной и нематериальной культуры. Чтобы общество было сплоченным и устойчиво развивалось, должна быть преемственность поколений в воспроизводстве базовых ценностей, этических норм, наличие механизмов защиты от деструктивных влияний на личность и психику молодого поколения. Поэтому многие негативные образы современности приходят в столкновение с параллельно транслируемыми нормами социально одобряемого и традиционного поведения, порождая ситуацию выбора, поиска идентичности и сплочённости.

Сплочённость в культурно-исторической реконструкции

Оценивая современное состояние российского общества, эксперты диагностируют такие его параметры как дефицит межличностного и институционального доверия, низкий уровень солидарности и сплоченности, проявляющиеся на фоне высокого уровня социального расслоения, имущественной дифференциации, аномии, потери ценностных ориентиров³⁹¹. Прозвучавшее в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию РФ (2016 г.) заявление о том, что в условиях глобальных вызовов и внутристрановых проблем граждане объединились «вокруг патриотических ценностей», ими «высоко ценятся значимость взаимоподдержки, сплочённости, единства»³⁹², отражает скорее видение желаемого, чем текущего состояния российского социума. Как показывают результаты исследований последних лет, несмотря на многообразие социокультурных практик сплоченности, большинство из них имеет групповой характер и локализуется преимущественно на микроуровне. Вместе с тем, наличие локальных форм самоорганизации, даже при их количественном приращении, не может автоматически привести к солидарности на мезо- и макро-социальном уровнях³⁹³.

Выявляя особенности формирования и поддержания социальной солидарности в современном обществе, А.Б. Гофман отмечает: «Все партикулярные групповые солидарности:

³⁹¹ См.: Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Полития. 2016. № 2(81). С. 126; Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах / Под общей редакцией: Н.Е. Покровский, М.А. Козлова. – М.: Университетская книга, 2015. С. 7.

³⁹² Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 28.03.2017).

³⁹³ Реутов Е.В. Потенциал гражданского участия в формировании регионального солидарного общества: монография / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина. – Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2015. С. 13.

политические (включая государственно-бюрократическую), семейно-родственные, национально-этнические, религиозные, классовые, корпоративные, профессиональные и т.п., — имеют и могут иметь позитивное значение только при их включенности в солидарность гражданскую». В противном случае «они несут с собой огромный потенциал дезинтеграции и разрушения», который может привести страну к распаду³⁹⁴. В этой связи актуальным представляется анализ конструктивных форм солидарности и сплоченности, выходящих за рамки локальных сообществ и приобретающих национальный масштаб.

В предыдущих исследованиях нами отмечалась подобная интенция, присущая движению исторической реконструкции³⁹⁵. Анализ его потенциала как инструмента политики сплоченности тесно связан с научной рефлексией сущности и роли данного феномена в российском обществе, основных тенденций его эволюции. Историографическая ситуация в области изучения исторической реконструкции в России и зару-

³⁹⁴ Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах / Под общей редакцией: Н.Е. Покровский, М.А. Козлова. — М.: Университетская книга, 2015. С. 22.

³⁹⁵ Божок Н.С., Ярская В.Н. Путь к сплоченности как ресурсу взаимопонимания участников фестивалей исторической реконструкции // // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие (Саратов, 25-26 сентября 2015 года) [Электронное издание комбинированного распространения] Сборник статей по материалам Международной междисциплинарной конференции / науч. ред. В.Н. Ярская. — Саратов: СГТУ, 2016. С. 104; Божок Н.С. Культура сплоченности: дискурс исторической реконструкции // Инновационная деятельность. 2016. № 4(39). С. 92-104.

бежных странах уже нашла освещение в научной литературе³⁹⁶. Характеризуя ее актуальное состояние, целесообразно отметить два аспекта: с одной стороны, появление диссертационных исследований, анализирующих данный феномен на основе солидной теоретико-методологической и эмпирической базы, с другой, значительного массива публикаций, в которых фрагментарно рассматриваются различные ракурсы поставленной научной проблемы.

В культурологическом дискурсе историческая реконструкция проблематизируется как форма игры, один из значимых и актуальных способов самовыражения личности в современной культуре (А.М. Кадер)³⁹⁷; многоаспектное явление современной культуры, часть конструктивного досуга молодежи, инициируемого «снизу» (И.В. Глухарев); движение военно-исторической реконструкции, играющее значительную роль в трансляции исторических образов и культурных ценностей (С.В. Богданов); молодежная субкультура, обладающая потенциалом конституирования сакральных ценностей культуры в

³⁹⁶ Донская В.К., Широков О.Н. Зарубежная историография движения исторической реконструкции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. [Электронный ресурс] URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11449> (дата обращения: 21.04.2017); Донская В.К., Широков О.Н. Историография движения исторической реконструкции на примере Волго-Вятского региона // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. [Электронный ресурс] URL: http://www.chuvsu.ru/images/stories/nauka/vestnik/vypusk/2012_4.pdf (дата обращения: 25.04.2016); Кадер А.М. Развитие движения исторической реконструкции на постсоветском пространстве: аналитический обзор литературы // Европейский журнал социальных наук. 2015. № 6. С. 237-242.

³⁹⁷ Кадер А.М. Историческая реконструкция как способ самовыражения личности // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т. 200. С. 95-97.

формах игрового поведения (М.А. Тяглова); одна из форм репрезентации материальных и духовных ценностей культуры, мемориализации коллективного исторического опыта (Н.А. Лысова); комплексный вид социально-культурной деятельности интегративного характера, форма актуализации культурного наследия (Е.В. Комиссарова).

Культурологический подход позволил выявить некоторые особенности исторической реконструкции как феномена культуры, ее культуротворческий и воспитательный потенциал. Вместе с тем, проведенный анализ показал, что многие исследователи, придерживающиеся данного подхода, не учитывают смены ценностно-смысловой доминанты исторической реконструкции и ее репрезентативных стратегий: от репрезентации военно-исторической реконструкции – воссоздания воинских культур прошлого, отдельных значимых событий военной истории – к масштабным реконструкциям, воспроизводящим целостные образы материальной и духовной культуры определенной исторической эпохи в контексте мирового и российского культурно-исторического процесса. В дальнейшем изучении нуждается ресурсный потенциал и позитивный опыт социокультурной деятельности объединений реконструкторов, направленной на решение общественно значимых проблем.

В рамках культурологического осмысления проблемы принципиально важное значение для понимания сущности исторической реконструкции и современных тенденций трансформации данного феномена, на наш взгляд, имеет артикуляция концептуальной связи истории и культуры. С учетом этой взаимосвязи в концептуальных рамках культурологического дискурса более логичным представляется введение в научный оборот дефиниции «культурно-историческая реконструкция»,

поскольку задачей культурологии как науки является «реконструкция исторических реалий или скрытых социальных смыслов на основе их манифестаций в культуре (в художественных образах, в этнических и социальных обычаях, в религиозных обрядах)»³⁹⁸.

Исследование истории в категориях культуры и, прежде всего, в такой категории как память способствует, с одной стороны, более глубокой рефлексии исторической динамики культуры, а с другой стороны, дает возможность выявить и понять многослойность, вариативность, амбивалентность истории и культуры³⁹⁹. При этом из трёх модусов времени преимущество прошлого модуса – в социальной памяти, мы можем строить будущее лишь на материале прошлого. Человек совершает инверсию к памяти, в прошлое время, которое может быть осмыслено по-разному, то, как мы интерпретируем ушедшее событие, зависит от культуры. Будущее не может возникнуть из небытия: мы можем его построить лишь на материале, завещанном нам прошлым⁴⁰⁰.

Такой исследовательский ракурс позволяет осмыслить специфику культурно-исторической реконструкции как сложного и многоаспектного феномена, отражающего доминирующие тренды постмодернистской культурной реальности, для которой характерны культурное типологическое

³⁹⁸ Флиер А.Я. Ограничение безграничного (введение в дискуссию) // Культура культуры. 2015. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://cult-cult.ru/limiting-the-unlimited/> (дата обращения: 24.04.2017).

³⁹⁹ Пархоменко Т.А. История, культура, память в отражении портретной галереи русских писателей Государственного литературного музея // Культурологический журнал. 2015. № 3. [Электронный ресурс] URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/340.html&j_id=24 (дата обращения: 19.08.2017).

⁴⁰⁰ Ярская В.Н. Калейдоскоп времени. Следы биографии. – М. ООО «Вариант», 2015. С. 49.

многообразие, трансгрессия границ между традиционной и инновационной, элитарной (высокой специализированной) и массовой (популярной) культурой⁴⁰¹ и определить ее существенные характеристики. Культурно-историческая реконструкция интерпретируется нами как социокультурная деятельность, направленная на максимально достоверное воссоздание материальной и духовной культуры прошлого, сохранение, актуализацию, репрезентацию и трансляцию культурно-исторических ценностей. Данная дефиниция отражает двойственность феномена культурно-исторической реконструкции, что во многом сближает ее с таким направлением гуманитарной науки как публичная история⁴⁰². Культурно-историческая реконструкция, как и публичная история, представляет собой одновременно и область научно-исследовательской работы, предполагающей изучение значительного корпуса источников (письменных, археологических, изобра-

⁴⁰¹ Костина А.В., Кожаринова А.Р. Актуальные проблемы современной культуры // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2; Флиер А.Я. Еще одна модель типологизации культуры // Вестник культуры и искусств. 2017. № 1(49); Шапинская Е.Н. Культурное наследие в (пост)современном ситискейпе : трансформация или деструкция? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 423-430.

⁴⁰² Лысова Н.А. PR-деятельность в сфере реализации государственной культурной политики (на примере продвижения исторической реконструкции как направления коммеморативной репрезентации) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 7. Филологические науки. Вып. 101. С. 97-103. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/389/014.pdf> (дата обращения: 28.08.2017).

зительных и т.д.), и сферу прикладной деятельности по репрезентации ее результатов в популярной культуре⁴⁰³. Общей чертой культурно-исторической реконструкции и публичной истории является также реализация коммуникативных стратегий, ориентированных на развитие конструктивного диалога с заинтересованной частью общества.

Подобная специфика культурно-исторической реконструкции формирует особую нормативно-ценностную систему реконструкторского сообщества, анализ которой в определенной степени позволяет ответить на вопрос, артикулируемый исследователями социально-культурных практик сплоченности: «благодаря чему индивиды могут объединяться в группу, на каких разделяемых ценностях базируется их доверие друг другу, как формируется социальный капитал их группы?»⁴⁰⁴

Систематизация результатов проведенных исследований позволяет сделать вывод, что основу ценностно-нормативной системы сообщества реконструкторов составляют общечеловеческие ценности, сакральные ценности культуры (сакральность долга, чести, патриотического подвига, понятия Родины)⁴⁰⁵ и специфические ценности реконструкторов. Важной

⁴⁰³ Завадский А.И., Исаев Е.М., Кравченко А.В., Склез В.М., Суверина Е.В. Публичная история: между академическим исследованием и практикой // Неприкосновенный запас 2017. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/2/publicnaya-istoriya-mezhdu-akademi-cheskim-issledovaniem-i-prak.html> (дата обращения: 15.07.2017).

⁴⁰⁴ Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах / Под общей редакцией: Н.Е. Покровский, М.А. Козлова. – М.: Университетская книга, 2015. С. 199.

⁴⁰⁵ Тяглова М.А. Игра как способ конституирования сакрального начала в современных молодежных субкультурах (на примерах ролевого и реконструкторского движения): дис. ... канд. культурологии:

составляющей данной системы выступают познавательные ценности⁴⁰⁶, формирующие позитивное отношение к историческому прошлому и национальной культуре. Приоритетной задачей исторической реконструкции эксперты считают групповое достижение определенного опыта взаимодействия с вещами и практиками, в той или иной степени соответствующими историческим аналогам, т.е. «аутентичными». «Соответственно, нормой является мотивированность и умение (1) создавать и поддерживать «аутентичность» в том виде, в каком ее понимает данная группа и (2) поддерживать коллективное взаимодействие». Другая группа норм связана с коммуникативными навыками, реализуемыми вне сообщества, включая умение взаимодействовать с населением, в первую очередь, с публикой, посещающей мероприятия реконструкторов, и с официальными структурами различных уровней власти⁴⁰⁷.

Ценности и нормы, разделяемые сообществом реконструкторов, способствуют формированию групповой сплоченности и определяют характер его взаимодействия с социальными институтами и населением. Перспективным методом исследования данной проблематики представляется сетевой анализ характеристик социальной сплочённости. Адекватность данного метода новому формату взаимоотношений

24.00.01 / Тяглова Мария Александровна. – Симферополь 2017. [Электронный ресурс] URL: <http://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/04/diser-tyaglova2.pdf> (дата обращения: 30.06.2017).

⁴⁰⁶ Кадер А.М. Аксиологический аспект исторической реконструкции // Вестник МГУКИ. 2015. № 1 (63). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiy-aspekt-istoricheskoy-rekonstruktsii> (дата обращения: 21.05.2017).

⁴⁰⁷ Радченко Д.А., Писарев А.Е. Историческая реконструкция: нормативное пространство и фольклор субкультуры // Традиционная культура. 2012. № 1.

между институционально независимыми акторами подтверждается авторитетными экспертами⁴⁰⁸.

Рассматривая характер этого взаимодействия сквозь призму сетевого подхода, вслед за О.Н. Яницким целесообразно отметить значимость сетей в качестве мощного мультипликатора социального и культурного капитала общественных движений⁴⁰⁹. Значительная часть объединений реконструкторов, имеющих статус общественных организаций, наращивая свой социальный и культурный капитал, посредством многообразных коммуникативных практик выстраивают конструктивное взаимодействие с различными социальными институтами, включая государственные властные структуры федерального и регионального уровней, муниципальные органы управления, учреждения культуры и образования, представителями бизнеса. Анализ нового эмпирического материала позволяет утверждать, что артикулиро-

⁴⁰⁸ Ярская В.Н. Теория темпоральности в исследовательской оптике виртуальных сетей: анализ сплочённости // Вестник СГТУ. 2015. Вып. 81. № 4. С. 120-128; Ярская В.Н., Смирнова-Ярская Е.Р. 2016. Темпоральное неравенство социальной сплочённости: сетевой подход // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. С. 9136-9145 – (DVD ROM); Ярская-Смирнова Е.Р., Печёнкин В.В. Сетевые подходы в анализе социальной сплочённости // Вестник СГТУ. 2014. № 4 (77). С. 249-254.

⁴⁰⁹ Яницкий О.Н. Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы) / Институт социологии РАН, Яницкий О.Н. // Официальный сайт ИС РАН – 2012. С. 33. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446> (дата обращения: 14.02.2017).

ванная нами ранее тенденция сближения объединений реконструкторов с обществом⁴¹⁰, приобрела устойчивый характер. Приоритетными формами коммуникации сообщества реконструкторов, социальных институтов являются специальные мероприятия, посвященные празднованию знаменательных исторических событий, фестивали, конференции, научные семинары, круглые столы, выставки, презентации проектов, публикации в СМИ, интернет ресурсы.

Для формирования социального капитала объединений реконструкторов, укрепления сплоченности важны как горизонтальные коммуникации, так и вертикальные сети, соответствующие иерархической структуре российского общества. В качестве позитивного тренда целесообразно отметить активизацию процесса институционализации взаимодействия объединений реконструкторов и некоторых государственных ведомств федерального уровня. Указанная тенденция наиболее отчетливо проявилась в 2016 г. в деятельности федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), включившего проведение фестивалей исторической реконструкции в план мероприятий, направленных на решение приоритетных задач в области патриотического воспитания молодежи, и определившего меры государственной поддержки объединений реконструкторов, имеющих статус общественных организаций. С целью формирования диалоговых площадок для обсуждения проблем активизации деятельности объединений реконструкторов и укрепление каналов их связи с органами государственной власти ведомство впервые провело два меропри-

⁴¹⁰ Ярская В.Н., Божок Н.С. Перспектива поколения: движение исторической реконструкции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 24.

ятия общероссийского значения – Всероссийский сбор руководителей клубов исторической реконструкции и Патриотический форум⁴¹¹.

В современном обществе все большее распространение приобретает проектно-сетевая форма организации социокультурной деятельности, возрастает роль проектов, активизирующих определенные участки социальной сети⁴¹². Ресурсный потенциал объединений реконструкторов, многие участники которых имеют навыки и опыт солидарных действий, оказывается наиболее востребованным в сфере реализации проектов, направленных на сохранение и актуализацию культурно-исторического наследия, мобилизацию ресурсов культуры с целью конструирования туристических достопримечательностей.

Одним из наиболее значимых общероссийских проектов, реализуемых федеральными органами исполнительной власти и объединениями реконструкторов, стал проект «Национальный календарь событий: eventsinrussia.com.», инициированный в 2012 году министерством культуры Российской Федерации. Он осуществляется в рамках комплексной стратегии продвижения российского туристского продукта «Visit Russia/Время отдыхать в России». Ежегодно для включения информации в Национальный календарь событий отбирается 200 лучших событийных мероприятий межрегионального и международного уровня, организуемых на территории России. В число проектов-победителей

⁴¹¹ В столице собрались реконструкторы со всей России. [Электронный ресурс] URL: http://роспатриотцентр.рф/region_news/886 (дата обращения: 23.09.2017).

⁴¹² Тульчинский Г.Л., Лисенкова А.А. Проблема доверия и современные информационно-коммуникативные технологии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Том 5. № 2. [Электронный ресурс] URL: http://libartrus.com/arch/files/2016/2/12_160227_Lisenkova_pdf (дата обращения: 23.09.2017).

2016 года, удовлетворяющих критериям конкурса (масштабность, массовость, охват аудитории, развитость инфраструктуры, медиаактивность и т.д.), вошли 56 программ культурно-познавательного и событийного туризма, в которых культурно-историческая реконструкция является значимой частью имиджевой стратегии провинциальных российских городов⁴¹³.

Получение столь значимой поддержки на общенациональном уровне, казалось бы, свидетельствует об эффективности проектно-сетевого подхода, повышении доверия государственных структур к объединениям реконструкторов и расширении его радиуса. Вместе с тем, в процессе исследования данной проблематики возникает вопрос, артикулируемый зарубежными и отечественными исследователями: можно ли с уверенностью говорить о «сплачивающем доверии», носящем согласно Р.Д. Патнэму «вертикальную» направленность,⁴¹⁴ и исключая попытку установления социального контроля и манипуляции общественным сознанием в условиях нестабильности?⁴¹⁵ Ответ на него мы попытались получить, анализируя опыт проектной деятельности объединений

⁴¹³ Топ-200 лучших мероприятий России. Пресс-релиз. [Электронный ресурс] URL: http://russiantourism.ru/press-release/press-release_19161.html (дата обращения: 23.01.2017).

⁴¹⁴ Тульчинский Г.Л., Лисенкова А.А. Проблема доверия и современные информационно-коммуникативные технологии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Том 5. № 2. [Электронный ресурс] URL: http://libartus.com/arch/files/2016/2/12_160227_Lisenkova_pdf (дата обращения: 23.09.2017).

⁴¹⁵ Трубина Е.Г. Праздники в Нижнем Новгороде: развлекая людей в распродаваемом городе // Неприкосновенный запас. 2016. № 2(106). [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/prazdniki-v-nizhnem-novgorode-razvlekaya-lyudej-v-rasprodavaemo.html> (дата обращения: 08.04.2017); Уэйтт Г. Городские фестивали. География шумихи, беспомощности и надежды // Неприкосновенный

реконструкторов в двух российских регионах – Липецкой и Московской областях.

Липецкая область репрезентирует достаточно сложную ситуацию, характерную для типичного российского региона с богатым историко-культурным наследием, но ограниченными экономическими ресурсами. Гражданская активность в городах региона, как считают некоторые эксперты, носит эпизодический и несистемный характер, а различные формы ее проявления в сфере культуры находятся под контролем муниципальных властей. Подобный социальный контроль наиболее ощутим в г. Ельце⁴¹⁶.

В этих условиях реконструкторы включились в проектную социокультурную деятельность, аккумулируя апробированные практики сетевого взаимодействия вокруг культурно-исторических ресурсов, с целью повышения туристической привлекательности региона. Не обладая значительными финансовыми и институциональными возможностями, они активно использовали сложившиеся формы совместной деятельности в целях реализации социально значимых культурных проектов. Формирование вокруг таких субъектов сплоченных команд и развитие сетевых структур поддержки «низовых» инициатив эксперты считают ключевой технологией конструирования достопримечательностей в российской провинции⁴¹⁷. В данном случае наиболее активным субъектом со-

запас. 2016. № 2. [Электронный ресурс] URL:<http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/gorodskie-festivali.html> (дата обращения: 08.04.2017).

⁴¹⁶ Скиперских А.В. Культурный контент в политическом тексте современной российской провинции (на примере г. Ельца Липецкой области) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. 2013. Т. 13. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 85-89.

⁴¹⁷ Чернега А. А. Социальное конструирование туристических достопримечательностей как фактор развития малых городов России: дис. ...

циокультурного проектирования выступил клуб исторической реконструкции «Копье», организованный в 1998 году в г. Ельце.

В начале 2000-х годов ВИК «Копье» совместно с аналогичными реконструкторскими объединениями вошел в состав Объединённой дружины «Южная Русь» и явился инициатором ряда фестивалей исторической реконструкции. Наиболее известен «Русборг» – крупнейший ежегодный международный фестиваль военно-исторической реконструкции на постсоветском пространстве, посвященный раннему средневековью (IX–XI вв.), и второй по величине в Европе. Начиная с 2005 года, он проводится в Липецкой области при поддержке региональной администрации и Липецкой городской научно-общественной организации «Археолог». Проект международного фестиваля «Русборг» и проект межрегионального фестиваля «Стрелец», посвященного российскому государственному празднику – Дню народного единства, стали лауреатами всероссийского фестиваля социальных программ «Содействие», проведенного Федеральным агентством по делам молодежи. Наряду с иницированными ЛОМОО ВИК «Копье» локальными фестивалями «Липецкое городище», «Бережец», «Ладейное поле» они являются наиболее узнаваемыми культурными брендами региона.

Приобретенный в процессе их подготовки и проведения положительный опыт сетевого взаимодействия в сфере разработки культурных проектов послужил важным стимулом развития практик культурно-исторической реконструкции в регионе. В настоящее время по инициативе клуба «Копье» реа-

лизуется целый ряд значимых культурно-исторических проектов, осуществляемых совместно с представителями регионального научного сообщества (археологами, этнографами, историками). Среди этих проектов – создание историко-культурного центра «Русборг», музея судостроения и ландшафтного музея оборонительного зодчества, в которых планируется круглогодичное проведение тематических выставок, мастер-классов, ярмарок традиционных ремесел и других мероприятий, посвященных различным культурно-историческим периодам. Положительную оценку на Всероссийском собрании руководителей клубов исторической реконструкции получила реализуемая ВИК «Копье» программа патриотической работы с детьми «Русское подворье», разработанная совместно с сотрудниками исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Данный проект осуществляется в течение восьми лет при содействии управления молодежной политики Липецкой области⁴¹⁸.

В целом Липецкий опыт проектно-сетевого взаимодействия объединений реконструкторов, представителей научного сообщества, органов власти регионального и муниципального уровней может рассматриваться с точки зрения его позитивных и негативных последствий. Бесспорным нам представляется его положительное значение в контексте сплочения локального сообщества вокруг решения проблем актуализации культурно-исторического наследия с целью формирования туристических достопримечательностей. Эффектив-

⁴¹⁸ Липецкий опыт отмечен на всероссийском собрании руководителей клубов исторической реконструкции [Электронный ресурс] URL: http://www.admlip.ru/news/lipetskiy_opyt_otmehen_na_forume_rukovoditeley_klubov_istoricheskoy_rekonstruktsii/ (дата обращения: 23.09.2017).

ная проектная деятельность в этой сфере послужила значимым фактором инклюзии региона в ресурсно-распределительные сети и финансовые потоки федерального уровня путем участия в Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». В тоже время получение объединениями реконструкторов финансовой поддержки со стороны государственных и муниципальных структур не исключает и возможности манипулирования общественными инициативами, что позволяет говорить о дискурсивности данной проблемы. Анализируя ситуацию в одном из городов региона – Ельце, исследователи отмечают, что попытки муниципальных властей сплотить в рамках патриотической идеологии горожан, уважающих культурное наследие города, «становятся настолько демонстративными и навязчивыми, что в конечном итоге могут привести к некоему культурному абсентизму...». А эксплуатация культурных смыслов и символов в рамках определенных культурных сюжетов способствует усилению правящей элиты и легитимации ее стремления освоить локальную территорию в корпоративных бизнес-интересах, замаскированных под туристско-рекреационную зону⁴¹⁹.

Рефлексия опыта реализации культурных проектов в Москве также позволяет высказать предположение о возможности использования ресурсов реконструкторского сообщества в целях формирования социокультурной сплоченности «сверху» и поисках культурных каналов легитимации власти. Достаточно показательной в этом отношении является практика организации и проведения международного фестиваля

⁴¹⁹ Скиперских А.В. Культурный контент в политическом тексте современной российской провинции (на примере г. Ельца Липецкой области) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. 2013. Т. 13. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 85-89.

исторической реконструкции «Времена и эпохи», который в течение шести лет проходит при финансовой и институциональной поддержке мэрии Москвы. В 2017 году эта поддержка была наиболее значимой, что позволило обеспечить большую, по сравнению с предыдущим периодом, пространственно-временную протяженность этого мероприятия. Фестиваль длился почти две недели, а презентация исторических и культурных реконструкций проводилась на 30 площадках города, ставшими традиционными для москвичей места памяти – территории музеев, музейных культурно-исторических комплексов, например таких, как музей-заповедник «Коломенское», другие исторические площадки Москвы и примыкающих к ней территорий. Центральное событие фестиваля – презентация лучших проектов клубов исторической реконструкции, состоявшаяся в центре столицы, на улице Тверской, было приурочено к национальному празднику – Дню России. В целом же время проведения фестиваля 2017 года совпало с очередной избирательной кампанией, что во многом объясняет масштабность государственной поддержки и демонстрирует явную заинтересованность властных структур в вовлечении культурно-исторической реконструкции в орбиту символической политики государства.

Данная интенция очевидна для профессионалов. Так, российский военный историк-медиевист, научный секретарь семинара военной археологии при Институте истории материальной культуры РАН К.А. Жуков связывая успех фестиваля с позитивными изменениями в массовом сознании российского общества, смещением интересов россиян в сферу гражданской интерпретации истории, артикулирует тему государственной поддержки подобных общественных инициатив:

«Реконструкторское движение в нашей стране за последние годы существенно расширилось и получило признание

не только в массах, но и на официальном уровне, в чём вы можете прекрасно убедиться сами, оценив масштабность фестиваля «Времена и Эпохи», охватившего сегодня почти весь исторический центр столицы. С чем это связано?

Во-первых, существует гигантский запрос со стороны граждан, со стороны российского народа, который вновь стал проявлять большой интерес к собственной истории. Во-вторых, сами власти стали гораздо ответственней относиться к подобным инициативам, <...> связанным с отечественной историей».

Такой поворот в государственной политики, по мнению К.А. Жукова, в первую очередь, обусловлен «<...> вопросами идеологии, к которым государству вновь приходится возвращаться на фоне обострения международных отношений»⁴²⁰.

В тоже время, аналитика социокультурных практик культурно-исторической реконструкции позволяет сделать и другой важный вывод: используя административные и финансовые ресурсы государственных и муниципальных структур, авторы проекта фестиваля «Времена и эпохи. Собрание» стремились реализовать свой творческий замысел и концепцию данного мероприятия, отражающие ценности и нормы реконструкторского сообщества. Как пишет Г. Уэйтт, «если концептуализировать социальное пространство способами, более динамическими, разнообразными, сложными, интерактивными,

⁴²⁰ Чимбулатов И. Времена и эпохи: Власти Москвы взялись реконструировать историю мира // Колокол России. 2017. 12.06. [Электронный ресурс] URL: <http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/vremena-i-epohi-vlasti-moskv-vzyalis-rekonstruirovat-istoriu> (дата обращения: 28. 08.2017).

отработанными, при этом сочетая их, то всегда найдутся возможности для создания альтернативных реальностей, противостоящих интересам элиты»⁴²¹.

Концепция фестиваля «Времена и эпохи. Собрание», разработанная крупнейшим в России агентством исторических проектов «Ратоборцы», изначально предусматривала проведение масштабной культурно-исторической реконструкции, презентующей лучшие культурные проекты. Ее реализация преследовала две цели: во-первых, укрепление сплоченности самоорганизующегося реконструктоского сообщества, развитие культуротворческой и креативно-созидательной деятельности клубов исторической реконструкции, во-вторых, популяризация исторического знания, достижений отечественной и мировой культуры специфическими формами и методами, доступными для восприятия массовой аудитории.

Мероприятия, предназначенные для участников клубов исторической реконструкции, позволили им расширить свои контактные сети и приобрести актуальный опыт социокультурного проектирования. Важную роль в этом отношении сыграл проведенный в рамках фестиваля конкурс проектов культурно-исторической реконструкции, на которых было представлено 95 заявок. Насыщенность и состязательность конкурсной программы позволила привлечь к участию в фестивале около шести тысяч реконструкторов, принимавших непосредственное участие в мероприятиях, предназначенных для широкой зрительской аудитории.

⁴²¹ Уэйтт Г. Городские фестивали. География шумихи, беспомощности и надежды // Неприкосновенный запас. 2016. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/gorodskie-festivali.html> (дата обращения: 08.04.2017).

Мотивы участия в проектной деятельности и интенции авторов проекта, отражающие ценностно-смысловое содержание культурно-исторической реконструкции, определены в интервью А. Киселюса, одного из непосредственных организаторов фестиваля.

«Зачем всё это нужно? Ну, во-первых, это история – нашей страны, нашей цивилизации, нашего мира. Мы её популяризируем, делаем более доступной и понятной для масс, демонстрируем в самом наглядном, почти первозданном виде. Во-вторых, реконструкторское движение сегодня популярно во многих странах, и нам выпала честь представлять в нём Россию».

Авторами проекта осознаются преимущества проектно-сетевого взаимодействия, позволившего достичь синергетического эффекта, превзошедшего их ожидания:

«<...> организация этого фестиваля всерьёз поразила – я до последнего не верил, что мы сможем выйти на такой масштабный уровень, что власти вдруг проявят подобную лояльность к реконструкторам и обеспечат нам масштабную поддержку» (А. Киселюс)⁴²².

Фестиваль создал возможности для интерактивного участия в событийной коммуникации в формате «живой истории». Эта возможность изначально предусматривалась его организаторами, о чем свидетельствует интервью «Газете.Ру» автора проекта А.А. Овчаренко:

«Одна из основных фишек исторической реконструкции и ее публичного проявления – то, что там практически все

⁴²² Чимбулатов И. Времена и эпохи: Власти Москвы взялись реконструировать историю мира // Колокол России. 2017. 12.06. [Электронный ресурс] URL: <http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/vremena-i-epohi-vlasti-moskv-vzyalis-rekonstruirovat-istoriu> (дата обращения: 28.08.2017).

можно попробовать. Не только посмотреть на какие-то военные реконструкции, куда допускают исключительно тех, кто тренируется, но и попробовать себя в бесконечном количестве мастер-классов, ремесленных экспериментов, надеть на себя одежду какой-то эпохи. Реконструкторы – ребята, которые искренне любят тот или иной исторический период, которым они занимаются. Им можно задать какой-то вопрос, получить лекцию в стиле экскурсовода <...>. Такой формат живого общения, естественно, привлекает людей»⁴²³.

Интерактивный характер культурно-исторической реконструкции артикулирует роль зрительской аудитории в процессе коммуникации, превращая ее участников из объектов культурно-просветительного воздействия в субъектов культурного творчества. Сопряженность интерактивного процесса с дискурсивно-нарративными практиками создают эффект погружения и вступления во взаимодействие с артефактами и людьми, которые являются носителями духа прошлого⁴²⁴, оказывая сильное эмоциональное воздействие и активизируя интеллектуальные способности субъектов коммуникации.

Когнитивная ориентация культурных мероприятий, согласно замыслу организаторов фестиваля обеспечивалась значительным тематическим разнообразием и формами репре-

⁴²³ Цит. по: Салькова А. Российская реконструкция считается одной из лучших в мире. Интервью с автором проекта исторического фестиваля «Времена и эпохи» Алексеем Овчаренко. [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/05/31_a_10701143.shtml. 31.05.2017 (дата обращения: 11.07.2017).

⁴²⁴ Там же.

зентации: мастер-классы, публичные лекции, экскурсии, квесты и просто личное общение с учеными, представившими результаты своих исследований.

«У нас есть очень интересные проекты <...>. То есть речь идет не только о реконструкции, но и о музейном деле, эти области тесно переплетаются, есть даже такое направление, как экспериментальная археология. Это уже околонаучная деятельность, у нас на фестивале она тоже будет хорошо представлена, в частности отдельная площадка будет посвящена дьяковцам. Дьяковцы – это так называемые первые москвичи, таинственная культура, до этого времени ими мало кто занимался, а мы решили что-нибудь показать прямо на фестивале. Ученые были в восторге, мы с ними очень плотно работали. Мы прямо на фестивале поставим несколько экспериментов, которые раньше никто не делал, то есть фактически это будет формат научного исследования, проведенного прямо на фестивале. Нам даже пообещали научное открытие» (А.А. Овчаренко)⁴²⁵.

Такие качественные изменения в формате фестиваля позволили авторам проекта в значительной мере преодолеть непонимание того, *«насколько историческая реконструкция сложное, многоплановое и глубокое явление»*, – отметила участница фестиваля и организатор одной из площадок М. Давыдова.

«Изменилось, в первую очередь, отношение к нам простого зрителя. Организаторам фестиваля за прошедшие годы удалось сформировать у людей уважение к исторической реконструкции, к истории в целом.

Они сумели показать её с самых лучших, социально значимых и позитивных сторон. Я думаю, это огромный шаг, как

⁴²⁵ Там же.

в развитии реконструкции, так и в деле патриотического воспитания молодёжи, в восстановлении преемственности поколений – столь важных явлений для нашей большой и многонациональной страны»⁴²⁶.

Позитивное восприятие мероприятий фестиваля много-миллионной зрительской аудиторией⁴²⁷ нашло отражение в отзыве одного из его постоянных посетителей:

«Когда любишь – слова не нужны. И все же о «Временах и Эпохах» хочется говорить бесконечно. Уже пять лет этот фестиваль делает мое лето насыщеннее, кругозор шире, а желание остаться в мире реконструкции бесконечным» (А. Науменко)⁴²⁸.

В целом анализ практик культурно-исторической реконструкции позволил выявить ресурсный потенциал и факторы позитивной динамики реконструкторского движения, повышение качественного уровня организации событийных коммуникаций, их влияние на формирование общественного сознания. Наибольшим потенциалом для формирования отношений сплоченности в российском обществе, на наш взгляд, обладают социокультурные практики реконструкторского общества, реализуемые в рамках проектно-сетевого подхода.

⁴²⁶ Чимбулатов И. Времена и эпохи: Власти Москвы взялись реконструировать историю мира // Колокол России. 2017.12.06. [Электронный ресурс] URL: <http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/vremena-i-epohi-vlasti-moskv-vzyalis-rekonstruirovat-istoriu> (дата обращения: 28.08.2017).

⁴²⁷ Согласно данным, размещенным на официальном сайте мэра Москвы, зрительская аудитория фестиваля составила около пяти миллионов человек. См.: Фестиваль Времена и эпохи 2017 в Москве // Официальный сайт мэра Москвы <https://www.mos.ru/city/festivals/vremena/> (дата обращения: 30.08.2017).

⁴²⁸ «Времена и Эпохи. Собрание» [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/historyfest> (дата обращения: 03.09.2017).

Являясь примером коллективной сопричастности к локальной истории и культуре, они, с одной стороны, способствуют повышению ответственности за сохранение и актуализацию культурно-исторического наследия, стимулируют развитие культуротворческой и креативно-созидательной деятельности реконструкторов, с другой, формируют столь необходимую современному российскому обществу уникальную модель взаимодействия культурных самоорганизующихся сообществ и социальных институтов.

Эту модель взаимоотношений реконструкторов и общества в наибольшей степени воплощают современные фестивали культурно-исторической реконструкции. В условиях реализации проектно-сетевого подхода фестивали, являясь одной из основных актуальных форм культурных проектов, реализуемых реконструкторами, приобретают целый ряд специфических особенностей, которые позволяют им оказывать значительное влияние на формирование исторического сознания россиян и отношений сплочённости: наличие определенной миссии, предполагающей трансляцию ценностей культурно-исторической реконструкции массовой аудитории, регулярность проведения, использование широкого спектра форм и методов репрезентации общественно значимых событий истории и культурных ценностей.

Патриотизм молодёжной культуры

В рассуждениях об объединяющих и сплачивающих факторах, молодёжь и отечественные ювенологи вышли на тему

патриотизма⁴²⁹. Под патриотизмом понимается комплексное довольно аморфное образование, одновременно имеющее и перспективные, и дискредитированные в недавнем прошлом черты. Расстановка приоритетов, которых придерживается молодежь, относительно работы на личный или общественный результат, раскрыла точку зрения о соотношении эмоционально-сенсорного, атрибутивного, деятельностного и идеологического подходов к феномену патриотизма.

• *«сейчас есть те, кто гордится тем, что они из России, только толку от этого нет никакого. Если, говоря о патриотизме, мы имеем ввиду то, что человек патриот и поэтому делает многое для того, чтобы было еще лучше – тогда смысл есть. Если говорить о патриотизме как о чувстве гордости – то ничего положительного в таком патриотизме нет и не будет»* (ФГ1, Инф.4).

Вопросы воспитания молодежи во все времена занимали особое положение, формируя опору будущего страны, процветания и безопасности, посредством культивирования патриотических чувств и гражданского долга. Данная статья посвящена анализу эффективности методов формирования и популяризации патриотических чувств в молодежной среде.

⁴²⁹<http://dmoshans.ru/shanss-press/sociologicheskiesissledovaniya/sociologicheskoe-issledovanie-patrioticheskie-nastroeniya-molodezhi/>; Суркова И.Ю. Социальная инклюзия и сплоченность как принципы формирования современного российского патриотизма // Вестник ВолГУ серия 7 Философия. Социология и социальные технологии 2012 №3 (18). С. 160-167; Суркова И.Ю. Патриотизм и социальная безопасность: потенциал сплоченности современного российского общества // Человеческое существование в условиях социальной модернизации / под ред. Н.В. Омельченко. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012. 447 с. (26 п.л. / 1,1 п.л.). ISBN 978-5-906081-19-3; Чернышкина Н.Я. Молодёжи об исторических уроках патриотизма и гражданственности. Саратов, Научная книга, 2014. – 416с.

Главным образом, уделяя внимание актуальным направлениям молодежных движений, получающим широкое распространение в настоящий момент.

Весомый вклад в понимании особенности культуры патриотизма, рассмотрен в сборнике под редакцией Е. Омельченко и Х. Пилкинтон «С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма». Данный сборник статей детально описывает формы патриотических практик среди молодежи России, образы восприятия патриотизма и формирование на его основе устойчивых солидарностей среди членов общества, также анализируются перспективы и ограничения существующих концепций патриотического воспитания в России. Представленный материал сборника имеет весомое научное обоснование по итогам проектов «Национальные идентичности в России с 1961г.: традиции и детерриторизация» (2007-2010 гг.) при поддержке Arts and Humanities Research Council. «Молодежные солидарности в локальном и глобальном контексте: экономика, политика, культура» (2011г.), «Инновационный потенциал российской молодежи: солидарности, активизм, гражданская ответственность» (2012 г.).

Результаты исследований легли в основу статей сборника в основном это массовый опрос старшекурсников, глубинное интервью, анализ дискурсивного пространства патриотизма. Главная идея, по словам Елены Омельченко, заключалась в тестирование понятия детерриторизации патриотических чувств. Данная теория в современной ситуации, где мощные геополитические процессы, мощные процессы миграционного потока, распад советского союза, последствия воин превратил представление о патриотизме как исключительном чувстве, ориентированном на привязанность к месту, где человек живет, родился, учился, где живут его предки, к некому

другому измерению патриотизма который в меньшей степени связан с территорией⁴³⁰.

Недопустимо рассматривать патриотическое воспитание, исключая конкретные примеры, позволяющие провести анализ эффективности конкретных методов, раскрывающих отношение молодежи к культурно-историческому наследию нашей страны. Безусловно, в вопросе эффективности требуется отказаться от бюрократизированных формулировок патриотизма, и гражданского долга. Немаловажным аспектом является значение патриотизма для молодежи и особенность его восприятия, как пишут Е. Омельченко и Х. Пилкингтон, где для одних патриотизм на протяжении всей жизни может оставаться глубоко личным, индивидуальным переживанием, а вопросы о любви к родине и отечеству – одними из самых важных в определении собственной судьбы. В дополнение о важности исторических событий необходимо подчеркнуть биполлярную значимость истории на примере всего общества и отдельной семьи, где ценностная составляющая факта остается неизменной. Так, Нуркова В.В. в статье «Социальное прошлое в индивидуальной памяти» пишет: Общезначимые исторические события могут стать, самостоятельным содержанием памяти, приобретая в связи с определенными обстоятельствами личностный смысл «судьбоносных»⁴³¹. Актуальность исторической памяти в судьбе каждой семьи приобретает глобальный масштаб на примере крупнейших патриотических акций ежегодно проходящих в нашей стране.

⁴³⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=bpjYHDV0bDs> дата обращения 19.09.2017

⁴³¹ Нуркова В. В. Социальное прошлое в индивидуальной памяти. История как личный опыт / – С.5

Для других патриотизм – это способ манипуляции и политического насилия⁴³². Действительно затрагивая вопрос усвоения информации, подразумевая процесс характеризующейся неизбежной субъективностью, усложняющий формулировку наших выводов по заданной теме. Указанная особенность постановки вопроса усвоения патриотических чувств дополнительно подчёркивает фокусировку исследовательского внимания на конкретных формах молодёжных патриотических объединениях, доказавших временем и количеством участников свою актуальность. Мотивы воспитания молодежи, реализуемые органами исполнительной власти, не вызывают особых трудностей, имея ввиду широкий круг вопросов, подразумевающих обеспечение безопасности и сохранения стабильности общества.

Более сложную задачу представляет исследование мотивов современной молодежи, зависящие от образовательного и культурного уровня, воспитания, актуального окружения, и политической ситуации в настоящий момент. Являясь неотъемлемым элементом самоопределения, выбор перед вступлением в референтную группу способен предопределить динамику жизненного пути индивида координируемого системой ценностей свойственной данной среде. Воображение будущего образа побуждает молодежь к действию, подкрепленного минимизацией негативного эффекта в вопросе согласования необходимых на данном этапе обязанностей с желаемым стилем жизни.

⁴³²Омельченко Е.Л., Пилкингтон Х. У. Любить, гордиться, уезжать? Российская молодежь в патриотическом лабиринте // Омельченко Е.Л., Пилкингтон Х. У. С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма, под ред.: Ульяновский государственный университет, 2012. – 320с. С. 6.

Социальный аспект патриотизма в вопросе самоопределения молодежи, остается неоднозначным, так как описать чувственное восприятие актуальной действительности всей группой сложнее, самого социального феномена – патриотизм. Исследование указанной темы представляет мощный ресурс к раскрытию социокультурных процессов в молодежной среде, а также затрагивает вопрос эффективности программ патриотического воспитания молодежи. Современная внешняя политическая ситуация со свойственной нестабильностью допускает систематическое посягательство на культурно-историческое наследие нашей страны, искажая факты и насаждая альтернативное мнение развития истории.

Актуальность многочисленных акций подтверждают высокую заинтересованность молодежи в уважении к истории нашей страны, но какова степень патриотизма в этих проявлениях, насколько проявление чувств солидарности и самоопределения коррелируют с этим понятием? Патриотически окрашенные идеи, как политических, так и гражданских активностей – это своего рода примеры сегодняшней России ⁴³³. Благодаря этому происходит достаточно отчетливый отклик молодежи на те условия, в которых формируются инициативы, реализующие имеющий потенциал патриотической активности, не только в формах, вписывающихся в легитимный формат, но также и в нежелательных, и не всегда управляемых его проявлениях. Результаты исследований 2001–2015 гг. показывает, что интерес к истории российского государства и народа

⁴³³ Омельченко Е.Л., Пилкингтон Х. У. С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма, под ред.: Ульяновский государственный университет, 2012. – 320с.// Омельченко Е.Л., Пилкингтон Х. У. Любить, гордиться, уезжать? Российская молодежь в патриотическом лабиринте 2012. Стр. 7.

у граждан нашей страны стабильно сохраняется на уровне 70–80%.

По данным опроса 2015 г., 80,3% россиян интересуются отечественной историей. Интерес населения к истории России во многом обусловлен желанием расширить кругозор (56,5%), потребностью узнать и понять корни своей страны и своего народа (46,9%). Треть респондентов свой интерес объясняет стремлением найти в истории ответы на злободневные вопросы, поскольку часто в средствах массовой информации неоднозначно оценивается то или иное событие⁴³⁴. Бесспорно, назвать данный интерес однородным недопустимо, ввиду разнообразия мотивов респондентов, но высокий процентный показатель свидетельствуют о положительной динамике в интересе к судьбе отечественной истории.

Делинквентные последствия некоторых молодёжных объединений являются комплексной проблемой и представляют для нас дополнительный интерес, в качестве социальной группы требующей особое внимание и подход, включающей кропотливую работу по интеграции ее в общество, с вполне доступным для молодежи информационным сообщением, подразумевающим активную ее включенность в процесс социокультурной динамики. Выявить эффективные методы по работе с группой молодежи находящейся в зоне риска, безусловно, сложная работа, являющаяся центральной проблемой не только для специалистов учебных заведений, социальных педагогов, психологов, но и явления гражданской ответственности в целом. Особую значимость приобретают лица подверженные риску среди молодежи ввиду существующей угрозы

⁴³⁴ Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 99

терроризма, ведущей активную деятельность вербовки в социальных сетях, где ярким примером является дело Варвары Карауловой ставшей жертвой вербовки в РФ запрещённой группировки «Исламское государство»⁴³⁵.

Воспитательная работа, сфокусированная на индивидуальном подходе, и высокой ответственности всех субъектов процесса, информационного пространства культивирующего приоритеты патриотического воспитания молодежи, должна рассматриваться как необходимая мера по предотвращению влияния со стороны деструктивных и экстремистских агентов. Реализация программ формирования патриотических чувств молодежи за счет сохранения исторической памяти, возрождения традиций, популяризацию культурно-исторического наследия является отчасти реакцией общества на поиск пути в становления идентичности.

Популяризация легитимных молодежных активностей сильно перекликается с практиками советского прошлого, где ведущую роль воспитания отводилась всевозможным кружкам, призванным отвлечь молодежь от «пагубного последствия улицы». Популяризация патриотических объединений, является комплексным процессом и формируется благодаря инициативе молодежи, адекватной среде предоставляющей широкие возможности для реализации планов, за счет программ финансирования, и высокого внимания со стороны государства, подтверждаемого «Программой патриотического воспитания граждан РФ 2016-2020»⁴³⁶. Характеризуя инициа-

⁴³⁵ <https://ria.ru/spravka/20161208/1482957150.html> дата обращения 04.12.16

⁴³⁶ Медведев Д. Постановление Правительство Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020

тивы популяризации патриотизма исходящего сверху, исключительно в форме призыва и предложения позволяет рассматривать патриотическое воспитание как коммуникацию, где официальные послания не только «доходят до абонента», в большей или меньшей степени усваиваясь, но также интерпретируются и перерабатываются⁴³⁷.

Опираясь на данное утверждение, патриотические чувства воспроизводятся путем медиа сообщений, демонстрации символики, сохранения высокого интереса к имиджу страны в повседневном пространстве, в том числе процесс усвоения и передачи информации является ответом на предложение о принадлежности Российскому обществу. Значимость медиа продуктов, подтверждается большим количеством фильмов о событиях Великой Отечественной Войны, Истории России, Героических подвигах наших соотечественников, подчеркивающих повышенный интерес к данной теме. Высокий спрос на патриотические медиа продукты оправдан популярностью кино, ставшего одной из популярных форм досуга повседневной жизни, особенно с распространением информационных технологий. Знаменитая цитата «из всех искусств для нас важнейшим является кино» свидетельствует о важности кино как одного из эффективных средств формирования, репрезентации и восприятию принципов и идеалов общества.

годы» [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAEtrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 13.06.16).

⁴³⁷ Омельченко Е.Л., Пилкингтон Х. У. С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма, под ред.: Ульяновский государственный университет, 2012. – 320с.// Болдуин Р. Переосмысляя патриотическое образование: кейс-стади в Санкт-Петербурге, с. 113.

Высокий интерес к тематике патриотизма в среде молодежи обусловлен популяризацией поискового движения, реконструкций, военно-патриотические слеты, что подтверждается ежегодно растущим количеством участников. Подробным примером служит ежегодно проводимый СПбПУ Петра Великого военно-патриотическом слет «Сяндеба 2016» в Республике Карелия. Мероприятие интегрирует различные практики патриотических движений России: историческую реконструкцию, поисковую деятельность, туристическую и спортивную деятельность. Одним из ключевых событий мероприятия являются военно-спортивная игра, выступление реконструкторов, митинг у памятника бойцам 3-й Фрунзенской дивизии. Сяндеба является уникальной площадкой предоставляющая возможность объединиться как начинающим, так и опытным патриотическим сообществам, реализовать молодежный потенциал и студенческие инициативы. Почтить память ополченцев, участвовавших в тех боях, решили студенты петербургских вузов, молодёжь из Петрозаводска, Йошкар-Олы, Саратова и других регионов России⁴³⁸.

Активации патриотических чувств в пределах подобного локального пространства способствует созданию социального единения налаживанию регионального взаимодействия и укреплению сплоченности в молодежной среде. Рост волны патриотических настроений сделали исследование молодежных объединений крайне актуальными, меняющим повестку дня для молодежной политике в целом, включая молодежь равнозначно, как и в политическую повестку дня так и в социокультурной контекст. Пример крупномасштабных меропри-

⁴³⁸<http://stage.edu-ru.prod.informika.ru/news/horoshie-novosti/v-karelii-proshel-voenno-patrioticheskii-slet-syan/> дата обращения 11.09.2017

ятий политического толка регулярно проводимых на территории страны, закрепил устойчивые формы молодежных активностей характеризующей положительной динамикой вовлекающей большое количество участников благодаря, успешному позиционированию объединений, предоставляющих доступные для сознания возможности реализации энергии молодежи. Один за другим разрабатываются молодежные проекты, призванные канализировать просыпающуюся и требующую публичности молодежную энергию⁴³⁹.

Основные патриотические движения, получившие в нашей стране особое распространение, находятся под пристальным вниманием и не обделены протекционизмом со стороны государства. К данной группе допустимо отнести инициативы военно-патриотического толка, такое как ПДР (Поисковое Движение России)⁴⁴⁰, активно продвигающие идеи сохранения исторической памяти, увековечивания без вести пропавших воинов на полях Великой Отечественной войны. Данное движение проводящие ежегодно многочисленные мероприятия под названием Вахта Памяти, интегрирует общей деятельности молодежь со всех регионов страны, предоставляя вполне ясную возможность мобилизовать активность, внося собственный вклад в историю страны. Значимость поисковой деятельности дает возможность самим акторам «прикоснуться к истории» восстановить последовательность исторических событий.

⁴³⁹ Hemment Julie Nashi, youth voluntarism and Potemkin NGOs: Making sense of civil society in post-Soviet Russia, Paper prepared for the Kennan Institute workshop, International Development Assistance in Post-Soviet Space, May/December 2007.

⁴⁴⁰ рф-поиск.рф дата обращения 12.09.2017

Колоссальный эмоциональный ресурс эпохи Великой Отечественной войны нашел свое воплощение в движении реконструкторов, воссоздающих образ и быт солдатской жизни. Среди представителей поисковиков присутствует значительное количество реконструкторов, что вероятно обусловлено глубокой погруженностью в военно-исторический контекст. Для данной среды характерна высокая эстетизация, репрезентативные практики, позволяющие молодежи вписаться в историческое пространство, поддерживаемое единомышленниками всей страны. Безусловно данные движения не лишены влияния политической риторики, демонстрируют умеренно выраженный национализм, культивирование чувств военной традиции и гордости за свою страну⁴⁴¹.

Вопрос рациональности позиционирования перечисленных категорий всецело зависит от субъективных интерпретаций и находит ответ в реализации существующих патриотических альянсах в молодежной среде. Использование ценности исторических событий выступает на данный момент эффективным инструментом для реабилитации чувств гордости за историю нашей страны, данная форма трансляции патриотических идей подвергается критике за явный милитаристический оттенок, воспевающий вместе с положительными аспектами, культ войны. Реализация военно-патриотических инициатив, прежде всего, обязана вписываться исключительно в гуманистическую канву современности, и сосредотачиваться на трансляции уважения к культурно-историческому наследию, трактуя явление войны как страшное испытание XX века. Актуализация исторического контекста выступает

⁴⁴¹ Омельченко Е.Л., Пилкингтон Х. У. Любить, гордиться, уезжать? Российская молодежь в патриотическом лабиринте // С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма, под ред.: Ульяновский государственный университет, 2012. – 320с. С. 13

адекватным ответом на хаотичное семантическое пространство сложившиеся вокруг истории нашей страны, глобальную нервность и нестабильность в мире.

- *«В свете огромного количества событий, приуроченных к празднованию Дня Победы, люди потеряли значение слова "патриотизм". Это слово опошлось. Сейчас, патриотизм – это георгиевская ленточка на сумке, "патриотичные" наклейки на машину и фотографии с ветеранами в Инста, навестить свою бабушку и попить с ней чай в воскресный вечер – тоже патриотизм. Патриотизм – любовь к Родине не 1-2 дня в году, а 365 дней и круглые сутки. Участие в спортивных соревнованиях – тоже патриотизм, подмести улицу около своего подъезда – тоже патриотизм» (ФГ1, Инф.6)*

- *«В рамках общественной сферы задевает всё, что связано, наверное, с общим единством нашей страны, нашего многонационального народа, как это написано в конституции <...>. когда была учреждена премия государственная, в сфере укрепления единства российской нации и предпосылкой ко всему этому было создание министерств по Кавказу, агентств по делам национальности и т.д.» (ФГ2, Инф.10).*

В рассуждениях молодежи присутствует идея наличия общих качеств, установок между поколениями современной молодежи и их родителями на основе исторической памяти, гордости за Великую Победу:

- *«Ооо, наше поколение и поколение моих родителей – это небо и земля. Да, нас воспитывали в традициях прошлого, но, внешний мир изменился и мы с нашим "старым воспита-*

нием" видоизменились. У нас различные взгляды на моду, музыку, отдых. Но неизменным остается гордость за своих предков, за свою историю, семья» (Инф.5).

- «Еще по-другому его называют советское)) быть добрее, не обижать ближнего и т.д. Для меня наибольшая гордость в истории всего мира – это Великая Отечественная, победа СССР над фашизмом меня всегда воодушевляла, поражала, и всегда оставляет тяжелые чувства... Да все верно» (Инф.21).

Таким образом, патриотизм рассматривается в контексте исторической преемственности и связи между поколениями. Обозначение для себя зоны значимости событий в границах своей страны при игнорировании интересов людей других стран, в том числе общемировых, общечеловеческих сужает кругозор, делая акцент на различиях, противопоставлении интересов и ценностей. Это может работать на сохранение внутренней целостности при самоопределении жителей государства, но и влиять на рост социального отчуждения по национальному (государственному) признаку.

Дискуссия о миссии современной молодежи и идеальном обществе связаны с оценкой падения значения социальных норм ценностей, морали у современной молодежи, которая проваливается в кризисное состояние, после которого будет возрождение:

- «я вот не соглашусь, что поколение Y способно на возрождение... возможно раньше такие принципы работали, что после падения вниз идет резкий скачок вверх, сейчас в жизни настолько все изменилось и прошлые правила не ложатся на нашу жизнь, что мы не можем с точностью сказать что вот через сто лет будет так то, потому что все

события идут по спирали... нет, увы не можем... возможно ждет и худший исход, возможно наоборот» (Инф.4).

Таким образом, молодежь, размышляя о своей роли в современном социальном пространстве, во многом мыслит абстрактными категориями, клише, но стремится найти их выражение в реальных примерах, критично оценивает разные точки зрения на свою миссию и прогнозы на будущее. Вопрос об основах взаимодействия между современным поколением молодежи и поколением их родителей, которые рождены и воспитаны в советское время, в виде идей, норм и ценностей показал следующие мнения:

- *«Сейчас у молодых людей очень искажены ценности. Любовь к природе, к ближнему, уважение к старшим, родителям, семье, – все это сейчас переходит в пафос и ничего не стоит. <...> И многое трактуется неверно. Заменяется подлинный смысл тех правил и заповедей, которые родители вкладывали в нас с детства. Например, любовь к природе – мы должны заботиться об окружающей среде, бережно относиться к деревьям, а для этого надо купить сок в особенной экологичной упаковке. <...> Именно из-за таких вот умозаключений мы теряем подлинные ценности, традиции» (Инф.6)*

- *«основным институтом воспитания остается семья. И главное, что бы детям закладывали общечеловеческие нормы морали, прививали любовь к окружающему миру, сострадание и чувство взаимовыручки. <...>. Нынешняя экономическая ситуация, не благоприятствует, хорошему воспитанию – родители заняты работой и раздражительны, а дети предоставлены сами себе. <...> верю что после спада, наступит подъем» (Инф.1).*

Переоценка системы ценностей нового поколения детей и молодежи связана с усвоением идеологии общества потребления, когда материальные ценности доминируют над духовными, забота о ближнем или об окружающей среде подменяется практиками покупки необходимых товаров. Отношение к традиционным семейным ценностям меняется под воздействием современной социально-экономической и политической ситуации, когда ответственность за воспитание ложится на плечи родителей, не способных уделять достаточное время и силы своим детям ввиду необходимости экономического обеспечения семьи. Происходит искажение и подмена смыслов ряда базовых ценностей и традиций, что ведет к нигилизму, частичной потере смысложизненных ориентиров, а как следствие – к росту тревожности, неопределенности оценок происходящих событий, нарушению процесса социализации как передачи социальных норм, правил, традиций.

Восприятие несправедливости предстает отдельной темой для обсуждения в молодежных фокус группах. Отношение информантов к несправедливости в современном обществе, в частности, применительно к их собственному опыту выявляет установки на внешний или внутренний локус контроля, а также способы борьбы с ней. Попытка осознания того, в чем причина несправедливости и «корень зла» в качестве ключевых факторов обозначает деньги, связи, игнорирование успехов и достижений. Среди обозначения молодежью тех, кто сталкивается с несправедливостью в нашем обществе, нами были отмечены три группы ответов: несправедливость по отношению к самим себе, несправедливость по отношению к определенным социальным группам или объектам, несправедливость в обществе в целом. Так, на личном уровне отмечается либо отсутствие, либо непосредственный

опыт прочувствования несправедливости в отношении самих себя.

- *«У меня в школе было по математике 5 и 4. Я плохо себя чувствовала и плохо написала ЕГЭ. И все стали говорить, что я никогда ничего не знала, вызывали маму к директору. Мама сказала – моя дочь знает. Мне было очень обидно. ... Я следующие экзамены писала на 5. Но ведь я тогда написала на «2», и меня внесли в группу риска, которые могут написать на «2» (Инф.16).*

- *«Было неприятно, когда я медкнижку заводила – очередь проходила, а кто-то без очереди по связям проходил. Проходишь неделю там, а кто-то за 1 день» (Инф.18).*

Среди категорий лиц, сталкивающихся с несправедливостью, молодежь отмечает тех, кто испытывает трудности в реализации своих прав, сталкивается с жестокостью и насилием. Это касается как людей, так и животных, а также вектора государственной заботы, направленного на граждан других стран.

- *«Несправедливость бывает в отношении инвалидов. К ним хуже относятся, чем, например, к остальным. ... Может, обижают» (Инф.18)*

- *«К животным бывает, когда в них камнями кидают», чтобы устранить несправедливость «Можно взять собаку к себе домой, ... и наказывать людей за это надо. ... Или в приют» (Инф.15).*

- *«Помощь Сирии, помощь Украине, а помощь своему народу – никак» (Инф.18).*

Несправедливость может быть устранена в отдельных случаях, но по своей сути это явление не может быть полностью искоренимо, поскольку связано с социальным неравенством, у которого множество измерений, а также с представлением об идеальном обществе, что является утопией.

- *«Не припомню таких случаев, чтобы я считала, что что-то было несправедливо по отношению ко мне. Либо я сама заслужила это, либо, в конечном итоге, это приводило к хорошему результату. А вокруг себя – да. Несправедливость на каждом шагу. Несправедливость по отношению к тем, кто не в состоянии себя защитить. К животным, к детям, к старикам, к терпящим мужей-тиранов женищинам. И, к сожалению, зачастую сложно что-то взять и сделать. Да, можно, например, найти кому дом и помочь одинокой старушке с уборкой, но саму суть, что такое повсюду это не решит» (Инф.3).*

Вопросы связанные с борьбой с несправедливостью в нашем обществе неразрывно связаны и с чувством безопасности, которая одним их информантов обозначена на федеральном и локальном уровне:

- *«Безопасность на локальном уровне определено не такая как на федеральном . Опять -таки если брать во внимание безопасность от внешних угроз , то она есть и она на высоком уровне. В области, в городе, конечно, не такая, полностью защищённым и в безопасности я себя не чувствую, так как не раз на глазах происходило нарушение закона, которое впоследствии оставалось безнаказанным» (Инф.2).*

Проблематика поколений актуализируется стремлением к справедливости в распределении ресурсов, глобальными изменениями возрастного состава современных обществ, в том числе с учетом изменений мер и приоритетов социальной политики в отношении пенсионного обеспечения вследствие глобального процессов старения населения ряда стран. Поколения соотносят сверстников с особенностями проживания

ими определенного историко-хронологического периода⁴⁴². Таким образом, проявляется представление о справедливости или несправедливости в реализации прав и свобод молодого поколения в соотношении с поколением их родителей.

Отметим наиболее показательные реакции на несправедливость молодежного поколения. В качестве стратегии борьбы с несправедливостью могут стать показательным высказывания, раскрывающие активные и пассивные стратегии решения проблем. Активная жизненная позиция в отношении преодоления несправедливости опирается на идею развития институтов гражданского общества, а пассивная – на философское восприятие круговой причинности:

- *«Слава Богу, пока не приходилось сталкиваться с несправедливостью, но если же и будет, то мне известно в какой орган и в какой форме нужно обратиться и подать жалобу. Уверен, что активная гражданская позиция граждан в какой-то степени доставляет дискомфорт органам местного самоуправления» (Инф.2).*

- *«С несправедливостью, да) Мне кажется каждый хоть раз сталкивался. Ситуации разные бывают и каждые надо подвергать анализу. В каких-то побороться за справедливость, а в каких-то отпустить(бумерангом все вернется), и то что нами считается несправедливостью потом решается возможно и в нашу сторону» (Инф.1).*

Деятельностная тактика демонстрируется также, когда молодой человек, остро реагируя на несправедливость в отношении близких людей, готов за них вступить, несмотря на

⁴⁴² Семенова В. В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Институт социологии РАН. М., 1996. С. 326-354.

возможные сложности для себя, но в отношении себя или незнакомых людей, возможно, не среагирует:

• *«Смотря куда относится несправедливость. Если ко мне – скорее всего сглотну. Но есть у меня один пункт – если кто-то трогает моих детей... <руководит театральной студией> ... я так уволилась с работы и переругалась с комитетом культуры». «Бывает, там кого-то где-то обижают, наверное, не всегда я буду помогать там, влезть, потому что ты же не знаешь, как там, например, не знаю, мужчина обижает женщину, но с другой стороны – а она эту, ну, как бы ты не знаешь всю эту ситуацию, может это такая ролевая игра, извините за выражение. А вот когда своих, вот тут я всё знаю и тут, простите» (ФГ 2, Инф.13).*

Другая позиция показывает большую сконцентрированность на восприятии справедливости в отношении себя, формировании позитивного пространства в отношениях с окружающими, а несправедливость представляется как некая черствость, а так же незаслуженное внимание, нечестность:

«у меня очень сильно обострено чувство справедливости, вот до предела, наверное. Вот я ненавижу когда хвалят кого-то, ну, не по заслугам ... <...>. У меня получается защитная реакция и я говорю правду в ответ на сплетни. <...> ... Я всегда стараюсь помогать людям, один раз я вытащила бомжа из сточной канавы <...> У меня так настроение потом после этого поднялось. Мне кажется, когда делаешь добро, то настроение поднимается» (Инф.12).

Готовность бороться с несправедливостью в отношении себя не всегда переносится на готовность отстаивать интересы других людей, выражая стратегию соблюдения некоторой дистанции, особенно в условиях неосведомленности об особенностях их жизненной ситуации. При этом, в случае выявления

кризисной ситуации и потребности в оказании срочной помощи по состоянию здоровья или при необходимости разовой материальной поддержки, будь то бездомный или пострадавший от кражи человек такая помощь предоставляется. Получается, что социальная чуткость, внимание к окружающим носит характер оценки ситуации нуждаемости. Тогда в критической ситуации такая поддержка с большой вероятностью будет предоставлена. Если есть подозрения в виновности самого человека в том, что он находится в затруднительном состоянии: например, его алкогольное опьянение, выяснение межличностных отношений, вовлечение в профессиональное нищенство, то скорее всего в помощи будет отказано. Такие рассуждения помогают прояснить специфику отношений с незнакомыми людьми, характерными для социального времени и пространства в настоящем, задавая особые параметры социальной сплоченности:

«Вообще, несправедливости так много и вокруг меня очень много, вокруг других людей. Ну, я очень остро на это реагирую <...>. «Нет, не всегда я вмешиваюсь. Когда касается меня, вот, я, да, вмешаюсь. А когда других людей, там, <...> надо знать ситуацию хорошо, чтобы вмешаться» (Инф.14).

«я считаю, что ты в ответе за тех, кого воспитал. <...> По этому здесь вот справедливость отметил, ответственность за тех, кого воспитал, воспитываешь» (Инф.10).

«по поводу взаимопомощи – ну, я особо не считаю, что есть какая то несправедливость, просто какой-то случай, при котором должен помочь, когда был какой-то человек на улице поздно вечером босиком. <...> за себя, конечно, и за друзей, я всё одинаково – стою горой. Да, помощь, только такая борьба, привлечение внимания, потому что это и пользуется на высоких инстанциях, там, те же проблемы городские,

вот, звонят Путину на прямую линию и привлекают внимание, т.е. это одна из таких систем, которая вроде бы работает» (Инф.11).

Продemonстрированные мнения относительно восприятия ситуаций как несправедливых в современном мире и их решения, молодежь делает акцент на ситуациях спорных оценок в университете, на отметке своего вклада в возможность помочь другим людям, в том числе людям без определенного места жительства, отслеживания норм помощи пожилым в общественном транспорте, заступничество за себя и близких людей. В качестве инструментов защиты своих интересов молодежь отмечает личное участие в решении проблемы, противостояние с людьми, способными повлиять на ситуацию, в том числе с обидчиками, личное обращение к Президенту. Это выявляет индивидуальные стратегии молодежи. Что касается коллективных форм защиты своих прав, молодежь разошлась во мнениях. С одной стороны, некоторые информанты не имеют такого опыта или не считают такие формы эффективными, так как они осуществлялись при административном давлении и контроле, без достаточной доли добровольности и волеизъявления. С другой стороны, те, кто принимал участие в коллективных действиях, подчеркивают их значение.

Участие в митингах, выступлениях

Ответы информантов по поводу опыта участия в митингах, движениях, массовых шествиях не выделяют его в качестве безусловного фактора социальной сплоченности населения, что демонстрируется в противоположных высказываниях информантов. Одна точка зрения демонстрирует включенность в коллективные формы представления своих интересах, участие в митингах на фоне высокой оценки таких социальных действий как полезных, спланированных, развивающих патриотизма и инициативность. Противоположная оценка базируется на низкой вовлеченности в массовые формы защиты общественных интересов ввиду контроля за коллективными выступлениями, необходимости их санкционирования:

«Несомненно принимал участие в митингах <...>, а также принимал участие в их организации. Митинги посвящённые знаменательным датам. Конечно, первое, что приходит на ум это ощущение пользы обществу, для меня это одно из главных составляющих. Также наравне с пользой обществу на митинге присутствовала атмосфера патриотизма. Я чувствовал и чувствую себя частью огромной великой истории и горжусь несомненно. Конечно же, это было в добровольно – принудительном порядке, первый раз от школы, после чего я сам стал инициатором и проявлял интерес к подобного рода мероприятиям» (Инф.2)

«Я не знаю что должно произойти, чтобы молодёжь вышла на митинг. Если такое и будет, то вряд ли это будет санкционированный митинг. Но – у нас же сейчас нац. гвардия, чтобы такие мероприятия не допускать и разгонять, так что я сильно сомневаюсь. И не думаю, что саратовская в этом плане отличается чем-то особым от молодёжи других городов. Хотя, мне вот особо сравнить не с чем» (Инф.4)

Коллективные выступления как форма защиты интересов оцениваются информантами как действенные при сформированной активной позиции большинства граждан, чего не наблюдается, по мнению информантов, в России.

«Такая форма защиты очень действенна, если у тебя есть последователи, а именно граждане с активной гражданской позицией» (Инф.2).

«Форма действенна, однако не на территории РФ. <...> Я думаю, что молодежь может и готова отстаивать свою позицию через пикетирование, однако не хватает опыта в данном вопросе. С конца 90-х годов такая форма не нашла свое распространение в РФ. Даже несмотря на события на Болотной площади (это разовые случаи, локальные)» (Инф.3).

Обращение к темам свободы и контроля прослеживается в разных высказываниях информантов. Одни говорят о больших возможностях самовыражения, другие видят разные механизмы сдерживания проектов и инициатив.

• *«время сейчас как раз для таких людей <творческих, активных>! Если раньше было больше давления с разных сторон, государства, например, то сейчас это давление если и есть, то выражается в другой форме и это как раз таки позволяет действовать и заниматься тем, что ты сам считаешь важным». «Структура не помогает, она скорее не мешает, даёт больше свободы, чем во времена СССР» (Инф.4).*

• *«Люди сверху, они полностью контролируют поток информации, да может не всегда получается, но как бы не говорили о том, что у нас демократия и свобода слова, все же контроль как в сталинское время присутствует (да, не такой жесткий и явный, но есть...)» (Инф.5).*

В контексте определения способов решения социально значимых задач разделяются понятия общественной деятель-

ности, понимаемой как векторы по достижению блага общества и понятия работы – как извлечения материальных средств. При этом, идеальной формой занятости молодежи, по мнению одного из участников фокус группы, является «возможность в жизни работать на благо общества» (Инф.20). Таким образом, рассмотренные вопросы о значимых для молодежи событиях на уровне страны и в повседневных практик, ключевых образов современности, особенностей и структуры поколения молодежи; сравнение современной молодежью своего и родительского поколения позволили раскрыть проблему особенностей восприятия молодежью времени и ценностей поколений, увидеть проблемы их соотношения, вопросы социальных конфликтов и преемственности, поднять идею о миссии молодежи и значении идей формирования безопасного, сплоченного общества.

Сплочённость молодежи в реальных группах или онлайн сообществах формируется с опорой на идеи социальной справедливости, базируясь на процессах индивидуальных и коллективных практик защиты своих интересов. Молодежь видит изменение ценностей на уровне личности и на уровне культуры, что связывается с усилением значения материальных благ, появлением новых ценностей получения и обработки информации, включения в новые сообщества и практики коммуникации, повышающие требования к освоению виртуального пространства, включению в группы в социальных сетях. Традиционные ценности обретения семьи, друзей, уважения к старшим частью молодежи артикулируются как снижающие свою значимость, но для значительной доли опрошенных довольно влиятельны.

Молодежь вовлекается в социальные общности, поддерживающие волонтерские социально значимые проекты, спор-

тивное волонтерство, движения за здоровый образ жизни и защиту окружающей среды, включения в молодежные политические организации, которые интегрируют традиции молодежных организаций прошлых лет с современными информационными возможностями коммуникации и осуществления творческой и профессиональной деятельности. Нарастание таких тенденций создает новое пространство для молодежи, постепенно вытесняя прежние рискованные формы поведения подростков и молодежи, меняя отношение к субкультурам и химическим формам зависимости, но продуцируя новые – связанные с дефицитом реального общения, формированием интернет- и игрового аддиктивного поведения. Сплоченность с течением времени меняет свои характеристики и от механизмов поддержания патриотизма через идеологическое содержание советского периода приходит к пониманию патриотизма как гордости за достижения страны в последние годы, появление совместных переживаний за будущее страны в мировом, национальном и локальном масштабах, осознание неопределенности будущего и от этого повышенной тревожности в оценках собственных возможностей и перспектив.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представления о параметрах, формировании, перспективах и различиях социальной сплочённости детерминированы темпоральными, идеологическими и социально-экономическими факторами, а также и современными научными исследованиями концептуального аппарата этого феномена. Анализ определения социальной сплочённости, её имманентных компонентов показывает, с одной стороны, идентификацию данного феномена с социальным обеспечением, социальным обслуживанием, с другой – необходимыми условиями объединения, интеграции, достижения социальной солидарности. Компонентами темпоральности общества выступают процессы социальной сплочённости, инклюзии, которые взаимосвязаны как логическое продолжение друг друга.

Принцип социальной инклюзии как демократическая акция по преобразованию социума способствует наиболее полному развитию человеческого потенциала, повышению качества жизни, формированию чувства достоинства и самоуважения. Стратегия достижения относительно высокой степени социальной сплочённости российского общества напрямую связана с социальным временем, например, со степенью выраженности антироссийских акций, воинственной конфронтационной риторикой. В рамках объективистской позиции следует трансформировать государственную социальную политику так, чтобы она была направлена на повышение степени доверия, взаимопомощи, гражданской активности и принадлежности к социальным группам как ключевым параметрам формирования социальной сплочённости. Макромодель сплочённости оказывается инструментом измерения эффективности социальной политики; акцент перемещается на процессы дистанциации как условий конструирования сплочённости, интегральных характеристик общества.

Социальные интернет сети в настоящее время становятся для многих наиболее привлекательной надстройкой. Сообщества перерастают уровень повседневного общения, трансформируясь в профессиональное влияние на аудиторию: качественное исследование факторов сплочённости базируется на данных экспертных полуструктурированных интервью со специалистами по IT-технологиям, а также фокус групп с активными пользователями и модераторами виртуальных сообществ. Темпоральности характеризуются сочетанием конфликтов, группы соревнуются за выбор соответствующего времени. Многие топ-пользователи с высокой степенью центральности в группе не идут на контакт, возникает темпоральный барьер информации.

Количественный этап исследования, межрегиональный опрос, позволил получить оригинальные данные. Население поставлено в положение самовыживания, власть и её представители не стремятся узнать проблемы граждан. Социальное время призвано обеспечить безопасность граждан и представлено органами правопорядка (прокуратура, полиция), чиновниками, судами, а также армией, верховной властью. Уровень доверия выступает основой темпорального взаимодействия власти и населения в конструировании гражданского времени общества. Данные вторичного исследования массовых опросов свидетельствуют, что население постсоветского пространства генерирует схожие мнения о времени, формировании, перспективах и параметрах социальной сплочённости. Мониторинговое измерение параметров сплочённости позволит оперативно реагировать на изменение ситуации в контексте социального управления.

Стимулирование индивидуального потребления, финансового успеха в итоге приводит к поляризации населения, формированию социальных отношений, моделей социального восприятия по степени материального благосостояния. В

итоге экономическое и социальное неравенство способствует увеличению социальной дистанции. Социальная политика, нацеленная лишь на решение материальных вопросов отдельных социальных групп, не консолидирует общество, неэффективна с точки зрения доверия и социальной сплочённости. Российское общество пока ещё лишено модели конструктивного сотрудничества, эффективного механизма инклюзивной культуры, темпорального анализа и общественного согласия, позволяющего без излишней конфронтации включать своих членов в единое социальное творчество. Факторы, исключающие социальные группы или индивидов из контекста общественной жизни, можно отнести к дестабилизирующим, граждане не могут реализовать профессиональные знания, надеяться на достойные зарплату и карьеру.

Вызывающе велика дифференциация доходов, степень криминализации общественных отношений, исчезают универсальные ценности, разделяемые сообществом. У властных структур отсутствует навык результативного диалога с обществом в условиях IT-технологий. Важна ориентация социальной политики не только на удовлетворение потребностей, но и содействие в достижении терминальных и инструментальных целей, решении насущных проблем. Конструирование социального времени предполагает формирование базиса социальной безопасности общества, групп, индивидов.

Инклюзия универсальна и не ориентируется исключительно на один сегмент темпоральности, культурной и социальной жизни, становится неотъемлемой ценностью, социальной нормой. Инклюзивная культура содержит как обязательный компонент идеологию мобильного гражданства, уязвимые группы в дистанции от культурных, социальных процессов доказывают необходимость институционализации инклюзии. Инклюзивная культура осуществляет контроль над соблюдением прав человека в обществе, признак инклюзивной

культуры – недопустимость дискриминации, стержень инклюзивной культуры – антидискриминационный подход, возможность специалистов распознать неравенство на индивидуальном и институциональном уровнях.

Для повышения качества жизни маломобильных категорий населения, инвалидов, преобразования их в социально активных граждан нужна полномасштабная реформа систем социального обслуживания и образования. Перспективно развитие исследовательских инициатив в контексте комплексного анализа инклюзивной культуры как важнейшего атрибута социальной политики, формирования социальной сплочённости и воспитания патриотизма как элемента молодёжной культуры.

Социальная инклюзия может считаться приоритетом и ведущим принципом государственной социальной политики, инструментом решения проблемы острого неравенства и встречной активизации гражданского общества. Отсутствие инклюзивной культуры в работе с молодёжью явилось результатом и следствием неравенства стартовых возможностей, незавершённости социальных и политических процессов. Использование ресурсов инклюзии в социальной, миграционной и молодёжной политике, образовании могло бы реализовать комплексный подход к социализации, профессионализации, улучшению качества жизни, межличностному взаимодействию, раскрытию способностей. Успешная интеграция мигрантов в социокультурное окружение, инклюзивная культура социальных сервисов и принимающего населения позволит избежать негативных последствий.

Межстрановые исследования подтверждают, что уровень квалификации и социальное гражданство – взаимосвязанные характеристики. Макромодель сплочённости может выступать инструментом измерения эффективности социаль-

ной политики, ведь неравенство углубляется, сохраняют значение социальное расслоение и объединение людей по классовым, стратификационным основаниям.

Сетевой формат сплочённости обращается к повседневным и к виртуальным исследованиям, актуальны индивидуализированный ракурс, оптика малых групп, микромодель взаимодействия, чувство причастности, солидарности с общими целями, межперсональные связи и симпатии. Темпоральный анализ стал методом исследования сплочённости, сообщества перерастают уровень повседневного общения, трансформируясь в профессиональное влияние на аудиторию. Социальная сплочённость выступает имманентной, часто латентной чертой общества, представляя совокупность разнообразных феноменов и практик, переплетение которых создаёт основу целостности общества. Теперь акцент времени переместился на процессы дистанциации, инклюзии, доверия как условий конструирования сплочённости, интегральных характеристик общества.

Темпоральность сетевого подхода демонстрируют переосмотр статического в пользу динамического интерфейса. Категория сплочённости приобретает контекст интенсивности внутригрупповых интеракций, социальный капитал из средства связи превращается в интенсификатор гражданской коммуникации. Аналитический потенциал модераторов, администраторов привлекателен для экспертных оценок становления виртуальных сообществ, их организации.

Обнаруженные тенденции выявляют существенную долю социальной отчуждённости, социальную дистанцию между жителями страны. Российское гражданство человек может воспринимать как внешний, формальный статус, позволяющий не чувствовать общности с соответствующей группой. Мониторинговое измерение параметров социальной инклюзии и сплочённости позволяет оперативно реагировать на

изменение социальной ситуации в контексте социального управления, решения насущных проблем. Отечественные модернизаторы не располагают адекватной теорией достижения социальной сплочённости, времени макроэкономики, социальной инфраструктуры, их не учитывают в программах социального развития, миграционной политики, перспективных векторах модернизации, интеграции. Ключевыми задачами политики сплочённости становятся социальная защита и справедливость, участие граждан в решении актуальных проблем, преодоление социального неблагополучия, бедности, неравенства доступа к культурным и материальным ресурсам.

Идеология сплочённости могла бы содействовать социальной интеграции, улучшению нравственного климата в обществе, сохранению единства нации, государства. Так, в рамках движения исторической реконструкции у представителей различных сегментов городского сообщества формируется общее восприятие идей и образов исторического времени, представлений о реконструируемой культурно-исторической эпохе, сплочённости. От того, насколько и молодые, и взрослые включены в инклюзивные практики взаимопомощи, преодоления стереотипов и защиты человеческого достоинства, зависит степень доверия, мера гражданственности и сплочённости социальной темпоральности.

Существует ли возможность инклюзии социального времени по отношению к социальным наукам, социологии в процессах разработки государственной идеологии? В последнее время во многих вузах сокращают финансирование в сфере подготовки именно по социальным профессиям – социологии, социальной работе, работе с молодёжью. Но в Афинах на конференции Европейской социологической ассоциации была продемонстрирована безусловная поддержка социологической науки со стороны правительства, вплоть до прямого участия министра в ранге докладчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаптация детей мигрантов в школе. Мет. пос.: рекомендации по проведению комплекса адаптационных мероприятий в общеобразовательных уч. заведениях РФ / Омельченко Е., Андреева Ю., Лукьянова Е., Сабирова Г., Крупец Я. – Ульяновск: УлГУ, 2010. – 104 с.

2. Адорно Т. Негативная диалектик / пер. Е. Петренко. – М.: Научный мир, 2003. – С. 137.

3. Акулич М.М. Функционально-целевое согласие: становление и развитие / М.М. Акулич // Социологические исследования. – 2002. – №1. – С. 7-17.

4. Алёшина М. Социальная сплоченность: концептуализация понятия и социальные реалии: монография / М.В. Алёшина. – М.: ООО «Вариант», 2013. – 216 с.

5. Алёшина М., Бычков Д., Галахова А. и др. Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2008. – 162 с.

6. Алёшина М., Григорьева И. и др. Социальная политика современной России: социологический анализ тенденций инклюзии / под ред. Д. Зайцева, В. Ярской. – Саратов: СГТУ, 2010. – 134 с.

7. Алёшина М., Печенкин В. Социальная сплоченность как элемент формирования новой социальной политики // Инновационная деятельность. – 2013. – С. 133-143.

8. Алёшина М.В. Социальная сплоченность в контексте отношения общества к власти в современной России (по материалам контент-анализа печатных СМИ) / М.В. Алёшина // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №1. – С. 63-68.

9. Алёшина М.В. Социальная сплоченность и инклюзия: стратегические ориентиры европейской молодежной политики / М.В. Алёшина // Инновационный потенциал современной молодежи: проблемы и условия развития: материалы всероссийской научно-

практической конференции, 01.10.2010. – Вятка: Вятский гос. гуманитарный ун-т, 2010. – С. 82-86.

10. Алёшина М.В. Социальная сплоченность: концептуализация понятия / М.В. Алёшина // Вестник СГТУ. – 2012. – №1 (68). – С. 47-51.

11. Андрееenkova А. Изменение в образе жизни и ценностях россиян / А. Андрееenkova // Институт сравнительных социальных исследований CESSI. URL: <http://www.cessi.ru/index.php?id=171/>.

12. Антопкина Н. Минфин сократит расходы на здравоохранение и образование / Комсомольская правда. – Сентябрь, 2012. – С. 2.

13. Арсланова С. Гендерные стереотипы трудовой занятости женщины в условиях рыночных отношений, 2004. URL: <http://old.tisbi.org/science/vestnik/2004/issue2/Kult1.html>.

14. Артёмов В. Эскиз социологической концепции социального времени // Социологические исследования. – 2013. – № 11. – С. 3-10.

15. Астафьева О.Н. Культурная память как элемент социальной сплоченности в модели современной культурной политики России / О.Н. Астафьева // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. – Екатеринбург, 2-5 июля 2015; отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнев. – М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – 504 с. URL: <https://rusanthro.files.wordpress.com/2015/07/>

16. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности / О.Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. URL: <http://iphrrs.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/13.pdf>.

17. Астоянц М. Социальная инклюзия детей-сирот: проблемы и перспективы российской социальной политики / М. Астоянц // Известия ЮФУ. – 2009. – №11. – С. 23 – 31.

18. Астоянц М., Россихина И. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия ЮФУ. – 2009. – №12. – С. 72-78.

19. Ахинов Г., Калашников С. Социальная политика: теория и практика / Г. Ахинов, С. Калашников. – М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2008. – 384 с.

20. Баева Е. Российский средний класс лоялен власти и аполитичен, 2011. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958849>.

21. Барт Ф. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом? // Этнические группы и социальные границы / под ред. Барта Ф. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.

22. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман / пер. с англ. М.Коробочкиной. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.

23. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: ЛОГОС, 2005. – 390 с.

24. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

25. Белов В. Идеология и социальные вызовы современной национальной политики / В. Белов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2010. – №3. – С. 82-93.

26. Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем / Дж. Бест // Контексты современности-II: хрестоматия; сост. и ред. С.А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. у-та, 2001. – С. 164-175.

27. Блоссфельд Ж.-П., Хьюинк И. Исследования жизненных путей в социальных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. IX. – №1(34). – С.15-43.

28. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр., послесл. и прим. Е. А. Самарской. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.

29. Божок Н.С. Культура сплочённости: дискурс исторической реконструкции // Инновационная деятельность. 2016. № 4(39). С. 92-104.

30. Божок Н.С. Социологическое содержание понятия «историческая реконструкция» / Н.С. Божок // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2013. – №3 (72). – С. 181-185.

31. Божок Н.С., Ярская В.Н. Путь к сплочённости как ресурсу взаимопонимания участников фестивалей исторической реконструкции / Н.С. Божок, В.Н. Ярская // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие: сб. ст. по материалам Международной междисциплинарной конференции «Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие». – Саратов, 25-26 сентября 2015, СГТУ имени Гагарина Ю.А. – Саратов, 2016. – С. 104-110.

32. Бородкин Ф. Социальные эксклюзии / Ф. Бородкин // Социологический журнал. – 2000. – №3/4. – С. 5-17.

33. Бурджалов Ф. Экономическая роль социальной деятельности государства / Ф. Бурджалов. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 251 с.

34. Буренкова Э. Трансформация общества и внутренние характеристики элитных групп. Об изучении элитных групп // Мир России. – 1995. – Т. 4. – № 3-4. – С. 17-23.

35. Васильев А.Г. «Осевое время» memory studies: российский след / А.Г. Васильев // Международный журнал исследований культуры. International Journal of Cultural Research. – 2012. – № 1(6). URL: http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2012/I.

36. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А.Г. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015.

37. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., общ. ред. Ю. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 625.

38. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер; пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

39. Веблен Т. Теория делового предприятия / Т. Веблен. – М.: Дело, 2007. – 288 с.

40. Вирт Л. Избранные работы по социологии: сб. переводов / Л. Вирт; РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социальной психологии; пер. с англ. В. Николаев; отв. ред. Л. Гирко. – М., 2005. – 244 с. (Сер.: Теория и история социологии).
41. Витте Л. Европейская социальная модель и социальная сплоченность: Какую роль играет ЕС? / Л. Витте // Европейская политика. – 2004. – №12. – С. 10-17.
42. Власть времени: социальные границы памяти / под ред. В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, Вариант, 2011. – 220 с.
43. Ворсоби́н В. Чем больше посадим, тем лучше // Комсомольская правда. 06.01.2012. – С.5.
44. «Времена и Эпохи. Собрание» [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/historyfest> (дата обращения: 03.09.2017).
45. В столице собрались реконструкторы со всей России. [Электронный ресурс] URL: http://роспатриотцентр.рф/region_news/886 (дата обращения: 23.11.2016).
46. Гаганова А. Военный синдром Афганистана – ошибки, на которых надо учиться / май 2008. URL: <http://www.fpss.ru/gazeta/psiho/4765/>.
47. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 496-497.
48. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
49. Гидденс Э. Элементы теории структуризации / Э. Гидденс // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Новосиб. ГУ, 1995. – 120 с.
50. Гиддингс Ф. Основания социологии / Ф. Гиддингс; пер. с англ. Н.Н. Спинова. – М.: ПБОЮЛ Григорян А.Ф., 2001. – 536 с.
51. Гилинский Я. Два лица экономической свободы / Я. Гилинский // Экономическая свобода и государство: друзья или враги?: Материалы XI ежегодной межд. конф. «Леонтьевские чтения». – СПб: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2012. – С. 58-75.

52. Глазычев В. Урбанистика. Часть 2 / В. Глазычев. – М.: Европа, 2008. – 218 с.

53. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Х. Пилкингтон, Е. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдина, Е. Старкова; пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. – СПб.: Алетейя, 2004. – 107 с.

54. Говорит и рассказывает Укек! URL: <http://ukekfest.ru/convention/govorit-i-rasskazyvaet-ukek/>.

55. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – 81 с.

56. Государственная поддержка молодых инвалидов в Российской Федерации. Информационный материал Департамента по молодежной политике Министерства образования Российской Федерации. URL: <http://www.ed.gov.ru/files/materials/883/12-22-03.doc>

57. Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад / Рук. М. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. – 180 с.

58. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А.Б. Гофман // Социологический ежегодник 2012 / под ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, НИУ ГУВШЭ, 2013. – С. 97 – 168 / 363 с.

59. Гофман А.Б. Концептуальные походы к анализу социального единства / А.Б. Гофман // Социологические исследования. – 2015. – №11. – С. 29-36.

60. Гофман А.Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» / А.Б. Гофман // Социологический ежегодник. – 2010. – М.: ИНИОН РАН; URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Gofman_Soc_sockult_kult.pdf

61. Градосельская Г. Сетевые измерения в социологии / под ред. Г. Батыгина. – М.: ИД «Новый учебник», 2004. – 248 с.

62. Гречихин В. Лекции по методике и технике социологических исследований / В. Гречихин. – М.: МГУ, 1988. – 232 с.

63. Гриббен Э. Обучение предпринимательству: задачи и возможности / Э. Гриббен // ЕФО, апрель 2006 г. URL: [www.etf.europa.eu/pubmgmt.nsf/\(getAttachment\)](http://www.etf.europa.eu/pubmgmt.nsf/(getAttachment)).

64. Григорьева И. Социальная политика: основные понятия / И. Григорьева // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т.1. – №1. – С. 29-44.

65. Григорьева И., Келасьев В. Теория и практика социальной работы / И. Григорьева, В. Келасьев. – СПб: СПбГУ, 2004. – 356 с.

66. Гудков Л. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // Независимая газета 26.12.05.

67. Гужавина Т. Социальное доверие в гражданском обществе / Т. Гужавина // Проблемы развития территории. – 2012. – №6. – С. 115-120.

68. Дедова М.А. Формирование целевой системы услуг фестивалей культуры: дис. ...канд. эконом. наук. – СПб, 2015. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/163073108>.

69. Делягин М. В России складывается критическая социальная ситуация, 2008, 2012. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/318180>

70. Денисов А. Мифы и реальность дворницкой жизни // Независимая газета 02.03.2010.

71. Денисов А. Мифы и реальность дворницкой жизни // Независимая газета, 02.03.2010.

72. Джеймс Э., Сайлер М., Мутон П., Якушев Л. Международный опыт в области социальной защиты / Э. Джеймс, М. Сайлер, П. Мутон, Л. Якушев // Проект Тасис. Реформа системы социальной защиты в Российской Федерации. – М., 1994. URL: http://pensionreform.ru/files/6106/models_ss_94.pdf.

73. Дистель Р. Теория графов / пер. с англ. – Новосибирск: Институт математики, 2002. – 336 с.

74. Донская В.К., Широков О.Н. Зарубежная историография движения исторической реконструкции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. [Электронный ресурс] URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11449> (дата обращения: 21.04.2016).

75. Донская В.К., Широков О.Н. Историография движения исторической реконструкции на примере Волго-Вятского региона // Вестник Чувашиского университета. 2012. № 4. [Электронный ресурс] URL: http://www.chuvsu.ru/images/stories/nauka/vestnik/vypusk/2012_4.pdf (дата обращения: 25.04.2016).

76. Донских Е. и др. Чего ждать от В. Путина // Аргументы и факты. – 2012. – №11. – С. 3.

77. Донских Е., Очкина А. Жить или доживать. Индексация пенсий их не увеличивает // Аргументы и факты. – 2012. – №12. – С. 10.

78. Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: МОНФ, ЦСПГИ., 2007. – 256 с.

79. Древновски Я., Скотт В. Индекс уровня жизни / Я. Древновски, В. Скотт. – Нью-Йорк: АВС, НИИ социального развития ООН, 1966. – 138 с.

80. Дробижева Л.М. Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании / Л.М. Дробижева // Вестник Российской нации. – 2015. – № 5 (43). – С. 105-126.

81. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М.: Директ – Медиа, 2011. – 567 с.

82. Дюркгейм Э. Самоубийство / Э. Дюркгейм. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

83. Енсен Н. Образование молодежи, нуждающейся в особой поддержке / Н. Енсен // Журнал исследований социальной политики. – Т. 4. – № 1. – 2006. – С. 77-82.

84. Епихина Ю.Б. Социальная справедливость в русской общественной мысли / Ю.Б. Епихина, А.А. Зотов, И.П. Попова, В.В. Сапов, М.Ф. Черныш. – М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2014. – 270 с.

85. Жирнов Н. К вопросу о возможности органического сочетания идеологии и модернизации / Н. Жирнов // Власть. – 2011. – №5. С. 45-47.

86. Завадский А.И., Исаев Е.М., Кравченко А.В., Склез В.М., Суверина Е.В. Публичная история: между академическим исследованием и практикой // Неприкосновенный запас 2017. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/2/publichnaya-istoriya-mezhdu-akademicheskim-issledovaniem-i-prak.html> (дата обращения: 15.07.2017).

87. Завиржек Д. Как выжить детям с ограниченными возможностями и детям этнических меньшинств в государственных учреждениях длительного пребывания // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2. – №2. – С. 67-71.

88. Зайцев Д. Развитие профессиональной коммуникации социальных работников / Д. Зайцев // Социальная работа в России: тенденции и перспективы»: материалы II межд. конф., 15 октября 2013. – Таганрог: филиал РГСУ, 2013. – С. 74-78.

89. Зайцев Д. Сиротство в России: причины, отношение в обществе, социальная профилактика (по результатам обзора исследований и анализа мнений) // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – №4. – С.106-117.

90. Зайцев Д., Печёнкин В. Проблемы образования в представлениях инвалидов / Д. Зайцев, В. Печенкин // Социологические исследования. – 2008. – № 3. – С. 92-97.

91. Зайцев Д.В., Зайцева О.В. Социальная сплочённость: опыт социологической рефлексии / Д.В. Зайцев, О.В.Зайцева // Вестник СГСЭУ. – 2016. – №4. – С. 35-37.

92. Заславская Т. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 400 с.

93. Затерянный в веках... URL: <http://www.saratovmer.ru/news/2016/04/25/42472.html>.

94. Земцова Я. Визуальный образ в современной культуре: истоки и перспективы исследования / Я. Земцова // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2016/01/13964>.

95. Зиммель Г. Социальная дифференциация // Тексты по истории социологии XIX-XX вв. – М.: Наука, 1994. – С. 339.

96. Зиммель Г. Теория конфликтного функционализма / Г. Зиммель. – М.: Academia, 1993. – 415 с.

97. Зомбарт В. Идеалы социальной политики / В. Зомбарт. // Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – 344 с.

98. Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2008. – 224 с.

99. Йейтс Ф.А. Искусство памяти / Ф.А. Йейтс. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 480 с.

100. Кадер А.М. Аксиологический аспект исторической реконструкции // Вестник МГУКИ. 2015. № 1 (63). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiiy-aspekt-istoricheskoy-rekonstruktsii> (дата обращения: 21.05.2017).

101. Кадер А.М. Историческая реконструкция как способ самовыражения личности // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т. 200. С. 95-97.

102. Кадер А.М. Развитие движения исторической реконструкции на постсоветском пространстве: аналитический обзор литературы // Европейский журнал социальных наук. 2015. № 6. С. 237-242.

103. Канарш Г. Концепция «справедливого общества» в гуманитарных науках / Г. Карнаш // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2007. – №1. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Kanarsh/>

104. Капкаев В. «Пенсия для большинства в стране пока недостаточная» // Аргументы и факты. – Саратов. – 2012. – №13. – С. 3.

105. Каргалова М. Социальная политика как один из инструментов построения системы европейской безопасности / М. Каргалова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2006. – №19. – С. 13-15.

106. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – 458 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/09.php

107. Киреева З.А. Развитие сознания, детерминированное временем: монография. – Одесса: Астропринт, 2010. – 380 с.
108. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. – 205 с.
109. Козер Л.А. Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте / Л.А. Козер; пер. с англ. Т.И. Шумилина; под ред. д. ф. н., проф. И.Б. Орловой. – М.: Норма, 2006. – 528 с.
110. Кокрен У. Методы выборочного исследования. М.: Статистика, 1976. – 440 с.
111. Компендиум: культурная политика и тенденции ее развития в Европе: 12 изд. / Совет Европы; ERICarts. 2011. RU-1. URL: http://www.cultural.policies.net/down/russia_ol_122010.pdf.
112. Константинова Л. Интерпретация социальной политики в контексте социального неравенства / Л. Константинова // Вестник Поволжской Академии государственной службы. – 2011. – №4. – С. 87-94.
113. Корсини Р., Ауэрбах А. Шкала социальной дистанции (Bogardus social distance scale) / Р. Корсини, А. Ауэрбах // Психологическая энциклопедия. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.
114. Костерина И. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – № 4. – Т. 11. – С. 122-140.
115. Костерина И. Практики маскулинности в молодежных группах // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 116-126.
116. Костина А.В., Кожаринова А.Р. Актуальные проблемы современной культуры // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2.
117. Кошарная Г.Б. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества / Г.Б. Кошарная // Власть. – 2015. – №9. – С. 125-129.
118. Кубанкин Д. Перед нами один из новых брендов Саратова – Укек! URL: <http://saratovmer.ru/news/2016/06/10/43144.html>.

119. Куликов С. Клондайк для мигрантов / Независимая газета 07.02.07.

120. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / Российский ин-т культурологии; отв. ред. Н.А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015. – 160 с.

121. Кураев А. Церковь снисходительна ко всем // Аргументы и факты. – 2012. – №19. – С. 6.

122. Лапин Н. Как остановить социогуманитарную рецессию / Н. Лапин // Независимая газета, 2016.02.10. URL: www.ssa-rss.ru/files/File/Conference/VSK-V/Navstrechu%20VSKV/Lapin%20statya%2010.02.2016.pdf.

123. Левада Ю. Три «поколения перестройки» / Ю. Левада // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. – №3. С. 7-15.

124. Лефевр А. Социальное пространство / А. Лефевр // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70).

125. Липецкий опыт исторической реконструкции [Электр. ресурс] http://www.admlip.ru/news/lipetskiy_opyt_otmechen_na_forum_e_rukovoditeley_klubov_istoricheskoy_rekonstruktsii/ (дата обращения: 23.11.2016).

126. Ловцова Н., Ярская В. Молодежная политика: разные и пока неравные // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – Т. 8. – №2. – С.151-164.

127. Луков В. Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – Вып. №4. – С. 48-53.

128. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований / Н. Луман. – М.: Интеллект, 1998. – С.96-121.

129. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / Н. Луман. – СПб: Наука, 1997. – 643 с.

130. Лысова Н.А. PR-деятельность в сфере реализации государственной культурной политики (на примере продвижения исто-

рической реконструкции как направления коммеморативной репрезентации) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 7. Филологические науки. Вып. 101. С. 97-103. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/389/014.pdf> (дата обращения: 28.08.2017).

131. Люблинский В. Социальная политика в условиях глобализации: опыт развитых стран / В. Люблинский // Политические исследования. – 2008. – №6. – С. 130-146.

132. Люблинский В. Социальная политика в условиях глобализации: опыт развитых стран. // Политические исследования. – 2008. – №6. – С. 130-146.

133. Макаров А.И. Проблема солидарности современного российского общества в свете теории культурной памяти / А.И. Макаров // Власть. – 2008. – № 10. – С. 45-49.

134. Макнотен Ф., Урри Д. Социология природы // Теория общества; под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. – 167 с.

135. Малахов В. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение / В. Малахов // Гражданство и гражданское общество. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2011. – 224 с. – С. 7-50.

136. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. – 2011. – №8. – С. 28-37.

137. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / К. Мангейм; пер. с англ. Е.Я. Додина; отв. ред. Л.В. Скворцов. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.

138. Мартынов М. Миграция или колонизация // Независимая газета 21.03.06.

139. Медведев К. Современное поколение молодежи как аспект конструирования инновационной молодежной политики // Инновационная деятельность. – 2013. – №3. – С. 63-68.

140. Медведев К. Социальное время и поколенческие черты современной российской молодежи // IV Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие, Уфа, 22.10.2012. – Уфа: РОС, 2012. – С. 4688-4690.

141. Медведев К., Фёдоров Д. Институционализация молодёжных общественных объединений // Перспективы науки. – 2011. – № 10 (25). – С. 62-69.

142. Мейлахс П. Капитал разнообразия: не роскошь, а необходимость / П. Мейлахс // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т.1. – № 4. – С. 206–210.

143. Мерквиладзе И. Динамика гендерных стереотипов в Грузинской масс-медии на фоне социально-политических процессов постсоветского периода: Отчет по результатам исследования в рамках проекта Фонда Г.Бёлля, 2005. URL: http://ge.boell.org/sites/default/files/downloads/Ia_Merkviladze_2004.pdf.

144. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.

145. Мид Д. Интернализированные другие и самость / Д. Мид // Американская социологическая мысль. – М.: МУБиУ, 1994. – С. 224-247.

146. Михайлов К. Преодоление провала. Технический прогресс требует больше рабочих рук / Независимая газета 27.02.2007.

147. Мокин К. Балаково: миграционные истории армян // Социологические исследования. – 2007. – №2. – С. 94-101 .

148. Мониторинг положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и развитие семейных форм их устройства в Центральном федеральном округе в 2008 году (третий ежегодный доклад). – М.: ООО «Вариант», 2009.

149. Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию / пер. со швед. – М.: Весь Мир, 1994. – 96 с.

150. Морено З. Психодрама: ролевая теория и концепция социального атома // Эволюция психотерапии. – М.: Класс, 1998. – Т. 3. – С. 256-279.

151. Мукомель В. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2005. – №1(75). – С. 49-58.

152. Мюрберг И.И. Т. Маршалл и концептуальная история режимов гражданства / И.И. Мюрберг // Политико-философский ежегодник. – 2010. – №3. – С. 82-95.

153. Наберушкина Э. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2012. – 334 с.

154. Наберушкина Э., Сорокина Н. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 1. – №1. – С. 27-42.

155. Нестик Т. Роль доверия в анализе совместного опыта и формировании долгосрочной ориентации организации // Психология общения и доверия: теория и практика; под ред. Т. Скрипкиной. – М.: Университет РАО, 2014. – С. 17-25.

156. Николаева У.Г., Пушкарева Т.В., Шемякина Е.М. Темпоральность экономических и социально-культурных процессов: перспектива междисциплинарного анализа // Вопросы культурологии. – 2015. – № 9. – С. 26-31.

157. Нолль Х.-Г., Эспинг-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? / Х.-Г. Нолль, Г. Эспинг-Андерсен // SPERO. – 2006. – №5. – С. 7-32.

158. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок // Франция-память. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. – С. 17-50.

159. Оберемко В. «Разбычить общество!» Данил Корецкий – о совести, чести и праве на оружие / Аргументы и факты. – 2012. – №12. – С. 3.

160. Общая теория статистики / под ред. Г. Кильдишева, В. Овсиенко, П. Рабинович, Т. Рябушкина. – М.: Статистика, 1980. – 329 с.

161. Омельченко Е. Молодежь: Открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – 184 с.

162. Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч.; пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. Баньковской. – М.: КД «Университет», 2002. Ч. 1; Дюркгейм Э. Самоубийство. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

163. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем, 1993. – № 2. – С. 114-120.

164. Парсонс Т. Функциональная теория измерения // Американская социологическая мысль; под ред. В. Добренко. – М.: МУБиУ, 1996. – С. 424 – 476 / 496 с.

165. Пархоменко Т.А. История, культура, память в отражении портретной галереи русских писателей Государственного литературного музея // Культурологический журнал. 2015. № 3. [Электронный ресурс] URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/340.html&j_id=24 (дата обращения: 19. 07.2016).

166. Петренко Е., Градосельская Г. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов / Е. Петренко, Г. Градосельская // Мир России. Социология. Этнология. – 2009. – №1. – С. 132.

167. Печёнкин В.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Сетевые подходы в анализе социальной сплочённости / В.В. Печёнкин, Е.Р. Ярская-Смирнова // Вестник СГТУ. – 2014. – Т. 4. – № 1 (77). – С. 244-248.

168. Пиетиля И., Дворянчикова А., Шилова Л. Российское здравоохранение: ожидания населения / И. Пиетиля, А. Дворянчикова, Л. Шилова // Социологические исследования. – 2007. – №. 5. – С. 81-88.

169. Пилкингтон Х. «Продвинутые» и «обычные» стратегии глобальной жизни // Глядя на запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. – СПб.: Алетейа, 2004. – 107 с.

170. Писаренко Д. Во что верит народ? Как церковь может оздоровить наше общество // Аргументы и факты. – 2012. – №16. – С. 3.

171. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования / С. Погам // Журнал социологии и социальной антропологии. Спец. выпуск: Современная французская социология. – Т.2. 1999. – С. 140–156.

172. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. – М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012. – 168 с.

173. Постановление Правительства РФ от 27.12.2000 № 1015 «О федеральной целевой программе «Молодежь России (2001-2005 годы)» // Правовая система «Референт». URL: <http://www.referent.ru/1/66099>.

174. Право на жизнь в обществе: механизмы образовательной интеграции детей-инвалидов / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой, А. Галаховой. – Саратов: ЦСПГИ: Научная книга, 2007. – С. 116-123.

175. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И.Р. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю.А. Данилова. – 6-е изд. – М.: ЛКИ/URSS, 2008. – 296 с.

176. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 28.03.2017).

177. Путин В. Совещание в Московском общественно-деловом центре для инвалидов, 2010. URL: <http://rosstrategy.com/index.php/novosti/moskovskiy-obschestvenno-delovoy-tsentr-dlya-invalidov-posetil-putin>.

178. Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России / Комсомольская правда. URL: <http://kp.ru/daily/3759/2807793>

179. Пушкарева Т.В., Шемякина Е.М. «Memory studies» в развитии социогуманитарного знания. Часть 1. Становление мемориальной парадигмы / Т.В. Пушкарева, Е.М. Шемякина // Вопросы культурологии. – 2016. – № 3. – С. 28-31.

180. Работа с молодёжью: колл. монография. По совместному исследованию с Беларусью. Ярская-Смирнова В. Социальная инклюзия в молодежной политике // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2010. – № 1. – С. 63-74.

181. Радаев В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. Радаев. – М.: ГУВШЭ, 2003. – 324 с.

182. Раддай Р. Как править обществом. URL: http://zhurnal.lib.ru/r/raddaj_r/instruction.shtml

183. Радченко Д.А., Писарев А.Е. Историческая реконструкция: нормативное пространство и фольклор субкультуры // Традиционная культура. 2012. № 1.

184. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л.П. Репина // Новое прошлое. The New Past. – 2016. – № 1. URL: http://www.newpast.sfedu.ru/upload/iblock/0ff/NP_2016_1_Repina.pdf

185. Реутов Е.В. Потенциал гражданского участия в формировании регионального солидарного общества: монография / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина. – Белгород: ООО «ЭПИ-ЦЕНТР», 2015. С. 13.

186. Решетников Д. Решение оптимизационной задачи построения экомаршрутов / Решетников Д., Сучкова В. Бороздюхин А. // Проблемы управления в социально-экономических и технических системах: сб. науч. ст. по материалам XI Всерос. науч. конф. – Саратов, 9-10 апр. 2015. – С. 43-46.

187. Рикёр П. Память, история, забвение. Французская философия XX века / П. Рикёр; пер. с фр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 537 с.

188. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. Сер. «Мастера психологии». – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

189. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность; под ред. П. Романова, Е. Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. – 456 с.

190. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова. – Саратов: СГТУ, 2004. – 260 с.

191. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. – Саратов: Научная книга, 2006. – 260 с.

192. Романов П., Ярская-Смирнова Е., Вайтфилд С., Келли С. Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации. Анализ основных результатов исследования. – М., 2009. – 60 с.

193. Романов П.В., Гатвинский А.Н. Социальные изменения и социальная политика / П.В. Романов, А.Н. Гатвинский // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т.1. – №1. – С. 45-69.

194. Романова А.П. Культурная память как один из видов социальной памяти // Южный фронт. URL: http://www.eternalfrontier.org/?page_id=165.

195. Романовский Н.В. Интерфейсы социологии и киберпространства // Социологические исследования. – 2000. – №1. – С. 15-24.

196. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Полития. 2016. № 2(81). С. 126.

197. Россия через десять лет: прогноз населения. Спецпроект ФОМ и Сбербанка, 2011. URL: http://fom.ru/special/sberbank_21/10248

198. Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. Ядова. – М.: Канон-Пресс-Центр, 2001. – 640 с.

199. Ручин В. Особенности политической социализации молодежи в современной России // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2012. – №1. – С. 94-99.

200. Садыков Р. Актуальные проблемы села и политика в сфере занятости сельской молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №20 (201). – С. 166-173.

201. Салькова А. Российская реконструкция считается одной из лучших в мире. Интервью с автором проекта исторического фе-

стивалия «Времена и эпохи» Алексеем Овчаренко. [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/05/31_a_10701143.shtml. 31.05.2017 (дата обращения: 11.07.2017).

202. Сараев В.: «Главные участники праздника – жители города!» URL: <http://www.saratovmer.ru/news/2016/06/03/43051.html>.

203. Саратов – город-мост между двумя цивилизациями. URL: http://www.seun.ru/seun_news/act.php?ELEMENT_ID=29103

204. Святославский А.В. Предисловие // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева; Рос. ин-т культурологии. – М.: Совпадение, 2015. – 160 с.

205. Селезнева Е.Н. Теоретико-методологические проблемы актуализации культурного наследия / Е.Н. Селезнева // Культурологический журнал. – 2013. – № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskij-zhurnal/>

206. Семёнова В. Травмированная память как ресурс формирования коллективной идентичности: случай бывших афганцев / В. Семёнова // Власть времени: социальные границы памяти; под ред. В. Ярской и Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. – С. 63-88.

207. Семья Г. Деинституционализация детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России: результаты и перспективы развития / Г. Семья // Защити меня! – 2009. – № 2. – С. 35-37.

208. Сен А. Развитие как свобода / А. Сен; под ред. Р. Нуреева. – М.: Новое изд-во, 2004. – 431 с.

209. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие / Р. Сеннет // Логос. – №3 (66). – 2008. – С. 95-107.

210. Серенко А. Волгоградцы чувствуют себя осажденными // Независимая газета 09.11.2005.

211. Сидорина Т. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? / Т. Сидорина // Terra Economicus. – 2012. – Т.10. – №3. – С. 84-99.

212. Сидорина Т. Социальная политика в условиях социального неравенства: перспективы глобализации / Т. Сидорина // Модернизация экономики и глобализация: материалы IX межд. науч.-практ. конференции. – М., 2008. URL: http://conf.hse.ru/2008/kniga3_2008.

213. Сиянская О., Васин С. Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью / О. Сиянская, С. Васин // Семинар ООН «Социальная интеграция молодых людей с инвалидностью». – СПб, 22-24.12.2003. URL: www.socpol.ru/publications/pdf/Disability.pdf.

214. Скиперских А.В. Культурный контент в политическом тексте современной российской провинции (на примере г. Ельца Липецкой области) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. 2013. Т. 13. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 85-89.

215. Соколов А. Современные институты молодежной политики в Европе: история становления и развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – Выпуск №1. – Т.4. – 2009. – С. 76-83.

216. Соснина И. Адаптационный потенциал мигрантов и принимающего населения: выбор стратегии // Вестник СГТУ. – 2010. – С. 262-268.

217. Социальная политика / под общ. ред. Н. Волгина. М.: Экзамен, 2003. – 735 с.

218. Социальная политика современной России: социологический анализ тенденций инклюзии: монография / под ред. Д. Зайцева, В. Ярской. – Саратов: СГТУ, 2010. – 134 с.

219. Социальная психология: хрестоматия / сост. Е. Белинская, О. Тихомандрицкая. – М.: Аспект-пресс, 2003. – 475 с.

220. Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах / Под общей редакцией: Н.Е. Покровский, М.А. Козлова. – М.: Университетская книга, 2015. С. 7-22.

221. Становление общества сетевых структур // Новая пост-индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Иноземцева. – М., 1999. – С. 494-505.

222. Старкова Е. Динамика ценностных представлений и отношения друг к другу у городской и приезжей молодёжи (на начальном этапе профессионализации в учебном заведении). – Краснодар: КубГУ, 2011. – 109 с.

223. Старшинова А.В. Идеология социальной работы: модель развития и функционирования / А.В. Старшинова // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012. – 1 CD ROM. – С. 2229-2230.

224. Страдзе А. Парадоксальность социальной активности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. – 2013. – № 1. – С. 44-56.

225. Стратегия государственной молодежной политики и развитие Российской Федерации. М., 2005. URL: <http://www.sovetpamfilova.ru/text/1877>.

226. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.

227. Суркова И.Ю. Социальная инклюзия и сплоченность как принципы формирования современного российского патриотизма // Вестник ВолГУ серия 7 Философия. Социология и социальные технологии 2012 №3 (18). С. 160-167 ISSN 1998-9946

228. Суркова И.Ю. Патриотизм и социальная безопасность: потенциал сплоченности современного российского общества / И.Ю. Суркова // 36 Человеческое существование в условиях социальной модернизации / под ред. Н.В. Омельченко. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012. 447 с. (26 п.л. / 1,1 п.л.). ISBN 978-5-906081-19-3

229. Суркова И., Ярская В. Новый феномен российской культуры / И. Суркова, В. Ярская // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – №3. – С. 198-209.

230. Суркова И.Ю. Риски глобализационных процессов и социальных неравенств в контексте развития стран Центральной Азии / И.Ю. Суркова // Alatoo Academic Studies. – 2015. – №4. – С. 252-257.

231. Суркова И.Ю. Социальная политика в системе гражданско-военных отношений / И.Ю. Суркова. – М.: ЦСПНИ, ООО «Вариант», 2013. – 375 с.

232. Татарова Г.Г. Качественные методы в структуре методологии анализа данных / Г.Г. Татарова // Социология: 4М. – 2001. – №14. – С. 33-52.

233. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис; пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб: «Владимир Даль», 2002. – 298 с.

234. Тимченко Н. Сетевой анализ современного здравоохранения: методология и эмпирический опыт (на примере исследования системы здравоохранения Алтайского края) / Н. Тимченко // Известия АлтГУ. – 2008. – №2. – С. 117.

235. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

236. Топ-200 лучших мероприятий России. Пресс-релиз. [Электронный ресурс] URL: http://russian-tourism.ru/press-release/press-release_19161.html (дата обращения: 23.01.2017).

237. Трубина Е.Г. Праздники в Нижнем Новгороде: развлекая людей в распродаваемом городе // Неприкосновенный запас. 2016. № 2(106). [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/prazdniki-v-nizhnem-novgorode-razvlekaya-lyudej-v-rasprodavaemo.html> (дата обращения: 08.04.2017).

238. Тульчинский Г.Л. Культура как фактор консолидации и социального партнёрства регионального социума / Г.Л. Тульчинский // Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса: сб. материалов Культурного форума регионов России (Якутск – Москва, 25 сентября 2015 года); сост., общ. ред. О.Н. Астафьевой, О.В. Коротеевой. – М.: ИП Лядов К.В., 2015. URL: <http://www.cultpol.ru>

239. Тульчинский Г.Л., Лисенкова А.А. Проблема доверия и современные информационно-коммуникативные технологии // Рос-

сийский гуманитарный журнал. 2016. Том 5. № 2. [Электронный ресурс] URL: http://libartus.com/arch/files/2016/2/12_160227_Lisenkova_pdf (дата обращения: 23.11.2016).

240. Тюрюканова Е., Лебедева Л. Ориентация детей мигрантов по получению высшего образования // Социологические исследования. – 2005. – №4. – С. 94-100.

241. Тяглова М.А. Игра как способ конституирования сакрального начала в современных молодежных субкультурах (на примерах ролевого и реконструкторского движения): дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Тяглова Мария Александровна. – Симферополь 2017. [Электронный ресурс] URL: <http://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/04/diser-tyaglova2.pdf> (дата обращения: 30.06.2017).

242. Увекское городище. Итоги и перспективы. URL: <http://www.saratovmer.ru/news/2016/06/07/43098.html>.

243. Урри Дж. Социологи за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. Д. Кралечкина. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.

244. Ушкин С.Г. Социология социальных сетей: ретроспективный анализ / С.Г. Ушкин // Социологический журнал. – 2013. – №1. – С. 94-110.

245. Уэйтт Г. Городские фестивали. География шумихи, беспомощности и надежды // Неприкосновенный запас. 2016. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/2/gorodskie-festivali.html> (дата обращения: 08.04.2017).

246. Феаро Т. Математические идеи и социологическая теория. М., 1990. – 265 с.

247. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194695/.

248. Фёдоров Д. Конфликтная семантика молодежного активизма / Д. Фёдоров // Инновационная деятельность. – 2012. – №1. – С. 115-121.

249. Фестиваль «Один день из жизни средневекового города». URL: <http://www.saratovmer.ru/news/2016/09/03/44365.html>.

250. Фестиваль «Времена и эпохи» 2017 в Москве // Официальный сайт мэра Москвы <https://www.mos.ru/city/festivals/vremena/> (дата обращения: 30.08.2017).

251. Филлипс С. Пространство правозащитного активизма инвалидов в постсоциалистической Украине: НПО и гражданское общество между локальным и глобальным // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 43-60.

252. Флиер А.Я. Еще одна модель типологизации культуры // Вестник культуры и искусств. 2017. № 1(49).

253. Флиер А.Я. Ограничение безграничного (введение в дискуссию) // Культура культуры. 2015. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://cult-cult.ru/limiting-the-unlimited/> (дата обращения: 24.04.2017).

254. ФОМ «Тревожная масса». URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10171>.

255. Формирование инклюзивной организационной культуры: методологическое руководство / Пер. с англ. Е. Ярской-Смирновой, 2017. <https://publications.hse.ru/books/204746715>

256. Фофанов К. Социальная политика в сфере гендерных отношений (региональный аспект). – Саратов: ООО Научная книга, 2005. – 216 с.

257. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумов; под ред. И. Борисова. М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

258. Фуко М. Рождение биополитики / М. Фуко. М.: Наука, 2010. – 448 с.

259. Фукуяма Ф. Доверие // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология; под ред. В. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.

260. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Биbihина. – М.: Академический проект, 2010. – 460 с.

261. Хальбакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

262. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. – № 2-3. – С. 40-41.

263. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

264. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / О. Хеффе. М.: Гнозис; Логос, 1994. – 328 с.

265. Хохман Г., Хьюстон А. Приемные подростки: как им живется? 2003 / пер. Н. Ран. URL: <http://www.7ya.ru/articles/2084.aspx>

266. Хрестоматия по современной западной социологии второй половины XX века / под ред. Г. Зборовского. – Екатеринбург: УГППУ, 1996. – 160 с.

267. Хухлаев Е., Чибисова М., Шеманов А. Инклюзивный подход в интеграции детей-мигрантов в образовании / Е. Хухлаев, М. Чибисова, А. Шеманов // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20. № 1.

268. Чернега А. А. Социальное конструирование туристических достопримечательностей как фактор развития малых городов России: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04/ Чернега Артем Андреевич. – Санкт-Петербург, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/KPTkfQP4rG.pdf> (дата обращения: 28.02.2017).

269. Чикалова И. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – Т. 4. – №4. – С. 501-524.

270. Чимбулатов И. Времена и эпохи: Власти Москвы взялись реконструировать историю мира // Колокол России. 2017. 12.06. [Электронный ресурс] URL: <http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/vremena-i-epohi-vlasti-moskv-vzyalis-rekonstruirovat-istoriu> (дата обращения: 28.08.2017).

271. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни / Т. Шанин // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 101-116.

272. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 101-116.

273. Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики нашего дня / Т. Шанин // Вопросы философии. – 1997. – №11. – С. 55-72.

274. Шапинская Е.Н. Культурное наследие в (пост)современном ситискейпе: трансформация или деструкция? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 423-430.

275. Шевченко М. Полицию разогнать? // Аргументы и факты. – 2012. – №15. – С. 7.

276. Шипунова Т. Социальное исключение и воспроизводство преступности / Т. Шипунова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Том VIII. – №4. – С. 120-136.

277. Шкаратан О., Иняевский С. Новый средний класс на Западе / О. Шкаратан, С. Иняевский // Общественные науки и современность. – 2007. – №4. – С. 49-66.

278. Шкаратан О.И. Россия как цивилизация: материалы к размышлению. – М.: Редакция журнала «Мир России», 2015. – 464 с.

279. Шорина И. Доверие и право в гражданском обществе / И. Шорина // Вестник ТГУ. – 2012. – №. 3. – С.304-307.

280. Шуберт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 3-11.

281. Щеглова Е. Жизненные сценарии ветеранов войн в российском и западном кинематографе: визуально-социологический анализ // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 49-53.

282. Щепанская Т.Б. Антропология профессий / Т.Б. Щепанская // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI. – №1 (21). – С.139-161.

283. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.

284. Яacobсон Л. Социальная политика: коридоры возможностей / Л. Яacobсон // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 52-66.

285. Яницкий О.Н. Изменяющийся мир России: ресурсы, сети, места / О.Н. Яницкий // Мир России. – 2010. – №3. – С.5-12.

286. Яницкий О.Н. Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы) / Институт социологии РАН, Яницкий О.Н. // Официальный сайт ИС РАН – 2012. С. 33. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446> (дата обращения: 14.02.2017).

287. Яницкий О.Н. Социальные ограничения модернизации России / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2010. – №7. – С. 17-28.

288. Ярская В. Н. Дискурс времени как культурный код памяти и поколенческий контракт // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – 1 CD ROM. ISBN 978–5–904804–06–0

289. Ярская В.Н. Жизненный путь в постмодерн: пространство и время // Современное общество: территория постмодерна. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 199-209.

290. Ярская В. Инверсия времени жизни: детская биография городского происхождения // Социальные ориентиры современного города: здоровье, спорт, активный туризм. – Саратов: Изд. СГТУ, 2007. – С. 10-26

291. Ярская Валентина. Инверсия времени как механизм памяти в контексте культуры // Власть времени: социальные границы памяти. Сборник статей по материалам российской конференции Культура, время, память, на базе СГТУ и ЦСПГИ / Под ред. В.Н.

Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. – 223 с. / С. 5-18

292. Ярская В. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии; сб. ст. и научно-методических материалов. – Саратов: Научная книга, 2008. – С. 11-16.

293. Ярская В. Интеллигенция об интеллигенции: отмена гуманитаризации? // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное. Сер. Интеллигенция и современность. Выпуск XIII. Под общей ред. Ж. Тощенко. – М: РГГУ, 2012. – С. 430-442.

294. Ярская В.Н. Калейдоскоп времени. Следы биографии. – М. ООО «Вариант», 2015. С. 49.

295. Ярская В. Теория темпоральности в исследовательской оптике виртуальных сетей: анализ сплочённости // Вестник СГТУ. – 2015. – Вып. 81. – № 4. – С. 120-128.

296. Ярская В. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 46-53.

297. Ярская В.Н., Божок Н.С. Перспектива поколения: движение исторической реконструкции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 24.

298. Ярская В., Ловцова Н. Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. – 2010. – №2. – Т. 8. – С. 151-165.

299. Ярская В., Пашина Е., Медведев К. Социальная сплочённость виртуальных сообществ в фокусе качественных методов онлайн исследования / В. Ярская, Е. Пашина, К. Медведев // Вестник СГТУ. – 2014. – Вып. 77. – №4. – С. 149-157.

300. Ярская В., Шеляхина Н. Специальные социальные сети в интернете с ограничением пользовательского интерфейса / В. Ярская, Н. Шеляхина // Вестник СГТУ. – 2015. – №2(79). – С. 126-132.

301. Ярская В., Ярская-Смирнова Е. «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. – 2002. – №8. – С. 74-82.

302. Ярская В., Ярская-Смирнова Е. Инклюзивная культура социальных служб // Социологические исследования. – 2015. – №12. – С. 133-140.

303. Ярская В., Ярская-Смирнова Е. Социальная сплочённость: выбор идеологии и механизма реализации // Интеллигенция и идеалы российского общества. Сб. статей по материалам XI международной теоретико-методологической конференции. – М.: РГГУ. 2010. – С.150-159.

304. Ярская В.Н., Смирнова-Ярская Е.Р. 2016. Темпоральное неравенство социальной сплочённости: сетевой подход // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. С. 9136-9145 – (DVD ROM).

305. Ярская-Смирнова В. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблема анализа / В. Ярская-Смирнова // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т.1. – №1. – С. 11-28.

306. Ярская-Смирнова В.Н., Печёнкин В.В., Решетников Д.С. Визуализация сетевой структуры групповых отношений в контексте анализа социальной сплочённости / В.Н. Ярская-Смирнова, В.В. Печёнкин, Д.С. Решетников // Социология 4М: методология, методы, математическое моделирование. – 2014. – №39. – С. 40-61.

307. Ярская-Смирнова Е. Гендер в дискурсе социальной работы: анализ учебной литературы // Женщина в российском обществе. – 2006. – №3. – С. 17-32.

308. Ярская-Смирнова Е. Класс и гендер в дискурсе социального государства // Отечественный журнал социальной работы. – 2013. – №1. – С. 87-96.

309. Ярская-Смирнова Е. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. – 2001. – №5. – С.87-88.

310. Ярская-Смирнова Е., Карпова Г., Ворона М. Веселые, непонимающие и бессердечные? О феномене Питера Пэна // *Неприкосновенный запас*. – 2008. – №6(62). – С. 161-177.

311. Ярская-Смирнова Е., Печёнкин В. Сетевые подходы в анализе социальной сплочённости // *Вестник СГТУ*. – 2014. – № 4 (77). – С. 249-254.

312. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Проблема доступности высшего образования для инвалидов / Е. Ярская, П. Романов // *Социологические исследования*. – 2005. – № 10. – С. 48-56.

313. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Социальная антропология. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 387 с.

314. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплочённость: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики / Е.Р. Ярская-Смирнова, В.Н. Ярская // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2014. – Т. 17. – №. 4. – С. 41-61.

315. Abella M. (ed.) Turning points in labor migration. Special issue // *Asian and Pacific Migration Journal*, 1994. 3(1). – P. 46-74.

316. Adam A., Green E. Gender, agency, location and the new information society / A. Adam, E. Green // *Cyberspace divide: Equality, agency and policy in the information society*; ed. by B.D. Loader. – L., N.Y.: Routledge, 2008. – P. 83-97.

317. Andreeva T.M., Priorov N.N. Central Institute of Traumatology and Orthopedics / T.M. Andreeva, N.N. Priorov. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/234/30/lang,ru/>

318. Arts W., Gelissen J. Three worlds of welfare capitalism or more? A state-of-the-art report / W. Arts, J. Gelissen // *Journal of European Social Policy*. – 2002. – №12. – P. 138-159.

319. Atkinson T., Cantillion B., Marlier E., Nolan B. Social Indicators – The EU and Social Inclusion. Oxford: Oxford University Press, 2002. – 256 p.

320. Batori-Tartsi, Z. (2012) : personal email communication, July, 2012.

321. Bausch R., Serpe R. Negative outcomes of interethnic adoption of Mexican American children // *Social Work*, March. – 1997. – Vol. 42. – №2. – P. 136-143.

322. Beauvais C. and Jenson. Social Cohesion: Updating the State of the Research. CPRN Discussion Paper. – 2002. – № F/2.

323. Blau P. Exchange and Power in Social Life / P. Blau. – N.Y.: Wiley, 1986. – V. IX. – P. 218-237.

324. Blum D. Current trends in Russian youth policy // PONARS Policy Memo No. 384, 2005. P. 109. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pm_0384.pdf

325. Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique / P. Bourdieu // P. Bourdieu. Les choses dites. – Paris: Éditions de Minuit, THE-SIS, 1993. – P. 137-150.

326. Bryman A. Integrating quantitative and qualitative research: how is it done? / A. Bryman // *Qualitative Research*. – 2006. – №6. – P. 97-113. URL: <http://qrj.sagepub.com/cgi/content/refs/6/1/97>.

327. Burlando R. Ethics and economics: towards a solidarity based economy solidarity-based finance systems and responsible consumption contribute to social cohesion? // *Ethical, solidarity-based citizen involvement in the economy: a prerequisite for social cohesion Council of Europe*, December 2004. – P. 35-48.

328. Chan J. Reconstructing Social Cohesion: Developing a Definition and Analytical Framework for Empirical Research / J. Chan et.al. // *Social Indicators Research*. – January 2006. – Vol. 75. – No. 2.

329. Chytil, O. (2006): Czech Republic: Is Social Work a Science or Is It Just a Profession? In: *Social work and Society* 4, No. 2. www.socwork.net/sws/article/view/165/558.

330. Coser L., Coser R. Time Perspective and Social Structure / L. Coser, R. Coser // *The Sociology of Time*; ed. by J. Hassard. – University of Keele: London. – Macmillan, 1990. – 191 p.

331. Crawford, K./Walker, J./Granescu, M. (2006): Perspectives on Social Care Practice in Romania: Supporting the Development of Professional Learning and Practice. In: *British Journal of Social Work* 36, no. 3, pp. 485-498.

332. Crossette B. Millions of People Worldwide on the Move, in The Atlantic, 17 May 2004. URL: <http://www.theatlantic.com/foreign/unwire/crossette2004-05-17.htm>

333. Deutsch M. A theory of cooperation and competition / M. Deutsch // Human Relations. – 1949. – №2. – P. 129-152.

334. Diestel R. Graph Theory, Electronic Edition / R. Diestel. – N.Y.: Springer-Verlag, 2005. – 422 с.

335. Ditchев Ivaylo. Mobile citizenship? Ditchев. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2008-06-27-ditchев-en.html>

336. Domhoff William G., Cruz S. U.C. Social Cohesion & the Bohemian Grove. The Power Elite at Summer Camp. – Posted April 2005.

337. Domhoff William G., Cruz Santa / U.C. Social Cohesion & the Bohemian Grove. The Power Elite at Summer Camp. Posted April 2005.

338. Douglas D., Heckathorn D. Respondent-Driven Sample: A New Approach to the Study of Hidden Populations / D. Douglas, D. Heckathorn // Social Problems. – 1997. – Vol. 44. – № 2. – P. 174–199.

339. Easterly W., Ritzan J., Woolcock M. Social Cohesion, Institutions, and Growth / W. Easterly, J. Ritzan, M. Woolcock // Working Paper. – August 2006. – №94. – Washington: Center for Global Development. – P. 1-11.

340. Employment, Social Affairs, and Equal Opportunities: Social Protection and Social Inclusion. URL: http://ec.europa.eu/employment_social/spsi/the_process_en.htm.

341. Endruweit G., Trommsdorf G. (Hrsg.) Woerterbuch der Soziologie. – Stuttgart Ferdinand Enke, 1989. – P. 307-309.

342. Esping-Andersen G. The Tree Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 248 p.

343. Esser H. Die Mobilisierung ethnischer Konflikte. Migration-Ethnizität-Konflikt: Systemfragen und Fallstudien Herausgegeben von Klaus J.Bade. – Berlin: Universitätsverlag Osnabruck, 1996. – P. 63-87.

344. Ethical, solidarity-based citizen involvement in the economy: a prerequisite for social cohesion Council of Europe. – Vol. 12. – N.Y., 2004. – PP. 90-94.

345. European Commission (2011): Study on Social Services of General Interest. Final Report. ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=7688&langId=en.

346. Ferrera M., Hemerijck A. Recalibrating Europe's Welfare Regimes / M. Ferrera, A. Hemerijck // *Governing Work and Welfare in a New Economy. European and American Experiments*; ed. by J. Zeitlin, D.M. Trubek. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. – P. 88-128.

347. Fraser J.T. Time and Time Again. Reports from a Boundary of the Universe / J.T. Fraser // *Supplements to The Study of Time*; ed. by Paul Gifford School of Oriental and African Studies, London Deputy Editor Ingrid Lawrie The Mirfield Centre. V.1. Leiden – Boston: Brill, 2007. – 433 p.

348. Freed, A. O. (1995): Bulgarian social services and social work education. In: *International social work* 38, no. 1, pp. 39-51.

349. Friedkin N.E. Social cohesion / N.E. Friedkin. – *Annu. Rev. Sociol.*, 2004. – 409 p.

350. Fuchs St. *Ontological and Constructivist Observing* / St. Fuchs // *Ontologien der Moderne, Innovation und Gesellschaft*, Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2013. – P. 15-33.

351. Ganieva, M., Kim, L. (2011): The Development of Social Work in Uzbekistan: Characteristics, Challenges and Successes, In: Stanley, S. (Ed.): *Social Work Education in Countries of the East*. New York: Nova Science Publishers, pp. 580-598.

352. Green, B. (2006): Classing identity, identifying class: locating materialist / deconstructionist convergence, in: *Critical Sociology*, 32(4): 603–616

353. Groenningsaeter, Kiik (2009): Groenningsaeter, A.B. / R. Kiik (2009): 'My work is exciting' – social workers in Estonia compared to Norway. In: *European Journal of Social Work*, 12, no. 1, pp. 25-39.

354. Gurvitch G. The Problem of Time (The Spectrum of Social Time, Dordrecht: 1964) / G. Gurvitch // *The Sociology of Time*; ed. by J. Hassard. – University of Keele. – L.: Macmillan, 1990. – 184 p.

355. Guzzetta, Charles (1995): Central and Eastern Europe. In: Watts, T. D./ Mayadas, N. S. (Eds.): International Handbook on Social Work Education. Westport, Conn.: Greenwood Press, pp. 191-210.
356. Hampton K., Wellman B. Neighboring in Netville: How the internet supports community and social capital in a wired suburb / K. Hampton, B. Wellman // City and Community. – 2003. – No. 2(4). – P. 277-311.
357. Haney, L. (2002): Inventing the Needy: Gender and the Politics of Welfare in Hungary. Berkeley: University of California Press.
358. Helly D., Robert F. Barsky et Patricia Foxen. Social Cohesion and Cultural Plurality, 2003. URL: <http://classiques.uqac.ca/>.
359. Hilbrich R. Applicability of Graph Metrics when Analyzing Online Social Networks / R. Hilbrich // Current Issues in IT-Management. January 6, 2008. –269 p.
360. Hill M. Understanding Social Police / M. Hill. – N.Y.: John Wiley & Sons, 2003. – 320 p.
361. Homans G. Social Behaviour as Exchange / G. Homans. – N.Y., Harcourt, 1974. – 427 p.
362. Humphreys, N. A./Haroutunian, L./Drachman, D./Paulino, A. (2004): Armenian Refugees and Displaced Persons and the Birth of Armenian Social Work. In: Immigrants and Social Work: Thinking Beyond the Borders of the United States 2, no. 1-2, pp. 31-48.
363. Hussein, S. (2011): Social Work Qualifications and Regulation in European Economic Area (EEA). Final Report. General Social Care Council and Skills for Care and Development. www.kcl.ac.uk/sspp/departments/sshm/scwru/pubs/2011/hussein2011eea.pdf.
364. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. (2012): Doing class in social welfare discourses: ‘unfortunate families’ in Russia. In: Salmenniemi, S. (Ed.): Rethinking class in Russia. Farnham: Ashgate, pp. 85-105.
365. Iarskaia-Smirnova, E. (2011b): Professional Ideologies in Russian Social Work: Challenges from Inside and Outside. In: Stanley, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 425-448.

366. Iarskaia-Smirnova, E./Romanov, P. (2009): Multiplicity and Discontinuity in the Soviet Welfare History (1940-1980). In: Hering, S. (Ed.): Social Care under State Socialism (1945-1989). Opladen: Budrich, pp. 213-225.
367. Iarskaia-Smirnova, E., Romanov, P. (2008): Gendering social work in Russia: towards anti-discriminatory practices. In: Equal Opportunities 27, no. 1, pp. 64-76.
368. Khachatryan, A. (2011): Social Work Education in Armenia. In: Stanly, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 1-11.
369. Khairi R. Visualizing the Evolution of Community Structures in Dynamic Social Networks. Dept of Computer Science, Uni of Illinois at Chicago, USA Eurographics / R. Khairi, Ch. Tantipathananandh, A. Johnson, J. Leigh, T. Berger-Wolf // IEEE Symposium on Visualization 2011; 350 Main Street, Malden, MA 02148, USA. V. 30. – 2011. – №3. P. 251-293.
370. Kim, L., Isayeva, D. (2012): personal email communication, July 2012.
371. Krzyszkowski, J. (2004/2005): Social Services System in Poland I.U.C. In: Journal of Social Work Theory and Practice, no. 10. www.bemidjstate.edu/academics/publications/social_work_journal/issue10/articles/6_Poland.htm.
372. Kurbanbekova, Z. (2012): personal email communication, July 2012.
373. Lenoir R. Les exclus, un français sur dix / R. Lenoir. – Paris: Seuil, 1974. – 371 p.
374. Marshall T.H. Citizenship and Social Class / T.H. Marshall // Inequality and society; ed. by J. Manza, M. Sauder. – N.Y.: W.W. Norton and Co, 2009. – P. 148-154.
375. Marshall T.H. The Right to Welfare and Other Essay / T.H. Marshall. – London: Heinemann Educational Books, 1981. – 284 p.
376. McInnes, A. (2012) Why should they listen to me? Developing social work education and social work in Tajikistan. In: International Social Work, June 11, 2012 (online version)

377. Milgram S. The small world problem / S. Milgram // *Psychology Today*. – 1967. – № 1. – P. 60-67.

378. Mislove A. Measurement and analysis of online social networks / A. Mislove, M. Marcon, K. Gummadi, P. Druschel, B. Bhattacharjee // *Proceedings of the 7th ACM SIGCOMM conference on Internet measurement*, 2007. – P. 29-42.

379. Montague, J./Morgan, J./Sommerville, A. (2008): Travelling on an East-West Social Work Journey: Issues in Trans-National Collaborative Working. In: Salustowicz, P. (Ed.): *Social Policy and Social Work: From an International Development Perspective*. Berlin: LitVerlag, pp. 233-246.

380. Mukhtarova, S./Kozhamkulova, L./Sudakova, G. (2012): personal email communication, July 2012.

381. Myers D.G. *Social Psychology* – 7th ed. / D.G. Myers. – 2002. – 280 p.

382. Omariba W. Social cohesion on Europe: a bibliography. Strasbourg / W. Omariba // *Development and change*. – 1996. – Vol.27. – №2. – P. 153-204.

383. Orozova, R. (2012): personal email communication, July 2012.

384. Pawelek, K. (2008): Ethical Dilemmas in Social Work – the Polish Situation, I.U.C. In: *Journal of Social Work Theory and Practice* 17, no. 7. www.bemidjstate.edu/academics/publications/social_work_journal/issue17/articles/pawelek_katarzyna_final.htm.

385. Peer Review in Social Protection and Social Inclusion and Assessment in Social Inclusion, 2014. URL: <http://www.peer-review-social-inclusion.eu/peer-reviews>.

386. Rajabov, T. (2011): Social work in Azerbaijan: development in the post-Soviet era. In: Stanley, S. (Ed.): *Social Work Education in Countries of the East*. New York: Nova Science Publishers, pp. 13-25.

387. Rajabov, T. (2012): personal email communication, July 2012.

388. Reda K. Visualizing the Evolution of Community Structures in Dynamic Social Networks. Department of Computer Science, University of Illinois at Chicago, USA Eurographics / K. Reda, Ch.

Tantipathananandh, A. Johnson, J. Leigh, T. Berger-Wolf // IEEE Symposium on Visualization 2011 (EuroVis 2011); Journal compilation 2011 The Eurographics Association and Blackwell Publishing Ltd., 9600 Garsington Road, Oxford OX4 2DQ, UK and 350 Main Street, Malden, MA 02148, USA. Vol.30. – №3. – N.Y., 2011.

389. Rek-Woźniak, M. (2010): Social workers in Poland – missionaries, professionals and working poor. Budapest: 8th Conference ESPAnet.

390. Robertson D., Hillman J. Widening Participation in higher education for students from lower socio-economic groups and students with disabilities, Report 6 for the National Committee of Inquiry into Higher Education. URL: www.leeds.ac.uk/educol/niche/report.

391. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // Global Modernities; ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – L.: Sage, 1995. – P. 86-98.

392. Roche M. Rethinking Citizenship, Welfare Ideology and Change in a Modern Society / M. Roche. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 410 p.

393. Romanov, P. (2008): Quality Evaluation in Social Services: Challenges for New Public Management in Russia. In: G. Peters (Ed.). Mixes, Matches, and Mistakes: New Public Management in Russia and the Former Soviet Republics. Budapest: LGI, OSI, pp. 9-53

394. Rouble B. Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv / B. Rouble. – Washington: D.C., Baltimore, 2005. – 392 p.

395. Ruchin V.A. Youth socialization in contemporary Russia: Theory and Practice / V.A. Ruchin // Forum of educational administration. – National Ping Tong University (Taiwan). – 2012. – №12. – P. 37-74.

396. Sala A., Cao L., Wilson Ch., Zablit R., Zheng H. and. Zhao B. Y. Measurement-calibrated Graph Models for Social Network Experiments, April 26–30, 2010, Raleigh, North Carolina, USA. – 2010.

397. Schild H. Social Cohesion and Inclusion of young people. URL: <http://youth-partnership-eu.coe.int/youth-partnership/documents/Publications/Coyote.pdf>.

398. Schilde, K./Schulte, D. (2005): *Need and Care – Glimpses into the Beginnings of Eastern Europe's Professional Welfare*. Opladen: Budrich.
399. Schmidt, V. (2012): personal email communication, July 2012.
400. Seifert, R. (2012): personal email communication, correspondence, July 2012.
401. Shen Z., Ma K.-liu, and Eliassi-Rad T. Visual Analysis of Large Heterogeneous Social Networks by Semantic and Structural Abstraction // *IEEE Transaction on Visualization and Computer Graphics*, Special Issue on Visual Analytics. – 2006 – Vol. 12. – No. 6. – P. 1427-1439.
402. *Social Policy* / ed. by J. Baldock, N. Manning, S. Miller, S. Vickerstaff. N.Y.: Oxford University Press, 1999. – 624 p.
403. Sorokin P., Merton R. *Social Time: A Methodological and Functional Analysis* / P. Sorokin, R. Merton // *The Sociology of Time*; ed. by J. Hassard. – N.Y.: St.Martin's Press, 1990. – P. 56-66.
404. Spencer H. *The principles of sociology*: Vol. 1–3 / H. Spencer. – Transaction Publishers, 2002. – P. 444-461.
405. Spiliotopoulos T., Oakley I. Understanding motivations for facebook use: usage metrics, network structure, and privacy / T. Spiliotopoulos, I. Oakley // *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. – 2013. – P. 3287-3296. URL: <http://tasos-spiliotopoulos.com/publicationsassets/ CHI13-Spiliotopoulos-FacebookMotivations.pdf>.
406. Stanley D. Holding the centre: what we know about social cohesion / D. Stanley // *Strategic Research and Analysis and the Social Cohesion Network*. Strasbourg // *Development and change*. – 1996. – Vol.27. – № 2. – P. 172-198.
407. Swindell 2004: Swindell, M.L. (2004) *Running Head: Social Work Developments in Lithuania*. In: *Social Work & Society*. 2, no.2, available at <http://www.socwork.net/sws/article/view/226/457>
408. Tang J., Musolesi M., Mascolo C., Latora V. *Temporal Distance Metrics for Social Network Analysis*. WOSN'09, August 17, 2009. – Barcelona, Spain. – PP. 142-151.

409. Tett G. Future funding strategies could prove attest of patriotism. Financial Times / G. Tett. Jan12, 2010. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6e63d044fbf611de9c2900144feab49a.html#clickcheck>.

410. Tett, Gillian. Future funding strategies could prove attest of patriotism. FinancialTimes. Jan12, 2010. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/6e63d044fbf611de9c2900144feab49a.html#clickcheck>

411. The Impact of The Network Society Upon A Social Temporal Consciousness Chris Speed Edinburgh College Of Art Lauriston Place, University Of Edinburgh, 2015.

412. Thorning (2012): Thorning, H., Shibusawa, T., Lukens, E., Fang, L. Developing a Train-the-Trainer (TTT) model for social work education in Kazakhstan. In; International Social Work May 22, 2012 (online version)

413. Ulbricht, C. (2008): Social Assistance Legislation and the Status of Social Workers in Armenia. pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADS652.pdf.

414. UNDP Turkmenistan (n.d.): Term of Reference. Training of social workers. www.undptkm.org/files/ads/TOR_Social%20service%20training.doc.

415. UNICEF Tajikistan (n.d): Child Protection. www.unicef.org/tajikistan/protection_4684.html.

416. Urban S. A civic commitment to the economy: how can solidarity-based finance systems and responsible consumption contribute to social cohesion? // Ethical, solidarity-based citizen involvement in the economy: a prerequisite for social cohesion Council of Europe. 2004. – P. 20-25.

417. USAID (2008): Social Work Education and the Practice Environment in Europe and Eurasia. communities.usaidallnet.gov/st/node/6.

418. Van Ham F., Schulz H.-J., and Dimicco J. M. Honeycomb: Visual Analysis of Large Scale Social Networks. IBM TJ Watson Research Center, Cambridge, MA 02142, USA University of Rostock, Rostock, Germany.

419. Varlamis I., Eirinaki M., Louta M. A study on social network metrics and their application in trust networks in Proc. of the 2010 International Conference on Analysis of Social Networks and Mining (ASONAM 2010), August 2010, Odense, Denmark. – P. 168-175.

420. Varžinskienė, L. (2009): The Impact of Legal Regulation on the Formation of a Status of Social Work Profession. In: Socialinis Darbas, no. 1, pp. 124-132.

421. Waaldijk, B. (2011): Social Work Between Oppression and Emancipation. Histories of Discomfort and Inspiration in Europe. In: Social work and society 9, No. 2. www.socwork.net/sws/article/view/272/465.

422. Wejnert C. An empirical test of respondent-driven sampling: point estimates, variance, degree measures, and out-of-equilibrium data / C. Wejnert // Sociological methodology. – 2009. – Vol. 39. – №1. – P. 73–116.

423. Whitestone K. Widening Participation: education, equality and the economy // Social inequality and education: the problem, research, action: Proceedings of an international workshop. – N.Y.: Mountry, 2001. – P. 13-27.

424. World Bank (2011): Improving Social Assistance in Armenia. go.worldbank.org/Y41Y995EH0.

425. Worrall, J. (2011) The International Transmission of Social Work Knowledge: The Deinstitutionalization of Children in Tajikistan. In: Stanley, S. (Ed.): Social Work Education in Countries of the East. New York: Nova Science Publishers, pp. 525-541.

426. Yarskaya V. Social Cohesion: the Experience of Regional Studies / V. Yarskaya // Contemporary preoccupations of Social And Human Sciences in the context of mentality transformation. – December 11-12th, 2015, Moldova, Chisinau, ULIM.

427. Yarskaya-Smirnova V. Inclusion as a Strategy of the Youth Policy / Conference Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology «Sociology on the Move» Gothenburg, 2010S02963, Sweden, 11-17 July, 2010. – P. 543-549.

428. Zaviršek, D (2008): Engendering Social Work Education under State Socialism in Yugoslavia. In: British Journal of Social Work 38, no. 4, pp. 734-750.

429. Ziverte, L., Laiveniece, E. (2003): Social Work Education in Latvia. In: European Journal of Social Work 6, no. 1, pp. 102-106.

Научное издание

**Социальная сплочённость как категория темпорализма
в контексте современности**

Коллективная монография

Подписано в печать 26.09.2017.
Печ. листов 29,25 Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 245.

ООО «Вариант»
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19

